

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies
(Elista)

T. 16
№ 3
2024

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2024. Т. 16. № 3

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал «**Монголоведение**» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Калмыцкий научный центр

Российской академии наук, 2024

© Коллектив авторов, 2024

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration ПИ No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

Главный редактор
канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук **А. Алимаа**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук **Б. В. Базаров**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

канд. филол. наук **А. Т. Баянова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);

д-р филол. наук **И. В. Булгутова**, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **С. В. Джундужузов**, Оренбургский государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург);

д-р ист. наук **Н. Л. Жуковская**, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **Д. Н. Музраева**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **В. Н. Мушаев**, Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО
РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **У. Б. Очиров**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **А. М. Плеханова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);

д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия,
г. Элиста);

канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Переводчик: Б. О. Номинханова
Верстка: А. Н. Когданов
Ответственный секретарь: С. В. Мирзаева

Editor-in-Chief:

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista)

Editorial Board:

- A. Alimaa**, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- B. V. Bazarov**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- A. T. Bayanova**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- A. Birtalan**, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Budapest, Hungary);
- I. V. Bulgutova**, Dr. Sc. (Philology), Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia);
- L. S. Dampilova**, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- S. V. Dzhundzhuzov**, Dr. Sc. (History), Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia);
- C. Humphrey**, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- R. M. Khaninova**, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- N. Khishigt**, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- L. V. Kuras**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- V. N. Mushaev**, Dr. Sc. (Philology), Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
- D. N. Muzraeva**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- U. B. Ochirov**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- K. V. Orlova**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- A. M. Plekhanova**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- G. Ts. Pyurbeev**, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia);
- A. D. Tsendina**, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- N. L. Zhukovskaya**, Dr. Sc. (History), Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia);
- G. M. Yarmarkina**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia).

Translator: B. O. Nominkhanova

Page layout: A. N. Kogdanov

Executive Secretary: S. V. Mirzaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Орлова К. В.* Экономический совет Монголии: к 100-летию учреждения 422
- Юсупова Т. И.* Первый Конгресс монголоведов-филологов в Улан-Баторе (1959 г.) в идеологических контекстах Холодной войны 434
- Лузянин С. Г., Куишов Б. Х.* Субрегиональная система «Россия – Монголия – Китай»: транспортные и культурно-цивилизационные измерения 447

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Джунджузов С. В.* Влияние откочевки подданных наместника Калмыцкого ханства в Китай в 1771 г. на калмыцкие поселения Оренбургской губернии 461
- Цыбенков Б. Д., Гомбоев Б. Ц.* К вопросу о реквизиции учащихся буддийских духовных школ и монашествующих на военно-тыловые работы в период Первой мировой войны (1916–1917 гг.) (на основе материалов Государственного архива Республики Бурятия) 478
- Ершов С. Г.* Военнослужащие Красной армии из Калмыкии в боях за Белоруссию: историко-статистическое исследование 490

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Жабон Ю. Ж.* К истории создания «Атласа тибетской медицины» (XVII в.): источниковедческие аспекты 512
- Митруев Б. Л.* Подделки печатей калмыцких правителей 526
- Бобров Л. А.* Портрет хэшо Го-цингвана Юньли, как источник по вооружению и конскому снаряжению ойратов и их соседей первой половины XVIII в. 547

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

- Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З.* Образы Плеяд в представлениях тюрко-монгольских народов 563

ЛИНГВИСТИКА

- Есенова Г. Б., Есенова Т. С.* Концепт «родина» в калмыцком языке (на лексикографическом и фольклорном материале) 577
- Хилханова Э. В.* Языковой ландшафт Улан-Батора: о чем говорят знаки и люди 591

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Ханинова Р. М.* Ятха в калмыцком фольклоре и лирике XX в.: поэтика музыкального инструмента 610

CONTENTS

GENERAL HISTORY

<i>Orlova K. V.</i> Economic Council of Mongolia: on the 100 th Anniversary of its Establishment	422
<i>Yusupova T. I.</i> The Congress of Mongolologists-Philologists in Ulanbaatar (1959) in the Ideological Contexts of the Cold War	434
<i>Luzyanin S. G., Kushkhov B. Kh.</i> Subregional System “Russia – Mongolia – China”: Transport and Cultural-Civilizational Dimensions	447

NATIONAL HISTORY

<i>Dzhundzhuzov S. V.</i> The Influence of the Migration of the Governor’s Subjects from Kalmyk Khanate to China on the Kalmyk Settlements of Orenburg Province in 1771	461
<i>Tsybenov B. D., Gomboev B. Ts.</i> On the Issue of Mobilization of Buddhist Theological School Students and Monastics for Military Rear Work during the First World War (1916–1917) (based on Materials from the State Archives of the Republic of Buryatia)	478
<i>Ershov S. G.</i> Red Army Soldiers from Kalmykia in the Battles for Belarus: a Historical and Statistical Study	490

SOURCE STUDIES

<i>Zhabon Yu. Zh.</i> On the History of Creation of the Atlas of Tibetan Medicine (17 th century): source aspects	512
<i>Mitruiev B. L.</i> Forgeries of the Seals of the Kalmyk Rulers	526
<i>Bobrov L. A.</i> The Portrait of heshuo Guo-qinwang Yunli as the Source for Weapons and Horse Equipment of Oirats and their Neighbors in the first half of the 18 th Century	547

ETHNOLOGY & ANTHROPOLOGY

<i>Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z.</i> Images of the Pleiades of the Turkic and Mongolic Peoples	563
---	-----

LINGUISTICS

<i>Esenova G. B., Esenova T. S.</i> The Concept of “Homeland” in the Kalmyk Language (based on lexicographic and folklore material)	577
<i>Khilkhanova E. V.</i> The Linguistic Landscape of Ulaanbaatar: what Signs and People tell about	591

FOLKLORE STUDIES

<i>Khaninova R. M.</i> Yatkha in Kalmyk Folklore and Lyrics of the 20 th Century: the poetics of a musical instrument	610
--	-----

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Iss. 3, pp. 422–433, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-422-433

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(517)

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-422-433

Экономический совет Монголии: к 100-летию учреждения

Кеемя Владимировна Орлова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник

 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Орлова К. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В 2024 г. исполняется 100 лет со дня основания Экономического совета Монголии, решение об образовании которого в составе министерства финансов было принято на заседании Народного правительства 18 ноября 1924 г. Фактически его деятельность началась 3 февраля 1925 г. Основная цель его создания состояла в координации деятельности хозяйственных органов, разработке и планировании экономической и финансовой политики и перспектив экономического развития страны. Экономический совет Монголии функционировал до 1932 г., за период деятельности организации сменилось четыре руководителя. В июле 1932 г. на XVII чрезвычайном заседании Малого Хурала экономический совет был реорганизован в Государственное управление планирования и государственного учета при совете министров страны. К работе Экономического совета привлекались и советские специалисты — Е. А. Стулов (как советник), А. Д. Симук и др. *Цель* статьи — предварительный обзор деятельности Экономического совета, описание основных форм его работы. *Материалы.* В статье использованы материалы Государственного Национального архива Монголии, опубликованная научная литература. *Выводы.* Основная цель создания Экономического совета состояла в координации деятельности хозяйственных органов, разработке и планировании экономической и финансовой политики и перспектив экономического развития страны. Если рассматривать с этой точки зрения, то совет, функционировавший всего восемь лет (1924–1932), лишь частично осуществил главные задачи. Однако полноценно судить о деятельности главной экономической институции в тот период пока не представляется возможным в силу недостаточности документов из монгольских и российских архивов. Большую роль в работе Экономического совета сыграли советские специалисты — советник Е. А. Стулов, сотрудники Ученого Комитета Монголии, Экономического совета, в частности его руководитель Г. Нанзад.

Ключевые слова: Монголия, экономический совет, Е. А. Стулов, хозяйственное управление, административное районирование

Благодарность. Автор выражает глубокую благодарность профессору Н. Хишигт, академику Монгольской академии наук Ц. Батбаяру, магистру Института истории и этнологии Монгольской академии наук Г. Баттушиг за ознакомление с материалами

Государственного национального архива Монголии и научными публикациями на монгольском языке.

Для цитирования: Орлова К. В. Экономический совет Монголии: к 100-летию образования // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 422–433. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-422-433

Economic Council of Mongolia: on the 100th Anniversary of its Establishment

Keemya V. Orlova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), PhD (Philology), Chief Research Associate
 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Orlova K. V., 2024

Abstract. *Introduction.* 2024 marks the 100th anniversary of the founding of the Economic Council of Mongolia, the formation of which as part of the Ministry of Finance was adopted at a meeting of the People's Government on November 18, 1924. In fact, its activities began on February 3, 1925. The main purpose of its creation was to coordinate the activities of economic bodies, develop and plan economic and financial policies and prospects for the economic development of the country. The Economic Council of Mongolia functioned until 1932, during the period of the organization's activity four heads were replaced. In July 1932, at the 17th extraordinary meeting of the Small Khural, the Economic Council was reorganized into the State Department of Planning and State Accounting under the Council of Ministers of the country. Soviet specialists were also involved in the work at the Economic Council — E. A. Stulov (as an adviser), A. D. Simukov, etc. *The purpose* of the article is a preliminary overview of the activities of the Economic Council, highlighting the main forms of its work. The article uses *materials* from the State National Archive of Mongolia, published scientific literature. *Conclusions.* The main purpose of the creation of the Economic Council was to coordinate the activities of economic bodies, develop and plan economic and financial policies and prospects for the economic development of the country. Viewed from this point of view, the council, which functioned for only eight years (1924–1932), only partially fulfilled its main tasks. However, it is not yet possible to fully judge the activities of the main economic institution at that time due to the insufficiency of documents from the Mongolian and Russian archives. Soviet specialists, Advisor E. A. Stulov, employees of the Scientific Committee of Mongolia and the Economic Council, in particular its head G. Nanzad, played a major role in the work of the Economic Council. **Keywords:** Mongolia, Economic Council, E. A. Stulov. Economic Management, Administrative Zoning

Acknowledgements. The author expresses deep gratitude to Professor N. Khishigt, academician of the Mongolian Academy of Sciences Ts. Batbayar, Master of the Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences G. Battushig for introduction with the materials of the State National Archive of Mongolia and scientific publications in the Mongolian language.

For citation: Orlova K. V. Economic Council of Mongolia: on the 100th Anniversary of its Establishment. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (3): 422–433. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-422-433

1. Введение

В 2024 г. исполняется 100 лет со дня основания Экономического совета Монголии (далее — ЭКОСО, Совет, Экономсовет), решение об образовании

которого было принято на заседании Народного правительства 18 ноября 1924 г. Фактически его деятельность началась 3 февраля 1925 г. [История МНР 1983: 352; История социалистической экономики 1987: 26; Монгол улсын Сангийн...]. Основная цель создания Совета состояла в координации деятельности хозяйственных органов, разработке, планировании экономической и финансовой политики и перспектив экономического развития страны [История МНР 1983: 352; БНМАУ-ын II их хурал 2009]. Цель статьи — предварительный обзор деятельности Совета за период его работы.

2. Материалы

Основными источниками послужили материалы Государственного Национального архива Монголии, опубликованная научная литература. К сожалению, научных исследований по ЭКОСО практически нет, имеются лишь краткие упоминания о его создании и деятельности (см., например: [История МНР 1983: 352; История социалистической экономики 1987: 16, 26; Монголия в документах 2019: 133]). В 2023 г. в пяти томах опубликован фундаментальный труд «Монгол улсын түүх. XX–XXI» («История Монголии. XX–XXI вв.»), во втором томе которого лаконично представлена информация об этой организации [Монгол улсын түүх 2023: 174–175].

3. Экономический совет Монголии

Первоначально ЭКОСО был создан при министерстве финансов [Монгол улсын Сангийн...]. Однако со временем экономсовет был передан в ведение правительства страны [Монгол улсын түүх 2023: 174]. Уполномоченный Коминтерна Т. Р. Рыскулов на заседании Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (далее — ИККИ) выступил 2 ноября 1924 г. с докладом «О политическом и экономическом положении МНР и о задачах партийного и государственного строительства МНР в ближайшее время», где в частности отметил: «... с первых дней пришлось, при рассмотрении в Цека хозяйственных вопросов, когда они хотели Эконом[ический] Совет создать при Минфине, сказать, что это неправильно но, и убедить организовать его при правительстве, но с правами, как и у нас, и с введением в состав Экономсовета нашего фин[ансового] советника» [Монголия в документах Коминтерна, I 2012: 119]. В том же докладе он сослался на аргументы Ц. Жамцарано, изложенные им на II съезде Монгольской народной партии (1923 г.): «министерству финансов просто некогда заниматься экономической политикой: то надо ордер-мордер подписывать, то надо часами обсуждать вопрос о том, можно ли вырубить три елки для украшения парада, и т. д. Транспорт плох. Мука в Верхнеудинске стоит 3 руб., а в Урге 5 руб. Почему это? А потому, что по пути сюда воз сажится 5 раз в грязь, 10 раз в воду и все это благодаря плохой дороге...» [Монголия в документах Коминтерна, I 2012: 127]. Вердикт, который выносит съезд по «хозяйственной перспективе»: «улучшить охрану лесов в пограничных районах; рубку леса в районе р. Толы запретить; взимание пошлин с сучьев, верхушек, пней и проч. понизить или совсем уничтожить и т. п.» [Монголия в документах Коминтерна, I 2012: 127]. Соответственно Ц. Жамцарано заключает: это решение «носит мелочный характер, не дающий никакой перспективы в экономической политике» [Монголия в документах Коминтерна, I 2012: 127]. Его высказывание подтверждается справкой главного

инструктора Главной внутренней охраны¹ (ГВО) МНР (годы работы в ГВО: 1926–1927) и представителя Объединенного главного политического управления при СНК СССР (ОГПУ²) Я. Г. Блюмкина, которую он дал о новом составе монгольского правительства: «Эконом. совет есть тот орган, который утверждает сметы и штаты различных ведомств, который может видоизменять последние и т. п. Это значит, что можно ожидать со стороны Амара (в тот период руководитель ЭКОСО. — К. О.), под флагом провозглашенного „режима экономии“, сокращения штатов различных ведомств, инструкторских должностей и т. п. Последнее становится особенно вероятным, если вспомнить, что весной этого года (имеется в виду 1927 г. — К. О.) Эконом. совет без Амара постановил произвести такое сокращение (несмотря на утверждение его бюджетной комиссией и правительством) штата ГВО, которое означало его фактическую ликвидацию. Тогда понадобился исключительный нажим..., чтобы добиться отмены такого решения» (док. 63. Приложение: [Монголия в документах 2019: 133]). Фактически Экономсовет в основном занимался вопросами, не имеющими прямого отношения к экономическим проблемам государства, а именно: координацией деятельности хозяйственных органов, разработкой и планированием экономической политики и перспективами экономического развития страны. Вероятно, выступления Т. Р. Рыскулова, Ц. Жамцарано и справка Я. Г. Блюмкина повлияли на передачу ЭКОСО в ведение правительства страны.

Первым председателем был избран М. И. Амагаев³, в состав, помимо председателя, вошли член Совета (Ц. Жамцарано), секретарь (Данга), две машинистки и одна машинистка с русским языком [МУУТА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 31. Л. 3–4; Монгол улсын Сангийн...; Монголия в документах 2019: 133; Монгол улсын түүх 2023: 174].

5 февраля 1925 г. состоялось первое заседание совета, на котором обсуждались: сметы финансовых доходов и расходов государства, министерств, самого совета; привлечение специалистов к его работе; постановления и решения ЭКОСО утверждать на заседаниях и только затем выносить на утверждение в правительство [МУУТА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 31 Л. 3–4; Монгол улсын түүх 2023: 174]. Так, по документам Государственного Национального архива Монголии было проведено всего 225 заседаний:

- 1925 г. — 37 заседаний;
- 1926 г. — 30 заседаний;
- 1927 г. — 34 заседаний;

¹ ГВО (Государственная внутренняя охрана, монг. *Дотоодыг хамгаалах газар*) — специальная служба, созданная в 1922 г. для борьбы с внутренней контрреволюцией и обеспечения государственной безопасности.

² Объединенное государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР — специальный орган государственной безопасности СССР.

³ Амагаев (Амугаев, Амуга) М. И. (1897–1944), член Российской социал-демократической рабочей партии с 1917 г., с 1923 г. по 1925 г. — председатель ЦИК и Госплана Бурят-Монгольской АССР, с 1929 г. по 1927 г. и с 1929 г. по 1930 г. — уполномоченный Коминтерна при Центральном комитете Монгольской народно-революционной партии, с 1925 г. председатель Экономического совета Монголии и советник министерства финансов МНР по совместительству. Арестован в 1937 г., приговорен к 8 годам в исправительно-трудовом лагере в 1940 г., умер в заключении в 1944 г., реабилитирован в 1956 г. [Рощин 1999: 140; Монголия в документах 2019: 413].

– 1928 г. — 27 заседаний;
 – 1928 г. — 27 заседаний;
 – 1929 г. — 37 заседаний;
 – 1930 г. — 21 заседаний;
 – 1931 г. — 9 заседаний;
 – 1932 г. — 3 заседаний [МУУТА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 31. Л. 18, 32, 62, 78–79, 105–106, 113–114, 116, 177].

В 1926 г. структура Совета увеличилась до 11¹ сотрудников: председатель, член Совета, опытный (квалифицированный) член², регистратор (или учетчик), посыльный, секретарь, переводчик высшей квалификации, помощник, два писца, машинистка, дежурный офицер, пожарный [МУУТА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 31 Л. 3–4]. В том же году общие расходы Совета составили 30 677 тугриков 59 мунгов³, из них на зарплату — 14 340 тугриков, канцелярские расходы — 976 тугриков 22 мунга, квартирные расходы — 1 572 тугрика 50 мунгов, расходы на имущество и ремонт — 10 000 тугриков, иные затраты — 2 788 тугриков 87 мунгов [МУУТА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 31 Л. 1–1об.; Монгол улсын түүх 2023: 175].

За период деятельности структура организации менялась несколько раз. В 1926 г. в ведение одного из отделов ЭКОСО было передано министерство контроля; в 1927 г. в состав организации вошел отдел статистики; в 1929 г. в ведение ЭКОСО передана строительная кооперация, которая была выведена из министерства народного хозяйства; в 1930 г. в рамках организации было основано бюро планирования; в 1931 г. учреждено управление по инженерному строительству [МУУТА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 31 Л. 1–2].

За период деятельности организации сменилось четыре руководителя, не считая М. И. Амагаева: А. Амар⁴, Гомбожав⁵, Г. Нанзад⁶, Жигжиджав⁷. К работе в

¹ Хотя согласно подсчету 13 человек.

² Как следует из выступления Т. Р. Рыскулова, возможно, под опытным или квалифицированным членом Совета имеется в виду финансовый советник.

³ Мунга (монг. *мөнгө*) — монгольская разменная денежная единица, сотая часть тугрика, выведена из обращения в 2014 г.

⁴ Амар Агданбуугийн (1886–1939/1941?) — член Монгольской народной партии с 1923 г., первый вице-премьер Малого государственного Хурала (1924), министр иностранных дел, министр внутренних дел, министр народного хозяйства, заместитель главы правительства (1923–1928), выполнял в этот же период обязанности главы ЭКОСО, премьер-министр (1928–1930, 1936–1939), председатель Комитета наук (1930–1932), председатель президиума Малого государственного Хурала (1932–1936). Арестован в 1937 г., расстрелян в 1941 г., реабилитирован в 1962 г. [Болдбаатар 2004: 20–23; Рошин 1999: 175, 176; Монголия в документах 2019: 434].

⁵ Гомбожав — сведений о нем не выявлено.

⁶ Нанзад Гомбын (1898–1938) — с 1925 г. писарь, инструктор, чиновник хошунного управления, в 1928 г. — председатель комитета ревсомола аймака Хан-Хэнтэй-ул, затем председатель ревизионной комиссии Улан-Баторского отделения Монценкоопа, в том же году избран членом президиума Центрального комитета Монгольской народно-революционной партии, в 1928/1929–1929/1930 г. — руководитель ЭКОСО, в 1930 г. — председатель Монгольского союза потребителей. В 1937 г. во время поездки в Москву по торговым делам был арестован по обвинению в контртеррористической деятельности, в 1937 г. расстрелян, в 1964 г. реабилитирован [Болдбаатар 2004: 219; Монголия в документах 2019: 441].

⁷ Жигжиджав Цэнгэлтийн (1894–1933) — член МНРП (с 1925 г.), председатель Монценкоопа (1928–1930), премьер-министр (1930–1932), министр торговли, про-

ЭКОСО привлекались и советские специалисты — Е. А. Стулов (как советник), А. Д. Симуков, С. А. Кондратьев (как сотрудники Ученого комитета Монголии), Ц. Жамцарано и др.

Так, Е. А. Стулов в качестве советника ЭКОСО был направлен в Архангайский аймак для выяснения сложной ситуации в связи со вспыхнувшим в 1932 г. восстанием. За короткий промежуток времени он не только досконально разобрался, но и квалифицированно объяснил его причины и дал соответствующие рекомендации центральным и местным органам власти Монголии (подробнее см.: [Орлова 2022: 941–945]). По возвращении из Монголии он развернуто изложил свое видение о сложившейся обстановке в «Записке советника Экономического совета МНР Е. А. Стулова о поездке в Ара-Хангайский аймак» [Монголия в документах 2019: 335–371], где коснулся, в частности, и экономических реалий: «чрезвычайно низкий уровень развития производительных сил страны и культуры, господство натурального способа производства и феодальных отношений, кулачество не сформировалось как социальная группа, не осознало своих интересов и не выступает организованно ни с той, ни с другой стороны... Происходящая в стране борьба есть борьба между феодализмом и народно-революционной властью, борьба за полную реставрацию феодальных отношений...» [Монголия в документах 2019: 335, 336].

Экономический совет поставил перед Е. А. Стуловым еще одну не менее значимую задачу, а именно административно-экономическое районирование страны (подробнее см. [Орлова 2023: 166–177]). Работа чрезвычайно важная, ибо была острая необходимость определить экономический потенциал каждого аймака, к тому же шла разработка первого пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры МНР (1931–1935), на VIII съезде МНРП (21 февраля – 3 апреля 1930 г.) были утверждены директивы пятилетнего плана [Очерки истории 1971: 127]. В тот период страна административно делилась на пять аймаков, что не отвечало ее хозяйственно-экономическим запросам. В своей работе Е. А. Стулов совместно с сотрудником Ученого комитета А. Д. Симуковым¹ опирался на научные разработки С. А. Кондратьева, также работавшего в Ученом комитете. Согласно С. А. Кондратьеву, страна была поделена на 11 областей с подробным описанием их естественно-географических особенностей. Проведенное Е. А. Стуловым и А. Д. Симуковым районирование с разделением страны на 13 административно-экономических аймаков позволило с учетом целесообразности и возможностей того или иного региона обеспечить продуктивность и результативность экономического и хозяйственного управления. На совещании делегатов VI Великого Народного хурала (1930 г.) было принято решение о реализации нового административно-экономического районирования [Стулов, Симуков 1930: 69; Мөнх-Очир 2012].

В июле 1932 г. на XVII чрезвычайном заседании Малого Хурала Экономический совет был реорганизован в Государственное управление планирования и государственного учета при совете министров страны [МУУТА. Ф. 3. Оп. 1. Мышленности и транспорта (1932–1933) [Монголия в документах Коминтерна, II 2012: 444]. Вероятно, возглавлял ЭКОСО с 1930 г. по 1932 г.

¹ Сельскохозяйственное и экономическое районирование по отдельным аймакам по заданию ЭКОСО А. Д. Симуков осуществил в Цецерлиг-Мандайском (1930), Алтайском (1931), Южно-Гобийском (1931), Убур-Хангайском (1933) аймаках [Симуков 2008: 7–72].

Д. 104. Л. 33–38], председателем которого был избран Б. Дугаржав¹ [Монгол улсын Сангийн...].

3.1. Экономические реалии Монголии в начале 1920-х гг.

В 1921 г. в Монголии произошла национально-демократическая революция, которая, как считают исследователи, явилась логичным завершением национально-освободительной революции 1911 г. [История Монголии 2007: 9, 34, 59, 64]. Судя по выступлению на заседании ИККИ уполномоченного Коминтерна Т. Р. Рыскулова, в 1924 г. «в стране... государственности еще не было, население состоит главным образом из прирожденных кочевников, где партия и выборная власть, как таковые, только складываются...» [Монголия в документах Коминтерна, I 2012: 115], вырисовывается картина, когда перед государством стояли колоссальные задачи по коренному переустройству общества в политической, экономической, социальной сферах. В тот период экономика Монголии носила основные черты натурального и полунатурального хозяйства, кочевое скотоводство было основным занятием аратов²; в зачаточном состоянии находилась промышленность, крайне слабо были развиты телефонная и телеграфная связь³, железные дороги, электричество; в стране было около 30 поселений городского типа — Урга⁴, Кобдо, Улясутай, Санбэйсийн хурэ, Чойр, Заяын хурэ, и др., возникавшие в основном вокруг крупных монастырей, крепостей, в местах приграничной торговли [Попова 1987: 17, 18; История Монголии 2007: 14, 20, 22]. Неразвитость товарно-денежных отношений привела к проникновению в экономику страны иностранного торгово-ростовщического капитала, в результате жители страны были обременены долгами на сумму «более 20 млн руб., из них китайским подданным — 15 млн руб., подданным царской России — около 5 млн руб.» при численности населения страны в 1918 г. 647,5 тыс. человек [История социалистической экономики 1987: 7, 12].

Что касается основной отрасли сельского хозяйства — скотоводства, доходы которого составляли свыше 50 %, необходимо обратиться к статьям Е. А. Стулова [Стулов 1931: 5–17]. Предваряя статью, Е. А. Стулов отмечает ограниченность в статистических материалах, однако, чтобы оперировать с «наименьшим искажением действительности», советник ЭКОСО остановился на указанном промежутке времени, поскольку он является «первым республиканским периодом Монголии» [Стулов 1931: 5]. Он приводит выкладки за 1925–1929 гг. 1929 г.

¹ Дугаржав Бадамын (1888–1941), с 1924 г. — член Монгольской народной партии, член Центрального комитета Монгольской народно-революционной партии с 1926 г. по 1928 г., заведующий сектором пропаганды с 1924 г. по 1929 г., министр просвещения (1929–1932), начальник управления статистики, заведующий отделом коммерческих предприятий, специалист Госбанка. В 1937 г. был арестован и обвинен в контртеррористической деятельности (вместе с ним было арестовано еще 115 человек), приговорен к 10 годам тюремного заключения, в 1940 г. вновь был арестован, в 1941 г. приговорен к расстрелу, реабилитирован в 1966 г. [Болдбаатар 2004: 124–125].

² До 90 % продукции животноводства составлял национальный доход, остальная часть — это охотничий промысел и добыча полезных ископаемых [История социалистической экономики 1987: 7].

³ В начале XX в. в Монголии было только три телеграфных линии, телефонная станция имела только в столице, которая обслуживала 50 абонентов [Майский 1959: 156].

⁴ В 1924 г. Урга переименована в Улан-Батор.

выбран им не случайно: именно на этот период приходится ряд событий: «частичная конфискация имущества у светских феодалов, положившая практическое начало колхозному движению; решения VIII съезда МНРП¹, мобилизующие массы на борьбу за практическое осуществление некапиталистического развития; налоговое наступление на монастырские хозяйства; проведение джасовской² кампании и т. п.» [Стулов 1931: 5].

Таблица 1. Общее поголовье монгольского стада за 1925–1929 гг. (тыс. голов)³
[Table 1. The total number of the Mongolian herd for 1925–1929. (thousand heads)]

Годы	Верблюды	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Козы
1925	367	1 467	1 713	— ⁴	—
1926	419	1 591	1947	12 726	3 529
1927	453	1 628	1 756	13 501	2 846
1928	464	1 688	1 807	14 333	3 073
1929	472	1 575	1 850	14 704	3 339

Судя по таблице 1, имелся незначительный прирост скота. Как считал Е. А. Стулов, «серьезных сдвигов в методах ведения монгольского скотоводческого хозяйства не произошло» [Стулов 1931: 12], в виду «отсутствия должного ухода за скотом, большими падежами от бескормицы и суровых зим, достигающими по отдельным районам до 50–60 % общего поголовья, гибели скота от эпизоотических заболеваний, отсутствия со стороны государства какой бы то ни было реальной помощи» [Стулов 1931: 13].

Отдельного внимания заслуживают данные по поголовью скота буддийских монастырей [Стулов 1931: 15].

Таблица 2. Поголовье монастырского стада (тыс. голов)
[Table 2. The livestock of the monastery herd (thousand heads)]

Годы	Верблюды	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Козы
1925	45	167	204	2 033	200
1926	53	225	290	2 558	225
1927	56	227	249	2 822	244
1928	52	219	234	2 709	245
1929	42	178	211	2 653	202

Сокращение количества монастырского скота связано было с принятием ряда законов и постановлений: об отделении дел религии от государства (1926 г.); о введении единой системы налогов (1926 г.); о конфискации собственности у привилегированных слоев и ламского населения (1929 г.) в пользу неимущих аратов и вновь образуемых колхозов и госхозов [Ванчикова 2019: 67–72; История Монголии 2007: 78; История социалистической экономики 1987: 26, 27, 29, 30].

В 1930 г. была опубликована совместная статья Г. Нанзада и Е. А. Стулова [Нанзат, Стулов 1930: 75–89], также посвященная учету населения и скота за

¹ VIII съезд Монгольской народно-революционной партии состоялся 21 февраля – 2 апреля 1930 г.

² Джаса (монг. *жас*) — накопления и хозяйство монашеской общины буддийских монастырей Монголии.

³ Таблица 1 приводится по: [Стулов 1931: 11–16].

⁴ Прочерк указывает на отсутствие данных в источнике.

1927–1928 гг. Привлечение Г. Нанзада в качестве автора статьи не случайно, в 1928/1929–1929/1930 г. он, напомним, возглавлял ЭКОСО и хорошо знал ситуацию в стране. В публикации авторы ограничились изложением имеющихся статистических сведений по пяти аймакам: Хан-Кентэй-ула, Богдо-Хан-ула, Цецерлик-Мандал, Хан-Тайшери-ула, Чиндамани-ула¹ с указанием количества по каждому виду скота (верблюдов, лошадей, крупного рогатого скота, овец, коз) и итоговых данных также по каждому виду [Нанзат, Стулов 1930: 75, 82]. В результате в 1927 г. по пяти аймакам имелось всего верблюдов 458 603; лошадей — 158 038; крупного рогатого скота — 1 755 630; овец — 13 501 540; коз — 2 845 954. В 1928 г. количество верблюдов увеличилось на 5 307 голов, лошадей — на 99 980, крупного рогатого скота — на 41 446, коз — на 222 824 [Нанзат, Стулов 1930: 82]. К сожалению, сравнить количественные данные с данными по 1925–1929 гг. не представляется возможным.

Авторы статьи приводят сравнительные данные по поголовью «мирского и монастырского скота»:

– в 1927 г. мирского крупного скота — 3 663 712 голов, мелкого скота — 1 681 483; крупного монастырского скота — 589 262 головы, мелкого монастырского — 420 580;

– в 1928 г. мирского крупного скота — 3 848 488, мелкого — 1 846 105; монастырского крупного скота — 556 526 голов, мелкого монастырского — 422 128 голов [Нанзат, Стулов 1930: 86, 87].

Если к 1928 г. наблюдается увеличение мирского крупного и мелкого скота на 5 %, то в отношении монастырского стада отмечается снижение на 3,1 %. Как объясняют эту тенденцию Г. Нанзад и Е. А. Стулов, связано это с «сокращением своего скота (монастырского. — К. О.) от учета в целях снижения налога» и «является условным» [Нанзат, Стулов 1930: 88, 89].

Таким образом, учет скота как основной отрасли народного хозяйства наглядно показывает относительно реальную картину ее развития. Статистические данные за 1925–1929 гг. и отдельно за 1927–1928 гг., как считают авторы статьи, требует большего внимания со стороны не только местных властей, но и государства в целом [Нанзат, Стулов 1930: 89].

4. Заключение

Основная цель создания ЭКОСО состояла в координации деятельности хозяйственных органов, разработке и планировании экономической и финансовой политики и перспектив экономического развития страны. Если рассматривать с этой точки зрения, то совет, функционировавший всего восемь лет (1924–1932 гг.), лишь частично осуществил главные задачи. Однако полноценно судить о деятельности главной экономической институции в тот период пока не представляется возможным в силу недостаточности документов из монгольских и российских архивов. Имеющиеся материалы позволяют отметить исключительно важную работу по районированию, что позволило государственным органам Монголии коренным образом пересмотреть и в незначительной степени изменить административные границы. Проведенная реорганизация административно-эко-

¹ Названия аймаков даются в авторской орфографии. В 1928 г. территория страны административно делилась на пять аймаков, к концу 1940 г. — на 15 аймаков, в 1942 г. были образованы еще три. В настоящее время в Монголии 21 аймак.

номических районов позволила более точно определить естественно-географические границы аймаков и их хозяйственное освоение, развивать транспортное сообщение, основывать и развивать новые населенные пункты.

Большую роль в работе ЭКОСО сыграли советские специалисты — советник Е. А. Стулов, сотрудники Ученого Комитета, Экономсовета, в частности руководитель Г. Нанзад занимались и статистическим учетом скота на территории разных аймаков. Результаты их работы наглядно показывают относительно целостную картину состояния скотоводства в тот период. Однако необходимо отметить недостаточность поступавших статистических данных из местных органов власти. Как отмечали Г. Нанзад и Е. А. Стулов в совместной статье, в учете скота имелись погрешности, что было связано с отсутствием полного охвата всех регионов страны, затягиванием или задержкой, а то и вовсе не поступлением с мест статистических материалов.

Источники

МУУТА — Монгол Улсын Үндэсний Төв Архив (= Государственный национальный архив Монголии).

Sources

State National Archive of Mongolia.

Литература

- БНМАУ-ын II их хурал 2009 — БНМАУ-ын II их хурал. 1925 оны 11 дүгээр сарын 6–20-ны өдөр (= II Великий хурал МНР. 6–20 ноября 1925 года). Улаанбаатар: Бемби сан, 2009. 546 х.
- Болдбаатар Ч. — *Болдбаатар Ч.* XX зууны Монголын улс төрийн зүтгэлнүүд (= Политические деятели Монголии XX века). Улаанбаатар: Монгол улсын боловсролын Их сургууль, 2004. 370 с.
- Ванчикова 2019 — *Ванчикова Ц. П.* Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2019. 292 с.
- История МНР 1983 — История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е перераб. и доп. М.: ГРВЛ, 1983. 661 с.
- История Монголии 2007 — История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.
- История социалистической экономики 1987 — История социалистической экономики МНР. М.: ГРВЛ, 1987. 374 с.
- Майский 1959 — *Майский И. М.* Монголия накануне революции. Изд. 2-е, перераб. М.: Вост. лит., 1959. 310 с.
- Монголия в документах 2019 — Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.) / науч. ред. В. В. Наумкин, отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.
- Монголия в документах Коминтерна 2012 — Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. II (1930–1934). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 491 с.
- Монгол улсын Сангийн... — Монгол улсын Сангийн яамны түүхэн замнал (= История Министерства финансов Монголии) [электронный ресурс] // URL: <https://mof.gov.mn/en/blog/about/History/history1> (дата обращения: 12.07.2024).
- Монгол улсын түүх 2023 — Монгол улсын түүх. XX–XXI. Хоёрдугаар боть. Монгол улсын үндэсний ардчилсан хөгжлийн замнал (1921–1940) (= История Монголии. XX–XXI. Том II. Национально-демократическое развитие Монголии (1921–1940)) / Ерөнхий редактор дэд профессор Ц. Цэрэндорж, ботийн редактор академич Ц. Батбаяр, профессор Н. Хишигт. Улаанбаатар: Мөнх Үсэг, 2023. 520 х.
- Мөнх-Очир 2012 — *Мөнх-Очир Д.* Монгол улсын аймаг, хошуу, сумын лавлах. Хошуу ноёдын жагсаалт (1921–1925 он) (= Справочник по аймакам, хошунам, сомонам Монголии. Список нойонов хошунов. 1921–1925 г.). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2012. 128 х.

- Нанзат, Стулов 1930 — Нанзат Г., Стулов Е. А. Предварительные итоги учета населения и скота за 1927 и 28 г. // Хозяйство Монголии (журнал). 1930. № 1 (19). Январь-февраль. С. 75–89.
- Орлова 2022 — Орлова К. В. Е. А. Стулов и его поездка в Архангайский аймак в 1932 г.: по материалам сборника документов «Монголия в документах из архивов ФСБ РФ» // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 5. С. 941–950. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-5-941-950
- Орлова 2023 — Орлова К. В. Е. А. Стулов в Монголии и для Монголии // *Монголоведение*. 2023. Т. 15. № 2. С. 166–177. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-166-177
- Очерки истории 1971 — Очерки истории Монгольской народно-революционной партии / пер. с монг.; ред. Б. Лхамсурэн, Б. Ширендыб, Б. Балдо, Л. Санжа, Б. Тудэв. М.: Политиздат, 1971. 343 с.
- Попова 1987 — Попова Л. П. Общественная мысль Монголии в эпоху «пробуждения Азии». М.: ГРВЛ, 1987. 158 с.
- Рошин 1999 — Рошин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.
- Симуков 2008 — Симуков А. Д. О Монголии и для Монголии / сост. Ю. Конагая, С. Баяраа, И. Лхагвасурэн. Т. 3 (ч. 2). Осака: Гос. музей этнологии, 2008. 328 с.
- Стулов 1931 — Стулов Е. А. Краткие итоги переписи населения и скота МНР в 1925–1929 гг. // Хозяйство Монголии. 1931. № 2 (26). Март-май. С. 5–17.
- Стулов, Симуков 1930 — Стулов Е. А., Симуков А. Д. К вопросу о районировании Монгольской Народной Республики // Хозяйство Монголии. 1930. № 2 (20). Март-апрель. С. 51–75.

References

- Boldbaatar Ch. Political Figures of Mongolia in the 20th Century. Ulaanbaatar: Mongolian State University of Education, 2004. 370 p. (In Mong.)
- Essays of the Mongolian People's Revolutionary Party. B. Lhamsuren, B. Shirendyib, B. Baldo, L. Sanzha, B. Tudev (eds). Moscow: Politizdat, 1971. 343 p. (In Russ.)
- History of Mongolia. 20th–21th Centuries. 2023. Vol. 2. National Democratic Development Course of Mongolia (1921–1940). Ts. Tserendorj (ex. ed.), Ts. Batbayar, Prof. N. Khishigt (eds.). Ulaanbaatar: Munkh Useg, 2023. 520 p. (In Mong.)
- History of the Mongolian People's Republic. 3rd ed. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1983. 661 p. (In Russ.)
- II Great Hural of the MPR. November 6–20, 1925. Ulaanbaatar: Bembi San, 2009. 546 p. (In Mong.)
- Maisky I. M. Mongolia on the Eve of the Revolution. 2nd ed. M.: Vostochnaya Literatura, 1959. 310 p. (In Russ.)
- Mongolia in Documents from the Archives of the FSS of Russia (1922–1936). V. Naumkin (sc. ed.), K. Orlova (ex. ed.), V. Grayvoronsky (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. 528 p. (In Russ.)
- Mongolia in the Documents of the Comintern (1919–1934). Part II (1930–1934). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 491 p. (In Russ.)
- Munkh-Ochir D. A Guide to Aimags, Khoshuns, Sums of Mongolia. List of Khoshun-Level Noyons (1691–1925). Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2012. 128 p. (In Mong.)
- Nanzat G., Stulov E. A. Preliminary Results of Population and Livestock Accounting for 1927–1928. *The Economy of Mongolia*. 1930. No. 1 (19), January – February. Pp. 75–89 (In Russ.)
- Orlova R. V. Evgeny A. Stulov in Mongolia and for Mongolia. *Mongolian Studies*. 2023. Vol. 15. No 2. Pp. 166–177. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-166-177 (In Russ.)
- Popova L. P. Public Thought of Mongolia in the Era of the “Awakening of Asia”. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1987. 158 p.
- Roshchin S. K. Political History of Mongolia (1921–1940). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1999. 327 p. (In Russ.)
- Simukov A. D. About Mongolia and for Mongolia. Yu. Konagaya, S. Bayaraa, I. Lhagvasuren (comps.). Vol. 3 (Part 2). Osaka: State Museum of Ethnology, 2008. 328 p. (In Russ.)
- Stulov E. A. Summary Results of the Census of the Population and Livestock of the Mongolian

- People's Republic in 1925–1929. *The Economy of Mongolia*. 1931. No. 2 (26). March – May. Pp. 5–17 (In Russ.)
- Stulov E. A., Simukov A. D. On the question of the zoning of the Mongolian People's Republic. *The Economy of Mongolia*. 1930. No. 2 (20). March – April. Pp. 51–75 (In Russ.)
- The History of the Socialist Economy of the MPR. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1987. 374 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P. Buddhism in Mongolia: History, Clergy, Monasteries. B. Bazarov (ed.). Irkutsk: Ottisk, 2019. 292 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 3, pp. 434–446, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-434-446

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 316.4: 061.3 (517.3)(09)
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-434-446

Первый Конгресс монголоведов-филологов в Улан-Баторе (1959 г.) в идеологических контекстах Холодной войны

Татьяна Ивановна Юсупова¹

¹ Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (д. 5, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

0000-0003-0230-5871. E-mail: ti-yusupova[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Юсупова Т. И., 2024

Аннотация. *Введение.* В сентябре 1959 г. в Улан-Баторе состоялось знаковое для монгольской науки мероприятие — Первый международный конгресс монголоведов-филологов. Его целью являлось продвижение монголоведных исследований и укрепление контактов ученых, специализирующихся на изучении Монголии. Научный форум собрал участников из многих стран, в том числе разделенных железным занавесом Холодной войны. *Цель статьи* — рассмотреть подготовку и проведение Конгресса с акцентом на ранее не затрагиваемых идеологических контекстах его работы и значении для укрепления советско-монгольских научных связей. *Материалы.* Статья базируется на документах Архива РАН (Ф. 681) и публикациях участников Конгресса из СССР, Великобритании и США. *Результаты и выводы.* Исследование показало, что организаторам Конгресса было важно, чтобы в ходе его работы не возникло политико-идеологических разногласий между представителями разных стран. Их вероятность монгольские ученые обсуждали в 1958 г. с Ю. Н. Рерихом в ходе его командировки в Улан-Батор. Комитет наук МНР при формировании списка приглашаемых ученых учитывал их политические взгляды и консультировался по этому вопросу с Академией наук СССР. Кроме того, в начале работы Конгресса делегации СССР, Монголии и Китая договорились не вступать в дискуссии между собой, чтобы продемонстрировать единство дружеских стран. Автор статьи приходит к выводу, что Конгресс в Улан-Баторе стал одним из первых научных мероприятий монголоведов периода Холодной войны с широким международным представительством ученых из стран, входивших в противостоящие блоки. Несмотря на опасения организаторов, Конгресс продемонстрировал главенство научного интернационализма. Имевшие место несколько случаев «политически окрашенных» разногласий не сказались на его работе как академическом

мероприятии. Конгресс также показал значительное расширение международных контактов Комитета наук Монголии на фоне сокращения научных связей с СССР, что косвенно ускорило принятие Академией наук ряда мер по их укреплению.

Ключевые слова: Первый Конгресс монголоведов, Холодная война, идеологические контексты, советская делегация, Ю. Н. Рерих, советско-монгольские научные контакты

Благодарность. Автор выражает искреннюю благодарность профессору Цэвэлийн Шагдарсурэну за внимание к работе и консультации.

Для цитирования: Юсупова Т. И. Первый Конгресс монголоведов-филологов в Улан-Баторе (1959 г.) в идеологических контекстах Холодной войны // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 434–446. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-434-446

The Congress of Mongolologists-Philologists In Ulanbaatar (1959) in the Ideological Contexts of the Cold War

Tatiana I. Yusupova¹

¹ St. Petersburg Branch of S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the RAS (5, Universitetskaya emb., 199034 Saint Petersburg, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

0000-0003-0230-5871. E-mail: ti-yusupova[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Yusupova T. I., 2024

Abstract. Introduction. In September 1959, a landmark event for Mongolian science — the First International Congress of Mongolologists Philologists — took place in Ulaanbaatar. Its aim was to promote Mongolian Studies and strengthen contacts between scholars. The forum brought together researchers from a number of countries, including those having been separated by the Cold War Iron Curtain. **Purpose.** The article is to examine the Congress preparation and holding, focusing on previously untouched its ideological contexts. The article is based on the *materials* from the Russian Academy of Sciences Archives and publications of Congress participants from the USSR, the UK and the USA. **Result and conclusions.** The study showed that it was important for the Congress organizers that political and ideological disagreements between representatives of different countries did not arise during its work. Mongolian scholars discussed their probability in 1958 with Yu. Roerich during his business trip to Ulaanbaatar. When forming the list of participants in the Congress, the Mongolian Committee of Science took into account the political views of scientists and consulted with the USSR Academy of Sciences on this issue. In addition, at the beginning of the Congress, the delegations of the USSR, Mongolia and China agreed not to enter into discussions among themselves in order to demonstrate the unity of friendly countries. The author concludes that the Congress in Ulaanbaatar was one of the first scientific events of Mongolian Studies during the Cold War period with a broad international representation of scholars from countries belonging to the opposing political blocs. Despite the organizers' concerns, the Congress demonstrated the leadership of scientific internationalism. Several cases of «political-tinget» disagreements did not come to the forefront of its proceedings. The Congress also demonstrated a significant expansion of international contacts of the Committee of Science and at the time the weakening of Soviet-Mongolian scientific links.

Keywords: First Congress of Mongolian Studies, Cold War, ideological contexts, Soviet delegation, Yu. N. Roerich, Soviet-Mongolian scientific contacts

Acknowledgments. The author expresses his sincere gratitude for his attention to the work and consultations to Professor Tseveliin Shagdarsuren.

For citation: Yusupova T. I. The First Congress of Mongolian Philologists in Ulaanbaatar (1959) in the Ideological Contexts of the Cold War. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (3): 434–446. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-434-446

1. Введение

Конгресс монголоведов-филологов («Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтэний Анхдугаар их хурал»), который состоялся 1–8 сентября 1959 г. в Улан-Баторе, стал первым крупным международным научным мероприятием в Монголии. Значение Конгресса для развития монгольской гуманитарной науки и ее вхождения в мировое научное сообщество, а также культурного имиджа страны трудно переоценить¹. Кроме того, Конгресс стал одним из первых научных мероприятий монголоведов в социалистической стране в острый период Холодной войны с широким международным представительством исследователей из стран, входивших в противостоящие блоки.

Работа Конгресса нашла отражение в целом ряде публикаций его организаторов [Ринчен 1959; Ринчен 2009] и участников, в том числе из СССР, Великобритании и США [Дворянков 1960; Рерих 1960; Санжеев 1960; Bawden 1960; Rupen 1960a; Posch 1960]. В дальнейшем внимание к научному мероприятию было связано с юбилейными датами его проведения. В 1989 г., к 30-летию Конгресса, опубликованы статьи Ш. Биры, Д. Цэгмида и П. Аалто [Bira 1989; Tsegmid 1989; Aalto 1989] в Бюллетенях Международной ассоциации монголоведения. К 50-летию юбилею форума в Монголии вышел в свет сборник [Бира, Пүрэвжав 2009], в котором представлен ряд документов о его подготовке, собраны публикации и воспоминания участников из СССР (Ю. Н. Рерих, Г. Д. Санжеев), Великобритании (Ч. Боуден), Венгрии (К. Урай-Кёгельми), Китая (Чингелтей, Вэн Дуцзянь), Польши (С. С. Калужинский), Японии (Ш. Озава), Монголии (Б. Ринчен, А. Лувсандэндэв, Г. Ринченсамбу), а также статьи монгольских исследователей по истории Конгресса. В дополнение к этой книге в 2019 г. издан фотоальбом [Шагдарсүрэн 2019]. Прекрасно подобранный фоторяд иллюстрирует работу Конгресса, дает представление о его участниках, их общении и мероприятиях научного форума. Отдельные документальные свидетельства о Конгрессе приведены в книге, посвященной одному из его инициаторов, видному монгольскому ученому Б. Ринчену [Ринчен 2016: 58–70].

В указанных публикациях дана высокая оценка организации и научной значимости Конгресса. В то же время ряд авторов отметили несколько возникших в ходе его работы политико-идеологических противоречий между учеными [Дворянков 1960: 65; Rupen 1960a: 237; Bawden 1960: 128]. Данная статья ставит целью рассмотреть на документах Архива РАН (Ф. 681. Оп. 1 — Материалы о Первом Конгрессе монголоведов; Ф. 681. Оп. 3 — Отчеты советских ученых о

¹ Так, например, американский историк Р. Рупен в аналитической статье о развитии Монголии в 1957–1960 гг. выделил три значимых, по его мнению, события в стране в эти годы: Гоби-Алтайское землетрясение в декабре 1957 г., перестановки в правительстве (significant governmental purge), проведенные Ю. Цеденбалом в ноябре 1958 г. – марте 1959 г., чтобы сосредоточить власть в своих руках, и Первый международный конгресс монголоведов-филологов в Улан-Баторе [Rupen 1960b: 126–127].

командировках в МНР) и публикациях участников Конгресса из СССР, Великобритании и США подготовку и проведение Конгресса с акцентом на ранее не затрагиваемых идеологических контекстах его работы, реакцию советских и зарубежных ученых на возникавшие «политически окрашенные» инциденты и их причины, а также влияние Конгресса на укрепление советско-монгольских научных связей.

Важное значение при написании статьи имели отчеты в Академию наук о поездках в Улан-Батор Ю. Н. Рериха (в 1958 г.) и Н. А. Дворянкова (в 1959 г.). Эти документы содержат ценные сведения о подготовке и работе Конгресса и о советско-монгольских научных контактах на тот момент, основанные на личном восприятии их специфики и проблем в условиях глобального противостояния двух политических систем. В ходе исследования для сравнения рецепции Конгресса участниками из Советского Союза и западных стран были использованы обзоры о его работе советских ученых и их коллег из Великобритании (Ч. Боуден) и США (У. Пош и Р. Рупен). Полагаем, что вводимые в научный оборот архивные материалы, а также публикации западных исследователей дополняют и уточняют известные факты о Конгрессе, осветят особенности функционирования советского и монгольского научных сообществ в идеологических контекстах периода Холодной войны.

Для понимания последующих событий обратимся к отчету о командировке в Улан-Батор сотрудника Института востоковедения Академии наук СССР, индолога и тибетолога Ю. Н. Рериха (1902–1960), состоявшейся за год до Конгресса, в котором он отметил присутствовавшую у его организаторов озабоченность вопросами идеологического характера.

2. Политическая благонадежность участников

В отчете, представленном в Академию наук по возвращению из Монголии, Ю. Н. Рерих детально осветил свою поездку, поделился впечатлениями о музеях, библиотеках и состоянии гуманитарной науки в Монголии [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 9–15], отразил встречи с коллегами. Из бесед с руководством страны и с ведущими монгольскими деятелями науки у Ю. Н. Рериха сложилось впечатление, что «в кругах партии» и среди ученых наблюдается «некоторое беспокойство» ослаблением связи с советскими монголоведами. В то же время на Западе и в США значительно расширился интерес к Монголии. Ю. Н. Рерих выразил свою озабоченность таким положением дел. Он полагал, что этот процесс происходил иногда «под прямым руководством антисоветских кругов» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 13]. В этой связи монгольские ученые, отмечал Юрий Николаевич, предвидели на Конгрессе попытку Запада «вырвать первенство» у СССР в изучении Монголии, что имело бы, по их мнению, «крайне нежелательные последствия политического характера» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 13, 15]. Монгольская сторона, отмечал Ю. Н. Рерих, считала необходимым принять меры, чтобы сохранить «первенствующее положение» советского монголоведения [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 13], особенно актуальное на фоне углубления глобального противостояния стран социалистического содружества с западными государствами.

Организаторам Конгресса было важно, чтобы в ходе научных заседаний не возникло дискуссий политико-идеологического характера, чтобы предстоящий

форум, которому в Монголии придавали большое значение, стал именно научным событием. Поэтому при составлении списка зарубежных участников учитывались их политические взгляды, отношение к социалистической Монголии и ее тесным связям с СССР. Сложность с приглашениями усугублялась еще и тем, что некоторые авторитетные ученые-монголоведы обвинялись или подозревались в коллаборационизме или в тесных контактах с национал-социалистическим движением в ходе Второй мировой войны (Н. Н. Поппе¹, В. Хейссиг (Walther Heissig, 1913–2005)², Дж. Туччи (Giuseppe Tucci, 1894–1984)). Кандидатуры приглашаемых ученых Монгольский Комитет наук через посредничество Министрства иностранных дел обсуждал с Академией наук СССР.

Так, в конце апреля 1959 г. посольство МНР в Москве обратилось в Академию наук с просьбой высказать свое мнение о пяти зарубежных исследователях, среди которых были миссионеры Ф. Боберг и Гансен Гомес³, а также востоковеды Ф. Лессинг (Ferdinand Lessing, 1882–1961), Дж. Туччи и О. Прицак (Omeljan Pritzak, 1919–2006) [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 496. Л. 23]. Ответное письмо Академии наук было основано на краткой справке об этих исследователях сотрудника Института Востоковедения Г. Д. Санжеева. Советская сторона обращала внимание монгольских коллег на «политическую неблагонадежность» Ф. Лессинга («по своим <...> убеждениям является крайне правым. Выступает с клеветническими заявлениями по адресу Советского Союза» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 496. Л. 22]) и Дж. Туччи («был членом фашистской партии и пользовался ее покровительством», однако, «нам неизвестен как человек, выступавший против СССР или вообще с какими-либо политическими выпадами» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 496. Л. 22]). Что касается О. Прицака, то, как отмечал Г. Д. Санжеев, «политически он нам неизвестен, но состоит в лояльной переписке с советскими востоковедами» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 496. Л. 23].

В июле этого же года Посольство МНР направило в МИД СССР для представления транзитных виз список западных ученых, приглашаемых на Конгресс. Среди них были: американский востоковед У. Пош (Udo Posch, 1922–1965), английский историк Ч. Боудэн (Frederick Charles Bawden, 1908–1972), финский лингвист П. Аалто (Pentti Aalto, 1917–1998), канадский географ Д. Джексон

¹ Николай Николаевич Поппе (1897–1991) — профессор Вашингтонского университета (University of Washington) в Сиэтле; до войны — сотрудник Института востоковедения; в 1932 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1943 г. с оккупированной территории выехал в Германию, а в 1949 г. — в США. Подробнее см: [Алпатов 1996: 68–76].

² Ю. Н. Рерих в своем отчете выразил пожелание «проявить большую осторожность» с приглашением на Конгресс ученых, связанных с В. Хейссыгом, «ввиду его прошлого в национал-социалистическом движении в Германии» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 14, 15]. Тем не менее В. Хейссиг был включен в список приглашаемых ученых, направленный монгольской стороной в МИД СССР с просьбой выдать транзитные визы. Однако в числе участников Первого конгресса его не было. В. Хейссиг был приглашен и принял участие во втором Международном конгрессе монголоведов в 1970 г. и участвовал в последующих. В. Хейссиг с 1987 г. — почетный член и один из вице-президентов Международной ассоциации монголоведения; с 1994 г. — иностранный член Монгольской академии наук.

³ Фольке Бовберг (Folke Boberg, 1896–1987) — миссионер Шведской пятидесятнической церкви, писатель и лексикограф; автор монголо-английского и англо-монгольского словарей (по мнению Г. Д. Санжеева, для миссионерских нужд [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 22]). Кто такой Густав Гомес — установить не удалось.

(W. A. Douglas Jackson, 1924–2009), польский монголовед С. Калужинский (St. Kaluzynski, 1925–2007), немецкий историк П. Рачневский (Paul Ratchnevsky, 1899–1991) и другие [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 496. Л. 38]. Перечисленным ученым были предоставлены визы, и они приехали в Улан-Батор.

В своих публикациях Р. Рупен и У. Пош высоко оценили старания организаторов обеспечить достаточно широкое представительство ведущих специалистов-монголоведов, но при этом выразили сожаление отсутствием таких известных ученых, как Л. Лигети (Ligeti Lajos, 1902–1987), А. Мостэрт (Antoine Mostaert, 1881–1971), О. Притцак, Н. Н. Поппе, В. Хейсиг, Э. Хениш (Erich Haenisch, 1880–1966) и других [Rupen 1960a: 236; Posch 1960: 237], которые не смогли по разным причинам приехать или не были приглашены. Ч. Боуден также отметил, как весьма примечательный факт открытости Монголии, приглашение на Конгресс японских исследователей, учитывая, что он проходил в год двадцатилетия монголо-японского военного конфликта на Халхин-Голе¹ [Bawden 1960: 128].

Всего на Конгресс прибыло по информации разных авторов 26–28² зарубежных ученых из 14 стран: Великобритания (1), Венгрия (1), ГДР (4), Индия (1), Канада (1), Китай (5), Корейская Народная Демократическая Республика (1), Польша (1), Румыния (1), СССР (4 (5))³, США (2), Финляндия (1), Чехословакия (1), Япония (3).

В состав делегация от Академии наук вошло четыре человека: сотрудники Института Востоковедения АН СССР — глава делегации, тогда канд. филол. наук, специалист по языку пушту Н. А. Дворянков (1923–1979), филолог-монголовед, д-р филол. наук Г. Д. Санжеев (1902–1982), проф. Ю. Н. Рерих и сотрудник Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР (далее — БКНИИ СО АН СССР), канд. филол. наук Ц. Б. Цыдендамбаев (1915–1983). Пятым участником от СССР был У.-Ж. Ш. Дондуков, тогда канд. филол. наук, сотрудник БКНИИ СО АН СССР, но он не вошел в официальную делегацию Академии наук, приехал в Монголию по другим каналам.

В соответствии с практикой зарубежных командировок руководство Академии наук выдало директивные указания членам советской делегации. Им поручалось сделать доклады о достижениях советского монголоведения; установить связи с монголоведами стран народной демократии и капиталистических стран; проинформировать их о предстоящем в 1960 г. XXV Международном конгрессе востоковедов в СССР; познакомиться с организацией научно-исследовательской работы по изучению истории, монгольской филологии и экономики МНР [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 496. Л. 56].

¹ Вооруженный конфликт между советско-монгольскими войсками и Вооруженными силами Японии у реки Халхин-Гол на территории Монголии в мае-сентябре 1939 г.

² 26 участников указано в [Рерих 1960: 237]; 27 — в [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 4.] и [Posch: 234–237]; 28 — в [Rupen 1960a: 236] и [Bawden 1960: 127]. Пофамильные списки участников приведены в [Posch 1960: 234–237] и [Rupen 1960a: 236]. Разница в цифрах объясняется тем, что Р. Рупен [Rupen 1960a] и У. Пош [Posch 1960] указали в составе советской делегации пятого ученого — У.-Ж. Ш. Дондукова (но У. Пош не указал представителя Румынии, поэтому у него 27 участников). Ю. Н. Рерих и Н. А. Дворянков У.-Ж. Ш. Дондукова не назвали, поскольку он не вошел в официальную делегацию Академии наук.

³ См. предыдущую ссылку.

3. «Незначительные недоразумения» или «напряженная идеологическая обстановка»?

Конгресс открылся 1 сентября в зале Государственной публичной библиотеки Монголии. В Улан-Баторе впервые встретились ученые практически из всех стран, где проводилось систематическое изучение монгольской филологии и литературы, в том числе, разделенных железным занавесом. Несмотря на непростую геополитическую ситуацию форум прошел, как тогда говорили, «в атмосфере дружбы и взаимопонимания» [Дворянков 1960: 65]. Конгресс стал именно тем, чем он и должен был быть — академическим собранием, на котором ученые обсуждали результаты своих научных исследований. Имевшие место несколько «политически окрашенных» (political-tinget) моментов явились, по мнению Р. Рупена, лишь «незначительными недоразумениями» (minor disturbances) и не нарушили «фундаментальность» научного форума [Rupen 1960a: 237].

Однако руководитель советской делегации, в целом признавая дружескую атмосферу, тем не менее, был не склонен считать «политические недоразумения» в работе научного мероприятия незначительными. В отчете в Академию наук Н. А. Дворянков указал, что Конгресс проходил «в сложной и напряженной идеологической обстановке» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 4], причем напряженность для советской делегации, в его изложении, исходила не только от представителей недружественных стран, но и от участников из Монголии и Китая, поскольку в их докладах присутствовали отличные от принятых в советском монголоведении методологические подходы и интерпретации исторических событий.

Чтобы снять возможное противостояние по спорным вопросам, делегации СССР, Китая и Монголии договорились в ходе Конгресса «между собой в споры не вступать» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 8], поскольку их разногласия могли быть использованы в «пропагандистских целях», для подрыва дружбы социалистических стран [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 4–5]. Тем не менее несогласованные мнения на Конгрессе прозвучали. Так, видный монгольский филолог и писатель Ц. Дамдинсурэн (Цэндийн Дамдинсүрэн, 1908–1986) считал, что дифференция единой монгольской литературы началась лишь в начале XX в. — в то время как советские исследователи относили этот процесс к XIV–XVII вв. [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 6]. Другой крупный монгольский ученый Ш. Лувсанвандан (Шадавын Лувсанвандан, 1910–1983) в своем докладе причислил к диалектам монгольского языка бурятский и ойратский языки. В таком подходе руководитель советской делегации увидел приверженность докладчика идеям панмонголизма [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 6], официально осуждаемого тогда в СССР политического течения. Учитывая договоренность не вступать в споры, советская делегация, отметил Н. А. Дворянков, не пошла на открытое возражение против монгольской точки зрения [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 8].

Замечания к докладам Ц. Дамдинсурэна и Ш. Лувсанвандана были также у Ю. Н. Рериха и Г. Д. Санжеева, но в отличие от идеологической риторики Н. А. Дворянкова они высказали их в формате академической дискуссии. Ю. Н. Рерих ограничился общим мнением, что указанные выше утверждения монгольских ученых должны стать предметом дальнейшего критического анализа [Рерих 1960: 240]. Г. Д. Санжеев подробно аргументировал свое несогласие с Ш. Лувсанванданом по классификации монгольских диалектов [Санжеев 1960:

140]. Впрочем, он признавал, что в целом этот вопрос являлся дискуссионным для большинства монголоведов [Грунтов, Мазо 2015].

Обеспокоенность руководителя советской делегации вызывали также настроения одного из организаторов Конгресса, широко известного в научном сообществе монгольского ученого Б. Ринчена (Бямбын Ринчен, 1905–1977) [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 43. Д. 109]. Он отличался независимостью своих взглядов и непредсказуемостью поведения [Rupen 1964: 286–287]. Например, в своих публикациях после поездки в Европу он рассказывал, что «в этих странах много хорошего», чего нет в социалистической Монголии [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 27–37]. Б. Ринчен также смело выступал с резкой критикой советского идеологического давления на Монголию. Незадолго до начала Конгресса, в июле 1959 г., вышло осуждающее ученого решение Центрального комитета Монгольской народно-революционной партии «О национализме Ринчена». Тем не менее он остался членом подготовительного комитета и одним из председателей Конгресса. У него были широкие международные связи, и именно он — «лидер интеллектуалов» МНР [Rupen 1964: 286–287], «ведущая неортодоксальная ... фигура» в стране [Rupen 1979: 77] — был центром притяжения для многих зарубежных монголоведов, откликнувшихся на предложение участвовать в Конгрессе.

Еще один острый момент для делегации Академии наук был связан с выступлением Р. Рупена (Robert Rupen, 1922–2015). Американский историк вспомнил трагическую судьбу одного из крупнейших ученых и организаторов науки в Монголии Ц. Ж. Жамцарано (1880–1942), который стал жертвой политических репрессий. Он был арестован в 1937 г. в Ленинграде и умер в заключении. В обращении Р. Рупена к жизни и деятельности Ц. Ж. Жамцарано советские ученые увидели желание сыграть на «националистических чувствах монголов» и бросить тень на советско-монгольские отношения. «Отповедь» Р. Рупену сразу же дал Г. Д. Санжеев, который заявил, что он не имеет права говорить о Ц. Ж. Жамцарано [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 8]. В публикации Р. Рупена также упомянут этот инцидент и приведены слова Г. Д. Санжеева [Rupen 1960a: 237]. По-видимому, именно этот случай Н. А. Дворянков имел в виду, когда писал в статье о Конгрессе, что имевшие место «отдельные выпады» против социалистических стран некоторых западных ученых, «еще не освободившихся от влияния Холодной войны, ... получили отпор и всеобщее осуждение» [Дворянков 1960: 65].

Следует сказать, что отношение членов советской делегации к Р. Рупену — ученику Н. Н. Поппе, — было изначально весьма подозрительное [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 24. Л. 14]. Одна из его первых работ по истории Монголии в XX в. «Mongolian Nationalism» [Rupen 1958a; Rupen 1958b] подверглась в СССР резкой критике за якобы тенденциозность и антикоммунизм как раз накануне Конгресса [Гольман 2004: 133–134].

Крайне настороженную позицию на Конгрессе занимала также китайская делегация [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 5]. Причиной напряженности был широкий общественный резонанс в мире вокруг начавшегося в Тибете в марте 1959 г. восстания за независимость от КНР. Ч. Боуден заметил, что представители Китая даже нашли «некий скрытый смысл» в докладе известного индийского монголиста Р. Виры (Raghu Vira, 1902–1963) об индо-тибетско-монгольских

связях в распространении буддизма [Bowden 1960: 128]. В подготовленном позже заявлении китайские ученые выразили протест индийскому коллеге, который, по их мнению, в докладе поставил Тибет и Китай на один уровень, обратив его внимание, что Тибет всегда был частью Китая [Rupen 1960a: 237; Бөхөө 2023: 117]. По наблюдению Ч. Боудена, это заявление было встречено «с явным отсутствием энтузиазма у всех присутствующих, как с Востока, так и с Запада» [Bowden 1960: 128] и не стало поводом для продолжения дискуссии явной политической направленности.

4. «Сложившаяся обстановка требует усиления научных связей между СССР и МНР»

Тематика большей части докладов, прозвучавших на Конгрессе, была лингвистического, а также литературоведческого и историко-филологического характера. Доклады отличались широтой поставленных проблем и глубиной их проработки. В публикациях такое мнение выразили все вышеназванные авторы, в том числе и руководитель советской делегации. Однако в отчете, т. е. для узкого круга, он отметил «абсолютное преобладание» в докладах тем далеких от современности, не связанных «с практическими задачами в области строительства социалистической культуры» [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 11]. Это замечание, безусловно, носило формальный характер и отражало актуальность идеологической повестки единства теории и практики в научных исследованиях.

В качестве общего заключения о Конгрессе Н. А. Дворянков указал наблюдавшееся ослабление связи советских и монгольских монголоведов, в том числе и методологической. В некоторых монгольских докладах содержались, по его мнению, ошибочные положения, с которыми советская научная общественность согласиться не могла [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 7]. Речь шла и об упомянутых выше докладах Ц. Дамдинсүрэн и Ш. Лувсанвандана. Сложившаяся обстановка, полагал представитель Академии наук, требовала усиления и расширения взаимодействия между СССР и МНР по линии гуманитарных наук [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 11]. Необходимость скорейшего решения этой проблемы увеличивалась на фоне продемонстрированных Конгрессом широких международных связей Комитета наук со странами Запада и США.

Вопрос о сокращении монголоведных исследований и идеологических недостатках в работе советских ученых был поставлен еще ноябре 1958 г. Посольством СССР в Монголии. Дипломатическое ведомство указывало на отсутствие анализа «коренных вопросов социалистического строительства в экономике и культуре», борьбы «с фальсификацией истории Монголии» на Западе, а также фиксировало другие замечания [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 15–17]. Обсуждение высказанных Посольством претензий прошло 7 июля 1959 г. на заседании Бюро Отделения исторических наук (ОИН), незадолго до начала Конгресса. В качестве одной из мер по изменению создавшейся ситуации Отделение предложило в 1959 г. организовать совещание представителей Академии наук и Комитета наук для обсуждения и согласования планов научно-исследовательских работ на ближайшие годы. Кроме того, Бюро Отделения считало необходимым продолжить когда-то активную экспедиционную деятельность в Монголии, в частности по историческим, лингвистическим, археологическим,

экономическим направлениям. С целью срочной актуализации монголоведения в СССР предлагалось увеличить количество поездок монголоведов в МНР в общеакадемическом плане зарубежных командировок и увеличить их продолжительность до нескольких месяцев и другие шаги [Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 109. Л. 18–21]. Таким образом выводы Н. А. Дворянкова подтвердили уже известные проблемы в работе Академии наук на монгольском направлении и стали еще одним аргументом для скорейшей реализации намеченных ОИИ мер. Итогом широкой проработки вопросов советско-монгольского научного взаимодействия стало подписание в конце 1960 г. Соглашения о сотрудничестве Академии наук и Комитета наук на 1961–1965 гг. [Юсупова 2018: 251–277].

Несомненно, мы можем говорить лишь о косвенном влиянии Конгресса на укрепление советского монголоведения, тем не менее, можем утверждать, что продемонстрированные в ходе его работы успехи монгольской науки сыграли важную роль в этом процессе.

5. Заключение

Конгресс монголоведов в Улан-Баторе в 1959 г. стал еще одним подтверждением тезиса, что наука не может быть абсолютно аполитичной, она зависит от политического контекста, в котором функционирует [Wolfe 2018: 200–210]. Конгресс состоялся в самый разгар Холодной войны, и влияние глобального, в том числе идеологического, противостояния двух блоков стран с разным политическим устройством отразилось на его подготовке и проведении. Чтобы нивелировать вероятность возникновения каких-либо разногласий между учеными в ходе работы Конгресса, организаторы уделили большое внимание формированию списка приглашаемых западных участников. По этому вопросу Комитет наук МНР сотрудничал с Академией наук Советского Союза через посредничество внешнеполитических ведомств.

Широкое представительство ученых из стран, разделенных железным занавесом, определило научную значимость Конгресса. Несмотря на идеологические опасения организаторов и советской делегации имевшие место несколько случаев «политически окрашенных» разногласий в ходе обсуждения докладов не сказались в целом на его работе как научном мероприятии. Конгресс продемонстрировал приверженность ученых принципам академического интернационализма, показал, что обмен научной информацией и сотрудничество между исследователями разных стран выше политической конъюнктуры.

Общее впечатление от Конгресса выразил американский филолог У. Пош. В своей статье он написал: «Конгресс монголоведов был полным успехом, просветительским опытом и действительно выдающимся событием исторического значения» [Posch 1960: 247].

Первый Конгресс монголоведов-филологов стал для Монгольского Комитета наук важным шагом в выстраивании новой конфигурации научных коммуникаций и продемонстрировал его широкие международные связи по гуманитарным дисциплинам. При этом одновременно Конгресс высветил проблемы взаимодействия с советскими учеными, ослабление их сложившегося методологического влияния на гуманитарные исследования в Комитете наук. Эти обстоятельства способствовали скорейшей реализации выработанных Академией наук мер по укреплению связей монгольских и советских монголоведов.

Источники

Архив Российской академии наук (Архив РАН).

Sources

Archive of the Russian Academy of Sciences (Archive RAS).

Литература

- Алпатов 1996 — *Алпатов В. М.* Николай–Николас Поппе. М.: Вост. лит., 1996. 144 с.
- Бира, Пүрэвжав 2009 — *Бира Ш., Пүрэвжав Э.* (ред., эмхэт.). Олон улсын монголч эрдэмтний анхдугаар их хурлын тухай тэмдэглэл, дурсамж. Улаанбаатар: Бемби сан ХХК, 2009. 160 х.
- Бөхөө 2021 — *Бөхөө.* Социализмын үеийн Монгол, Хятадын түүх судлалын харилцаа: Ойлголцол ба зөрчил (1950-иад он) // Олон Улс Судлал. 2021. Vol. 44. No. 112. Х. 108–122.
- Гольман 2004 — *Гольман М. И.* Монголоведение на Западе. М.: ИВ РАН, 2004. 344 с.
- Грунтов, Мазо 2015 — *Грунтов И. А., Мазо О. М.* Классификация монгольских языков по лексикостатистическим данным // Вопросы языкового родства. 2015. № 13/3. С. 205–255.
- Дворянков 1960 — *Дворянков Н. А.* Первый Международный конгресс филологов-монголистов // Вестник Академии наук. 1960. № 1. С. 63–65.
- История МНР 1983 — История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е, пер. и доп. М.: Наука, 1983. 661 с.
- Рерих 1960 — *Рерих Ю. Н.* Первый международный съезд монголоведов-филологов // Проблемы востоковедения. 1960. № 1. С. 237–240.
- Ринчен 1959 — *Ринчен Б.* Олон улсын монголч эрдэмтний анхдугаар их хурал // Соёл. 1959. № 4. Х. 44–46.
- Ринчен 2009 — *Ринчен Б.* Олон улсын монголч эрдэмтний анхдугаар их хурал // Бира Ш., Пүрэвжав Э. (ред., эмхэт.). Олон улсын монголч эрдэмтний анхдугаар их хурлын тухай тэмдэглэл, дурсамж. Улаанбаатар: Бемби сан ХХК, 2009. Х. 18–22.
- Ринчен 2016 — *Ринчен Б.* Албан захидал. Хурал зохион байгуулахтай холбоотой 1958–1959 онд явуулсан албан бичгийн эмхэтгэл / Ж. Цолоо (эмхэт.). Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг, 2016. 125 х.
- Санжеев 1960 — *Санжеев Г. Д.* Хроникальные заметки [О Первом международном конгрессе монголоведов-филологов] // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 145–147.
- Шагдарсүрэн 2019 — *Шагдарсүрэн Ц.* (Эмхэт.). Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. 60 жилийн ойд зориулсан цомог. Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг, 2019. 216 х.
- Юсупова 2018 — *Юсупова Т. И.* Советско-монгольские научные отношения: становление, развитие и основные результаты. СПб.: Нестор-История, 2018. 311 с.
- Aalto 1989 — *Aalto P.* Glimpses from the First International Congress of Mongolists, 1959 // International Association for Mongol Studies Bulletin. 1989. No. 1 (3). Pp. 12–14.
- Bawden 1960 — *Bawden Ch.* Mongolia re-visited // Journal of the Royal Central Asia Society. 1960. Vol. 47. No. 2. Pp. 127–140.
- Bira 1989 — *Bira Sh.* 30 Years of the International Mongolistics // International Association for Mongol Studies Bulletin. 1989. No. 2 (4). Pp. 3–6.
- Posch 1960 — *Posch U.* Report on the First International Congress of Mongolists in Ulaanbaatar, September 1–18, 1959 // Central Asiatic Journal. 1960. Vol. 5. No. 3. Pp. 233–249.
- Rupen 1958a — *Rupen R.* Mongolian Nationalism // Journal of the Royal Central Asia Society. 1958. Vol. 45. Part II. Pp. 157–178.
- Rupen 1958b — *Rupen R.* Mongolian Nationalism // Journal of the Royal Central Asia Society. 1958. Vol. 45. Part III–IV. Pp. 245–268.
- Rupen 1960a — *Rupen R.* First International Congress of Mongolian Philologist // Journal of

- Asian Studies. 1960. Vol. 19. No. 2. Pp. 236–237.
- Rupen 19606 — *Rupen R.* Outer Mongolia, 1957–1960 // Pacific Affairs. 1960. Vol. 33. No. 2. Pp. 126–143.
- Rupen 1964 — *Rupen R.* Mongols of the Twentieth Century. Part 1. Blumington, 1964. 510 p.
- Rupen 1979 — *Rupen R.* How Mongolia is Really Ruled. A Political History of the Mongolian People's Republic, 1900–1978. Stanford: Hoover Institution Press, 1979. 225 p.
- Tsegrimid 1989 — *Tsegrimid D.* Reminiscences of a Participant // International Association for Mongol Studies Bulletin. 1989. No. 1 (3). Pp. 8–11.
- Wolfe 2018 — *Wolfe A.* Freedom's Laboratory: The Cold War Struggle for the Soul of Science. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018. 312 p.

References

- Aalto P. Glimpses from the First International Congress of Mongolists, 1959. *International Association for Mongol Studies Bulletin*. 1989. No. 1 (3). Pp. 12–14. (In Eng.)
- Alpatov N. M. Nikolaj-Nikolas Poppe. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 144 p. (In Russ.)
- Bawden Ch. Mongolia Re-Visited. *Journal of the Royal Central Asia Society*. 1960. Vol. 47. No. 2. Pp. 127–140. (In Eng.)
- Bira Sh. 30 Years of the International Mongolistics. *International Association for Mongol Studies Bulletin*. 1989. No. 2 (4). Pp. 3–6. (In Eng.)
- Bira Sh., Purevzhav E. (eds., comps.) Articles and Memories of the First International Congress of Mongolian Studies. Proceedings of the Congress. Ulaanbaatar: Bembi San, 2009. 160 p. (In Mong.)
- Bohoo. Mongolian-Chinese Exchanges in History Studies during the Socialist Period: Mutual Understanding and Divergence (the 1950s). *Journal of International Studies*. 2021. Vol. 44. No. 112. Pp. 108–122. (In Mong.)
- Dvoriankov N. A. The First International Congress of Mongolists Philologists. *Vestnik Akademii Nauk SSSR*. 1960. No. 1. Pp. 63–65. (In Russ.)
- Golman M. I. Mongolian Studies in the West. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2004. 344 p. (In Russ.)
- Gruntov I. A., Mazo O. M. Classification of Mongolian Languages Based on Lexicostatistical Data. *Journal of Language Relationship*. 2015. No. 13/3. Pp. 205–255. (In Russ.)
- History of the Mongolian People's Republic. 3rd ed., corr. and add. Moscow: Nauka, 1983. 661 p. (In Russ.)
- Posch U. Report on the First International Congress of Mongolists in Ulaanbaatar, September 1–18, 1959. *Central Asiatic Journal*. 1960. Vol. 5. No. 3. Pp. 233–249. (In Eng.)
- Rinchen B. Collection of Documents, 1958–1959, on the Organization of Conferences. Zh. Zoloo (comp.). Ulaanbaatar: Soyembo Printing, 2016. 125 p. (In Mong.)
- Rinchen B. First International Congress of Mongolian Scientists. *Soyol*. 1959. No. 4. Pp. 44–46. (In Mong.)
- Rinchen B. First International Congress of Mongolian Scientists. S. Bira, E. Purevzhav (eds., comps.). Articles and Memories of the First International Congress of Mongolian Studies. Ulaanbaatar: Bembi San, 2009. Pp. 18–22. (In Mong.)
- Roerich Yu. N. The First International Congress of Mongolists Philologist. *Problems of Oriental Studies*. 1960. No. 1. Pp. 237–240. (In Russ.)
- Rupen R. First International Congress of Mongolian Philologist. *Journal of Asian Studies*. 1960. Vol. 19. No. 2. Pp. 236–237. (In Eng.)
- Rupen R. How Mongolia is Really Ruled. A Political History of the Mongolian People's Republic, 1900–1978. Stanford: Hoover Institution Press, 1979. 225 p. (In Eng.)
- Rupen R. Mongolian Nationalism. *Journal of the Royal Central Asia Society*. 1958. Vol. 45. Part II. Pp. 157–178. (In Eng.)
- Rupen R. Mongolian Nationalism. *Journal of the Royal Central Asia Society*. 1958. Vol. 45. Part III–IV. Pp. 245–268. (In Eng.)

- Rupen R. Mongols of the Twentieth Century. Part 1. Blumington, 1964. 510 p. (In Eng.)
- Rupen R. Outer Mongolia, 1957–1960. *Pacific Affairs*. 1960. Vol. 33. No. 2. Pp. 126–143. (In Eng.)
- Sanzheev G. D. Chronicle notes. On the First International Congress of Mongolists Philologists. *Problems of Linguistics*. 1960. No. 2. Pp. 145–147. (In Russ.)
- Shagdarsuren Z. (comp.). The First International Congress of Mongolists Philologists. On the 60th Anniversary. Ulaanbaatar: Soyembo Printing, 2019. 216 p. (In Mong.)
- Tsegmid D. Reminiscences of a Participant. *International Association for Mongol Studies Bulletin*. 1989. No. 1 (3). Pp. 8–11. (In Eng.)
- Yusupova T. I. Soviet-Mongolian Academic Cooperation: Establishment, Development, Main Results (1921–1961). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. 311 p. (In Russ.)
- Wolfe A. Freedom's Laboratory: The Cold War Struggle for the Soul of Science. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018. 312 p. (In Eng.)

Has been issued since 2002 https://mongoloved.kigiran.com/jour	МОНГОЛОВЕДИЕ (Монгол судлал) (Mongolian Studies)
Vol. 16, Is. 3, pp. 447–460, 2024 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-447-460	ISSN 2500-1523 (Print) ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-447-460

Субрегиональная система «Россия – Монголия – Китай»: транспортные и культурно-цивилизационные измерения

Сергей Геннадьевич Лузянин^{1,2}, Борис Хабижевич Кушхов^{3,4}

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор

² Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (д. 20, ул. Мясницкая, 101000 Москва, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор

0000-0001-9578-6023. E-mail: [luzyanin.sergey\[at\]mail.ru](mailto:luzyanin.sergey[at]mail.ru)

³ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
аспирант

⁴ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация)
исследователь

0000-0001-5976-7749. E-mail: [boris.kushkhov\[at\]yandex.ru](mailto:boris.kushkhov[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Лузянин С. Г., Кушхов Б. Х., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются субрегиональная система «Россия – Монголия – Китай», характер протекания ряда ее внутренних процессов и особенности определяющих его контекстуальных условий. Исследование сфокусировано на определении современных условий ее функционирования и развития транспортно-инфраструктурной области, а также особенностей ее внутреннего междоцивилизационного диалога. *Задачи* исследования — изучение ключевых условий и факторов экономического и цивилизационного характера для более глубокого и многомерного понимания специфики данной субрегиональной системы; попытка сформировать в научно-исследовательском дискурсе модель инкорпорации в разработку субрегиональной проблематики таких разных измерений и плоскостей, как цивилизационные взаимодействия и партнерство в области транспортной инфраструктуры. *Материалы и методы.* В работе были задействованы монографии и аналитические статьи отечественных и монгольских специалистов и экспертов, стенограммы официальных переговоров на высшем уровне, статистические данные, материалы СМИ. Использован системный подход к предмету исследования в сочитании с цивилизационным подходом, выделившим цивилизационный уровень

как одно из измерений данной системы. *Результаты.* Во-первых, определено современное состояние субрегиональной дискуссии относительно реализации перспективных трехсторонних транспортно-инфраструктурных проектов, взвешены основные риски и возможности. Во-вторых, охарактеризована цивилизационная среда международных отношений в субрегионе, выделены основные векторы ее влияния на процессы, происходящие в настоящее время в области международной торговли, транспорта и инфраструктурного строительства. Делается вывод о позитивном влиянии особенностей межцивилизационного диалога в «треугольнике» по продвижению значимых субрегиональных инициатив.

Ключевые слова: Монголия, Россия, Китай, субрегион, история, транспорт, экономика, цивилизация, международные отношения

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект «Этнический фактор в развитии межцивилизационного диалога России и Монголии на современном этапе» (№ 24-48-03030, <https://rscf.ru/project/24-48-03030/>).

Для цитирования: Лузянин С. Г., Кушхов Б. Х. Субрегиональная система «Россия – Монголия – Китай»: транспортные и культурно-цивилизационные измерения // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 447–460. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-447-460

Subregional System “Russia – Mongolia – China”: Transport and Cultural-Civilizational Dimensions

Sergey G. Luzyanin^{1,2}, Boris Kh. Kushkhov^{3,4}

¹ Moscow State Institute of International Relations (76, Vernadsky Av., 119454 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

² National Research University Higher School of Economics (20, Myasnitskaya St., 101000 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0001-9578-6023. E-mail: luzyanin.sergey[at]mail.ru

³ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., 107031 Moscow, Russian Federation)

Postgraduate Student

⁴ Moscow State Institute of International Relations (76, Vernadsky Av., 119454 Moscow, Russian Federation)

Researcher

 0000-0001-5976-7749. E-mail: boris.kushkhov[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Luzyanin S. G., Kushkhov B. Kh., 2024

Abstract. Introduction. This article analyzes the subregional system “Russia–Mongolia–China”, the nature of a number of its internal processes and the features of the contextual conditions that determine it. The study is focused on determining the current conditions of its functioning and development in the transport and infrastructure sector, as well as the features of its internal intercivilizational dialogue. The *main objective* was to study the key conditions and factors of an economic and civilizational nature for a deeper and multidimensional understanding of the specifics of this subregional system. An equally important objective of this study is to attempt to formulate a model of incorporation of such different dimensions and planes as civilizational interactions and partnership in the field of transport infrastructure into the development of subregional issues in the research

discourse. *Materials and methods.* The work involved monographs and analytical articles by domestic and Mongolian specialists and experts, transcripts of official negotiations at the highest level, statistical data, and media materials. A systems approach was used to the subject of the study, which was presented as a subregional system, and its research synthesis was carried out with a civilizational approach, which determined the allocation of the civilizational level as one of the dimensions of this system. Based on the results of the study, the following *results* were achieved. Firstly, the current state of the subregional discussion regarding the implementation of promising trilateral transport and infrastructure projects was determined, the main risks and opportunities were weighed. Secondly, the article characterizes the civilizational environment of international relations in the subregion, highlights the main vectors of its influence on the processes currently taking place between Russia, Mongolia and China in the field of international trade, transport and infrastructure construction. A *conclusion* is made about the positive influence of the features of the inter-civilizational dialogue in the “triangle” on the promotion of significant subregional initiatives.

Keywords: Mongolia, Russia, China, subregion, history, transport, economy, civilization, international relations

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian National Fund, project no. 24-48-03030 “The ethnic factor in the development of the intercivilizational dialogue between Russia and Mongolia at the present stage”. Available at: <https://rscf.ru/project/24-48-03030/>.

For citation: Luzyanin S. G., Kushkhov B. Kh. Subregional system “Russia – Mongolia – China”: Transport and Cultural-Civilizational Dimensions. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (3): 447–460. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-447-460

1. Введение

Представление о «треугольнике» Россия – Монголия – Китай как об эволюционирующей, но при этом устойчивой и достаточно автономной от внешних факторов системе открывает перед исследователями данного субрегиона и отдельных процессов, происходящих в нем, новые исследовательские аспекты. В частности при подобном его понимании можно более эффективно и основательно рассматривать тот или иной фактор одной из упомянутых стран в изучении тенденций по отношению к двум другим, а также повысить прогностический потенциал региональных геополитических и геоэкономических исследований. Однако одного понимания системного характера взаимоотношений и связей в субрегионе для значительного расширения исследовательского горизонта по-прежнему недостаточно. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение отдельных «плоскостей» данной субрегиональной системы, ее отраслевых проявлений, а также параллелей и взаимосвязей, имеющих между ними.

В данной статье представлена попытка произвести подобный анализ современного состояния сразу двух измерений «треугольника» — транспортно-инфраструктурного и цивилизационного, которые, несмотря на все концептуальные различия, все же объективно существуют в одной и той же субрегиональной реальности и непременно оказывают друг на друга определенное влияние.

2. Материалы и методы

В работе привлекаются к анализу монографии и аналитические статьи отечественных и монгольских специалистов и экспертов, стенограммы официальных переговоров на высшем уровне, статистические данные, материалы СМИ. Использован системный подход к предмету исследования в сочитании с

цивилизационным подходом, выделившим цивилизационный уровень как одно из измерений данной системы.

3. Монгольские транспортно-инфраструктурные проекты

Несмотря на статус «малого государства», заключенного в субрегиональную систему международных отношений Северо-Восточной Азии, Монголия в настоящее время обладает широкими возможностями реализации различных транзитных магистралей, занимающих видное место в повестке дня современных российско-китайских отношений. Географическая выгодность и эффективность трансмонгольских магистралей и коридоров обусловлена в том числе возможностью получения Монголией крупной «транзитной ренты» в рамках трансграничных коридоров. Так, большая часть транспортно-инфраструктурных проектов, определенных монгольским правительством в Программе развития транспортной сети страны до 2030 г., в качестве наиболее перспективных и значимых, — именно те, которые способны дать максимальную выгоду Улан-Батору за транзитные перевозки через монгольскую территорию. Транспортная составляющая Программы предполагает создание до 2030 г. трех железнодорожных и пяти автодорожных коридоров «Север-Юг», связывающих Россию и Китай, а также постройку новых и модернизацию существующих пограничных пропускных пунктов на границах с Россией и Китаем, включая создание при них крупных грузовых терминалов, из которых ключевыми являются три проекта:

– «Центральный железнодорожный коридор», представляющий из себя существующую и открытую в начале 1950-х гг. Трансмонгольскую магистраль, проходящую с севера на юг через столицу страны по маршруту Сухэбатор – Замын Ууд (протяженность 1 100 км). Ее стратегическая ценность для континентальных транзитных перевозок заключается в том, что именно она связывает Москву и Пекин — столицы России и Китая, а также ключевые экономические центры этих двух стран (Европейская часть России и Восточный Китай) по наиболее короткому расстоянию из всех ныне существующих железных дорог. Перспективы модернизации магистрали обсуждаются на разных уровнях уже долгие годы. Показательно, что данная тема упоминалась в ходе всех без исключения трехсторонних встреч лидеров трех стран, состоявшихся с 2014 г. Монгольское видение будущего данного проекта связано с созданием второго пути и реализацией магистрали «Богдхан» протяженностью в 145 км, обеспечивающей транзит потенциально вредных и опасных грузов в обход столицы страны — города Улан-Батора, по более прямой траектории, которая, к тому же, обеспечит увеличение средней скорости грузоперевозок на данном участке, в настоящее время отстающем от современных показателей. В 2022 г. в ходе трехсторонней встречи лидеров Китая, России и Монголии стороны договорились приступить к совместной разработке технико-экономического обоснования проекта Центрального железнодорожного коридора¹. По состоянию на лето 2024 г. имеется информация о наличии готового технико-экономического обоснования российского участка данного коридора²;

¹ Монгол, Орос, Хятад гурван улсыг холбосон төмөр замын төв коридорыг шинэчлэх, ТЭЗҮ-ийг эхлүүлэхээр тохиролцов (дата публикации: 16.09.2022) [электронный ресурс] // URL: Ikon.mn. URL: <https://ikon.mn/n/2054> (дата обращения: 20.08.2024).

² Визит Путина в Монголию: о чем договорились президенты? — список подписанных соглашений (дата публикации: 03.09.2024) [электронный ресурс] // Eurasia today.

– «Восточный железнодорожный коридор» и строительство железной дороги на участке «Эрэнцав – Баянтумэн», а также создание монгольским подрядчиком технико-экономического обоснования железной дороги «Чойбалсан – Хуут-Бичигт – Зуунхатавч». В настоящее время в монгольских программах, еще до получения согласия от российской и китайской сторон, этот проект проходит как часть перспективной трехсторонней магистрали, проходящей по маршруту Борзя – Соловьевск (Россия), Эрэнцав – Чойбалсан – Хуут-Бичигт (Монголия) и Зуунхатавч – Улаанхад – Чаоян, Цзиньчжоу, Ляньюнгань (по территории КНР к китайским морским портам)¹. Перспективная пропускная способность коридора оценивается министерством транспорта Монголии в 25–30 млн т грузов в год². Вместе с тем стремление России и Китая участвовать в данном проекте ограничено его альтернативным статусом уже существующей и активно функционирующей российско-китайской магистрали, где расположен железнодорожный погранпереход Забайкальск – Маньчжоули, через который в настоящее время проходит до трети грузов, следующих по маршруту «Китай – Европа». Представляется, что в настоящее время потенциальная выгода от осуществления перевозок по более короткому монгольскому маршруту не перевешивает в восприятии китайских и российских уполномоченных лиц риски, связанные с появлением в маршруте третьего участника, а также с необходимостью вложения в него значительных средств. Вместе с тем эффект от реализации «Восточного коридора» как значимого элемента маршрута «Китай – Европа» или «Китай – Россия» во многом будет ограничен пропускной способностью российской сети железных дорог Восточной Сибири;

– «Западный железнодорожный коридор» — перспективная магистраль, которая должна пройти через наименее экономически развитые, удаленные от центра страны и высокогорные районы Монголии, соединив Россию и Китай по еще одному маршруту. В настоящее время планируется реализовать данный коридор в виде железнодорожной магистрали «Арцсуурь – Нарийнсухайт – Шивээхурэн»³. С российской стороны железная дорога еще не утверждена: ветка «Кызыл – Курагино» лишь включена в программу развития Сибири⁴, а участок «Кызыл – Цагаантолгой» может быть рассмотрен в ближайшие годы в

URL: <https://eurasiatoday.ru/vizit-putina-v-mongoliyu-o-chem-dogovorilis-prezidenty-spi-sok-podpisannyh-soglashenij/> (дата обращения: 07.09.2024).

¹ С. Бямбацогт: Хил холболтын төмөр замууд барьж, шинэ гарцууд нээснээр 2030 онд төмөр замын хүчин чадал жилд 180 сая тонн болно (дата публикации: 22.11.2023) [электронный ресурс] // Улс хоорондын шуудан илгээмжийн гаалийн газар [сайт]. URL: <https://post.customs.gov.mn/?p=1350> (дата обращения: 25.08.2024).

² С. Бямбацогт: Хил холболтын төмөр замууд барьж, шинэ гарцууд нээснээр 2030 онд төмөр замын хүчин чадал жилд 180 сая тонн болно (дата публикации: 22.11.2023) [электронный ресурс] // Улс хоорондын шуудан илгээмжийн гаалийн газар [сайт]. URL: <https://post.customs.gov.mn/?p=1350> (дата обращения: 25.08.2024).

³ С. Бямбацогт: Хил холболтын төмөр замууд барьж, шинэ гарцууд нээснээр 2030 онд төмөр замын хүчин чадал жилд 180 сая тонн болно (дата публикации: 22.11.2023) [электронный ресурс] // Улс хоорондын шуудан илгээмжийн гаалийн газар [сайт]. URL: <https://post.customs.gov.mn/?p=1350> (дата обращения: 25.08.2024).

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 января 2023 г. № 129-р. [электронный ресурс] // Правительство России. Документы. URL: <http://static.government.ru/media/files/drWrVydZYzvipBV3mBNArxTxlglftuAM.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).

рамках поручения президента страны по изучению правительством перспектив создания российско-китайского коридора через западные районы Монголии¹. В дальнейшей перспективе, по мнению отдельных экспертов, Западный железнодорожный коридор сможет стать частью масштабного мультимодального маршрута, связывающего КНР с Россией и Северной Европой через реку Енисей и Северный морской путь, вместе с тем создав дополнительные возможности для развития ряда городов России (в особенности Кызыла и Красноярска). Вместе с тем реализация данного проекта сталкивается с проблемой борьбы сторон (в особенности России и Монголии) за максимизацию выгод и возможностей для национального развития, которые может принести создание такой магистрали. В частности обе стороны могут получить значительные преимущества от экспорта угля в КНР по данной магистрали, что достаточно остро ставит вопрос о том, какую долю пропускной способности коридора может получить каждая из сторон. Если монгольская сторона опасается выхода на китайский рынок российского угля из месторождений, освоение которых неразрывно связано с созданием данного коридора, то российскую сторону не устраивает стремление Монголии скорректировать изначально намеченный маршрут, связав его с расположенными значительно восточнее изначальных «пунктиров» монгольских угольных месторождений.

Наиболее перспективными для российско-китайского транспортно-инфраструктурного и торгово-экономического сотрудничества проектами Монголии в области автодорожного строительства является двухэтапный проект модернизации существующей трассы «Алтанбулаг – Замын-Ууд»², проходящей через столицу страны г. Улан-Батор и являющейся частью международной автотранспортной магистрали АН-3 [Российско-монгольское сотрудничество 2022: 87]. Первый этап модернизации дороги (Участок «Алтанбулаг – Улан-Батор») завершен в 2023 г.³, начало второго этапа (участок «Улан-Батор – Замын-Ууд») запланировано на 2024 г.

К перспективным также относится проект монгольского участка международной магистрали АН-4 «Новосибирск – Карачи», завершенный в конце 2022 г. Регулярные грузовые перевозки по данной магистрали начали производиться с осени 2023 г.⁴.

¹ Путин поручил кабмину рассмотреть создание коридора через Монголию и Китай (дата публикации: 12.10.2023) [электронный ресурс] // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2023/10/12/1000342-putin-poruchil-kabminu-rassmotret> (дата обращения: 08.09.2024).

² Алтанбулаг-Замын-Уудийн хурдны авто зам барих төслийн урьдчилсан ТЭЗҮ бэлэн болсныг ШХАБ-ын хуралдааны үеэр Ерөнхий сайд мэдэгдлээ (дата публикации: 01.11.2022) [электронный ресурс] // Монгол Улсын Засгийн Газар. URL: <https://mongolia.gov.mn/news/view/26527> (дата обращения: 02.09.2024).

³ Улаанбаатар-Дархан чиглэлийн авто замын ажлыг аравдугаар сарын 30-нд дуусгаж, тээврийн хэрэгслийн хөдөлгөөнийг нээхээр төлөвлөж байна (дата публикации: 09.08.2022) [электронный ресурс] // Ikon.mn. URL: <https://ikon.mn/n/2msy> (дата обращения: 20.08.2024).

⁴ «Азия – Европа» и магистраль АН-4 выгоды для России (дата публикации: 04.10.2023) [электронный ресурс] // Новое Восточное Обозрение. URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/10/04/aziya-evropa-i-magistral-an-4-vygody-dlya-rossii-mongolii-i-kitaya/> (дата обращения: 20.08.2024).

В 2021 г. Правительство Монголии представило «Новую политику возрождения» («Шинэ сэргэлтийн бодлого»)¹, одним из направлений которой является создание сети новых пограничных пропускных пунктов [Дондоков, Намжилова 2022: 57]. Запланированы создание четырех железнодорожных погранпереходов на монголо-китайской границе: Гашуунсухайт / Ганцмод, Шивээхурэн / Сэхэ, Бичигт / Зун-Хатавч, Ханги / Мандал и масштабная реконструкция ныне существующих переходов.

В «Программе развития транспортной сети Монголии до 2030 года» и «Новой политике восстановления пропускных пограничных пунктов» отмечается, что Монголия делает акцент на реализацию тех проектов, которые в наибольшей степени решают ее собственные задачи экономического развития [Бейдина и др. 2021: 37], в отдельных случаях самостоятельно разрабатывая свои варианты маршрутов и условия их реализации.

Частью трансграничных отношений России, Монголии и Китая является углеводородный (газовый) транзит. В настоящее время в рамках реализации проекта «Сила Сибири-2» Россия и Монголия осуществляют согласование трассы нового газопровода «Союз-Восток», который будет поставлять газ из России в Китай через территорию Монголии [Лузянин 2021: 149]. В процессе разработки технико-экономического обоснования проекта между сторонами возник ряд экологических, маршрутных и ценовых споров, требующих согласования с двух сторон, — в частности, по причине возможности нанесения газопроводом экологического ущерба тем районам России и Монголии, через которые изначально предполагалось его провести. Серьезным препятствием является также желание Китая получить большие дисконтные скидки от России на будущие газовые закупки и пр. При этом, несмотря на препятствия, газопровод «Союз – Восток» в настоящее время можно считать самым интенсивно продвигающимся проектом из более чем трех десятков предусмотренных в программе создания экономического коридора «Россия – Монголия – Китай», подписанной на полях Шанхайской организации сотрудничества в 2016 г.

В 2000-х гг. монгольский парламент принял закон «О стратегических предприятиях», в котором зафиксировано наличие контрольного пакета акций за государством в предприятиях, имеющих стратегическое значение для развития и безопасности страны (к таковым была отнесена и Улан-Баторская железная дорога (УБЖД)). В 2023 г. на общественное рассмотрение был вынесен проект новой редакции закона Монголии «О железнодорожном транспорте», в котором говорилось об «обязательном разделении юридических лиц, занимающихся перевозкой и владеющих железнодорожной инфраструктурой» (статья 26.5), о «принадлежности государству охранной полосы вдоль железных дорог» (статья 17.2) и о «национальном суверенитете над железнодорожными пропускными пунктами» (статья 11). Закон, принятый Хуралом в июле 2023 г. и вступивший в силу с января 2024 г.², объективно обозначил определенный конфликт интересов

¹ Шинэ Сэргэлтийн бодлого. Монгол Улсын Их Хурлын 2021 оны 106 дугаар тогтоолын 1 дүгээр хавсралт (дата публикации: 30.12.2021) [электронный ресурс] // Legalinfo.mn. Эрх зүйн акт дэлгэрэнгүй. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=16390082551211&showType=1> (дата обращения: 23.08.2024)

² Томор замын тээврийн тухай. Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем (дата публикации: 07.07.2023) [электронный ресурс] // Legalinfo.mn. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/467> (дата обращения: 28.08.2024).

России и Монголии, препятствуя модернизации железной дороги. Построенная в 1950-е гг., она крайне редко подвергалась ремонту, так и не была электрифицирована, имеет один путь на абсолютном большинстве участков, обслуживается подвижным составом со средним возрастом более 30–40 лет.

Проблему модернизации пытались решать неоднократно: в 2009 г. Россия и Монголия заключили договор о реконструкции УБЖД, для реализации которой учредили совместное предприятие «Инфраструктурное развитие» [Хангай 2011: 21]. Технико-экономическое обоснование проекта (разрабатывался проект модернизации УБЖД до 2030 г.)¹ было произведено вместе с большим числом иностранных компаний, в том числе западных. Тем не менее из-за возникших политических разногласий «Инфраструктурное развитие» осталось на 100 % в собственности ОАО «Российские железные дороги» (РЖД), а монгольская сторона отказалась от завершения разработки проекта, так как не был учтен ряд ее требований. В середине 2000-х гг. РЖД разработало и комплексный проект развития всей железнодорожной сети Монголии, от которого монгольская сторона отказалась в силу стремления ограничить российское влияние в отрасли и не допустить монополизацию железнодорожного транспорта Монголии наполовину российским АО УБЖД [Макаров и др. 2020: 42]. Некоторое время был актуальным и спор о железнодорожной колее — узкая (китайская) колея была выгодна с точки зрения оптимизации монгольского горнорудного экспорта в КНР, которая также поддерживала и продвигала такую инициативу. В начале 2010-х гг. в Монголии даже имелись планы создания узкоколейных железных дорог от крупных месторождений рядом с границей КНР. Тем не менее за последнее десятилетие монгольские власти полностью приняли принцип «единства колеи» — в пользу старой широкой.

Позиции Китая во внешней торговле Монголии усиливаются с каждым годом [Лузянин 2021: 146]. Современные позиции Российской Федерации во многом определяются монополией на поставки в Монголию топлива и статусом значимого поставщика электроэнергии [Миронова 2016: 17], а также контролем над главной железнодорожной артерией будущего трехстороннего экономического коридора.

4. Культурно-цивилизационные «коридоры»

Казаки в XVII в. положили начало контактам с ханами Западной и Северной Монголии, в результате начала формироваться зона сибирско-монгольского буферного (от Китая) пространства [Дремов и др. 2016: 21]. При этом Российская империя воспринималась как реальный противовес китайской угрозе поглощения [Мясников 2014: 550–557].

Специфику российско-китайских отношений на этапе их формирования академик В. С. Мясников (Институт Китая и современной Азии РАН) справедливо определяет как взаимодействие двух ключевых координат: а) российской горизонтальной линии, состоящей из европейских традиций и методов; б) китайской вертикальной, включавшей имперский (ханьско-маньчжурский) компонент. Их взаимодействие и создавало, по его мнению, некий общий вектор развития,

¹ Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Халтмагийин Баттулгой (дата публикации: 09.06.2018) [электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57713> (дата обращения: 25.08.2024).

который находился под влиянием и при активном участии «народов-медиаторов» — монголов, маньчжуров, уйгуров, казахов, киргизов и других народностей, живших на берегах Амура и в Приморье [Мясников 2014: 277, 289].

При этом ключевой внешней детерминантой Монголии на протяжении столетий была ее традиционная геополитическая «зжатость» между двумя гигантами — северным российским и южным китайским. Сама Монголия, умело адаптируясь к внешним вызовам, за тысячелетие сумела сформировать гибкую и подвижную общность — «монгольский мир», который, пульсируя на евразийском пространстве, то максимально расширялся в XII–XIII вв., то сжимался до минимальных размеров в форме теократической монархии Богдо-гэгэна (1911–1919 гг.) или Монгольской Народной Республики (1924–1991 гг.).

«Маятник» монгольской цивилизации, направленный с XVII в. на Поднебесную, сменился после 1921 г. советской ориентацией, а в 1990-е гг. был скорректирован «Третьим соседом» (США и их союзниками). После 2000 г. Монголия вновь попадает под экономическое китайское давление, пытаясь найти оптимальное место, как малое государство в треугольнике «Россия – Монголия – Китай». Разработанная в российском монголоведении концепция монгольской цивилизации и ее места в современных реалиях позволяет более точно определить цивилизационные российско-монголо-китайские «стыки», их специфику и перспективы существования [Железняков 2016: 217–225; Лузянин 2021: 141–152].

Перед тем как определить основные параметры и механизмы, существующие на цивилизационном уровне «треугольника», представляется необходимым объяснить позицию авторов относительно статуса Монголии в качестве самостоятельного цивилизационного образования, которое определяет именно трехстороннюю специфику субрегионального межкультурного диалога.

Одним из возможных методов доказательства самостоятельного характера цивилизационной идентичности Монголии может послужить метод исключения. С общелогической точки зрения можно постулировать четыре гипотетически возможных паттерна соотношения понятия нации с цивилизационной идентичностью:

- 1) нация как часть более крупной цивилизационной идентичности (субъект внутри абстрактной общности);
- 2) нация как место сосуществования или смешения разных цивилизационных идентичностей (субъект на стыке двух общностей);
- 3) нация без цивилизационной идентичности (субъект вне всех общностей);
- 4) нация-цивилизация (субъект — общность сам по себе).

В данном случае для доказательства субъектности монгольской цивилизационной идентичности в «треугольнике» необходимо последовательно доказать неприменимость по отношению к Монголии первых трех категорий, на основе анализа уникальных географических условий для развития монгольской идентичности в качестве незначительной по масштабам, по полноценной по своим качествам цивилизационной единицы. В качестве «отправной точки» также используются представления о цивилизациях, изложенные в соответствующих концепциях одного из классиков цивилизационного подхода С. Хантингтона.

По С. Хантингтону, Монголия граничит одновременно с двумя цивилизациями (и с двумя странами), отличающимися, на наш взгляд, от нее по всем

ключевым цивилизационным компонентам — этническому происхождению, языковым семьям, религии и т. д. [Huntington 1996: 163; 168]. Это уникальный случай в мировой практике за исключением островных цивилизаций (как японская у того же С. Хантингтона), однако морская граница признается им более слабой проводящей средой для внешних культурно-социальных явлений, поэтому случай с островными цивилизациями не кажется столь аномальным.

В логике С. Хантингтона, выделявшего религию как доминирующий фактор идентичности, Монголию следует относить к выделенной им буддистской цивилизации, — однако при этом страна значительно отличается от Юго-Восточной Азии с точки зрения культуры, генетики, языковой группы, а также существует в совершенно других климатических условиях. Более того, Монголия является единственной страной в мире, где большая часть населения исповедует именно северную ветвь буддизма. Это также уникальный пример, ставящий под сомнение принадлежность Монголии к какой-либо другой, более крупной цивилизационной общности. Единственный относительно похожий случай — это Бангладеш и его принадлежность к исламской цивилизации, несмотря на отсутствие общих границ с государствами «Исламского мира». Подобное именуется у С. Хантингтона «цивилизационным анклавом» [Huntington 1996: 175]. Однако Бангладеш связан с исламским цивилизационным ядром хотя бы по морю и сама граничит только с одной цивилизацией — индуистской (а не с двумя, как Монголия), с отдельными частями которой имеет много общего с точки зрения языка, климатических и географических условий, этноса (в частности, с бенгальцами-индустами в Индии). Все это говорит о том, что цивилизационная ситуация, сложившаяся в Монголии, не является случаем «цивилизационного анклава».

Вместе с тем, если по указанным выше причинам Монголию не следует вписывать в состав какой-либо более крупной цивилизационной идентичности, ее также нельзя назвать и местом стыка цивилизаций (или зоной перекрестного влияния) — страна весьма моноэтнична и монорелигиозна, не имеет внутренних этнорелигиозных и межэтнических конфликтов (что противоречит логике «столкновения цивилизаций»). За редким исключением в виде Баян-Ульгийского аймака, населенного алтайскими казаками-мусульманами, в Монголии не существует разных «векторов цивилизационного тяготения» или «культурной ориентации» в различных регионах страны.

Третье предположение о том, что Монголия может быть образованием без цивилизационной идентичности, также легко опровергается рядом объективных доказательств. Отсутствие цивилизации в трудах большинства классиков цивилизационного подхода синонимично понятию «дикость», и в настоящее время без цивилизационной идентичности существуют только неконтактные племена, которых отличает полная изоляция от мирового сообщества. Все остальные общности без выраженной цивилизационной идентичности прекратили существование по внутренним причинам или были поглощены другими [Huntington 1996: 40], чего не произошло с Монголией.

Таким образом, анализ показал, что Монголия максимально удалена и отлична от любых цивилизационных центров и при этом является весьма целостным религиозным, культурным, языковым и этническим пространством. В связи с этими фактами актуальным представляется постановка вопроса о ее

уникальной цивилизационной самостоятельности, — несмотря на кажущиеся недостаточными количественные показатели данной идентичности. Следовательно, представляется уместным и оправданным говорить именно о полноценном трехстороннем цивилизационном диалоге в рассматриваемом субрегионе. Однако каковы в таком случае основные параметры этого взаимодействия, его характерные особенности, возникшие в силу существования третьего субъекта, расположенного между двумя более крупными?

Ряд народов, проживающих вдоль границ России и Китая с Монголией, имеют этнорелигиозные сходства с монголами, а также общую языковую среду и историю. К ним в разной степени можно отнести бурятов и тувинцев, проживающих в России, южных монголов Китая. Наличие зон перекрестного цивилизационного влияния в районах России и Китая на границах с Монголией обеспечивает гладкий транзитный переход и неконфликтное соприкосновение различных этносов и групп трех государств, создает дополнительное пространство для взаимодействия Монголии, РФ и КНР в таких сферах, как гуманитарное сотрудничество, культурный обмен, региональная торговля, а также туризм и пр. [Ван 2015: 68].

Напрямую Россия и Китай начали осуществлять политические и цивилизационные контакты с конца XVII в. [История Китая 2021: 141–152], в то же время китайская цивилизация взаимодействовала с монголами более тысячелетия, истоки контактов российской и монгольской цивилизации относятся к XIII в. Вместе с тем первичные сведения о существовании самого Китая еще до первых официальных контактов исходили от русских исследователей и царских посланников к представителям монгольской цивилизации [Успенский 2012: 10]. Таким образом, относительно короткий по историческим меркам российско-китайский период непосредственных контактов дополняется опытом цивилизационных взаимодействий русских с монголами, что содействует развитию политического, экономического и культурного диалогов в «треугольнике».

Известно, что понятие евразийской общности восходит к имперским проектам времен Чингисхана — объединителя народов Европы и Азии в единое политическое и торговое пространство [Куликов 2021: 50]. В течение веков Монголия, максимально удаленная от цивилизационных центров, являлась целостным религиозным, культурным, языковым и этническим пространством, самодостаточным и самостоятельным цивилизационным центром, даже после ее интеграции в XVII в. в Цинскую империю Китая и в период советского влияния [Железняков 2023: 613]. Исходя из этого обстоятельства, можно говорить о Монголии как о полноценном партнере для российской и китайской цивилизаций.

Позитивное влияние от специфической трехсторонней композиции субрегиональной системы испытывает и сама монгольская цивилизационная идентичность. Так, отсутствие жесткого официального политического союза России, Китая и Монголии создает для последней благоприятные возможности для налаживания открытого и стабильного диалога с другими мировыми цивилизациями. Монгольская идентичность обогащается новыми для себя чертами, реализуя себя на международной арене.

Обобщая сказанное, следует отметить, что история расширения российской Азии в XVII–XX вв. на монгольском участке была связана с формированием трансграничного пространства, вобравшего в себя миграционные потоки и черты

российской, монгольской и китайской цивилизаций. Казаки, войдя в контакт с монгольскими ханами в XVII в., положили начало созданию огромной зоны российско-монгольского буферного (от Китая) пространства [Бабаев, Лузянин 2024: 141]. Наличие ряда уникальных религиозных, культурных и языковых особенностей, отличающих монголов от основной массы населения двух соседних государств, а также существование в Монголии культурного синтеза кочевых традиций с буддизмом северной ветви позволяют рассматривать монгольскую идентичность не просто как отличие монголов от соседних им народов, а как некую локальную цивилизацию, не попавшую под значительное влияние ни одной другой, более крупной идентичности. Очевидно, что соседние крупные государства — Россия и Китай — составляют в совокупности особый фактор для развития монгольской цивилизации на современном этапе. Сочетание таких параметров трехсторонней системы, как добрососедство и самодостаточность отличающихся друг от друга цивилизационных идентичностей, представляется ключевым фундаментом для развития Монголии.

5. Заключение

На современном этапе субрегиональная система «Россия – Монголия – Китай» как в транспортно-инфраструктурном, так и культурно-цивилизационном измерениях представляет собой сплав прикладных, инфраструктурных и энергетических проектов и коридоров на фоне формирования многопрофильного гуманитарного пространства, в котором монгольская цивилизация занимает центральную связующую роль, несмотря на ее демографическую и экономическую асимметрию трех стран. Именно такое понимание многомерного субрегионального взаимодействия трех упомянутых акторов, которое не предполагает «перекос» в учете количественных показателей над качественными, и допускает последовательное изучение и сопоставление различных измерений трехсторонней системы, которые ранее рассматривались в пределах отдельных дисциплин и направлений науки, представляет собой особое видение «треугольника», открывающее для исследователей новые возможности его глубинного анализа.

Литература

- Бабаев, Лузянин 2024 — Бабаев К. В., Лузянин С. Г. Поворот на Восток: Восточно-азиатский вектор России (2014–2024) / отв. ред. С. А. Караганов. М.: Российская академия наук, 2024. 256 с.
- Бейдина и др. 2021 — Бейдина Т. Е., Литовченко А. П., Новикова А. В. Транспортные коммуникации как инструмент реализации внутренней и внешней политики Монголии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. № 10. С. 35–44.
- Ван 2015 — Ван Пин. Российско-китайско-монгольское трансграничье как пространство межкультурного диалога // Гуманитарный вектор. Сер.: Философия, культурология. 2015. № 2 (42). С. 67–74.
- Дондоков, Намжилова 2022 — Дондоков З. Б.-Д., Намжилова В. О. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: выстраивание инфраструктурной связанности в условиях глобальных вызовов // ЭКО. 2022. № 12 (582). С. 52–71.
- Дремов и др. 2016 — Дремов И. И., Кольцов П. М., Ишеев В. О. Калмаки и казаки в документе 1614 года // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4 (32). С. 21–27.
- Железняков 2016 — Железняков А. С. Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа. М.: Весь Мир, 2016. 288 с.
- Железняков 2023 — Железняков А. С., Чулуунбаатар Г. Россия и Монголия в цивилиза-

- ционной и геополитической парадигмах развития Центральной Евразии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2023. № 3. С. 612–621.
- История Китая 2014 — История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 тт. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. VI. Династия Цин (1644–1911) / отв. ред. О. Е. Непомнин. М.: Наука, 2014. С. 550–572.
- Куликов 2021 — Куликов Е. А. «Наследие Чингисхана» как азиатский фактор формирования политико-правового учения Евразийства // Российско-азиатский правовой журнал. 2021. № 1. С. 49–54.
- Лузянин 2021 — Лузянин С. Г. Россия-Монголия-Китай: исторические и современные трансформации // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 5. С. 141–152.
- Макаров и др. 2020 — Макаров А. В., Макарова Е. В., Андреев А. Б. Монгольский коридор: проблемы и перспективы развития транзитно-транспортной сети Монголии // ЭКО. 2020. № 10 (556). С. 34–49.
- Миронова 2016 — Миронова М. Н. Современные тенденции экономического сотрудничества Монголии с Китаем и Россией // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-1. С. 17.
- Мясников 2014 — Мясников В. С. Кастальский ключ китаевода. Сочинения: в 7 тт. М.: Наука, 2014. 636 с.
- Мясников 2014 — Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. // Кастальский ключ китаевода. Соч. в 7 тт. Т. 1. М.: Наука, 2014. С. 59–74.
- Российско-монгольское сотрудничество 2022 — Российско-монгольское сотрудничество в многосторонних инфраструктурных форматах. 100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству отв. ред. В. В. Грайворонский, К. В. Орлова. М.: ИВ РАН, 2022. 218 с.
- Успенский 2012 — Успенский В. Л. Из истории русско-китайских отношений в XVII в.: (по новым документам на монгольском языке) // Новый исторический вестник. 2012. № 33. С. 10–16.
- Хангай 2011 — Хангай Л. Эдийн засгийн коридор бол орчин цагийн цайны зам [Экономический коридор — это современный чайный путь]. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2011. 148 с.
- Huntington 1996 — Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order (= Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка). New York: Simon & Schuster, 1996. 410 p.

References

- Babaev K. V., Luzyanin S. G. Turn to the East: Russia's East Asian Vector (2014–2024). Moscow: Russian Academy of Sciences, 2024. 256 p. (In Russ.)
- Beidina T. E., Litovchenko A. P., Novikova A. V. Transport Communications as a Tool for Implementing Mongolia's Domestic and Foreign Policy. *Bulletin of the Transbaikal State University*. 2021. No. 10. Pp. 35–44. (In Russ.)
- Dondokov Z. B.-D., Namzhilova V. O. China-Mongolia-Russia Economic Corridor: Building Infrastructure Connectivity in the Context of Global Challenges. *ECO*. 2022. No. 12 (582). Pp. 52–71. (In Russ.)
- Dremov I. I., Koltsov P. M., Imeev V. O. Kalmaks and Cossacks in the Document of 1614. *Bulletin of Kalmyk University*. 2016. No. 4 (32). Pp. 21–27. (In Russ.)
- Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. 410 p. (In Eng.)
- Khangai L. Eדיין Засгийн Коридор Бол Орчин Тсэгийн Цайны Зам. The Economic Corridor is a Modern Tea Route. Ulaanbaatar: Munkh Useg, 2011. 148 p. (In Mong.)
- Kulikov E. A. “The Legacy of Genghis Khan” as an Asian Factor in the Formation of the

- Political and Legal Doctrine of Eurasianism. *Russian-Asian Legal Journal*. 2021. No. 1. Pp. 49–54. (In Russ.)
- Luzyanin S. G. Russia-Mongolia-China: Historical and Modern Transformations. *Vostok. Afro-Asian Societies: History and Modernity*. 2021. No. 5. Pp. 141–152. (In Russ.)
- Makarov A. V., Makarova E. V., Andreev A. B. Mongolian Corridor: Problems and Prospects for the Development of Mongolia's Transit and Transport Network. *ECO*. 2020. No. 10 (556). Pp. 34–49. (In Russ.)
- Mironova M. N. Modern Trends of Mongolia's Economic Cooperation with China and Russia. *Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2016. No. 3–1. 17 p. (In Russ.)
- Myasnikov V. S. The Kastal Key of a Sinologist. In 7 vol. Moscow: Nauka, 2014. (In Russ.)
- Myasnikov V. S. The Qing Empire and the Russian State in the 17th Century. Vol. 1. Kastalsky Key of Sinology. In 7 volumes. Moscow: Nauka, 2014. Pp. 59–74. (In Russ.)
- Russian-Mongolian Cooperation in Multilateral Infrastructure Formats. 100 Years of Diplomatic Relations between Russia and Mongolia: from Friendly Relations to a Comprehensive Strategic Partnership. V. Grayvoronsky, K. Orlova (eds.) Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2022. 218 p. (In Russ.)
- The History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century. In 10 Vols. S. Tikhvinsky (ed.). Vol. 6. The Qing Dynasty (1644–1911). O. Nepomnin (ed.) Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka, 2014. Pp. 550–572. (In Russ.)
- Uspensky V. L. From the History of Russian-Chinese Relations in the 17th Century: based on New Documents in the Mongolian Language. *New Historical Bulletin*. 2012. No. 33. Pp. 10–16. (In Russ.)
- Wang Ping. Russian-Chinese-Mongolian Cross-Border Area as a Space for Intercultural Dialogue. *Humanitarian vector. Series: Philosophy, Cultural Studies*. 2015. No. 2 (42). Pp. 67–74. (In Russ.)
- Zheleznyakov A. S. Mongolian Civilization: History and Modernity. Theoretical Substantiation of the Atlas. Moscow: Ves' Mir, 2016. 288 p. (In Russ.)
- Zheleznyakov A. S., Chuluunbaatar G. Russia and Mongolia in the civilizational and geopolitical paradigms of the development of Central Eurasia. *Peoples' Friendship University of Russia Journal. Series: Sociology*. 2023. No. 3. Pp. 612–621. (In Russ.)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(470.56)"1771"
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-461-477**Влияние откочевки подданных наместника Калмыцкого ханства в Китай в 1771 г. на калмыцкие поселения Оренбургской губернии***Степан Викторович Джунджузов¹*

¹ Оренбургский государственный педагогический университет (д. 19, ул. Советская, 460014 Оренбург, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор
 0000-0001-8937-5690. E-mail: [djund\[at\]yandex.ru](mailto:djund[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Джунджузов С. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается незатронутая в историографии проблема влияния откочевки из России в Китай в 1771 г. калмыков-торгутов на калмыцкое население Оренбургской губернии. Источниками для ее изучения послужили материалы фонда № 3 «Оренбургская губернская канцелярия» Объединенного государственного архива Оренбургской области. Наряду с документами, содержащими распоряжения оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа и разного рода адресованные ему донесения, в них представлены показания калмыков, подвергавшихся допросам в канцелярии Яицкого казачьего войска. Большинство архивных документов впервые вводятся в научный оборот. Восстановление канвы рассматриваемых событий посредством привлеченных архивных материалов потребовало использования специальных методов исторического исследования: критического анализа исторических источников, исторической непрерывности, а также историко-сравнительного и историко-правового методов, позволяющих проследить общие и отличные черты в правовом положении калмыцких поселян в Оренбургской губернии. *Результаты.* Непосредственно вовлеченными в процесс калмыцкой миграции оказались калмыки-казаки Яицкого войска. С подданными наместника Калмыцкого ханства они были связаны родственными и конфессиональными узами. Под влиянием агитации, принуждения или из-за боязни расстаться с семьей часть яицких калмыков присоединилась к откочевке, спровоцированной калмыцкой знатью. Однако среди яицких калмыков были и такие, кто не только не пожелали покинуть Россию, но и помогли преследовать беглецов. Усилия российской администрации по ограничению контактов оренбургских и ставропольских крещеных калмыков не позволили вовлечь их в миграционный поток. Более того, Ставропольское калмыцкое войско пополнилось группой калмыков, отказавшихся от побега и выразивших желание стать православными христианами.

Ключевые слова: Джунгария, калмыки, Калмыцкое ханство, Китай, Оренбургская губерния, Оренбургское казачье войско, откочевка, Ставропольское калмыцкое войско, Яицкое казачье войско

Для цитирования: Джунджужов С. В. Влияние откочевки подданных наместника Калмыцкого ханства в Китай в 1771 г. на калмыцкие поселения Оренбургской губернии // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 461–477. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-461-477

The Influence of the Migration of the Governor's Subjects from Kalmyk Khanate to China on the Kalmyk Settlements of Orenburg Province in 1771

Stepan V. Dzhundzhuzov¹

¹ Orenburg State Pedagogical University (19, Sovetskaya St., 460014 Orenburg, Russian Federation).

Dr.Sc. (History), Professor

 0000-0001-8937-5690. E-mail: Djund[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Dzhundzhuzov S.V., 2024

Abstract. Introduction. The article deals with the problem of the influence of the migration of Kalmyks from Russia to China on the Kalmyk population of Orenburg province in 1771, which is not affected in historiography. The sources for the study were the *materials* of the fund No. 3 “Orenburg Provincial Chancellery” of the United State Archive of the Orenburg region. Along with the documents containing the orders of the Orenburg governor I.A. Reinsdorp and various reports addressed to him, they contain the testimony of Kalmyks who were interrogated in the office of the Yaik Cossack army. Most archival documents are being introduced into scientific circulation for the first time. The restoration of the outline of the events under consideration through the use of archival materials required the use of special *methods* of historical research: critical analysis of historical sources, historical continuity, as well as historical-comparative and historical-legal methods that allow tracing common and distinct features in the legal situation of Kalmyk villagers in Orenburg province. Results. Kalmyks-Cossacks of the Yaik army turned out to be directly involved in the process of Kalmyk migration. They were related to the subjects of the governor of the Kalmyk Khanate by kinship and confessional ties. Under the influence of agitation, coercion, or out of fear of parting with their family, some of the Yaik Kalmyks joined the migration provoked by the Kalmyk nobility. However, among the Yaik Kalmyks there were those who not only did not want to leave Russia, but also helped to pursue the fugitives. The efforts of the Russian administration to limit contacts between Orenburg and Stavropol baptized Kalmyks did not allow them to be involved in the migration flow. Moreover, the Stavropol Kalmyk army was replenished by a group of Kalmyks who refused to escape and expressed a desire to become Orthodox Christians.

Keywords: Dzungaria, Kalmyks, Kalmyk Khanate, China, Orenburg province, Orenburg Cossack army, migration, Stavropol Kalmyk army, Yaik Cossack army

For citation: Dzhundzhuzov S. V. The Influence of the Migration of the Governor's Subjects from Kalmyk Khanate to China on the Kalmyk Settlements of Orenburg Province in 1771. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (3): 461–477. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-461-477

1. Введение

Откочевка 200 тыс. калмыков-торгутов на завоеванную Китаем территорию бывшего Джунгарского ханства стала ключевым событием и величайшей трагедией в истории калмыцкого народа. До китайской границы добралось не более половины калмыцких переселенцев. Люди гибли от голода, болезней, в сражениях с неприятелем, получали ранения, попадали в плен (см., например: [Тепкеев, Кабульдинов 2023]) и со временем теряли свою этническую идентичность. Ушедшие в Китай и оставшиеся в России калмыки утратили государственность. Нарушены были исторически сложившиеся этнородственные связи.

Как и всякое крупное историческое событие, уход калмыков во главе с наместником Калмыцкого ханства из России нашел отражение в трудах исследователей разных поколений от очевидцев до современных отечественных и зарубежных историков. И если его итог и последствия для калмыцких переселенцев характеризуются в российской историографии как национальная трагедия, то трактовка причин, побудивших правящую верхушку Калмыцкого ханства принять решение об откочевке в Китай, в разные периоды их изучения имела существенные различия.

В дореволюционной российской историографии преобладали мнения, что виновником миграции был наместник ханства Убаши, попавший под влияние ангажированной китайскими властями владельческой верхушки, и в первую очередь нойона Шеаренга [Левшин 1832: 252]. Иными словами, в выпавших на калмыцкий народ бедах виноваты сами калмыки, которые со времени принятия российского подданства постоянно нарушали взятые на себя обязательства [Попов 1861: 20–31].

Советская историография, напротив, акцентировала внимание на угнетательской сущности имперской национальной политики России. В русле заданной парадигмы уход калмыков в Центральную Азию рассматривался как своеобразная форма борьбы против царизма. Советские историки акцентировали внимание на кризисных явлениях в экономике, с которыми столкнулось Калмыцкое ханство в 60–70-е гг. XVIII в., когда места традиционного кочевья калмыков стали объектом крестьянской и казачьей земледельческой колонизации. Социальной напряженности также способствовала христианизация калмыков, переселявшихся на отведенные им в пределах России территории. Усиление экономического и политического гнета и связанная с ними угроза упразднения калмыцкой государственности побудили правящую верхушку Калмыцкого ханства отказаться от российского подданства [Мавродин 1961: 501; Беликов 1965: 99; Беликов 1971: 47; Чимитдоржиев 1989: 52–53].

Современная российская историография от предыдущих периодов отличается более объективным, комплексным подходом к изучению миграции значительной части калмыков в Китай и причин, побудивших их к этому роковому шагу. Наряду с колониальной и феодальной сущностью политики царизма в отношении калмыков исследователи углубились в изучение их этнической культуры, психологии, влияния религиозного фактора как побудительного мотива возвращения на «старую родину». В частности в работе Е. В. Дорджиевой успешную агитацию народных масс в пользу откочевки в Центральную Азию автор пытается объяснить такими якобы характерными чертами калмыцких простолюдинов как беспечность, безмятежность, халатность, жизнь одним днем.

На психологическом настрое, по мнению Е. Д. Дорджиевой, также сказались свойственные ментальности калмыков монархическая доминанта и осмысление себя частью ойратского универсума [Дорджиева 1999: 234]. На клерикальную элиту калмыков, как активного участника подготовки и реализации откочевки 1771 г., обращает внимание А. А. Курапов. Поводом для откочевки, по его мнению, стали «подзывные грамоты Далай-ламы», апеллировавшие к присоединению калмыков к единоверцам [Курапов 2018: 414].

В. И. Колесник рассматривает «бегство торгоутов» из России в ряду выдающихся событий конца XVIII в., оставивших след в мировой истории. Исследователь называет его последней крупной миграцией в истории человечества. Откочевка производилась организованно, в соответствии с разработанным планом и по определенному в нем маршруту. Предпринятый наместником ханства Убаши переход В. И. Колесник оценивает как героический: «Калмыки проявили удивительные и беспримерные даже для степных кочевников выносливость, мужество, самоотверженность» [Колесник 2003: 48]. Характеризуя последствия принятия ушедших с Волги калмыков в китайское подданство, историк солидаризируется с устоявшимся мнением, что для калмыцких переселенцев, рассеянных китайскими властями на обширной территории по разным военно-административным округам, стала невозможной дальнейшая национальная консолидация «не только на общеойратском, но и на субэтническом — торгоутском, дербетском, хошоутском уровнях, чего собственно и добивалась Китайская империя» [Колесник 2003: 48].

Отдавая должное полноте и научной значимости трудов историков разных поколений, нельзя не признать, что объектом их изучения главным образом являлись ушедшие в Китай калмыки-торгуты и в меньшей степени калмыки, оставшиеся в низовьях Волги. Недостаточно или вовсе незатронутыми остаются проблемы административного, военного, правового и социального характера, с которыми столкнулись властные структуры и жители приграничных губерний, оказавшиеся прямо или косвенно втянутыми в ситуацию, сложившуюся в связи с бегством волжских калмыков. Одной из задач, требовавшей немедленного решения, выступало принятие превентивных мер к недопущению ухода поселенных в Оренбургской губернии яицких, оренбургских и ставропольских крещеных калмыков. Эти группы калмыков были причислены к военно-служилому сословию и исполняли возложенные на казаков повинности.

2. Материалы и методы исследования

Источниками для рассмотрения этого, как будет показано ниже, достаточно разноаспектного вопроса послужили материалы фонда Оренбургской губернской канцелярии Объединенного архива Оренбургской области. Привлеченный массив документов условно можно разделить на две группы. Первую из них составили ордера и распоряжения, исходившие от оренбургского губернатора, генерал-майора И. А. Рейнсдорпа и равного ему по званию командующего Оренбургским корпусом И. К. Давыдова, а также рапорты и донесения казачьих атаманов, старшин и прочих военных чиновников. Ко второй группе были отнесены показания яицких калмыков-казачей, записанные во время допросов в Яицкой войсковой канцелярии, а также других очевидцев, подвергшихся нападению мятежных калмыков. Большинство архивных документов

впервые вводятся в научный оборот. Восстановление канвы рассматриваемых событий посредством привлеченных архивных материалов потребовало использования специальных методов исторического исследования: критического анализа исторических источников, исторической непрерывности, а также историко-сравнительного и историко-правового методов, позволяющих проследить общие и отличные черты в правовом положении калмыцких поселян в Оренбургской губернии.

3. Калмыки-казаки Яицкого казачьего войска

Тесную связь с Калмыцким ханством сохраняли калмыки, состоявшие казаками Яицкого (с 1775 г. — Уральского) казачьего войска. Многие из них были казаками в первом или втором поколениях. Яицкие калмыки, селившиеся на войсковых землях, сохраняли связь с оставшимися в ханстве родственниками, их не принуждали к смене вероисповедания. Они продолжали исповедовать буддизм. Яицким калмыкам не возбранялось совершать паломничества в расположенные в Калмыцком ханстве буддийские монастыри — хурулы. Там же приезжавшие с Яика калмыки проходили обряды посвящения в духовные звания — гецулей и гелюнгов.

В исследованиях, посвященных истории Калмыцкого ханства, в качестве одной из основных причин недовольства калмыцкой знати проводимой Россией политикой определяется целенаправленная христианизация калмыков. Однако не меньшую опасность для традиционного калмыцкого кочевого сообщества представлял переход части калмыков в казачье сословие. Для рядовых калмыков, а запись в казаки означала освобождение от феодальной, по сути крепостной, зависимости от улусных владельцев — нойонов и зайсангов. Естественно, на этой почве между калмыцкими нойонами и казачьей администрацией возникали недопонимание и конфликты.

Рост численности яицких казаков из калмыков в первой половине и середине XVIII в. объяснялся запретом правительства принимать в войско беглых крестьян. Регулярная статистика численности калмыков в Уральском и соседнем Оренбургском казачьем войске начала вестись в XIX в. В данном случае мы вынуждены оперировать более ранними сведениями. В начале XVIII в. в Яицком войске состояло 43 калмыка. В 1725 г. в казаки записались еще 110 калмыков, а в 1748 г. в окрестностях Яицкого городка кочевало уже 620 калмыков, из них, как говорилось в донесении Яицкой канцелярии, 470 «в казаки не записаны, но служат по воле своей», остальные 150 калмыков кочуют «по воле своей» [Джунджузов 2016: 42].

В документации Войсковой канцелярии отложились документы: прошения, допросные листы, свидетельствующие, что калмыки продолжали записываться в казачью службу и в последующие десятилетия. Калмыки, официально числившиеся казаками Яицкого войска, состояли в 60-кибиточной команде. От них уже не требовалось указывать, какому калмыцкому владельцу они прежде принадлежали и как давно причислены к войску.

В 1768 г. на рассмотрение состоящему при калмыцких делах при астраханском губернаторе полковнику И. А. Кишенскому поступили два ходатайства со взаимными претензиями. Одно от нойона Бамбара к Яицкому войску и казаку Гендуну Гецулю. И второе, соответственно, от Гендуна Гецуля к Бамбару и его

племяннику Киптену (в документе упоминается как Капитан). Если абстрагироваться от традиционных для казаков и кочевников обвинений друг друга в отгоне скота, пленении людей и нанесении ран, то главная и принципиальная претензия со стороны Бамбара к Яицкому войску заключалась в неконтролируемом приеме в его состав беглых калмыков.

Бамбар настаивал, что в числе новоявленных яицких казаков имеются калмыки, преследовавшиеся ранее за уголовные преступления. По свидетельству нойона, сам Гендун Гецуль, прежде состоявший на службе у наместника ханства Убаши, украл четыре ханских лошади и продал русским людям. За совершенное воровство и другие проступки он был предан суду. Совместно с ханскими представителями судебным разбирательством занимался сам полковник И. А. Кишенской. Не дожидаясь приговора и неминуемого наказания, Гецуль с четырьмя сообщниками бежал на Яик и записался в казаки. На неоднократные требования наместника ханства о возвращении беглого преступника Войсковая канцелярия якобы ответила, что «он, Гецуль, принят ими не за воровского, но за добросостоятельного человека» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87. Л. 68об.].

В дальнейшем Гендун Гецуль примирится с Убаши и от его имени будет подстрекать яицких калмыков к уходу из российского подданства.

Надо отдать должное полковнику И. А. Кишенскому, предложившему оренбургскому губернатору целую программу мероприятий, способных в случае их реализации положить конец трениям между Калмыцким ханством и Яицким войском по поводу переманивания состоявших в их ведомствах калмыков. Предложения И. А. Кишенского заключались в следующем:

1) провести ревизию всех 60 кибиток, состоявших в команде Яицкого войска, и по ее итогам составить именной список яицких калмыков;

2) установить всех бежавших из улусов на Яик калмыков, особенно, как подчеркивал И. А. Кишенской, «учинивших смертное убийство», которых для проведения следствия прислать с нарочными в его распоряжение;

3) Яицкому войску подтвердить требование, чтобы калмыкам, отправлявшимся в улусы Калмыцкого ханства, в Войсковой канцелярии выписывались паспорта. По прибытии к указанному в паспорте месту им надлежало явиться для регистрации к определенному при калмыцких делах командиру;

4) о бежавших с Яика калмыках-казаках Войсковая канцелярия должна была информировать уполномоченного чиновника, состоявшего при калмыцких делах.

И. А. Кишенской стремился охватить волжских калмыков максимальным контролем и требовал от оренбургского губернатора запретить Яицкому войску вступать в переписку с калмыцкими владельцами. Он утверждал, что в силу высочайших указов из Коллегии иностранных дел состоять в переписке с наместником Калмыцкого ханства и калмыцкими нойонами позволено только находящемуся при калмыцких делах командиру. Не считается с этим правилом только Яицкое войско [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87. Л. 64–65об.].

В дальнейшей ведомственной переписке оренбургских губернаторов с атаманами и канцелярией Яицкого войска об инициативах полковника И. А. Кишенского не упоминается. Возможно, документы с резолюциями по ним были утрачены. Но, скорее всего, они были сознательно проигнорированы, так как ни оренбургским губернаторам, в чьем ведении находилось Яицкое казачье войско,

ни самому Войску в лице его атаманов и старшин, не хотелось терять источник пополнения казачьего населения.

Движение калмыков-торгутов на Восток началось 5 января 1771 г. [Болдырева 2006: 262]. В Оренбурге об истинном намерении наместника ханства покинуть Россию и перейти в подданство китайского императора стало известно через десять дней, когда передовые кочевья беглецов достигли Яика. Первыми информаторами оренбургских администраторов о смуте, случившейся в Калмыцком ханстве, были яицкие калмыки-казаки. Оренбургский губернатор Иван Андреевич Рейнсдорп, видимо, оправдывая свою нерешительность, признался командующему Оренбургским корпусом генерал-майору Ивану Кириловичу Давыдову, что «по многим резонам отнюдь тому не верил, чтоб Волжская калмыцкая орда¹ на побег подвигнуться могла». И только 23 января, когда получил извещение от полковника И. А. Кишенского, оренбургский губернатор наконец убедился, «что оная орда с ее наместником и владельцами, по учинении некоторого злодейства, на побег, конечно, пошла» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 61].

Откочевка волжских калмыков до реки Яик проходила по территории Яицкого казачьего войска. Наместник ханства Убаши полагал, что яицкие калмыки, вдохновленные идеей возвращения на родину предков, откликнутся на его призыв. Все яицкие калмыки, заподозренные или задержанные в побеге, как и те, кто отказались в нем участвовать, в своих показаниях утверждали, что подстрекал их покинуть Россию вернувшийся из «Волжской калмыцкой орды» отставной яицкий казак Гендун Гецуль, причем из всех опрошенных непосредственно встречался с Гецулем только Балдан Габун Шарапов сын, остальные узнавали о его призывах от родственников и знакомых.

Балдан состоял в 60-ти кибиточной команде. Совместно с отцом и еще 31 семейством (кибитками) имел кочевье на реке Камелик. 10 января на пути из Яицкого городка ему повстречались Гендун Гецуль и сопровождавшие его калмыки. Гецуль ему рассказал, что вся Калмыцкая орда кочует к Яику и далее намерена переправиться через него и идти в Джунгарию (в тексте, как тогда было принято ее называть — в Зенгорию. — С. Д.). Балдан был свидетелем случившегося на той же дороге нападения Гендун Гецуля с калмыками на трех русских мужиков, у которых они отобрали лошадь, два зипуна и 25 копеек денег. Совершенное преступление, видимо, должно было символизировать решимость Гецуля, его готовность идти к поставленной цели, не останавливаясь перед нарушением российских законов. На прощанье Гендун Гецуль забрал у Балдана его гнедого мерина, взамен оставив крестьянскую лошадь [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 41об.–42].

На ночлег Гендун Гецуль со своими сподвижниками остановился в калмыцком кочевье близ Яицкого городка. Часть яицких калмыков поддались на его уговоры. Пятерых из них, состоящих в казаках, бывшего сотника Ивашку Мулунова с женой и детьми, Намро, Лаузана и Батрика Зодбиных и волжского калмыка Сахалту Минжи (Минзи) признали оставшиеся верными присяге Адын Шапки и Баяр Шатков. Задержать вооруженных изменников они не смогли и в 2 часа по полуночи обратились за содействием к атаману Иванникову. Посланная атаманом казачья команда задержала одного калмыка Мунгуша. Еще один

¹ Под терминами Волжская калмыцкая орда, Калмыцкая орда в архивных документах подразумевается Калмыцкое ханство и его население.

калмык Баран Бажиров попал под подозрение, так как у него была оседлана лошадь [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 23].

Старшины Войсковой канцелярии выразили уверенность, что от Яицкого городка Гендун Гецуль, Ивашка Мулунов и Сахалта Минжи отправятся к реке Деркул, где находилось их кочевье в числе десяти кибиток. Войсковая канцелярия для поимки смутьянов предложила генерал-майору И. К. Давыдову к реке Деркул направить казачью команду [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 22]. Однако, как выяснилось пятью днями позднее — 16 января, калмыков на Деркуле уже не было. В тот день в Войсковую канцелярию был доставлен башкир Аллабурда Кунаков. На реке Деркул он состоял пастухом при зимовавших там татарских лошадях. 9 января (в документе: «назад тому семь дней». — С. Д.) к его косяку подъехали десять калмыков, из которых он узнал служивших казаками Улюмжу Багдыкова и Шарапа Дундукова. У Кунакова они забрали двести лошадей. Затем Шарап Дундуков с четырьмя калмыками поехали в деркульские хутора. Три дня Кунаков оставался в степи в окружении незнакомых калмыков, которые, не дождавшись возвращения Ш. Дундукова, отобрали у Кунакова хорошую одежду и отпустили его на одной худой лошади [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 47–47об.].

Сведения о произошедшем на Деркуле инциденте в Войсковой канцелярии представили казаки из калмыков Лабзан и Чидан Банниковы. 11 января братья Банниковы возвратились в свое кочевье из Яицкого городка. Их отец, отставной казак Банник Кренцинов, рассказал им при встрече, что к ним в кочевье 9 января приезжали вернувшиеся из Калмыцкой орды Гендун Гецуль, Улюмжа Багдыков и с ними еще человек двадцать волжских калмыков. К поступившему уже прежде сообщению о намерении волжских калмыков идти в Джунгарию уточнялось, что переправляться через Яик они будут между Гурьевым и Яицким городками. Возглавляет Калмыцкую орду сам наместник ханства Убаши, а его ближайший соратник, нойон Шеаренг, собравший до пяти тысяч калмык, намеревается совершить нападение на Яицкий городок.

Братья Банниковы уведомили Войсковую канцелярию, что все кочевавшие с ними калмыки, за исключением их отца, уведены заговорщиками в Калмыцкую орду. Отец же их, Банник Кренцинов, решившийся не идти на поводу у изменников, был ограблен и ранен копьем. В надежде на возмещение понесенных убытков Банниковы представили опись имущества, отобранного у их семейства [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 43–44об.].

Преследование вышедших из повиновения яицких калмыков осложнялось непредсказуемостью их перемещений. Войсковая канцелярия не могла толком определиться, когда и где провокаторы смуты появятся в следующий раз: «сумнительно, чтоб от выше писанных беглецов и те все были не подговорены, и по их лехкомыслию не пошли в другое место» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 22об.].

Новое сообщение о появлении подстрекателей в яицких кочевьях поступило в Войсковую канцелярию 13 января от походного сотника Федора Породнова, несшего службу на Нижней Яицкой линии в Кош-Яицком форпосте. Подробности происшествия, случившегося в калмыцком кочевье, которое располагалось напротив Кош-Яицкого форпоста, при урочище Кушум, засвидетельствовал калмык Алдан Убушин. Оба свидетеля, дополняя друг друга, показали следующее.

11 января в указанное выше кочевье из Яицкого городка вернулись два калмыка: отставной казак Хасан и волжский калмык Лошара Кабдин. Они рас-

сказал, что Гендун Гецуль призывает всех яйцких калмыков следовать за ними в Калмыцкую орду. Из семи кибиток не откликнулись на этот призыв только калмык из джунгар Номго Баин Шара и сам Алдан Убушин. «Видя их к побегу злое намерение», Алдан (в рапорте Породнава назван Абдой. — С. Д.) поспешил за подмогой в Кош-Яицкий форпост. По его наводке сотник Ф. Породных снарядил команду из 20 казаков. Казаки преследовали беглецов двадцать верст, но не настигли.

Щедрой компенсацией казакам за неудачную погоню могло служить брошенное калмыками имущество. В рапорте сотника Ф. Породнава перечисляются собранные казаками 300 лошадей, 4 тыс. голов рогатого скота, 4 кибитки, один котел с таганом. Лошади и скот были отогнаны к форпосту. Лошадей всех распределили между казаками, а рогатый скот остался пастись при форпосте [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 39].

В донесении Алдана Убушина казачьи трофеи выглядят существенно скромнее. Решившиеся на побег калмыки угнали 47 лошадей, 5 из которых принадлежали войсковому старшине Алексею Митрясову. Преследовавшие беглецов казаки забрали несколько лошадей, 47 голов скота и «5 кибиток с ветхими кошмами» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 46–46об.].

Последнее яйцкое кочевье, жители которого были увидены мятежниками, находилось на реке Камелик. О разорении этого кочевья рассказали на допросе четверо калмыков, задержанных казачьей командой старшины Нефедя Матовщикова: уже упоминавшийся Балдан Шарапов, его отец Габун Шарапов и их соседи по кочевью: Намро Солом и Сангажит Чувашев.

На следующий день после встречи Балдана Шарапова с Гендун Гецулем эти четверо калмыков поспешно отправились в свое кочевье. Оно находилось на расстоянии ста верст от Яицкого городка. Возвратившиеся к месту жительства калмыки никого не застали. Все их соседи и родственники с женами и детьми, забрав лошадей, ушли, подчинившись призыву ханских эmissаров. После них осталось пятнадцать брошенных кибиток, вокруг которых бродили несколько коров и баранов. Шараповы и их спутники отправились по следам жителей своего кочевья. Но, как уже говорилось, были схвачены казаками.

На заданный им в Войсковой канцелярии вопрос, почему они решились на побег, все задержанные отвечали практически одинаково: «для того, что жены и дети наши уже все разобраны», «понеже жена моя и дети находилась там», «для того, что жены и дети наши все с оным Гецулем забраны» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 41–43об.].

20 января 1771 г. Войсковой канцелярией Яицкого казачьего войска на имя генерал-майора И. К. Давыдова был представлен рапорт с приложенным к нему реестром состоявших в Войске калмыков, откочевавших в Калмыцкую орду. Согласно представленным в реестре данным из 60 кибиточных калмыков, которые действительно были «в казаках», бежали 18 человек и при них 18 кибиток (семей), также с женами и детьми ушли 5 отставных калмыков-казаков. Еще откочевавших 11 человек с десятью кибитками определялись как: «пришедшие в разные годы, здесь кочующие» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 55].

Реестр был составлен по горячим следам. Приведенные в нем данные не позволяют даже приблизительно определить количество калмыков, покинувших территорию Яицкого войска. Учитывались только взрослые мужчины, служи-

лые и отставные казаки и наличие у них кибиток. А сколько в этих кибитках насчитывалось женщин и детей, остается неясным. Однако с Яика могла уйти лишь незначительная часть калмыцкого населения Яицкого казачьего войска. В 1865 г., в Уральском казачьем войске состояло 1 280 калмыков, в два раза больше, чем в 1748 г. [Джунджузов 2016: 42].

Явных экономических и социальных причин для откочевки в Джунгарию яицких калмыков, в отличие от их волжских сородичей, не было. Они добровольно переселились на Яик и стали яицкими казаками. Их права и обязанности были теми же, что и у других казаков. Яицкие калмыки не подвергались принудительной христианизации, свободно общались с родственниками в Калмыцком ханстве. Они не зависели от власти наместника Калмыцкого ханства и своих бывших владельцев — нойонов и зайсангов. Показания задержанных яицких калмыков указывают, что их не только уговаривали, но и принуждали к побегу. Двигаться вслед за бегущими их также заставляла разлука с уже уведёнными смутьянами семьями, родственниками и соседями. Однако не следует делать окончательных выводов, основываясь лишь на показаниях задержанных калмыков. Крайне сомнительно, чтобы несколькими посланцами наместника Убаши удалось угрозами склонить к побегу десятки добровольно поступивших на казачью службу калмыков, если бы они сами того не желали. Более глобальную причину следует искать в общей калмыцкой или, точнее, в общей ойратской идентичности. Она могла проявляться в народной мифологии о прекрасной земле предков. К тому же зазывалы не скупилась на обещания привольной и богатой будущей жизни на вновь обретенной родине.

Последнее сообщение о бегстве калмыков из Яицкого войска датируется 2 февраля 1771 г. Есаул Логинов из Сорочиковской крепости доложил, что казаки, отпущенные для привоза сена, двое калмыков и один ногаец, перешли на степную сторону Яика к волжским калмыкам. В Сорочиковской крепости остались их жены и дети [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 328]. Через неполных два месяца ногойцу Ниязу Надырову удалось вырваться из калмыцкого плена. На допросе в Войсковой канцелярии он рассказал, что калмыки обманом заманили его в степь, где будто бы паслись бесхозные лошади. Проехав две версты, они его связали и повезли вслед за уходившей Волжской калмыцкой ордой [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 118. Л. 411].

Однако в донесениях Канцелярии Яицкого казачьего войска также содержатся сведения о преданности яицких калмыков-казаков, их участии в преследовании бежавших за пределы России калмыков. Так, 7 марта 1771 г. из Калмыковой крепости для выяснения местонахождения беглых калмыков были отправлены три разведчика — два русских казака и калмык Табита Тянов. Через неделю они добрались до реки Эмбы и остановились в четырех километрах от калмыцкого кочевья. От встреченных в пути казахов они узнали о военных действиях, которые велись против калмыков казахским ханом Нуралы и его братом Айчувак султаном. 21 марта разведчики благополучно вернулись в Калмыкову крепость [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 118. Л. 424–425об.].

4. Оренбургское и Ставропольское поселения крещеных калмыков

Обязательным условием для зачисления калмыков в Оренбургское казачье войско и Ставропольское калмыцкое войско являлся их переход в

христианское православное вероисповедание. Смена исповедания не оказала существенного влияния на религиозное мировоззрение калмыков. Вплоть до начала XX в. они оставались скрытыми приверженцами буддизма, а после издания в 1905 г. указа о веротерпимости начали открыто возвращаться к религии предков [Джунджузов 2004: 99–124]. По мнению российского правительства и православного духовенства, препятствием для укрепления крещеных калмыков в православном исповедании служило пагубное влияние калмыков-ламаистов. Поэтому перед местными оренбургскими и ставропольскими властями стояла не простая задача не допускать несанкционированных контактов между крещеными и некрещеными калмыками. Но перекрыть каналы общения между ними русские чиновники были не в состоянии. Следствием такого общения были побегы крещеных калмыков в Калмыцкое ханство. Зимой 1768 г. в Оренбурге от состоявшего при калмыцких делах подполковника И. А. Кишенского было получено сообщение о задержании в калмыцких улусах 87 беглых крещеных калмыков с женами и детьми [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 89. Л. 66об.], что составляло более одного процента населения Ставропольского калмыцкого войска.

В 1745 г. калмыки получили разрешение оренбургского губернатора И. И. Неплюева селиться в крепостях по Верхнеяицкой линии. Но с 1749 г., в соответствии с неоднократно подтвержденными договоренностями с правителями Калмыцкого ханства, оренбургскому губернатору было дозволено оставить только калмыков, выразивших желание перейти в православие. Таких оказалось всего 112 человек [Джунджузов 2014: 278].

В 1757 г. под поселение оренбургских калмыков была выделена обособленная территория внутри Самарской линии, недалеко от Новосергеевской и Сорочинской крепостей. В 1765 г. им была произведена нарезка земли по казачьей норме [Джунджузов 2014: 286]. Как и в Яицком казачьем войске, статистические сведения о калмыках-казаках в Оренбургском казачьем войске, относящиеся ко второй половине XVIII в., до настоящего времени исследователями не обнаружены. Однако тот факт, что к середине 1760-х гг. в Оренбургском корпусе несли службу 200 калмыков [Шовунов 1992: 58], указывает, что за предыдущие пятнадцать лет их численность существенно увеличилась и достигала не менее пятисот человек. Оренбургскими казаками становились калмыки, перебивавшиеся в Оренбург из Калмыцкого ханства и из Яицкого войска, беженцы из киргиз-кайсацкого (казахского) плена, а также переселенцы из Ставропольского калмыцкого войска.

Мобилизация оренбургских казаков, командируемых в корпус казачьего полковника А. А. Углецкого для преследования и задержания беглых калмыков, проходила в конце января 1771 г. 26 января атаман Оренбургского казачьего войска В. И. Могутов отдал приказ атаманам станиц, расположенных по Самарской дистанции, выбрать из их команд 355 «лучших и исполнительных» казаков. Уже через три дня в ордере оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа от 29 января содержалось распоряжение о немедленном отправлении в Яицкий городок всего пятисотенного корпуса А. А. Углецкого. Под призыв подпадали и оренбургские калмыки. 31 января это упущение было исправлено [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 103–103об., 144; ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 103–103об.]. Полковник В. И. Могутов удостоверял оренбургского губернатора, что «в пятисотенной

казацкой команде, отправленной с полковником Углецким к Яицкому городку, имеющиеся здешние крещенные калмыки 89 человек по словесному приказу Вашего превосходительства отменены. А вместо них из приготовленных на Самарской дистанции казаков тоже число выкомандировано» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 166].

Впрочем, когда в начале апреля, после дополнительных наборов, крепостные казаки были откомандированы в казачий корпус и Самарская дистанция обезлюдела служилыми казаками, полковник В. И. Могутов обратил внимание на оренбургских калмыков. Добиваясь разрешения губернатора на пополнение корпуса еще сотней казаков, атаман счел нужным указать, что «калмык 150 человек, которых де хотя не везде, однако во внутренних местах употреблять можно» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 119. Л. 14].

Самое многочисленное поселение крещенных калмыков располагалось в Среднем Поволжье, в радиусе 80–100 верст от Ставропольской крепости (ныне — Тольятти), по аналогии с которой их и стали называть ставропольскими крещеными калмыками. Первые калмыцкие поселенцы были приведены сюда в 1737 г. из Калмыцкого ханства и отданы в управление крещеной княгине Анне Тайшиной. После ее смерти в 1742 г., в результате преобразований, произведенных первым оренбургским губернатором И. И. Неплюевым, поселение получило военно-административное устройство и стало именоваться Ставропольское калмыцкое войско (до 1781 г. — корпус) [Джунджузов 2014: 77–104].

Согласно ведомости, представленной ставропольским комендантом в феврале 1771 г., в Ставрополе и его окрестности проживало 8 005 калмыков, из них 4 189 мужского пола и 3 816 — женского. В связи с принятием христианства и поселением на войсковой территории с 1758 г. джунгарских беженцев, у ставропольских калмыков появилась этническая градация. Выходцы из Калмыцкого ханства стали учитываться как калмыки волжские, а джунгары — как калмыки зенгорские. Первых насчитывалось 4 083 человека, вторых — 2 922 [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 118. Л. 81].

Ставропольские крещенные калмыки составляли особое военно-служилое сословие. Утвердившееся у них войсковое устройство было сходно с казачьим, но оно также учитывало специфику исторически сложившихся в калмыцком социуме общественных отношений. Представительным органом калмыцкого самоуправления являлся Калмыцкий суд. В начале 1770-х гг. в нем состояли восемь присутствующих членов, старшим из которых был полковник [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 118. Л. 80об.]. На коллегиальной основе в суде решались вопросы выделения денежных сумм на организационные, хозяйственные и благотворительные нужды, регулировались очередность и порядок исполнения военной повинности, разрешение судебных тяжб между калмыками. Однако решающее слово в управлении крещеными калмыками оставалось за комендантом Ставропольской крепости, в силу должности состоявшего первым членом Калмыцкого суда [Джунджузов 2014: 96].

Ставропольская провинциальная канцелярия была одним из первых территориальных ведомств, извещенным оренбургским губернатором о калмыцком побеге. И. А. Рейнсдорп требовал обеспечения «самоострожайшей предосторожности», заключающейся в недопущении ухода вслед за ханскими еще и крещенных калмыков. Необходимые сведения Канцелярии предлагалось получать от

пользовавшихся доверием калмыков — верных конфиденентов, «через которых бы всякой час поступки их, калмык, смотрены и разведываны прилежно были» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 2об.].

Сразу по получении предписания под подозрение Ставропольской канцелярии попал изъявивший желание креститься выходец из Джунгарии, дербетский нойон Нормо Даженко. Для восприятия крещения Нормо Даженко просил отпустить его в силу знатности в Санкт-Петербург. Но в этой просьбе ему было отказано. 21 декабря 1770 г. вместе с рядовым калмыком Арабшиной он был доставлен в Ставрополь. Ставропольская канцелярия выразила озабоченность: «не подослан ли он от его собратии <...> для возмущения и подговору к последованию себе на равный побег и ставропольских калмык» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 5]. Оренбургский губернатор счел опасение ставропольского ведомства заслуживающим внимания и выразил мнение, что «не может статься, чтоб сей владелец о предприятиях той Волжской орды, как недавно отлучившийся, не знал» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 5]. Но так как прямых доказательств к обвинению не было, Ставропольской канцелярии предлагалось установить за калмыцким нойоном неприметное наблюдение: «не тем ли он подослан как здесь мнится?» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 5].

До резолюции о проведении обряда крещения Нормо Даженко передавался для наставления в христианском вероучении под опеку протопопу Андрею Чубовскому. Ставропольская канцелярия просила губернатора выделять ему в день на пропитание десять копеек, вместо положенных пяти, чтобы, как пояснялось, по его бедности нужды не имел и «неудовольствие себе чувствовать не мог» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 152–152об., 154–154об.].

Более трех десятилетий приток новокрещенных калмыков обеспечивал рост численности Ставропольского войска. Он прервался в январе 1774 г., когда восстание Е. И. Пугачева докатилось до Ставрополя, а в марте 1771 г. войсковое население пополнилось калмыками, решившими вернуться в Россию.

9 февраля 1771 г. в Калмыкову крепость пришли 54 калмыка обоего пола, и объявили, что хотят получить от российской стороны покровительство, принять христианство и поселиться в Яицком казачьем городке [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 331–331об.]. В донесении на имя генерал-майора И. К. Давыдова их представители, Домба Улюмжин и Доржи Домо, указали, что до предпринятого калмыками ухода в Джунгарию они в числе четырнадцати кибиток проживали у берегов Каспийского моря. Накануне откочевки от наместника ханства Убаши к ним приехали тридцать калмыков, заявивших, что наместнику не угодно их кочевье у моря. Ханские посланники препроводили их к новому месту кочевки на реке Камыш-Самаре, где и оставили. Обжиться на новом месте они не успели. Через два дня калмыки из проходившего через те места улуса нойона Асархи отобрали у них деньги, скот и прочее имущество. Согласно представленному реестру, отобранное имущество было оценено в 160 рублей 75 копеек [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 126].

29 января 1771 г. улус Асархи, насчитывавший до 4 тыс. кибиток, был оставлен недалеко от крепости Индерских гор на переправе через Яик и возвращен командой яицких казаков под предводительством войскового старшины Алексея Митрясова [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 222–222об.]. Это обстоятельство давало ограбленным калмыкам надежду на возмещение понесенных убытков.

Из трех пожеланий пришедших в Калмыкову крепость калмыков генерал-майор И. К. Давыдов поддержал только одно — переход в православную христианскую веру. По принятию христианства он предлагал поселить их в Оренбургском ведомстве с находившимися там крещеными калмыками или в другом, определенном оренбургским губернатором, месте. Вначале губернатор И. А. Рейнсдорп распорядился отправить всех отвращенных от побега калмыков, в том числе и выразивших желание креститься, к местам их прежнего жительства в Астраханскую губернию. Тем самым забота о дальнейшей судьбе этих калмыков могла быть передана на усмотрение астраханского губернатора, который «может, по прошениям их, и во Святое Крещение допустить, а притом, по жалобе их, удовольствие им доставить» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 334об.]. Основанием к такому мнению могло служить поддержанное в 1765 г. Екатериной II ходатайство астраханского губернатора Н. А. Бекетова о предоставлении крещеным калмыкам права самостоятельно выбирать место жительства [НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л. 118об.].

Пересмотр своего решения о направлении желавших креститься калмыков вместо Астрахани в Ставрополь И. А. Рейнсдорп объяснял тем, что они «идти туда не в состоянии, а желание свое [креститься] не отменяют» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 479]. В сопровождении конвоя из яицких казаков их предписывалось препроводить до Самары, а из Самары состоявший там «у земских дел» капитан Балохонцов с командой должен был отвести их в Ставрополь [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 479]. Расходы, связанные с переходом и дальнейшим содержанием в Ставрополе, покрывалась из суммы, ежегодно выделяемой на снабжение бедных ставропольских калмыков. После надлежащего наставления и обряда крещения вновь прибывшие распределялись на жительство по калмыцким слободам (ротам и улусам). Особое внимание губернатор И. А. Рейнсдорп уделял учреждению надзора за новокрещеными калмыками: «чтоб они ни сами в шалости впадать, ни давно живущих калмык, подобно волжской орды, худому состоянию совращать не могли» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 118. Л. 8–8об.].

Трудноразрешимым представлялся вопрос о компенсации новокрещеным калмыкам отобранного у них имущества. Генерал-майор И. К. Давыдов из опасения дать повод к неудовольствию, как он выразился, кажется, уже раскаявшихся подвластных нойону Асархи калмыков, запросил резолюции у оренбургского губернатора [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 126]. В следующем сообщении от 5 марта генерал-майор И. К. Давыдов уведомил И. А. Рейнсдорпа, что говорил с Асархой об ограбленных его людьми калмыках. Как и следовало ожидать, ответ нойона оказался уклончивым. Он лишь обещал обстоятельно выяснить, подлинно ли те калмыки ограблены его людьми? И. К. Давыдов справедливо посчитал, что своим ответом Асарха стремится потянуть время, и когда калмыки, желавшие креститься, отправятся в Самару, а он со своим улусом возвратится в Астрахань, «то по сему обнадежению никакого удовольствия от него уповать неможно» [ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 331об.].

5. Заключение

Бегство волжских калмыков в 1771 г. из пределов России в завоеванную и опустошенную китайцами Джунгарию в разной степени затронуло все калмыцкие поселения Оренбургской губернии. Непосредственно вовлеченными в

него оказались калмыки, состоявшие казаками Яицкого казачьего войска, что объяснялось их соседством с Калмыцким ханством, родственными связями яицких и волжских калмыков, их конфессиональной общностью. Кроме того, миграционный поток покинувших берега Волги калмыков проходил по территории Яицкого войска. Некоторая часть яицких калмыков, в количестве от ста до двухсот человек, в течение недели присоединилась к кочевавшим из России калмыкам. Кто-то из них решался на уход под влиянием направленных из Калмыцкого ханства агитаторов, другие, и их большинство, были принуждены подчиниться, но были среди яицких казаков и такие, кто, преодолев страх, не пошли на поводу у уходивших калмыков и остались в России.

Оренбургских и ставропольских калмыков откочевка их бывших соотечественников напрямую не затронула. Препятствиями служили как отдаленность их поселений от маршрута калмыцкого перехода, так и усиленный надзор, учрежденный за крещеными калмыками со стороны российских властей.

История не терпит сослагательного наклонения — что было бы? Но три года спустя, когда Ставрополь был захвачен сторонниками Е. И. Пугачева, она преподнесла урок возможного альтернативного развития событий. В январе 1774 г. сподвижник Е. И. Пугачева, войсковой квартирмейстер Федор Иванович Дербетев собрал 2 тыс. кибиток ставропольских калмыков и увел их к Яицкому городку. Расположил он их кочевьем на реке Чаган — месте отдаленном, открытом и удобном для ухода из пределов России. После поражения пугачевцев и гибели самого Ф. И. Дербетева уведенные им калмыки возвратились в Ставропольский уезд. Следствием этого перехода и участия калмыков в военных действиях стала потеря третьей части населения Ставропольского калмыцкого войска.

Источники

НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан.

ОГАОО — Объединенный государственный архив Оренбургской области.

Sources

National Archive of the Republic of Tatarstan.

United State Archive of Orenburg Region.

Литература

Беликов 1965 — Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста: Калмиздат, 1965. 179 с.

Беликов 1971 — Беликов Т. И. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (17730–1775 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 168 с.

Болдырева 2006 — Болдырева О. Н. Калмыцкое ханство в восточной политике России с начала XVIII в. и до 1771 г. // Наука и современность. 2016. № 1(7). С. 256–269.

Джунджузов 2004 — Джунджузов С. В. Конфессиональная организация оренбургских калмыков-ламаистов в начале XX века // Евразийское ожерелье. Альманах общественного института народов Оренбуржья им. Мусы Джалиля. Вып. 4. Оренбург: ОГПУ, 2004. С. 99–124.

Джунджузов 2014 — Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург: ОГАУ, 2014. 434 с.

Джунджузов 2016 — Джунджузов С. В. Правовая регламентация назначения священнослужителей в буддистские общины Уральского казачьего войска в середине и второй

- половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. № 3. С. 46–50.
- Дорджиева 1999 — *Дорджиева Е. В.* Откочевка большей части калмыков из России в Джунгарию в 1771 году: дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999. 309 с.
- Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2003. 53 с.
- Курапов 2018 — *Курапов А. А.* Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX в. / отв. ред. А. В. Цюрюмов. Астрахань: Изд. Сорокин Р. В., 2018. 464 с.
- Левшин 1832 — *Левшин А. И.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. 4.2. Исторические известия. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. 332 с.
- Мавродин 1961 — *Мавродин В. В.* Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 1. Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1961. 588 с.
- Попов 1861 — *Попов Н. А.* В. Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия. М.: Тип. В. Грачева и К., 1861. 804 с.
- Тепкеев, Кабульдинов 2023 — *Тепкеев В. Т., Кабульдинов З. Е.* Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 756–768. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768
- Чимитдоржиев 1989 — *Чимитдоржиев Ш. Б.* О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII–XVIII вв. «Торгоутский побег» 1771 г. // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. С. 50–67.
- Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX в.). Элиста: КИОН РАН, 1992. 320 с.

References

- Belikov T. I. Kalmyks in the Struggle for the Independence of our Motherland. Elista: Kalmizdat, 1965. 179 p. (In Russ.)
- Belikov T. I. Participation of the Kalmyks in the Peasant War under the Leadership of E. I. Pugachev (1773–1775). Elista: Kalmykia Book Publ., 1971. 168 p. (In Russ.)
- Boldyreva O. N. Kalmyk Khanate in the Eastern Policy of Russia from the Beginning of the 18th Century to 1771. *Science and Modernity*. 2016. No. 1 (7). Pp. 256–269. (In Russ.)
- Chimitdorjiev S. B. On Migrations of the Oirats (Kalmyks) in the 17th–18th Centuries. «Torgout Escape» of 1771. In: *Studies on the History and Culture of Mongolia: Collection of Scientific Researches*. Sh. Chimitdorjiev (ed.). Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1989. Pp. 50–67. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. Confessional Organization of Orenburg Kalmyks Lamaists at the Beginning of the 20th Century. In: *Eurasian Necklace. Almanac of the Public Historical Institute of the Peoples of Orenburg Region named after Musa Jalil*. No. 4. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 2004. Pp. 99–124. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. Kalmyks in the Middle Volga Region and the Southern Urals: Imperial Mechanisms of Acculturation and the Problem of Preserving Ethnic Identity (mid-30s of the 18th – first quarter of the 20th century). Orenburg: Orenburg State Agrarian University, 2014. 434 p. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. Legal Regulation of the Appointment of Priests to Buddhist Communities of the Ural Cossack Army in the Middle and Second Half of the 19th Century. *Izvestia of Samara Scientific Center of the RAS*. 2016. No. 3. Pp. 46–50. (In Russ.)
- Dorzhieva E. V. The Migration of Most of the Kalmyks from Russia to Dzungaria in 1771. Diss. Cand. Sc. (History): Volgograd, 1999. 309 p. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. The Last Great Nomadism: the Kalmyks' Transition from Central Asia to Eastern Europe and Back in the 17th and 18th Centuries. Author's Abstract. Diss. Cand. Sc. (History). Volgograd, 2003. 53 p. (In Russ.)
- Kurapov A. A. The Russian State and the Buddhist Church in the South of Russia: Stages of the Evolution of Socio-Political Interaction in the 17th – early 20th Century. A. Tsyuryumov (ed.). Astrakhan: Publisher: Roman V. Sorokin, 2018. 464 p. (In Russ.)

- Levshin A. I. Description of the Kirghiz-Kaysak or Kirghiz-Cossack Hordes and Steppes. 4.2. *Istoricheskie Izvestiya*. St. Petersburg: Printing house of Karl Kraj, 1832. 332 p. (In Russ.)
- Mavrodin V. V. The Peasant War in Russia in 1773–1775. Vol. 1. Leningrad: Publishing House of Leningrad State University, 1961. 588 p. (In Russ.)
- Popov N. A. V. N. Tatishchev and His Time. An Episode from the History of State, Public and Private Life in Russia, the First Half of the Last Century. Moscow: Printing House of V. Grachev and Co., 1861. 804 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T., Kabuldinov Z. E. Kalmyk-Kazakh Relations during the 1771 Russia-to-China Migration of Kalmyks. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 4. Pp. 756–768. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768
- The History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day. In 3 vol. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 845 p. (In Russ.)
- Shovunov K. P. Kalmyks as Part of the Russian Cossacks (the Second Half of the 17th–19th Centuries). Elista: Kalmyk Institute of Social Sciences of the RAS, 1992. 320 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 3, pp. 478–489, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-478-489

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-478-489

К вопросу о реквизиции учащихся буддийских духовных школ и монашествующих на военно-тыловые работы в период Первой мировой войны (1916–1917 гг.) (на основе материалов Государственного архива Республики Бурятия)

Базар Догсонович Цыбен¹, Баир Цыремпилович Гомбоев²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75[at]mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0003-3484-5311. E-mail: barguten[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Цыбен Б. Д., Гомбоев Б. Ц., 2024

Аннотация. *Введение.* Некоторые аспекты реквизиции бурят на военно-тыловые работы в годы Первой мировой войны продолжают оставаться малоизученными. К одному из них относится вопрос о призыве учащихся буддийских духовных школ и монашествующих. *Цель* исследования состоит в изучении архивных и других документов, раскрывающих ряд деталей реквизиционного процесса, позицию буддийского духовенства Восточной Сибири по отношению к призыву учащихся. Для ее реализации поставлены следующие *задачи*: 1) проанализировать статистические сведения о призывниках-учащихся и монашествующих в списках дацанов и инородческих волостей; 2) проследить взаимодействие буддийского духовенства с региональными и центральными властями по вопросам призыва; 3) определить категории учащихся и монашествующих, освобождавшихся от военно-тыловых работ; 4) изучить роль реквизируемых представителей бурятской буддийской церкви в деле помощи ламам-лекарям в районе Архангельска. *Выводы.* Несмотря на ходатайства бурятской буддийской иерархии об освобождении учащихся буддийских духовных школ от военно-тыловых работ, они вместе с монашествующими в количестве 1 597 чел. были направлены в районы Архангельска и Белоруссии, где, помимо основной работы, оказывали посильную помощь ламам-лекарям. Некоторые учащиеся были освобождены по медицинским показаниям или как рабочие и служащие предприятий, работавших на государственную оборону. Освобождение от военно-тыловых работ получали и немногие хуваки, обучавшиеся в Монголии и Тибете.

Ключевые слова: Первая мировая война, бурятское буддийское духовенство, учащиеся, монашествующие, реквизиция, военно-тыловые работы

Благодарность. Проект реализован при финансовой поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям и в рамках государственного задания «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» (номер госрегистрации 121031000241-1).

Для цитирования: Цыбенков Б. Д., Гомбоев Б. Ц. К вопросу о реквизиции учащихся буддийских духовных школ и монашествующих на военно-тыловые работы в период Первой мировой войны (1916–1917 гг.) (на основе материалов Государственного архива Республики Бурятия) // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 478–489. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-478-489

On the Issue of Mobilization of Buddhist Theological School Students and Monastics for Military Rear Work during the First World War (1916–1917) (based on Materials from the State Archives of the Republic of Buryatia)

Bazar D. Tsybenov¹, Bair Ts. Gomboev²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75[at]mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0003-3484-5311. E-mail: barguten[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

©. Tsybenov B. D., Gomboev B. Ts., 2024

Abstract. Introduction. Researchers have little studied some aspects of the requisition of Buryats for military rear work during the First World War. The question of conscription of students of Buddhist theological schools is a complex one. *The aim* of the study is to conduct an archival study of the details of the requisition process and the position of the Buddhist clergy of Eastern Siberia in relation to the mobilization of students. The authors solved the following *problems*: 1) analyze statistical data on conscript students and monks in the lists of datsans and local volosts; 2) monitor the interaction of the Buddhist clergy with regional and central authorities on issues of requisition; 3) determine the categories of students and monastics who have been released from military rear work; 4) study the role of requisitioned representatives of the Buryat Buddhist Church in helping lama healers in the Arkhangelsk region. *Conclusions:* despite the petitions of the Buryat Buddhist hierarchy to exempt students of Buddhist theological schools from military rear work, they, together with monastics, numbering 1,600 people, were sent to the regions of Arkhangelsk and Belarus. In addition to military and rear work, they provided assistance to lama healers. Some students were exempt for medical reasons, as well as workers and employees of enterprises working for national defense. Individual khubaraks studying in Mongolia and Tibet were also exempt from requisition.

Keywords: World War I, Buryat Buddhist clergy, students, monks, requisition, military rear work

Acknowledgements. The reported study was funded by Foundation for the Promotion of Buddhist Education and Research and a state assignment “Historical Space of the Mongolian World: archaeological cultures, societies and states”, (project No. 121031000241-1).

For citation: Tsybenov B. D, Gomboev B. Ts. On the Issue of Mobilization of Buddhist Theological School Students and Monastics for Military Rear Work During the First World War (1916-1917) (based on Materials from the State Archives of the Republic of Buryatia). *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (3): 478–489. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-478-489

1. Введение

В годы Первой мировой войны население Сибири принимало активное участие в организации помощи армии, раненым воинам. Большую роль в этом деле сыграло буддийское духовенство Восточной Сибири, создавшее «Общечуртский комитет по сбору пожертвований на нужды войны». Верхнеудинский уездный начальник Н. Н. Чайкин и другие местные чиновники обращались к бурятскому населению с просьбой об оказании помощи соседним русским деревням в земледелии, заготовке дров и сена. Так, в обращении «Буряты» отмечались их глубокая преданность России и щедрые пожертвования в пользу раненых, также подчеркивалось, что «великими государями России вам была обещана свобода от всех тягот военной службы, и с тех давних лет вы не знаете ужасов войны. Вы не отрываетесь от своих родных очагов и семейств для кровавых браней...» [ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 19. Л. 58об.]. Здесь следует заметить, что часть бурятского населения, относившаяся к казачьему сословию, издавна несла воинскую повинность, поэтому буряты-казаки принимали участие в военных действиях. Ситуация на фронтах Первой мировой войны усложнилась к 1916 г., возникла необходимость в привлечении людских ресурсов для укрепления тыла. 25 июня 1916 г. был издан Указ о реквизиции инородцев, по которому призыву на военно-тыловые подлежали лица в возрасте 19–31 лет. В их число входили учащиеся буддийских духовных (дацанских) школ и монашествующие. Цель исследования состоит в изучении архивных и других документов, раскрывающих ряд деталей реквизиционного процесса, позицию буддийского духовенства Восточной Сибири по отношению к призыву учащихся.

2. Материалы и методы исследования

Основным источником исследования является дело под названием «Переписка ламайского духовенства с Военным губернатором Забайкальской области и Департаментом духовных дел об освобождении учеников духовных школ от призыва на военно-тыловые работы. Списки хуvaraков», хранящееся в Государственном архиве Республики Бурятия [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. 112 л.]. Привлекались к анализу и другие документы из фондов Государственного архива Республики Бурятия (включая копии дел из фонда 1233 Государственного архива Архангельской области) и Государственного архива Забайкальского края, а также научная литература по соответствующей проблематике. Исследование основано на принципах историзма и объективности. Для решения цели и задач статьи использованы сравнительно-исторический и конкретно-исторический методы. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ статистических данных о реквизируемых лицах — представителях буддийского духовенства, сведений о призыве учащихся буддийских духовных школ среди бурят и калмыков в 1916 г. Определены причины и закономерности в действиях и решениях бурятской буддийской иерархии и органов региональной и центральной власти, выделения освобождаемых от призыва категорий учащихся, помощи монашествующих в совершении буддийских обрядов и ритуалов в среде реквизированных бурят.

2. Статистические данные по призыву представителей буддийского духовенства

Обращение к архивным документам выявляет некоторые разночтения в терминологии и количестве представителей буддийского духовенства, призываемых на военно-тыловые работы. В их обозначении в ряде случаев использованы разные термины «инородцы-монахи», «монашествующие лица, обучающиеся в духовных училищах забайкальских дацанов» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 1, 3]. На наш взгляд, более объективным выглядит их разделение на «обучающихся и монашествующих лиц при дацанах Забайкальской области» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 40]. Таким образом, становится ясно, что призыву подлежали две категории нештатного буддийского духовенства: 1) учащиеся дацанских школ; 2) монашествующие, к которым относились религиозные специалисты, большей частью невысокой квалификации, не пользовавшиеся привилегиями духовенства и ведущие мирской образ жизни, имевшие семьи [Куваев 2020: 103–104].

Имеется несколько таблиц с разными количественными данными о реквизируемых, свидетельствующих о серьезном отношении к делу канцелярии буддийского духовенства. В первой таблице, где стоит подпись письмоводителя Тудупдоржиева, перечислены названия 21 инородческих волостей и указано, что сданы на сборные пункты и отправлены в тыл армии 1 597 чел.; получили отсрочку от призыва: как служащие в местах, работавших на оборону — 103 чел., по болезни — 22 чел. Итого: 1 722 чел. [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 1]. В двух других таблицах за подписью Пандидо-хамбо ламы Д.-Д. Итигэлова указаны разные количественные данные о подлежащих призыву, как сданных, так и не сданных на сборные пункты — 1 597 чел. в одной таблице, 1 600 чел. — в другой. Следует заметить, что в них добавлены две новые графы: «на основании медицинского осмотра признаны не годными к работам» (387 чел.) и «за отсутствием на месте не явившиеся на сборные пункты» (112 чел. в первом списке и 113 чел. во втором). В итоге общее количество учащихся и монашествующих составляло 2 222, по другим данным 2 224 чел. [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 3, 39]. В печатный текст таблиц позже были внесены исправления пером, и они были связаны, очевидно, с новыми сведениями из Агинского и Цугольского дацанов (3 чел. исключались из списков призываемых) [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 39]. Мы полагаем, что в последнем случае имеем дело с окончательным списком в 1 597 чел., направляемых на военно-тыловые работы. Всего бурят было мобилизовано 20 878 чел., из них в Забайкальской области — 11 817 чел., Иркутской и Енисейской губерниях — 9 061 чел. [Национальный 2017: 299].

По количеству призванных «инородцев-монахов» выделяются следующие бурятские (в источнике: инородческие) волости: Оронгойская — 223 чел., Цугальская — 200, Харганатская — 169, Селенгинская — 143, Агинская — 133, Закаменская — 123, Кубдутская — 120, Чикойская — 111 [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 1]. Несколько иначе выглядят данные по дацанам: Агинский — 187 чел., Цугольский — 176, Эгитуйский — 129, Кудунский — 99, Анинский — 97, Булакский — 81, Гусино-Озерский — 70 [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 39]. Нами выборочно указаны наиболее крупные количественные данные по волостям и дацанам. Из табличных данных можно также отметить дацаны, полностью направившие призываемых на сборные пункты — Агинский (187 чел.)

и Зугалайский (25), за исключением одного больного — Анинский (97 чел.), Иройский (57) и Ичетуйский (5) [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 39].

Таким образом, из представленных статистических данных становится ясно, что достаточно большое количество учащихся буддийских духовных школ и монашествующих (1 597 чел.) было направлено на сборные пункты. Тем временем буддийское руководство в лице Пандидо-хамбо-ламы и других высших религиозных деятелей предпринимала попытки освободить вышеуказанные категории буддийского духовенства от призыва на военно-тыловые работы.

4. Ходатайства буддийского духовенства

В августе 1916 г. ламы Баргузинского дацана во главе с ширетуем Бадмаевым¹ и представители баргузинских бурят направили телеграмму Пандидо-хамбо-ламе Д. Д. Итигэлову с ходатайством об освобождении учащихся духовных школ, а также предоставлении семейной и другой льготы инородцам, призываемым на военно-тыловые работы. На трех листах имеются подписи лам и представителей баргузинских бурят, в завершении телеграммы содержится обращение: «Петроград Доржиеву телеграфируйте дальнейшие указания» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 7–10], т. е. просьба к Пандидо-хамбо-ламе обратиться к Цаннит-хамбо А. Д. Доржиеву.

13 сентября 1916 г. в г. Верхнеудинске состоялся съезд Общебурятского общества по сбору пожертвований на нужды войны, имевший большое значение для продвижения вопроса об освобождении от призыва буддийского духовенства. На нем Цаннит-хамбо-лама, лхарамба А. Д. Доржиев был избран уполномоченным для ходатайства перед правительством об освобождении от призыва на военно-тыловые работы учащихся в духовно-философских школах *чойра*, *джуд* и *манба* при забайкальских дацанах. О предстоящем ходатайстве Пандидо-хамбо-лама известил департамент Духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел донесением № 54 от 13 сентября 1916 г. [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 12]. Необходимость освобождения от призыва учащихся обосновывалась тем, что с их уходом «закрылись бы упомянутые выше школы и сократились бы некоторые большие хуралы (богослужения), так как они, за ограниченностью числа штатного духовенства, принимают необходимое участие в богослужениях, совершаемых согласно правилам Буддийского учения при дацанах» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 12]. Докладывая вышеизложенное и принимая во внимание освобождение учащихся в калмыцких школах *чойра*, Пандидо-хамбо-лама просил Департамент духовных дел иностранных исповеданий об удовлетворении этого ходатайства, вызванного «действительными нуждами правильного и непрерывного отправления религиозных треб для населения и дальнейшего непрерывного продолжения образования учащихся» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 12–12об.].

В тот же день, 13 сентября 1916 г., Пандидо-хамбо-лама направил прошение № 56 военному губернатору Забайкальской области, в котором просил его поддержать ходатайство, «вызванное действительной необходимостью непрерывного продолжения учения» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 13]. Следует заметить, что в этом прошении и в другом документе от 22 сентября 1916 г., где

¹ Здесь и далее при отсутствии инициалов сведения об имени и / или отчестве не возможно восстановить из архивных материалов.

«смирненные богомольцы» обращаются с просьбой к А. Д. Доржиеву, сделан упор на лучшее положение дел у калмыков, у которых число штатного духовенства доходит до 2 тыс. лам, не считая учащихся в духовных училищах, тогда как у бурят и тунгусов всего 252 ламы для населения численностью более 30 тысяч душ обоего пола. Подчеркивалось, что все учащиеся-калмыки в духовных школах *чойра* освобождены от реквизиции для продолжения образования [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 11–11об.]. Из истории создания школ *чойра* в Калмыкии известно, что они появились в конце XIX – начале XX вв., основателем первой школы был Бааза-багши Менкеджув, а в 1907–1908 гг. при поддержке Цаннит-хамбо Агвана Доржиева и по совету Далай-ламы XIII были открыты две школы *чойра* — Малодербетовская и Икицохуровская [Бакаева 2013: 8].

Как известно, в Калмыцкой степи ситуация летом-осенью 1916 г. была аналогичной и не отличалась от положения дел в Бурятии. Об этом можно судить по ходатайству аймачных старшин Манычского улуса, обратившихся с просьбой об освобождении от мобилизации хурульных учеников «как будущих кандидатов на духовные должности». Губернатор отказал калмыкам в просьбе [Команджаев 2023: 329]. Бурятское буддийское духовенство на тот момент, очевидно, не располагало такими сведениями и вплоть до конца 1916 г. надеялось на благополучный исход дела. Об этом свидетельствует ряд телеграмм Пандидо-хамбо-ламы, Цаннит-хамбо-ламы А. Д. Доржиева, Тудупдоржиева, большей частью датированных октябрем 1916 г. [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 15–18, 20–21]. Большое значение придавалось личным отношениям буддийской иерархии с имперскими чиновниками. А. Д. Доржиев, как известно, был хорошо знаком с Э. Э. Ухтомским, чиновником Министерства внутренних дел; буддисты пользовались поддержкой известных востоковедов Б. Я. Владимирцова, С. С. Ольденбурга [Цыремпилов 2009: 30].

Местные бурятские власти следили за решением вопроса об освобождении от военно-тыловых работ представителей буддийского духовенства. Уполномоченный агинских бурят С. Очиров, находившийся на ст. Столбцы Минской губернии, сообщая в письме от 20 ноября 1916 г. волостному старшине Д.-Д. Самданову об условиях труда и жизни реквизируемых бурят, упоминал, что об освобождении лам ничего не известно, посылаются их списки, будут ходатайствовать об ускорении процесса [Жалсанова 2015: 247–248].

31 декабря 1916 г. Пандидо-хамбо-лама получил телеграмму из г. Читы, в которой было сказано: в «освобождении монашествующих отказано» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 102]. В письме за № 11181 от 13 декабря 1916 г. военный губернатор Забайкальской области сообщал Пандидо-хамбо-ламе, что его ходатайство за № 800 от 22 ноября 1916 г. об освобождении свыше 2 тыс. хуvaraков оставлено без последствий по следующим соображениям: 1) освобождается лишь штатное буддийское духовенство; 2) нештатные хуvaraки являются лицами, совершенно посторонними для дацанов; 3) необходимость участия хуvaraков в богослужениях не подтверждается законом; 4) духовные школы при дацанах не указаны в дополнительных правилах от 6 сентября 1916 г. о реквизиции инородцев, где отмечены учебные заведения, освобождающиеся от нее [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 102–102об.]. Усилия Пандидо-хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова, Цаннит-хамбо-ламы А. Д. Доржиева и других бурятских религиозных и светских деятелей не увенчались успехом. Чиновничий аппарат как правительства,

так и на местах, следуя букве закона и твердым установкам, не мог без веских причин одобрить их ходатайства.

5. Отсрочки и освобождение от призыва

Небольшая часть призываемых получила отсрочки от призыва как служащие в местах, работающих на оборону. Таковых числилось 103 чел. Большая часть их относилась к Бултурмурскому (17 чел.), Цонгольскому (14), Цолгинскому (13), Загустайскому (11), Джидинскому (10), Янгажинскому (8) дацанам [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 39]. В таблицах они указаны в графе «Получили отсрочки от призыва». С другой стороны, в именном списке в разделе «Примечание» в ряде случаев имеются записи «освобождены от призыва» наряду с «означенные лица получили отсрочку от призыва для работ...». Поэтому можно полагать, что некоторые лица освобождались на весь период войны, тогда как большинство получали отсрочки от призыва.

Многие были освобождены от призыва «для перевозки грузов экспедиции полковника Козлова» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 40, 41об., 43–43об.]. Как известно, с конца июня 1915 г. в Монголии работала «Экспедиция по закупке скота в Монголии для нужд действующей армии» (другое название «Особая экспедиция полковника Козлова» или «Монголэкс»). Руководил закупочной организацией известный российский путешественник-исследователь П. К. Козлов [Оськин 2016: 128–129]. К работе Монголэкса были привлечены монашествующие из дацанов, расположенных в южной, приграничной части этнической Бурятии. Например, в Цонгольском дацане Чикойской волости были освобождены от призыва: в Улентуйском булуке — 5 чел., Кударинском — 4, Ноехонском — 3, Хилокско-Тагалцарском — 2 [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 43об.], Ара-Киретуйском — 4, Цолгинском дацане — 3 [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 40, 41об.].

Освобождение от призыва было получено монашествующими Джидинского дацана. В товариществе Байкальского пароходства и торговли, работающего на государственную оборону, служили 10 чел. [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 48об.]. Эта транспортная компания являлась крупным перевозчиком на р. Селенге. Грузоперевозки активизировались в зависимости от экономической ситуации в регионе. Например, в период строительства Кругобайкальской железной дороги и во время русско-японской войны. Известно, что в начале Первой мировой войны, в 1914–1915 гг. компанией было перевезено 1 405 100 пудов воинских грузов [Гузенков 2013: 116].

Отсрочки от призыва как возчики предприятия, работавшего на оборону, получили представители Цолгинского дацана: из Цолгинского булука — 3 чел., Усть-Тугнуйского — 6, Уони-Булакского — 1. Они занимались перевозкой муки и ярицы с Верхнеудинского интендантского продовольственного магазина на мельницу торгового дома «Авданович и Копельман» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 40]. Следует заметить, что в тот период Забайкальская область переживала «хлебный кризис», агенты различных хлеботорговцев скупали зерно у крестьян Верхнеудинского и Селенгинского уездов и переправляли во Владивосток, быстро росли цены на хлеб и муку [Долидович 2019: 299].

Трое молодых лам (20–22 лет) из Далбагинского булука Кудунского дацана поступили на каменноугольные работы при разъезде № 37 Забайкальской железной дороги, 1 чел. находился на железнодорожной службе [ГАРБ. Ф. 84.

Оп. 1. Д. 487. Л. 46об.]. В целом можно предположить, что такая же ситуация наблюдалась в Калмыцкой степи, где освобождение от призыва получали студенты, рабочие ряда промыслов, транспорта и крупных хозяйств [Команджаев 2023: 335].

Отсрочки от призыва по болезни получили 22 чел. [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 1]. Достаточно большое количество призываемых на основании медицинского осмотра были признаны не годными к работам — 387 чел., из них (по дацанам): в Цугольском — 114 чел., Эгитуйском — 62, Булакском — 43, Бургалтайском — 31, Ацагатском — 26, Кудунском — 21, Чесанском — 15, Бырцуйском — 12 (и далее по убывающей) [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 39]. Из именного списка явствует, что 13 чел. из Верхне-Кижингинского булука Кудунского дацана находились в больнице г. Тюмени, среди них четверо 19-летних юношей 1897 г. р. [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 45об.]. По всей видимости, они заболели в пути и по выздоровлении должны были следовать дальше, к месту назначения.

Имели место единичные случаи замены призываемого на брата (Янгажинский, Эгитуйский дацаны) [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 47, 74], отца (Сартульский) [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 60], специально нанятого человека (Баргузинский, Хужиртайский) [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 49об., 72].

Незначительная часть подлежащих призыву находилась на учебе в монгольских и тибетских буддийских монастырях. Например, Е. Линхобоев, Р. Бадмацыренов (Янгажинский дацан) — в Монголии [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 47], С. Доржиев (Кудунский), Д. Буянов (Токчинский), У. Дашиев, М. Башиктаров, Ж. Бадмаев-Мухаев, Ж. Мункуев, Б. Цыбаков (Хужиртайский) — в Тибете [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 487. Л. 45об., 50об.].

Из вышесказанного можно понять, что отсрочки от призыва получила незначительная часть представителей буддийского духовенства. По окончании необходимых работ они должны были явиться на сборные пункты. Многие призываемые были признаны негодными в результате медицинского осмотра. Большинство лам (около 1 600 чел.) были направлены в районы военно-тыловых работ.

6. Представители буддийского духовенства на военно-тыловых работах

Как и все мобилизованные буряты, учащиеся буддийских духовных школ и монашествующие работали в районах Архангельска и Белоруссии. К ним были прикреплены ламы и уполномоченные из расчета один лама-лекарь и один уполномоченный на 1 тыс. чел. [Восстания 2017: 172]. Все расходы, связанные с их проездом и проживанием, брали на себя прихожане бурятских дацанов [Цыбенев 2023: 66]. В приговоре бурят-буддистов Ходайской инородческой волости Верхнеудинского уезда от 20 декабря 1916 г. написано, что «...как ламы лекаря, так и представитель, командированные нами с ребятами на работы, от казны не получают ни жалованья, ни проездных, ни суточных ... назначили в вознаграждение ... на путевые расходы бывшему хамбо-ламе Ч. Иролттуеву за эту поездку — 1 200 руб., лекарю Султиму Санжиеву — 1 000 руб. и еще 1 000 руб. за лекарство за время 6 месяцев, и представителю Мунку Цыбжитову, 800 руб. тоже за 6 месяцев, за поездку Галсанова с Намцараевым в Иркутск по делам призыва ребят — 100 руб., и на прочие расходы; как-то на отправки (ребят) телеграмм лекарю и представителю в Архангельск, на уплату отправок лекарств

посылкой и вообще на поездки по делам призванных ребят — 312 руб. [ГАРБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 69. Л. 39].

Бывший Пандидо-хамбо-лама Ч. Иролтуев специально выезжал в Архангельск для проведения богослужений. В портовом районе «Бакарица» появилась молеельня [Трошина 2020: 289]. Ч. Иролтуеву помогали штатный лама Кудунского дацана Галзотов и монашествующие [ГАРБ. Ф. Р-2104. Оп. 1. Д. 11. Л. 4–5]. Под последними, очевидно, понимались как собственно монашествующие, так и учащиеся буддийских духовных школ. По данным от 13 января 1917 г., в районе Архангельска находилось 4 965 бурят, из которых 2 000 чел. были буддистами, в их числе 320 чел. относились к монашествующим различных рангов [Курас 2016: 139]. Благодаря им «по обрядам религии устраивалась походная обстановка буддийского храма» [ГАРБ. Ф. Р-2104. Оп. 1. Д. 11. Л. 4–5], во время религиозных праздников бурят со всех участков порта привозили к молеельне [Трошина 2020: 289], совершались молебствия в бараках и вагонах, где размещались мобилизованные. Во главе с Галзотовым монашествующие проводили также отпевание умерших и последующие похоронные обряды [ГАРБ. Ф. Р-2104. Оп. 1. Д. 11. Л. 4–5]. Различные болезни (тиф, туберкулез, оспа, воспаление легких) и травмы явились причиной смерти 289 реквизируемых бурят в Архангельске [Трошина 2020: 289], 725 чел. были признаны негодными к работам после медицинских осмотров в марте-мае 1917 г. и отправлены домой [Курас 2016: 138]. Ухудшение здоровья мобилизованных было связано с непривычным сырым климатом, недостатком теплой одежды, скудным пайком, тяжелым трудом, антисанитарными условиями [История 2011: 21; Национальный 2017: 299]. Ламы-лекари предпринимали различные меры, чтобы спасти жизни рабочих-бурят. Монгольский подданный С.-Д. Банзарханов, лама-лекарь 4-й команды Архангельской инородческой дружины, помимо лечения больных тибетскими лекарствами, просил начальство запретить бурятам 4-й команды употребление конины, поскольку часто попадает мясо плохого качества, вызывающее «тиф, опухоль горла снаружи и внутри» [ГАРБ. Ф. Р-2104. Оп. 1. Д. 9. Л. 1]. Он же составлял пищевой рацион (включая время приема пищи, продукты и цены на них), именные списки мобилизованных [ГАРБ. Ф. Р-2104. Оп. 1. Д. 16. Л. 3–6]. Больных реквизируемых бурят направляли в изоляционные пункты Петроградских больниц и лазаретов, откуда они попадали в Петроградский городской бурятский лазарет [Шалак 2014: 436]. Военно-тыловые работы были завершены в мае 1917 г., когда был издан Указ Временного правительства о возвращении на родину реквизируемых инородцев.

Ламы-лекари и призванные на военно-тыловые работы представители буддийского духовенства, оказывая врачебную и моральную поддержку, в какой-то мере пытались создать в тяжелых северных условиях атмосферу привычной жизни бурята-буддиста с религиозными богослужениями.

7. Заключение

Реквизиция на военно-тыловые работы Первой мировой войны затронула как бурят-мирян, так и буддийское духовное сословие. На основе архивных источников установлено точное количество учащихся буддийских духовных школ и монашествующих — 1 597 чел. вместо официально принятого количества — 1 600 чел., отправленных на сборные пункты. Выяснено количество

лиц, получивших отсрочки от призыва на основании медицинского осмотра признанных негодными к работам. Бурятская буддийская иерархия во главе с Пандидо-хамбо-ламой Д.-Д. Итигэловым и Цаннит-хамбо-ламой А. Д. Доржиевым, принимавшая активное участие в работе «Общепермского комитета по сбору пожертвований на нужды войны», в новой ситуации, затрагивавшей непосредственно ее интересы, выступила за освобождение учащихся от призыва. Основными причинами отклонения их ходатайств центральным правительством и региональными чиновниками явились невключение хуварак в число штатных лам, отсутствие закона о необходимости их участия в богослужениях, неимение дацанских школ в списках учебных заведений, освобождающихся от реквизиции.

Получение отсрочек и освобождения от призыва учащимися и монашествующими в основном было связано с деятельностью на предприятиях, работающих на нужды государственной обороны. Большое значение имело прохождение медицинского осмотра, после которого некоторые ламы были признаны негодными к военно-тыловым работам. Незначительная часть лам получила отсрочку, поскольку проходила обучение в монастырях Монголии и Тибета.

Находясь на военно-тыловых работах, учащиеся и монашествующие оказывали посильную помощь штатным ламам в организации богослужений, проведении религиозных обрядов. Оказавшись вдали от родных мест, они в свободное от основной работы время продолжали заниматься буддийской практикой, но уже в более трудных условиях.

Источники

ГАЗК — Государственный архив Забайкальского края.

ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия.

Sources

State Archive of the Republic of Buryatia.

State Archive of the Transbaikal Territory.

Литература

Бакаева 2013 — Бакаева Э. П. Репрессии против духовенства: о закрытии высшей профессиональной школы чойра в Калмыкии // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2013. № 4 (12). С. 7–14.

Восстания 2017 — Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.) / ред.-сост. Т. В. Котюкова. М.: Русский импульс, 2017. 528 с.

Гузенков 2013 — Гузенков С. В. Динамика грузовых перевозок Селенгинским пароходством в начале XX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. Иркутск: БГУ, 2013. С. 114–117.

Долидович 2019 — Долидович О. М. Продовольственный кризис в Забайкальской области в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // Научный диалог. 2019. № 9. С. 293–307. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-293-307

Жалсанова 2015 — Жалсанова Б. Ц., Чимитдоржиева Л. Ш. «...Для работ по устройству оборонительных сооружений военных сообщений в районе действующей армии привлечь реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи» (документы о реквизиции бурят в годы Первой мировой войны (1916–1917)) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2015. № 3 (19). С. 242–252.

История 2011 — История Бурятии: в 3 т. / гл. ред. Б. В. Базаров. Т. 2: XVII – начало XX в. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. 621 с.

Команджаев 2023 — Команджаев А. Н., Команджаев Е. А. Калмыцкая повседневность

- в годы Первой мировой войны: будни мобилизации населения на тыловые работы в Калмыцкой степи Астраханской губернии в 1916 г. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 325–339. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-325-339
- Куваев 2020 — *Куваев С. Ю.* «Степные ламы» в России и Монголии в XIX – начале XX в. // *Буддизм Ваджраяны в России: Актуальная история и социокультурная аналитика* / отв. ред. А. М. Алексеев-Апраксин, сост. В. М. Дронова. СПб.: Алмазный путь, 2020. С. 99–106.
- Курас 2016 — *Курас Л. В.* Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. Иркутск: Оттиск, 2016. 252 с.
- Национальный 2017 — Национальный вопрос и этнические воинские формирования русской армии в годы Первой мировой войны. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2017. 374 с.
- Оськин 2016 — *Оськин М. В.* Петр Кузьмич Козлов — организатор и первый руководитель экспедиции по заготовке скота в Монголии. Июль 1915 – март 1917 г. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2016. Т. 23. № 3. С. 127–131. DOI: 10.15372/HSS20160323
- Трошина 2020 — *Трошина Т. И.* Опыт оказания социальной помощи в многонациональной стране: Архангельская общественность и инородческая (бурятская дружина) (1916–1917 гг.) // *Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности*. Мат-лы IX Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне / отв. ред. Ю. Ю. Шурыгина. Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2020. С. 287–290.
- Цыбенков 2023 — *Цыбенков Б. Д.* Благотворительная и врачебная деятельность буддийского духовенства Восточной Сибири в годы Первой мировой войны (на основе материалов Государственного архива Республики Бурятия) // *Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры*. 2023. № 4 (28). С. 55–79.
- Цыремпилов 2009 — *Цыремпилов Н. В.* За святую дхарму и белого царя: Российская империя глазами бурятских буддистов XVIII – начала XX веков // *Ab Imperio*. 2009. № 2. С. 105–130.
- Шалак 2014 — *Шалак А. В.* Иркутское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны (на материалах Иркутского историко-экономического ежегодника) // *Иркутский историко-экономический ежегодник*: 2014. Иркутск: БГУ, 2014. С. 425–440.

References

- An Ethnic Issue and Ethnic Military Units of the Russian Army during the First World War. N. Podpryatov (ed.). Perm: Perm State University, 2017. 374 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Repressions against Clergy: on the Closing down of “Choirs” Higher Confessional School in Kalmykia. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS*. 2013. No. 4 (12). Pp. 7–14. (In Russ.)
- Dolidovich O. M. Food Crisis in the Transbaikalian Region during the First World War (July 1914 – February 1917). *Nauchnyi Dialog*. 2019. No. 9. Pp. 293–307. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9- 293-307 (In Russ.)
- Gusakov S. V. Dynamics of Freight Traffic by the Selenga River Water Craft in the Beginning of the 20th Century. In: *Irkutsk Historical and Economic Yearbook*. 2013. Irkutsk: Buryat State University, 2013. Pp. 114–117. (In Russ.)
- Bazarov B. V. (ed.) History of Buryatia: in 3 vol. Vol. 2. 17th – early 20th Centuries. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2011. 621 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A. Kalmyk Everyday Life during the First World War: Rear Service Mobilization across Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in 1916. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 2. Pp. 325–339. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-325-339
- Kuras L. V. Transnational History of the Mongolian World in the Conditions of Revolutionary Upsurge: the first Quarter of the 20th Century. Irkutsk: Ottisk, 2016. 252 p. (In Russ.)
- Kuvaev S. Yu. Steppe Lamas in Russia and Mongolia in the 19th – early 20th Centuries. In: *Vajrayana Buddhism in Russia: Current History and Sociocultural Analytics*. A. Alekseev-Apraksin (ed.), V. Dronova (comp.). St. Petersburg: Almazny Put, 2020. Pp. 99–106. (In Russ.)
- Os’kin M. V. Pyotr Kuzmich Kozlov — the Founder and the first Head of the Expedition for

- Livestock Procurement in Mongolia. July 1915 – March 1917. *Humanities in Siberia*. 2016. Vol. 23. No. 3. Pp. 127–131. DOI: 10.15372/HSS20160323 (In Russ.)
- Shalak A. V. The History of the First World War on Page of the Irkutsk History and Economic Yearbook. In: *Irkutsk Historical and Economic Yearbook*. 2014. Irkutsk: Buryat State University, 2014. Pp. 425–440. (In Russ.).
- Kotyukova T. V. (ed., comp.) The 1916 Uprisings in Asian Russia: the Unknown about the Known (on the 100th Anniversary of the Imperial Order of June 25, 1916). Moscow: Russian Impulse, 2017. 528 p. (In Russ.).
- Troshina T. I. Experience in Providing Social Assistance in a Multinational Country: the Arkhangelsk Community and a Buryat Military Working Unit (1916–1917). In: *Forms and Methods of Social Work in Various Spheres of Life*. Yu. Shurygina (ed.). Ulan-Ude: East Siberia State University of Technology and Management, 2020. Pp. 287–290. (In Russ.)
- Tsybenov B. D. Charity and Medical Activities of the Buddhist Clergy of Eastern Siberia during the First World War (on the basis of the Materials of the State Archive of the Republic of Buryatia). *Bulletin of East-Siberian State Institute of Culture*. 2023. Vol. 4. No. 28. Pp. 55–79. (In Russ.)
- Tsyrempilov N. V. For Holy Dharma and White Tsar: Russian Empire through the Eyes of Buryat Buddhists in the 18th – early 20th Centuries. *Ab Imperio*. 2009. No. 2. Pp. 105–130. (In Russ.)
- Zhalsanova B. Ts., Chimitdorzhieva L. Sh. For Constructions of Military Defense Works at the Battleground Put in Requisition for the Duration of the Ongoing War Indigenous Dwellers of the Empire Exempt from Military Service (Documents on the Requisition of Buryats during First World War (1916–1917). *Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS*. 2015. No. 3 (19). Pp. 242–252. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Iss. 3, pp. 490–511, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-490-511

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-490-511

Военнослужащие Красной армии из Калмыкии в боях за Белоруссию: историко-статистическое исследование

Сергей Григорьевич Ершов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0009-0006-1280-0314. E-mail: sgershov[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Ершов С. Г., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена военнослужащим Красной армии из Калмыкии, погибшим, пропавшим без вести, умершим и / или награжденным в боях по обороне Белоруссии в 1941 г. и ее освобождению в 1943–1944 гг., а также историко-статистической реконструкции их коллективного портрета. *Материалы и методы.* При написании статьи использовался комплекс различных общенаучных и специальных методов, в том числе историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, а также статистический метод. Материалами для работы послужила делопроизводственная документация воинских частей Красной армии (хранящаяся в электронных банках данных «Мемориал», «Подвиг народа» и «Память народа»), в первую очередь донесения о потерях и награжденные документы. *Результаты.* В ходе исследования на основе различных источников была составлена база данных военнослужащих Красной армии из Калмыцкой АССР, которые погибли, пропали без вести, умерли от ран и / или были награждены в боях за Белоруссию летом 1941 г. и в сентябре 1943 г. – сентябре 1944 г. Вслед за этим был осуществлен анализ их коллективного портрета по таким категориям, как место и год рождения, место призыва, время и место гибели, место службы, время и количество наградений. *Выводы.* Проведенный анализ свидетельствует о том, что военнослужащие Красной армии из Калмыкии активно участвовали в боях по обороне Белоруссии летом 1941 г. и ее освобождению в 1943–1944 гг. При этом потери в оборонительных боях 1941 г. (среди которых абсолютное большинство составляют попавшие в плен) превышают потери в наступательных боях 1943–1944 гг. Анализ потерь и наградений в 1944 г. показывает, что удельный вес калмыков к началу стратегической операции «Багратион» заметно сократился из-за массового снятия калмыков и их высылке в Широклаг или на места спецпоселений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, Калмыцкая АССР, Белоруссия, Белорусская оборонительная операция, операция «Багратион», историко-статистическое исследование

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной

истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).
Для цитирования: Ершов С. Г. Военнослужащие Красной армии из Калмыкии в боях за Белоруссию: историко-статистическое исследование // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 490–511. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-490-511

Red Army Soldiers from Kalmykia in the Battles for Belarus: a Historical and Statistical Study

Sergey G. Ershov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0009-0006-1280-0314. E-mail: sgershov[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Ershov S. G., 2024

Abstract. Introduction. The article is devoted to the Red Army soldiers from Kalmykia who died, went missing, died and/or were awarded in the battles for the defense of Belarus in 1941 and its liberation in 1943–1944, as well as historical and statistical research of their collective portrait. *Materials and methods.* When writing the article, a complex of various general scientific and special methods was used, including historical-genetic, historical-comparative, historical-typological, historical-systemic, and statistical methods. The materials for the work were the office documentation of the military units of the Red Army (stored in the electronic data banks Memorial, Feat of the People and Memory of the People), primarily reports on losses and award documents. *Results.* During the research, a database of Red Army servicemen from the Kalmyk ASSR who died, went missing, died of wounds and/or were awarded in the battles for Belarus in the summer of 1941 and in September 1943 – September 1944 was compiled on the basis of various sources. Following this, an analysis of their collective portrait was carried out in such categories as place and year of birth, place of conscription, time and place of death, place of service, time and number of awards. *Conclusions.* The analysis shows that the Red Army soldiers from Kalmykia actively participated in the battles for the defense of Belarus in the summer of 1941 and its liberation in 1943–1944. At the same time, the losses in the defensive battles of 1941 (among which the absolute majority are captured) exceed the losses in the offensive battles of 1943–1944. At the same time, an analysis of losses and awards in 1944 shows that the proportion of Kalmyks by the beginning of the strategic operation Bagration had noticeably decreased due to the mass removal of Kalmyks and their deportation to the Shiroklag or places of special settlements.

Keywords: Great Patriotic War, Red Army, Kalmyk ASSR, Belarus, the Belarusian defensive operation, Operation Bagration, historical and static research

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”.

For citation: Ershov S. G. Red Army Soldiers from Kalmykia in the Battles for Belarus: a Historical and Statistical Study. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(3): 490–511. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-490-511

1. Введение

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. является одним из наиболее значимых событий в истории России XX в. и в силу этого относится к числу особо актуальных тем для исследователей советского периода. Одной из наиболее ожесточенных театров боевых действий стала территория Белорусской республики. В начале войны Красная

армия в ходе Белорусской стратегической оборонительной операции и Смоленского сражения героическими усилиями пыталась остановить блицкриг вермахта, а в 1943–1944 гг. в ходе целой серии операции и сражений разгромила группу армий «Центр» и освободила Белоруссию от фашистских оккупантов. В 1941–1944 гг. на территории республики активно действовало партизанское движение.

Среди советских воинов — представителей многонациональной страны были и уроженцы Калмыцкой АССР, которые внесли свой достойный вклад в защиту Белоруссии в 1941 г., в партизанское движение на ее территории, в освобождение союзной республики в 1943–1944 гг. В июле 2024 г. Россия и Белоруссия отмечали 80-летие освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, принесших беду, неисчислимы жертвы и разрушения.

В отечественной историографии освещались биографии и отдельные эпизоды участия некоторых уроженцев Калмыцкой АССР, отличившихся и / или павших в боях за Белоруссию, например Героев Советского Союза Б. Б. Городовикова, Н. М. Санджирова, И. В. Гермашева, С. М. Крынина, кавалеров «полководческих» орденов М. С. Шарапова, Е. Э. Халявкина, Д. Я. Надиева и др. [Трембач 1963; Шарапов 1966; Кичиков 1970; Звезды над степью 1975; Агарков 1982; Надиев 2003; Манджиев 2015; Очиров 2018; и др.]. Однако участие жителей Калмыкии в боевых действиях на исследуемой территории, как массовое явление, ранее не рассматривалось. Это было связано с отсутствием необходимых исходных данных для анализа. Не было даже списка наших земляков — участников боев в Белоруссии, не говоря уже о базах с данными, пригодными для машинной обработки.

Однако в начале XXI в. ситуация стала меняться. Благодаря деятельности корпорации «ЭЛАР» на электронном портале Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации стали формироваться базы данных участников Великой Отечественной войны — военнослужащих Красной армии, удостоенных боевых наград или попавших в категорию безвозвратных потерь [ОБД «Мемориал»; ГИС «Память народа»; ОБД «Подвиг народа»]. Обработка этих полномасштабных банков данных позволила выявить две группы уроженцев Калмыкии — военнослужащих Красной армии: 1) отмеченных боевыми наградами за отличия, проявленные в боях на территории Белоруссии; 2) павших в этих же боях.

К сожалению, участники партизанского движения в Белоруссии в этих банках данных практически не отражены, хотя известно немало наших земляков — белорусских партизан. К таковым, к примеру, относятся командир взвода 208-го партизанского отряда и командир роты 15-го партизанского полка Могилевского партизанского соединения лейтенант М. В. Хонинов, награжденный орденом Красного Знамени, командир взвода отряда им. Доватора бригады им. Чкалова Минской области лейтенант Б. З. Оджаев и командир взвода 708-го партизанского отряда младший лейтенант Д. П. Нусхинов, удостоенные ордена Красной Звезды, командир отделения разведки штаба Круглянской военно-оперативной группы сержант А. У. Шалбуров — кавалер ордена Славы III степени и др. Поэтому историко-статистическое исследование участников партизанского движения в Белоруссии, являвшихся уроженцами Калмыцкой АССР, оставим на будущее. В данной статье объектом анализа являются бойцы и командиры Красной армии — жители Калмыцкой АССР, удостоенные боевых наград, погибшие и в боях по защите Белоруссии в 1941 г. и ее освобождению в 1943–1944 гг.

2. Материалы и методы

Исследование об уроженцах Калмыкии — военнослужащих Красной армии проведено на основе широкого комплекса источников, в первую очередь документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), размещенных на портале ГИС «Память народа», в объединенных банках данных «Мемориал» и «Подвиг народа» и др.: донесения о безвозвратных потерях личного состава, наградные листы, журналы боевых действий и иные документы [ОБД «Мемориал»; ГИС «Память народа»; ОБД «Подвиг народа»]. Кроме того, использовались материалы Книги Памяти Республики Калмыкия «Санл» [Память, 1 1995; Память, 2 1995; Память 2005; Память 2010], сведения о погибших, увековеченных на воинских захоронениях, и др. Для сравнительно-сопоставительного анализа привлекались также новейшие результаты исследований баз данных безвозвратных потерь военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР в период Великой Отечественной войны, по ряду параметров [Воробьева 2021а; Воробьева 2021б; Воробьева 2022а; Воробьева 2022б; Воробьева 2023; и др.], а также аналогичные исследования по другим регионам [Скворцова 2009; Игошина 2020; и др.].

В основу исследования положены принципы научности, историзма и объективности. В ходе исследования активно применялись специально-исторические и статистические методы. Например, необходимость перекрестной сверки сведений о безвозвратных потерях для установления их достоверности потребовала активного применения историко-сравнительного метода. Анализ безвозвратных потерь по различным категориям обусловил использование статистического метода.

3. Уроженцы Калмыкии в боях по защите Белоруссии

Военнослужащие Красной армии из Калмыкии вступили в бой с немецко-фашистскими захватчиками с первых дней боевых действий. По данным К. Н. Максимова, к началу Великой Отечественной войны в рядах Вооруженных сил СССР служило 4 432 призванного из Калмыкии [Максимов 2010: 70]. При этом после «Большого террора» и массовых репрессий национальных элит союзных и автономных республик по надуманным обвинениям в «националистических заговорах», согласно решениям Центрального комитета ВКП(б) и наркомата обороны, принятым весной 1938 г., все призванные из национальных республик стали направляться на службу за пределы своих «родных» военных округов [Безугольный 2020: 188–192].

В последние годы проводятся исследования массивов данных о военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР в период Великой Отечественной войны, с применением клиометрических методов, в частности проводится анализ безвозвратных потерь по ряду параметров, выясняются места сосредоточения военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, на различных участках фронта (в том числе в конкретных воинских соединениях) [Воробьева 2021а; Воробьева 2021б; Воробьева 2022а; Воробьева 2022б; Очиров, Воробьева 2023; и др.].

На данный момент нет сведений о том, сколько жителей Калмыкии служило в Белоруссии к 22 июня 1941 г., но несомненно, что они там были. Один из первых ударов немецкие захватчики обрушили на знаменитую Брестскую крепость, гарнизон которой показал многочисленные примеры мужества и стойкости. Большинство защитников крепости погибло, часть смогла прорваться к партизанам или выйти к линии фронта, многие попали в плен.

Среди защитников Бреста были и военнослужащие из Калмыкии. Имена двоих из них выбиты на плитах мемориального комплекса «Брестская крепость-герой»: старшего сержанта Венициана Бадмаевича Майорова, 1921 г. р., уроженца пос. Долбан Долбанского района Калмыцкой АССР, служившего в 333-м стрелковом полку (далее — сп) 6-й стрелковой дивизии (далее — сд), погибшего в июне 1941 г., и ефрейтора Церена Лиджиновича Пасугинова, 1910 г. р., уроженца пос. Иловайский Калмыцкого района Ростовской области, служившего в 44-м сп 42-й сд, погибшего 24 июня 1941 г. [ОБД «Мемориал»].

Известно, что в июне 1941 г. погиб сержант Иванов Александр Учурович, 1916 г. р., уроженец станицы Граббевская Ремонтненского района Ростовской области, служивший в гарнизоне Бреста [Память 1995: 80]. Красноармеец Алтунин Иван Даниилович, 1913 г. р., уроженец с. Тундутово Малодербетовского района Калмыцкой АССР, попал в плен 26 июня 1941 г. под Брестом, находился в концлагере под лагерным номером 21 730, как сложилась его судьба в дальнейшем — не известно [ОБД «Мемориал»]. Красноармеец Скоробогатов Иван Иванович, 1922 г. р., уроженец пос. Яшалта Яшалтинского района Калмыцкой АССР, попал плен под Брестом 22 июня 1941 г., находился в немецком лагере шталаг I В, лагерный номер — 27815. Дальнейшая его судьба также неизвестна [ОБД «Мемориал»]. Красноармеец Тронин Иван Никитович, 1913 г. р., уроженец с. Обильное Сарпинского района Калмыцкой АССР, 22 июня 1941 г. попал в плен под Брестом. Умер в плену 22 февраля 1943 г. в концлагере шталаг X D (310) [ОБД «Мемориал»].

Некоторым бойцам, служившим в крепости, удалось выбраться из окружения, как, например, политуку Санджиеву Николаю Казиковичу, 1920 г. р., уроженцу села Аршан-Годжур Сарпинского улуса, служившему в Брестской крепости, долгое время пробиравшемуся по вражеским тылам, тяжело раненому, находившемуся на излечении в ЭГ 1645, ЭГ 3643 до 16 октября 1941 г., а затем комиссованному как инвалид [ГИС «Память народа»].

Кроме того, военнослужащие из Калмыкии обороняли и другие населенные пункты, в том числе и столицу Белоруссии — г. Минск. В числе соединений, оборонявших Минск, была 100-я стрелковая дивизия — будущий первенец советской гвардии. В ее рядах сражались курсант Гушев Федор Акакиевич и красноармеец Ташнинов Александр Шавельевич. Ф. А. Гушев, 1921 г. р., уроженец Лаганского улуса Калмыцкой АССР, в боях с гитлеровцами был ранен и умер 29 июля 1941 г. в госпитале Смоленской области [ОБД «Мемориал»]. А. Ш. Ташнинов, 1921 г. р., уроженец пос. Будульчинер Западного улуса Калмыцкой АССР [Калмыкия 1966: 304] продолжил воевать вплоть до апреля 1944 г., когда его в числе других калмыков-военнослужащих отозвали с фронта по национальному признаку и направили в Широкаг [Широкаг 2000: 127].

Активное участие в боях принимали уроженцы Калмыкии и в начальной фазе Смоленского сражения. Например, в июле 1941 г. в Полесье Белоруссии была направлена кавалерийская группа полковника А. И. Бацкалевича, которая отвлекла значительные силы противника в важный для нашей армии период. Организатором этого и других кавалерийских рейдов был генерал-инспектор кавалерии Красной армии генерал-полковник Ока Иванович Городовиков — самый высокопоставленный калмык в Вооруженных силах СССР.

В одном из полков, ушедших в рейд — 40-м кавалерийском полку (далее —

кп) 43-й кавалерийской дивизии (далее — кд) — старшим врачом служил военврач 3-го ранга Мергасов Олег Вадимович, 1911 г. р., из поселка Утта Черноземельского улуса Калмыцкой АССР (в 1939–1940 гг. он являлся наркомом здравоохранения Калмыкии). Военврач О. В. Мергасов достойно показал себя в этих боях, оказав медпомощь большому количеству раненых, многим пострадавшим от ран спас жизни, был ранен и сам.

Позже, в 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии О. В. Мергасов был командиром медсанэскадрона 70-й санроты медицинского усиления Северо-Кавказского фронта, руководил госпиталем № 5473 21-й армии (2-го формирования). Дошел до Праги, был награжден орденами Красной Звезды (приказ 110 окд № 1/н от 19 декабря 1942 г.) и Отечественной войны II степени (приказ 21 А № 60/н от 27 июня 1944 г.) [Очиров и др. 2023: 171].

4. Уроженцы Калмыкии в боях по освобождению Белоруссии

В сентябре 1943 г. советские войска, ведущие наступление после ряда успешных летних операций («Кутузов» и «Суворов»), вышли к берегу Днепра и освободили первый населенный пункт Белоруссии — пос. Комарин. В последующем войска Центрального, Западного (в разное время они переформировывались или переименовывались в Белорусский, 1, 2, 3-й Белорусские) и Калининского (с октября 1943 г. — 1-го Прибалтийского) фронтов многократно пытались разбить противника (только Западный фронт с октября 1943 г. по апрель 1944 г. провел 11 неудачных операций), но больших успехов достичь не смогли. Только летом 1944 г. 1, 2, 3-й Белорусские и 1-й Прибалтийский фронты в ходе стратегической операции «Багратион» сумели сокрушить группу армий «Центр» и освободить почти всю территорию Белоруссии.

Общее количество военнослужащих Красной армии из Калмыкии, участвовавших в освобождении Белоруссии, не известно. По данным профессора К. Н. Максимова, опиравшегося на сводки Генштаба, в январе 1945 г. в составе трех Белорусских фронтов сражалось 413 калмыков [Максимов 2010: 345]. Однако следует иметь в виду, что в 1944 г. численность калмыков на фронтах сократилось почти втрое из-за снятия большинства из них по национальному признаку и высылке в Широклаг или на места спецпоселений в Сибирь и Казахстан. Кроме того, на территории Калмыкии проживали представители других национальностей, поэтому общее количество освободителей Белоруссии из этого региона должно быть намного больше.

Около 50 павших в боях военнослужащих из Калмыкии были удостоены боевых наград, многие из них посмертно. В их числе старшина Цаганманжиев Сангаджи, командир отделения 244-го сп 41-й сд, призванный Долбанским РВК Калмыцкой АССР. За год боев, неоднократно отличившись в наступательных операциях, он отмечен пятью боевыми наградами: орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, двумя орденами Славы III степени и медалью «За отвагу» [Ochirov 2016: 222; Очиров 2019: 185]. Старшина Сангаджи Цаганманжиев 24 декабря 1943 г. погиб смертью храбрых в бою у с. М. Козловичи Жлобинского района Гомельской области Белорусской ССР [ОБД «Подвиг народа»]. Майор Василий Петрович Иванов, призванный Сарпинским РВК Калмыцкой АССР, командир дивизиона 17-го артиллерийского полка (далее — ап) 137-й сд, проявив отвагу и мужество в бою у д. Заклетенье, был смертельно ранен 18 января 1944 г. Посмертно награжден орденом Отечественной войны I сте-

пени. Гв. сержант Мухарам Ирижинович Каримов, призванный Долбанским РВК, командир пулеметного расчета 25 гв. кп 6 гв. кд, 29 июня 1944 г. одним из первых форсировал р. Березина, прикрывая и удерживая плацдарм на западном берегу, был смертельно ранен. Посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени [ГИС «Память народа»].

Некоторые наши земляки, отличившиеся и награжденные в боях за Белоруссию, погибли позже. Среди них командир моторизованной роты инженерной разведки 36-й инженерно-саперной бригады, Герой Советского Союза старший лейтенант Николай Мартынович Санджиров, отличившийся в бою при переправе через р. Птичь у д. Холопеничи, приказом 28 А № 34/н от 14 июля 1944 г. удостоен ордена Александра Невского. Погиб двадцатитрехлетний командир роты Н. М. Санджиров 18 августа 1944 г. в Польше [ОБД «Мемориал»].

5. Общий анализ потерь

В ходе изучения документов о безвозвратных потерях, размещенных на «Мемориале» и «Памяти народа», установлены имена 534 наших земляков — как призванных военкоматами Калмыцкой АССР, так и уроженцев Калмыкии, призванных другими военными комиссариатами. Третья часть (175 чел. из 534) были калмыками. Практически все они воевали в составе частей Белорусского, 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов, относительно небольшая часть — 1 и 2-го Украинских, 1-го, Ленинградского, Прибалтийского и Западного фронтов.

Из 534 выбывших земляков 228 чел. значатся погибшими (около 43 %), 68 — умершими от ран (около 13 %), 28 — пропавшими без вести (5 %), 210 чел. попали в плен (около 40 %) — 87 из них погибли в плену. При этом 475 чел. (89 %) были рядовыми и сержантами, 55 — офицерами младшего командного состава, 3 — в звании капитана и 1 — майора. Результаты анализа, проведенного по воинским званиям, явно коррелируют с выводами В. Н. Воробьевой, которые она сделала по итогам аналогичного исследования на основе Книг памяти Калмыкии [Воробьева 2023: 37–38]. Любопытно отметить, что к похожим выводам пришли и исследователи аналогичной проблематики из других регионов, например, Мордовии (см.: [Скворцова 2009: 203]).

Из 175 воинов калмыцкой национальности к рядовому и сержантскому составу относились 157 чел. (90 %), к среднему командно-начальствующему составу — 14 чел. Воинское звание не было указано у четверых. Очевидно, что потери военнослужащих Калмыкии были больше, учитывая, что в тяжелой обстановке непрекращающихся боев, и особенно первых месяцев 1941 г., было крайне затруднительно организовать ведение учета личного состава таким образом, чтобы он отражал фактическое состояние.

6. Анализ потерь по месту и году рождения, месту призыва

Из 534 военнослужащих у 13 чел. место рождения не было указано, 450 чел. (84 %) родились в Калмыкии, 71 чел. — в других регионах страны, в первую очередь, в приграничных с Калмыкией регионах: Сталинградской области — 21 (в том числе в Астраханском округе — 8), Ростовской области — 18, Орджоникидзевском (Ставропольском) крае — 17. Если проанализировать места рождения уроженцев Калмыкии по районам, то больше всего зафиксировано представителей Сарпинского улуса — 68 чел. и Малодербетовского улуса — 58 чел. Еще 35 чел. родились в

Элисте, 34 — в Долбанском улусе, 34 — в Западном, 26 — в Лаганском, по 25 — в Приютненском и Троицком, 23 — в Яшалтинском, 21 — в Кетченеровском, 17 — в Улан-Хольском, 16 — в Приволжском, 14 — в Юстинском, 12 — в Черноземельском. При этом у 42 из 450 родившихся в Калмыкии район рождения не был указан.

Из 175 военнослужащих калмыцкой национальности 166 чел. (95 %) родились в Калмыкии, 3 — в Астраханском округе, 4 — в Ростовской обл., 1 — в Орджоникидзевском крае, у 1 чел. место рождения не было указано. Анализ показал, что больше всего было уроженцев Троицкого и Кетченеровского улусов — 18 и 17 чел. соответственно. 13 калмыков родилось в Малодербетовском улусе, по 12 — в Долбанском и Юстинском, 11 — в Лаганском, 10 — в Улан-Хольском, 9 — в Приволжском, в Сарпинском, Черноземельском улусах и г. Элиста — по 8, в Западном, Приютненском улусах — по 7, в Яшалтинском — 3. У 23 чел. район рождения не указан.

Среди уроженцев Калмыцкой АССР, погибших в боях за Белоруссию, нет явного преобладания какого-то определенного года рождения, даже с учетом, что у 12 чел. год рождения не был указан. Среди наших земляков несколько выделяются военнослужащие 1913 г. р. — 34 чел., 1925 г. р. — 31 чел., 1918 г. р. — 31 чел., 1921 г. р. — 29 чел., 1922 г. р. — 29 чел., 1914 г. р. — 27 чел., 1912 г. р. — 23 чел., 1911 г. р. — 23 чел. Итоги анализа, проведенного по годам рождения, также коррелируют с выводами аналогичного исследования В. Н. Воробьевой, выполненного на основе Книг Памяти Калмыкии [[Воробьева 2022б: 692–693](#)]. Следует отметить, что похожие результаты были получены и исследователями аналогичной проблематики из других регионов, например Куйбышевской области (см.: [[Игошина 2020: 223](#)]). На остальные возраста приходится от 1 до 20 мобилизованных.

Самыми старшими по возрасту были рядовые: П. Е. Серов, 1889 г. р., О. К. Головченко и Х. Н. Мукаев, оба 1892 г. р., причем, несмотря на свой возраст (от 52 до 55 лет), эти бойцы стремились сражаться на переднем крае. Например, рядовой 258-го сп 140-й сд Ходжа Настаевич Мукаев отличился 10–12 октября 1942 г. в боях за д. Жеребное Гомельского района, где был ранен, но отказался идти в санчасть и остался в боевых порядках. За этот бой приказом 258-го сп № 24/н от 1 декабря 1943 г. он был награжден медалью «За отвагу», но ее, к сожалению, он не получил, так как в бою под Гомелем 28 октября 1943 г. Х. Н. Мукаев попал в плен, а 11 февраля 1944 г. погиб в плену и был похоронен на кладбище Шлосс Хольте-Штукенброк.

75 из 534 павших бойцов (или почти каждый седьмой) были в возрасте 20 лет и моложе (1923–1926 г. р.), в том числе шесть бойцов 1926 г. р.: рядовой М. Яковлев (погиб 23 июля 1944 г.); П. В. Фомиченко (погиб 30 июля 1944 г.); М. П. Кордюков (Курдюков) (погиб 29 июля 1944 г.); П. Т. Толочко (умер от ран 4 марта 1945 г.); ефрейтор Г. И. Бадмаев (погиб в бою 18 ноября 1944 г.); старший сержант А. Я. Никитенко (убит 5 октября 1944 г.).

Среди бойцов-калмыков не отмечается подавляющего большинства родившихся в каком-то отдельном году, на 1918 и 1917 г. р. приходится по 13 чел., на 1925 г. р. — 11 чел., на другие года рождения приходится до 10 чел. Из 175 воинов-калмыков возрастом 20 лет и моложе были 22 чел. (почти 13 %) — или каждый восьмой. У пятерых дата рождения не указана. Самым младшим был Г. И. Бадмаев, 1926 г. р. Самым старшим — уже упомянутый Х. Н. Мукаев

1892 г. р. По документам к числу «50-летних» следовало бы отнести и рядового Гирдикова Марзу Кититовича, 1894 г. р., 29 октября 1944 г. он попал в плен под г. Норовля Гомельской области, находился в лагере шталаг VI А, лагерный номер 56357. На самом деле М. К. Гирдилов, который в 1945 г. бежал из плена в Венгрии и вернулся в ряды Красной армии, был 1900 г. р. [Очиров и др. 2023: 157].

Анализ по месту призыва показал, что у 177 из 534 чел. место призыва не было указано. Из тех, чей военкомат призыва был известен, больше всего призывали Сарпинский и Приютненский райвоенкоматы — 42 и 40 чел., соответственно, Элистинский ГВК — 37 и Малодербетовский РВК — 36 чел. Далее идут Долбанский РВК — 32 чел., Западный — 31 и 30 чел. — Лаганский РВК. 20 чел. призваны Яшалтинским РВК, 19 — Приволжским, 11 — Троицким, 8 — Кетченеровским. По 7 чел. призывали Улан-Хольский, Черноземельский и Юстинский райвоенкоматы. Еще 9 человек призваны военкоматами соседних с Калмыкией территорий, 20 — военкоматами дальних регионов. Наконец, еще один боец значится как прибывший в действующую часть из партизанского отряда: стрелок Санджи (Сайджи) Сарсекович Инжиев, 1922 г. р., уроженец пос. Кекбулук Кетченеровского улуса. В 1020-й сп 269-й сд он прибыл из партизанского отряда 13 июля 1944 г., а уже 11 августа 1944 г. погиб в бою за д. Ковалевщина Белостокского района [ОБД «Мемориал»].

У 61 из 175 калмыков место призыва не было указано. Лаганский РВК мобилизовал 15 чел., Приютненский и Долбанский РВК — 13 и 9 чел. соответственно. По 8 чел. призваны Малодербетовским, Приволжским и Сарпинским, по 7 чел. Троицким и Кетченеровским райвоенкоматами. Черноземельский РВК призвал 6 чел., Элистинский горвоенкомат, Западный и Юстинский РВК — по 5 чел. По 2 чел. мобилизованы Улан-Хольским и Яшалтинским РВК. Три калмыка были призваны военкоматами Сталинградской обл., в их числе 2 — Астраханского округа, два — мобилизованы райвоенкоматами Ростовской области, девять — дальних регионов страны, 1 — прибыл в армейское подразделение из партизанского отряда (вышеупомнутый С. Инжиев).

7. Анализ потерь по периодам выбытия

Этот анализ показал, что из 534 наших земляков наибольшие потери были в 1941 г. — 230 чел. (43 %) и в 1944 г. — 186 чел. (около 35 %). Именно в эти периоды на территории Белоруссии шли наиболее интенсивные бои. В оборонительных боях 1941 г. потери наших земляков оказались заметно выше потерь в наступательных боях 1944 г. Если говорить о других годах общих потерь, то в 1943 г. они составили 108 чел. (более 20 %); в 1942 г. — 4 чел. (все умерли в плену), в 1945 г. — 6 чел. (все умерли в госпиталях от ран). Соотношение потерь среди воинов-калмыков в целом немного отличается от вышеприведенных показателей: больше всего потерь в 1941 г. — 36 % (63 из 175 чел.), более чем по 30 % потерь приходится на 1944 г. и 1943 г. (54 и 53 чел. соответственно). Еще 5 чел. приходится на 1942 г. и 1945 г.

Из 230 чел., выбывших в 1941 г., 205 — попали в плен (около 90 %), 16 — числятся пропавшими без вести, 9 — погибли. В июне 1941 г. выбыли 40 чел. (более 17 %), в том числе 10 бойцов — в первый день войны. В июле 1941 г. выбыло уже 99 бойцов (43 %), в августе — 70 (более 30 %). Потери за сентябрь, октябрь и ноябрь вместе составляют 21 чел., или немногим более 9 % от всех

потерь 1941 г. Соотношение потерь 1941 г. по месяцам выбытия среди калмыков (63 чел.) близко с результатом анализа общих потерь, приведенным выше. В июне выбыли 17 чел. (27 %), в июле — 31 чел. (почти 50 %), 10 чел. (около 16 %) — в августе. Оставшиеся 5 калмыков приходятся на сентябрь и октябрь 1941 г. (7 %). Двое из 63 выбывших значатся погибшими, двое — без вести пропавшими, 59 чел. — попали в плен.

Два года, начиная с сентября 1941 г., когда территория Белоруссии была оккупирована немцами, до начала освобождения ее в сентябре 1943 г., боевые действия регулярных частей Красной армии в Белорусской ССР не велись. За этот период потери составили 6 чел. (все в 1942 г. в немецких концлагерях), в том числе 4 — среди калмыков.

Как уже упоминалось ранее, в сентябре 1943 г. начались первые бои за освобождение Белоруссии, что сразу же отразилось на динамике потерь. Уже в первую неделю осенних боев за овладение юго-восточной частью территории Белорусской ССР погибли рядовые Григорий Инкеевич Акшаев (уроженец с. Садовое), Эренджен Бадаев и Надвид Бастаев (оба уроженцы Приютненского улуса), Сумьян Эльдеевич Цебеков (уроженец с. Джакуевка), сержанты Павел Иванович Бурцев, родившийся в с. Тундутово, Лиджи Какмандович Гаряев, родившийся в пос. Юста, Сангаджи-Горя Топкаев — уроженец Долбанского улуса, призванный Элистинским горвоенкоматом старшина Александр Иванович Балантов и другие наши земляки.

Распределение общих потерь по месяцам 1943 г. приведено в диаграмме 1.

Всего потери в 1943 г. составили 108 чел., причем они шли по нарастающей в ходе дальнейшего развертывания наступления войск Красной армии. Если в сентябре 1943 г. выбыло 2 чел. (около 2 %), то в октябре — уже 22 чел. (более 20 %), в ноябре — 36 чел. (33 %), в декабре — 47 чел. (43,5 %). Примерно 40 наших земляков (37 %) погибли в Гомельской обл., 35 (более 31 %) — в Витебской, 20 — в Могилевской (17 %), 15 — в Полесской (14 %). В 1943 г. погибли и умерли от ран 53 военнослужащих-калмыков (почти 50 %). Больше

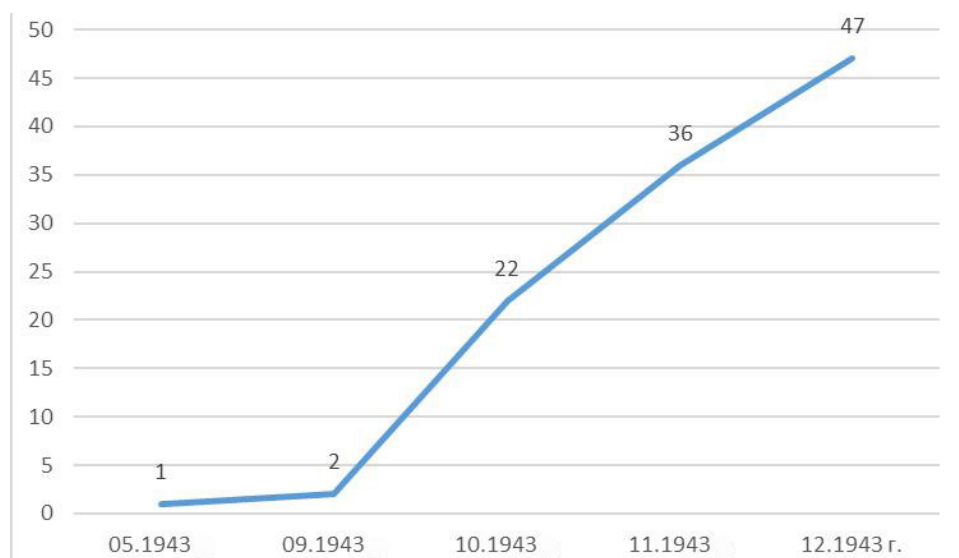

Диаграмма 1. Анализ потерь 1943 г. по месяцам (108 чел.)

[Fig. 1. Analysis of 1943 losses by month (108 people)]

их число пришлось на октябрь месяц — 20 чел. — или около 38 %, в ноябре — 13, декабре — 18 чел. или 24,5 % и 34 % соответственно.

Распределение потерь калмыков по месяцам 1943 г. приведено в диаграмме 2.

Потери военнослужащих из Калмыкии в 1944 г. составили 186 чел., в большинстве своем в Витебской, Полесской и Белостокской областях. Значительными потери были в январе — 42 чел., в феврале и марте они снизились — 33 и 16 чел. соответственно. Однако в июле, в самую активную фазу кровопролитного противостояния, потери увеличились до 44 чел. Самые большие потери — 91 чел. (почти 49 %) пришлось на первые три месяца 1944 г., за лето 1944 г. потери составили 74 чел. (около 40 %).

Распределение общих потерь по месяцам 1944 г. приведено в диаграмме 3.

Потери военнослужащих-калмыков в 1944 г. составили 54 чел. или около одной трети общих потерь уроженцев Калмыкии за этот период. Это соотношение значительно уменьшилось по сравнению с 1943 г., когда эти потери составляли практически половину. Объясняется это тем, что с начала 1944 г. военнослужащих-калмыков по национальному признаку в массовом порядке стали снимать с фронтов и отправлять в тыл, большую часть из них направили в Широклаг, а оставшуюся часть — в тыловые военные округа (офицеров) или на места спецпоселений к родственникам (солдат-инвалидов). Это подтверждает и анализ потерь воинов-калмыков по месяцам: если в январе 1944 г. потери составили 19 чел., то в феврале — 10, марте — 4, апреле — 1, в июне, июле и августе (период операции «Багратион») — 4, 6 и 4 соответственно.

Распределение потерь калмыков по месяцам 1944 г. приведено в диаграмме 4.

Анализ потерь убитыми в 1941–1944 гг. показывает, что наибольшее число погибших земляков за период боев в Белоруссии пришлось на следующие периоды: ноябрь–декабрь 1943 г., январь 1944 г., июль–август 1944 г. Их распределение по месяцам приведено в диаграмме 5.

Сравнивая число погибших воинов из Калмыкии в декабре 1943 г. – январе 1944 г. (71 чел.) и в самый жаркий по накалу период летних наступательных боев в июне-июле 1944 г. (49 чел.), мы приходим к выводу, что количество погибших заметно уменьшилось, что обусловлено в том числе и массовым снятием с фронта воинов-калмыков в 1-й половине 1944 г.

8. Анализ по награждениям

Практически все награждения военнослужащих из Калмыкии были осуществлены в ходе боев 1943–1944 гг. Это неудивительно. В начале войны командование было очень скупой на награды, к тому же поражения 1941 г. не способствовали утверждению награждений, даже если воины совершали достойные подвиги. Зато за мужество и самоотверженность в схватках с врагом в 1943–1944 гг. 392 уроженца Калмыкии были отмечены 484 орденами и медалями, в том числе 107 калмыков (отмечены 127 наградами). Почти каждый пятый удостоивался наград неоднократно, а некоторые — три и даже четыре раза. Как уже отмечалось выше, 50 военнослужащих из Калмыкии были награждены посмертно.

В числе наших земляков, отличившихся в боях на территории Белоруссии и награжденных высокими боевыми наградами, было 4 Героя Советского Союза. Золотой Звезды Героя удостоены командир 184-й Духовщинской сд, генерал-майор Городовиков Басан Бадьминович — за подвиги, совершенные

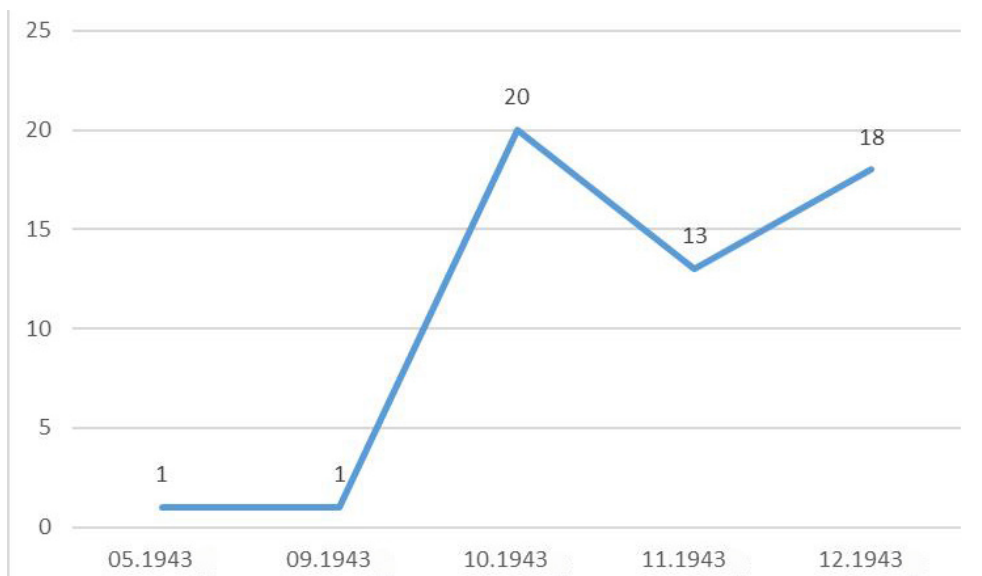

Диаграмма 2. Анализ потерь в 1943 г. по месяцам среди калмыков (53 чел.)
[Fig. 2. Analysis of losses in 1943 by month among Kalmyks (53 people)]

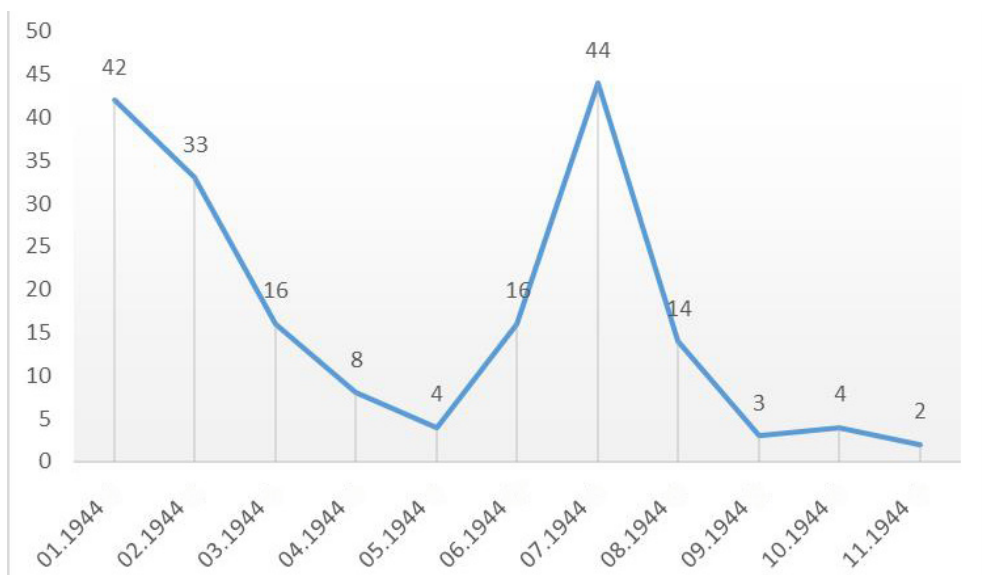

Диаграмма 3. Анализ потерь 1944 г. по месяцам (186 чел.)
[Fig. 3. Analysis of 1944 losses by month (186 people)]

в ходе операции «Багратион» и при выходе к государственной границе СССР (Указ Президиума ВС СССР от 19 апреля 1945 г.), командир взвода 30-го сп 102-й сд, старший лейтенант Гермашев Иван Васильевич — за проявленный подвиг при прорыве немецкой обороны в районе д. Новые Колосы Рогачевского района (Указ Президиума ВС СССР от 3 августа 1944 г.), командир отделения 190-го сп 5-й сд, сержант Крынин Степан Михайлович — за подвиг, совершенный при форсировании р. Друть и в боях за г. Волковыск (Указ Президиума ВС СССР от 24 марта 1945 г.), автоматчик 1281-го сп 60-й сд, рядовой Метяшкин Аким Гаврилович — за подвиг, проявленный при форсировании р. Днепр (Указ Президиума ВС СССР от 30 октября 1943 г.).

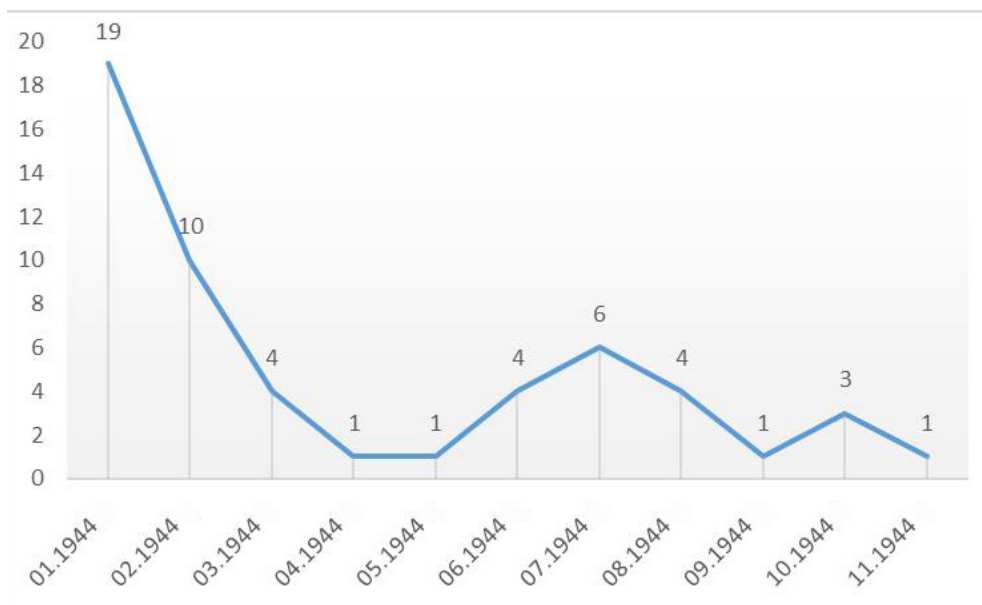

Диаграмма 4. Анализ потерь 1944 г. по месяцам среди калмыков (54 чел.)
[Fig. 4. Analysis of 1944 losses by month among Kalmyks (54 people)]

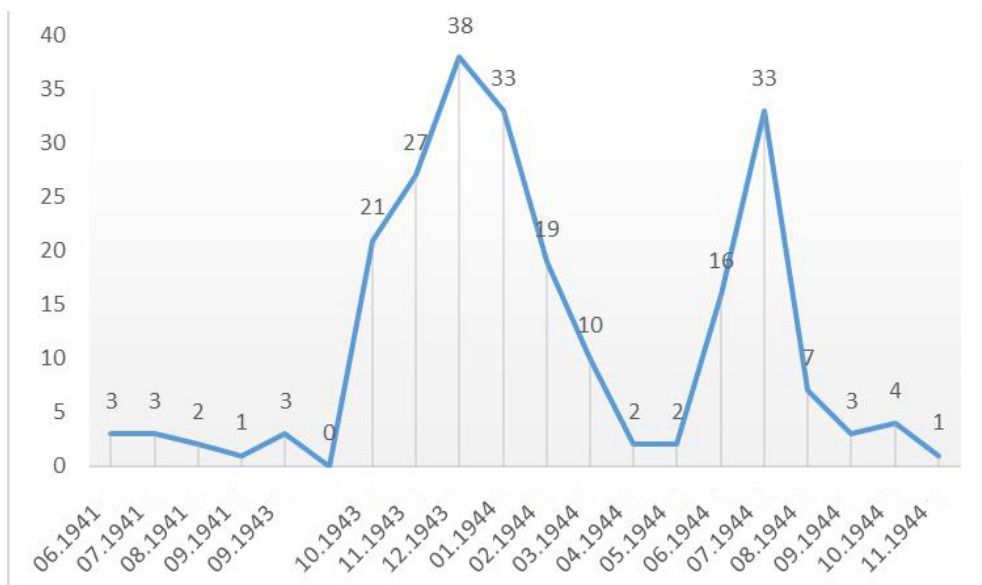

Диаграмма 5. Погибшие уроженцы (228 чел.) Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии
[Fig. 5. The dead natives (228 people) of the Kalmyk ASSR during the Great Patriotic War on the territory of Belarus]

Воины из Калмыкии были награждены 186 орденами (без учета 4 вышеупомянутых Героев Советского Союза, каждый из которых награждался орденом Ленина), в том числе:

- орденом Ленина — 1 чел.;
- орденом Красного Знамени — 15 чел. (лейтенант М. К. Ерескин — посмертно), из них двое — рядовые М. М. Деркач и А. Т. Нестеренко — изначально

были представлены к званию Герой Советского Союза, три человека: гв. подполковник М. Т. Бимбаев, старший лейтенант М. П. Тютин и младший сержант П. К. Мордасов — представлялись изначально к ордену Ленина;

- орденом Александра Невского — 4 чел.;
- орденом Отечественной войны I степени — 15 чел. (из них трое посмертно — майор В. П. Иванов, капитан Ф. М. Литовкин, гв. сержант М. И. Каримов);
- орденом Отечественной войны II степени — 30 чел. (четверо из них посмертно — гв. лейтенант С. Г. Рудь, сержант В. Е. Васильев, гв. сержант Г. Г. Перекрестов, рядовой А. С. Бабичев);
- орденом Славы II степени — 2 чел.;
- орденом Славы III степени — 42 чел., (один из них — старшина С. Цаганманджиев изначально был представлен к званию Герой Советского Союза);
- ордена Красной Звезды удостоены 71 чел.

Здесь следует отметить, что старшина Сангаджи Цаганманджиев, как уже упоминалось выше, был удостоен двух орденов Славы. Первым орденом он награжден приказом 41 сд № 41/н от 15 декабря 1943 г. за подвиг, проявленный в бою 13.11.1943–14.11.1943. Вторым орденом (Славы III степени) С. Цаганманджиев награжден посмертно приказом 40 ск № 48/н от 8 февраля 1944 г. за подвиг, совершенный 15.12.1943, 23.12.1943. Ходатайство командира 244 стрелкового полка от 30.12.1943 на представление к званию Герой Советского Союза командира пулеметного отделения старшины Сангаджи Цаганманджиева было поддержано командиром 41 стрелковой дивизии генерал-майором Сурченко 09.09.1944, а командир 40 стрелкового корпуса 08.02.1944 понизил статус высокой награды до ордена Славы III степени. В отметке о награждении в наградном листе начальником отдела кадров 40-го ск произведена запись: «Награжден орденом „Отечественная война 2 степени“ по приказу 40 стрелкового корпуса № 48/н от 8.02.44». Однако в тексте этого приказа говорится о том, что командир пулеметного отделения старшина Сангаджи Цаганманджиев награждается орденом Славы III степени. Это несоответствие можно попытаться объяснить тем, что, по всей вероятности, наградной материал ушел в приказ с заключением командира стрелкового корпуса о понижении высокой награды до ордена Славы III степени. Потом выяснилось, что у С. Цаганманджиева уже есть орден Славы III степени, и награду изменили на орден Отечественной войны II степени, не оформив соответственно это решение приказом.

Кроме того, бойцы и командиры — уроженцы Калмыкии были награждены 298 медалями (187 медалей «За отвагу» и 111 медалей «За боевые заслуги»).

Выше приводились сведения, что воины-калмыки были отмечены 127 боевыми наградами: одна медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза — этой особой награды Родины удостоен генерал-майор Б. Б. Городовиков; 2 ордена Александра Невского — этих полководческих орденов удостоены старшие лейтенанты Н. М. Санжиров и Е. Э. Халявкин; 5 чел. отмечены орденом Красного Знамени, 5 — орденом Отечественной войны I степени, 7 — орденом Отечественной войны II степени, 9 — орденом Славы III степени; в числе награжденных орденом Красной Звезды — 21 чел., медалью «За отвагу» награждены 58, медалью «За боевые заслуги» — 19 чел.

Практически каждый второй-третий из награжденных земляков был удостоен медали «За отвагу» (большей частью из числа рядовых и сержантов), а

каждый седьмой ордена Красной Звезды — 38,6 % и 14,6 % соответственно. Это соотношение у воинов-калмыков выше, оно, соответственно, составляет 45,7 % и 16,5 %.

Более 80 чел. были награждены двумя, тремя и даже четырьмя орденами и медалями. Четырех наград был удостоен гв. капитан Есин Эмгенович Халаявкин, 1918 г. р., командир роты 23-го сп 51-й сд, уроженец с. Ахнуд (Лапино) Западного улуса Калмыцкой АССР: ордена Красной Звезды — за овладение укрепленными пунктами в районе Сиротино Витебской области (приказ 51 сд № 49 от 23 марта 1944 г.), ордена Красного Знамени — за овладение двумя укрепленными пунктами в районе д. Николаево Брестской обл. (приказ 1 ПрибФ № 324 от 27 апреля 1944 г.), ордена Александра Невского — за взятие д. Зазерье Брестской области (приказ 4 Уд. А № 216 от 04 мая 1944 г.), ордена Отечественной войны I степени — за прорыв укрепленной обороны противника в районе д. Мазуры Минской области (приказ 22 гв. ск № 81 от 07 августа 1944 г.). Е. Э. Халаявкин умер 9 августа 1944 г. от ран, полученных в бою, и был захоронен на кладбище в 7 км северо-западнее г. Городок [ОБД «Подвиг народа»; ОБД «Мемориал»; Очиров 2018: 41].

Шестеро военнослужащих из Калмыкии были удостоены трех боевых наград. В их числе был разведчик 1152-го сп 344-й сд рядовой Касьянов Алексей Андреевич, он награжден орденами Ленина (за отличие при форсировании р. Днепр в районе г. Шклов) и Красного Знамени (за захват пленного в период боев в Витебской обл.), медалью «За отвагу» (за захват пленного) [ОБД «Подвиг народа»]. Трижды награждался и разведчик 977-го сп 270-й сд младший сержант Мордасов Павел Константинович: орденом Отечественной войны II степени (за уничтожение пулемета и 6 солдат противника, взятие в плен офицера в бою у д. Новоселки Витебской области), орденом Красного Знамени (за отличие при форсировании Западной Двины в районе д. Надеждино Витебской области, здесь же надо отметить, что изначально он был представлен к ордену Ленина); медалью «За боевые заслуги» (за уничтожение группы противника). Младший сержант П. К. Мордасов погиб в бою 29 октября 1944 г., был посмертно удостоен второго ордена Отечественной войны [ОБД «Подвиг народа»].

Двух боевых наград удостоены 77 воинов из Калмыкии, в их числе: ордена Красного Знамени и ордена Отечественной войны I степени удостоен командир роты 334-го сп 47-й сд капитан И. Б. Павлов, ордена Отечественной войны I степени и ордена Отечественной войны II степени — командир роты автоматчиков 76-го гвардейского отдельного тяжелого танкового полка старший лейтенант Ю. А. Филь, двумя орденами Отечественной войны II степени отмечен командир танкового взвода младший лейтенант Й. Н. Джалаев, орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны I степени (посмертно) награжден командир роты 236-го сп 106-й сд капитан Ф. М. Литовкин и др. [ОБД «Подвиг народа»].

Большей частью, как показывает анализ, медалью «За отвагу» и орденами более высокого статуса отмечались молодые бойцы, а воины старшего возраста удостоивались ордена Красной Звезды и медали «За боевые заслуги».

Среди молодых возрастов заметно выделяются самые юные наши земляки — ребята 1923–1926 г. р., которым тогда было 20 лет и меньше: 95 из 392 — или каждый четвертый (7 чел. — 1926 г. р., 37 — 1925 г. р., 23 — 1924 г. р., 28 — 1923 г. р.). Они были отмечены 121 наградой из 484 (25 %). У воинов-калмыков

бойцы возрастом 20 лет и моложе также составляли четвертую часть от общего числа награжденных. Мальчишки, рано повзрослевшие, рвались в бой, невзирая на опасность, показывая силу духа, смелость и самопожертвование. Достоинство наград ясно характеризует их подвиги. На долю этих возрастов приходится 5 из 15 орденов Красного Знамени (изначально двое из награжденных представлялись к званию Герой Советского Союза: рядовой М. М. Деркач, 1924 г. р.; рядовой А. Т. Нестеренко, 1925 г. р.; двое — к ордену Ленина: младший сержант П. К. Мордасов, 1924 г. р., и старший лейтенант М. П. Тютин, 1923 г. р.); 5 из 15 орденов Отечественной войны I степени; почти половина (19 из 42) орденов Славы III степени и один из двух орденов Славы II степени. На долю бойцов младшего возраста приходится 52 из 187 медалей «За отвагу» (почти каждая третья) и 7 из 31 орденов Отечественной войны II степени — или почти каждый четвертый (рядовой А. С. Бабичев, 1925 г. р., — награжден посмертно), почти четвертая часть (17 из 72) орденов Красной Звезды и каждая шестая медаль «За боевые заслуги» — 18 из 111.

Среди награжденных военнослужащих из Калмыкии семеро самые молодые — 1926 г. р., ушедшие на фронт семнадцатилетними мальчишками. Рядовой Сергей Леонтьевич Иванов, принимавший участие в боях в составе 1-го Белорусского фронта, удостоен ордена Отечественной войны II степени (Указ Президиума ВС СССР № 209/838 от 30 мая 1951 г.), позже он был тяжело ранен. Остальные шестеро ребят, мобилизованные Малодербетовским РВК в один день, 24 ноября 1943 г., воевали в составе в 32-й кд 3-го гв. кавалерийского корпуса 2-го Белорусского фронта: Федор Затонский, Борис Курочкин, Иван Клименко, Виктор Суриков и Борис Толмачев служили в 65-м кп, Николай Павлов — в 86-м кп (все шестеро уроженцы с. Тундутово). Четверо из них отличились в июльских боях 1944 г. в Белостокской области и приказом 65 кп № 5/н от 10 августа 1944 г. были удостоены наград: рядовые И. Клименко и В. Суриков — медали «За отвагу», Ф. Затонский и Б. Курочкин — медали «За боевые заслуги». Рядовой Б. Толмачев, отличившийся в бою у с. Косино Минской области, награжден медалью «За отвагу» (приказ 65 кп № 6 от 28 сентября 1944 г.). Командир отделения сержант Н. Павлов отличился в бою у деревни Прухново Белостокской области, был тяжело ранен, приказом 86 кп № 8 от 10 октября 1944 г. награжден медалью «За отвагу» [ОБД «Подвиг народа»]. Все шестеро ребят из с. Тундутово входили в одну команду призывников 1926 г. р. численностью около 120 чел., мобилизованных Малодербетовским РВК 24 ноября 1943 г. [ГИС «Память народа»]. Многие из этой команды также служили в 32-й кд. Их однополчанин рядовой Михаил Федорович Яковлев, 1926 г. р., уроженец хут. Васильев Малодербетовского улуса, был убит в бою 23 июля 1944 г. в Белостокской области. Еще несколько земляков-однополчан погибли позже [ОБД «Мемориал»].

307 из 392 уроженцев Калмыцкой АССР, отмеченных наградами (или более 78 %), относились к рядовому и сержантскому составу, 85 чел. — офицеры. Среди воинов-калмыков к рядовому и сержантскому составу относится 85 чел. (67 %), к офицерам — 22 чел. Очевидно, что на более высокий процент награжденных офицеров-калмыков повлияло направление калмыков в Широкаг и внутренние округа по национальному признаку, поскольку у офицеров было больше шансов добиться оставления на фронте.

Сержанты и рядовые из числа награжденных были по должности командирами отделений, орудий, номерами расчетов, наводчиками, заряжающими, санинструкторами и санитарями, автоматчиками, пулеметчиками, разведчиками, водителями, ездовыми и др. Офицеры состояли в должностях командиров взводов, заместителей командиров взводов, штабных работников, командиров рот и дивизионов, был среди них и занимавший должность комбата.

Военнослужащие из Калмыкии не были сосредоточены в какой-либо из боевых частей. Большинство из них входило в состав разных дивизий по 2–4 чел. Заметными исключениями из этого была 15-я гв. кд 1-го Белорусского фронта (17 чел.) и 32-я кд 2-го Белорусского фронта (12 чел.). При этом в остальных кавалерийских соединениях (3, 4, 5, 7, 14, 16 и 17 гв. кд 2-го, 3 и 7-го гв. кк) было, как правило, по 2–3 чел. Наши земляки-степняки обладали неплохими навыками верховой езды, особенно калмыки — прирожденные наездники, поэтому, несмотря на низкий удельный вес кавалерии в сухопутных войсках СССР, в этом роде войск служило более 15 % награжденных земляков (59 из 392 чел.). Доля калмыков в кавалерии была еще выше — более 21 % (23 из 107 чел.), при том, что доля представителей остальных национальностей из Калмыкии в кавалерии составила немногим более 9 %. Более 80 % служило в стрелковых дивизиях. Еще 3 % награжденных земляков служили в танковых частях, из них командир танка 23-й тбр младший лейтенант Церен Моцакович Марков, 1912 г. р., удостоен ордена Красного Знамени (приказ 1 БелФ № 38/н от 10 августа 1944 г.), орденом Красной Звезды отмечены командир танка 117-й тбр младший лейтенант Доржи-Горя Бадмаевич Бичачиев, 1920 г. р., (приказ 117 тбр № 15/н от 15 октября 1943 г.) и радист-пулеметчик танка Т-34 23-й тбр старший сержант Михаил Иванович Шувалов, 1925 г. р., (приказ 23-й тбр № 7/н от 31 июля 1944 г.).

Распределение наград по месяцам приведено в диаграмме 6.

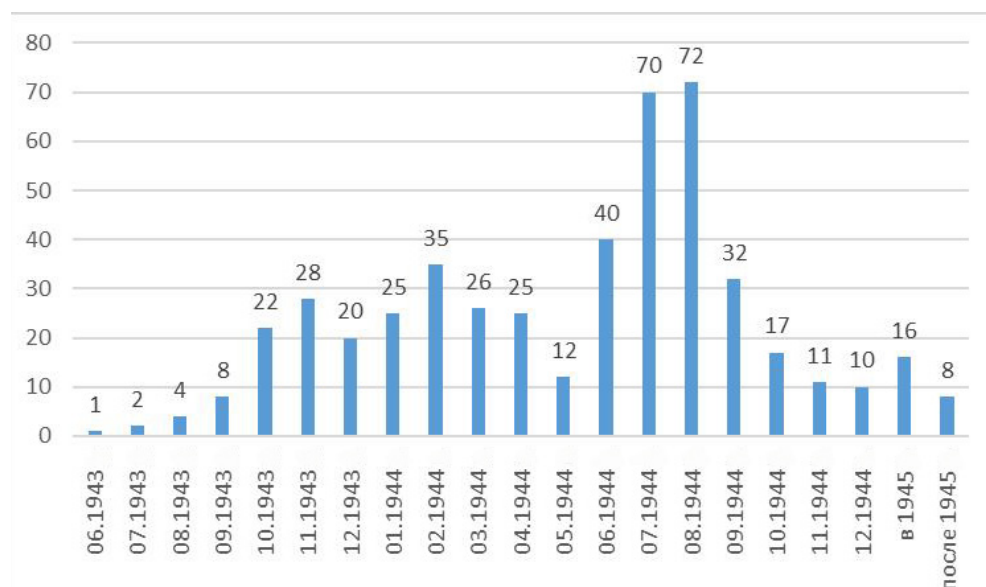

Диаграмма 6. Анализ наград, удостоенных уроженцев Калмыцкой АССР по годам (484 награды)

[Fig. 6. Analysis of awards awarded to natives of the Kalmyk ASSR by year (484 awards)]

Несмотря на указания о снятии калмыков с фронтов по национальному признаку, ряд командиров отказались выполнить этот приказ, не желая расставаться с опытными ветеранами. В некоторых случаях им меняли национальность, но большинство из них продолжали считаться калмыками, участвовали в боях с врагом и даже получали боевые награды. По оценке К. Н. Максимова, к середине 1944 г. на фронтах осталась треть калмыков из числа имевшихся на 1 января 1944 г. [Максимов 2010: 345].

Неудивительно, что среди уроженцев Калмыкии, награжденных за отличия в боях в Белоруссии летом 1944 г., каждый пятый был калмыком (38 из 182). К примеру, комвзвода 11-го гв. кп 4-й гв. кд гв. лейтенант Бембя Манджиевич Хечеев, 1917 г. р., командуя сабельным подразделением, отличился в боях при форсировании р. Днепр, при прорыве рубежей обороны противника в районе Холмечь – Брагин, при взятии сильно укрепленных пунктов Волкан и Городок, в боях в районе г. Брест и в других операциях. Позже, за особое отличие при форсировании канала Хафаллендишер – Гроссер, Указом Президиума ВС СССР № 202/174 от 15 мая 1946 г. гв. лейтенанту Б. М. Хечееву было присвоено звание Героя Советского Союза. Комвзвода 9-го гв. кп 3-й гв. кд гв. лейтенант Эрдни Манджаев, 1922 г. р., отличился в наступательном бою за д. Борщевка и был награжден орденом Красной Звезды (приказ 3 гв. кд № 28/н от 5 декабря 1943 г.). Два бронебойщика 53-го гв. кп 15-й гв. кд одним приказом (приказ 53 гв. кп № 16/н от 29 октября 1943 г.) были удостоены медали «За отвагу»: командир ПТР гв. рядовой Давид Дорджиевич Пудинов, 1925 г. р. (погиб 22.11.1943 в Полесской области) и наводчик ПТР гв. рядовой Убуш (Убиж) Манжиев, 1925 г. р.

Распределение наград калмыков по месяцам приведено в диаграмме 7.

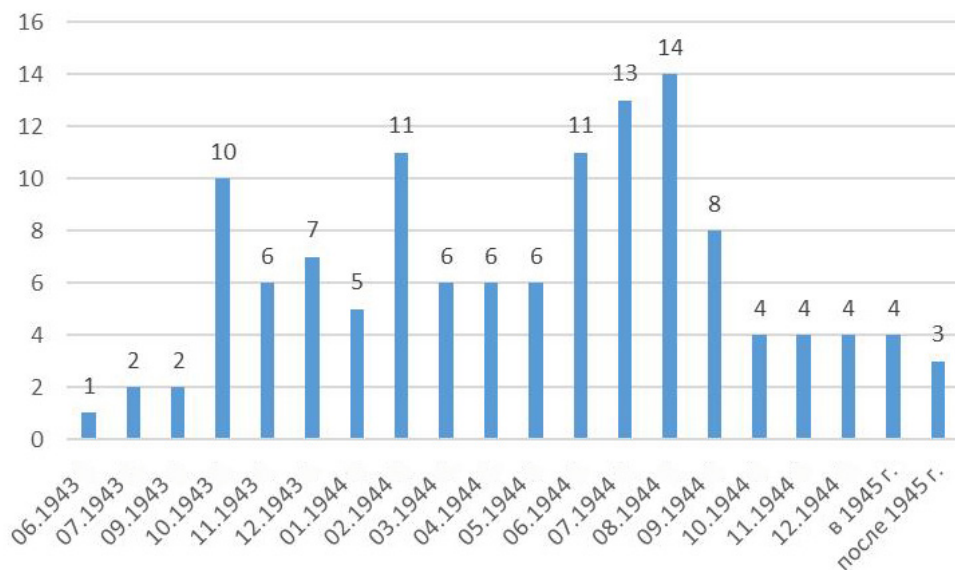

Диаграмма 7. Анализ наград, удостоенных воинов-калмыков по годам (127 наград)
[Fig. 7. Analysis of awards awarded to Kalmyks warriors by year (127 awards)]

Сравнительный анализ наград всех уроженцев Калмыцкой АССР (484 награды) и воинов-калмыков (127 наград) показывает, что их динамика сходна по периодам напряженности и активности боевых действий наших войск на фронтах. Вместе с тем соотношение числа наград обнаруживает и такую тен-

денцию: за период октября-декабря 1943 г. было утверждено 70 награждений (или более 14 % всех наград), в том числе 23 — воинам-калмыкам (около 33 %); за период января-марта 1944 г. — 86 награждений (около 18 % всех наград), в том числе 22 — воинам-калмыкам (25,6 %); за самый жаркий период наступательных боев лета 1944 г. — 182 награждения (около 38 % всех наград), в том числе 38 — воинам-калмыкам (20,8 %). Явное сокращение доли наград у воинов-калмыков подтверждает прямую связь с их массовым снятием с фронтов в первой половине 1944 г.

9. Заключение

Военнослужащие из Калмыкии, павшие и оставшиеся в живых, потом и кровью, а иногда и ценой жизнью своих, мужеством, героизмом и мастерством, высокой организованностью и дисциплиной, верностью военной присяге, своим ратным трудом вписали свою славную страницу в историю защиты и освобождения Белорусской ССР от нацистских захватчиков. Проведенный анализ свидетельствует о том, что военнослужащие Красной армии из Калмыкии активно участвовали в боях по обороне Белоруссии летом 1941 г. и ее освобождению в 1943–1944 гг. При этом потери в оборонительных боях 1941 г. (среди которых абсолютное большинство составляют попавшие в плен) превышают потери в наступательных боях 1943–1944 гг. Анализ потерь и награждений в 1944 г. показывает, что удельный вес калмыков к началу стратегической операции «Багратион» заметно сократился из-за массового снятия калмыков и их высылке в Широклаг или на места спецпоселений.

Источники

- ГИС «Память народа» — ГИС «Память народа» [электронный ресурс] // Государственная информационная система «Память народа». Управление по увековечению памяти погибших при защите Отечества; корпорация «ЭЛАР» [электронный ресурс] // URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 05.09.2023).
- Калмыкия 1966 — Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945: Док. и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 554 с.
- ОБД «Мемориал» — ОБД «Мемориал» [электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Мемориал». Военно-мемориальный центр ВС РФ, МО РФ; корпорация «ЭЛАР» // URL: <http://www.obd-memorial.ru> (дата обращения: 16. 10.2023).
- ОБД «Подвиг народа» — ОБД «Подвиг народа» [электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». МО РФ: Департамент развития информационных технологий, Управление по увековечению памяти погибших при защите Отечества; корпорация «ЭЛАР» [электронный ресурс] // URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (дата обращения: 07. 08.2023).
- Память, 1 1995 — Память. Санл: в 2 тт. / сост.: С. С. Васькин и др.; редкол.: К. Н. Максимов (пред.) и др. Т. I. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 416 с.
- Память, 2 1995 — Память. Санл: в 2 тт. / сост.: С. С. Васькин и др.; редкол.: К. Н. Максимов (пред.) и др. Т. II. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995 442 с.
- Память 2005 — Память. Санл / редкол.: К. Н. Илюмжинов (пред.) и др. Т. III. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005 156 с.
- Память 2010 — Память. Санл / сост.: А. В. Цюрюмов и др.; редкол.: К. Н. Илюмжинов (пред.) и др. Т. IV. Элиста: Герел, 2010 492 с.
- Широклаг 2000 — Широклаг. Широкстрой: списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. (Книга памяти ссылки калмыцкого народа) Т. III. Кн. 1 / сост. А. Б. Баирова, Т. Ч. Бембеева, С. Э. Лиджи-Гореева, Р. В. Неяченко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 294 с.

Sources

- Bairova A. B., Bembeeva T. Ch., Lidzhi-Goryaeva S. E., Neyachenko R. V. (comps.) The Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 3. Book 1: Shirokstroy. Shiroklag. Name Lists of Kalmyk Soldiers and Non-Commissioned Officers Withdrawn from Front Line Combat Service in 1944–1945. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. 294 p. (In Russ.)
- Kalmykia in the Great Patriotic War 1941–1945: Documents and Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1966. 554 p. (In Russ.)
- Memory. In 2 Vols. S. Vaskin (comp.) et al. K. Maksimov (ed.) et al. Vol. 1. Elista: Kalmyk Book Publ, 1995. 416 p. (In Russ.)
- Memory. In 2 Vols. S. Vaskin (comp.) et al. K. Maksimov (ed.) et al. Vol. 2. Elista: Kalmyk Book Publ, 1995. 442 p.
- Memory. K. Ilyumzhinov (ed.) et al. Vol. 3. Elista: Kalmyk Book Publ., 2005 156 p. (In Russ.)
- Memory. comp.: A. Tsyuryumov (comp.) et al. K. Ilyumzhinov (prev.) et al. Vol. 4. Elista: Gerel, 2010. 492 p. (In Russ.)
- OBD Memorial (online database). Available at: <http://www.obd-memorial.ru> (accessed: October 16 2023). (In Russ.)
- OBD Pamyat Naroda (online database). Available at: <https://pamyat-naroda.ru> (accessed: September 5 2023). (In Russ.)
- OBD Podvig Naroda (online database). Available at: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (accessed: August 7 2023). (In Russ.)
- Shiroklag 2000 — Shirokstroy. Shirokstroy: Lists of Kalmyks-enlisted and non-Commissioned Soldiers who were Recalled from the Fronts in 1944–1945. (The Book of Memory of the Exile of the Kalmyk People) Vol. 3. Book 1. A. Bairova, T. Bembeeva, S. Ligi-Goryaev, R. Neyachenko. (comps.) Elista: Kalm. Publishing House, 2000. 294 p. (In Russ.)

Литература

- Агарков 1982 — Агарков Б. Пути-дороги фронтовые: сб. очерков о наших земляках-фронтовиках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 89 с.
- Безугольный 2020 — Безугольный А. Ю. Опыт строительства Вооруженных сил СССР: национальный аспект (1922–1945 гг.): дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 597 с.
- Воробьева 2021a — Воробьева В. Н. Безвозвратные потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны по данным 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл»: статистический анализ по времени, месту рождения и призыва // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 5. С. 956–971. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-956-971
- Воробьева 2021б — Воробьева В. Н. Безвозвратные потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны по данным 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл»: статистический анализ по времени, месту рождения и призыва // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 713–729. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-713-729
- Воробьева 2022a — Воробьева В. Н. Потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в 1941–1945 гг. (по данным 4-го тома книги «Память. Санл») // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 3. С. 478–490. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-478-490
- Воробьева 2022б — Воробьева В. Н. Количественный анализ сводной базы данных, извлеченных из книг «Память. Санл»: время, место рождения и призыва // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 4. С. 684–697. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-684-697
- Воробьева 2023 — Воробьева В. Н. Коллективный портрет безвозвратных потерь в 1941–1945 гг. военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыкии (по данным книг «Память. Санл») // Научная мысль Кавказа. 2023. № 1 (113). С. 36–43. DOI: 10.18522/2072-0181-2023-113-36-43
- Звезды над степью 1975 — Звезды над степью: очерки о Героях Советского Союза / сост. Н. У. Илишкин. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975. 254 с.
- Игошина 2020 — Игошина О. Ю. Электронные исторические источники по проблеме безвозвратных людских потерь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере Куйбышевской (Самарской) области) // Самарский научный вестник.

2020. Т. 9. № 1 (30). С. 220–225.
- Кичиков 1970 — Кичиков М. Л. Во имя победы над фашизмом. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 208 с.
- Максимов 2010 — Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Манджиев 2015 — Манджиев Н. Ц. Достоин награждения. М.: Принт Про, 2015. 498 с.
- Надиев 2003 — Надиев Д. Я. Жизнь многолика. Элиста: Джангар, 2003. 181 с.
- Очилов 2018 — Очилов У. Б. Жители Калмыкии — кавалеры «полководческих» орденов // *Oriental Studies*. 2018. Т. 11. №. 5. С. 27–47. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-27-47
- Очилов 2019 — Очилов У. Б. Жители Калмыкии — военнослужащие Красной армии, представленные, но не награжденные «Золотой Звездой» // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019. № 2. С. 174–188.
- Очилов и др. 2023 — Очилов У. Б., Заярный С. А., Бадышева Л. П. Ваш подвиг в сердце мы храним... Элиста: КалмНИЦ РАН, 2023. 320 с.
- Очилов, Воробьева 2023 — Очилов У. Б., Воробьева В. Н. Опыт составления базы данных для просопографического портрета безвозвратных потерь в 1941–1945 гг. военнослужащих, призванных из одного региона (на примере Калмыцкой АССР) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 1. С. 85–108. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-85-108
- Скворцова 2009 — Скворцова Л. Г. Боевые потери уроженцев Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны (сравнительный анализ) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2009. № 4-3 (64). С. 199–205.
- Трембач 1963 — Трембач И. С. Дорогой подвигов: очерки. Элиста: Калмгосиздат, 1963. 184 с.
- Шарапов 1966 — Шарапов М. С. От Москвы до Берлина: Воспоминания. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 72 с.
- Ochirov 2016 — Ochirov U. B. Database of the Kalmyk Cavaliers of the Order of Glory: Compilation Experience and Statistical Analysis // *Russkaya Starina*. 2016. Vol. (19). Is. 3. Pp. 218–239. (In Russ.). DOI: 10.13187/rs.2016.19.218

References

- Agarkov B. Ways-Roads of the Front: Collection of Essays: about our Fellow Countrymen-Veterans. Elista: Kalmykia Book Publ., 1982. 89 p. (In Russ.)
- Bezugolny A. Y. The Experience of Building the Armed Forces of the USSR: the National Aspect (1922–1945): diss. Dr. Sc. (History). Moscow, 2020. 597 p. (In Russ.)
- Igoshina O. Yu. Historical E-Sources on the Problem of the Irrevocable Human Losses during the Great Patriotic War of 1941–1945 (By the example of the Kuibyshev (Samara) Region). *Samara Journal of Science*. 2020. Vol. 9. No. 1 (30). Pp. 220–225. (In Russ.)
- Ilishkin N. U. (comp.). Stars over the Steppe: Essays on the Heroes of the Soviet Union. Elista: Kalmykia Book Publ., 1975. 254 p. (In Russ.)
- Kichikov M. L. In the Name of Victory over Fascism. Elista: Kalmykia Book Publ., 1970. 208 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks. M.: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Mandzhiev N. Ts. Is Worthy of an Award. M.: Print Pro, 2015. 498 p. (In Russ.)
- Nadiev D. Ya. Life is Multifaceted. Elista: Dzhangar, 2003. 181 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Database of the Kalmyk Cavaliers of the Order of Glory: Compilation Experience and Statistical Analysis. *Russkaya Starina*. 2016. Vol. 19. Is. 3. Pp. 218–239. (In Russ.). DOI: 10.13187/rs.2016.19.218
- Ochirov U. B. Residents of Kalmykia — Cavaliers of “Military” Orders. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 11. No. 5. Pp. 27–47. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-27-47
- Ochirov U. B. Residents of Kalmykia are soldiers of the Red Army, represented but not awarded the Golden Star. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019. Is. 2. Pp. 174–188. (In Russ.). DOI: 10.22162/2541-9749-2019-8-2-174-188
- Ochirov U. B., Vorobyova V. N. Compiling a Prosopography Database of 1941–1945 Fatal Casualties among Military Servicemen Conscripted in One Region: The Case of the Kalmyk ASSR. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 1. Pp. 85–108. (In Russ.). DOI:

- 10.22162/2619-0990-2023-65-1-85-108
- Ochirov U. B., Zayarny S. A., Badysheva L. P. We Keep Your Heroic Deed in our Hearts... Elista: KalmSC RAS, 2023. 320 p. (In Russ.)
- Sharapov M. S. From Moscow to Berlin: Memoirs. Elista: Kalmykia Book Publ., 1966. 72 p. (In Russ.)
- Skvortsova L. G. The battle losses among natives of the Mordovia during the Great Patriotic War (The comparative analysis). *Izvestiya of Altai State University*. 2009. No. 4–3 (64). Pp. 199–205. (In Russ.)
- Trembach I. S. Dear Feats: Essays. Elista: Kalmgosizdat, 1963. 184 p. (In Russ.)
- Vorobyova V. N. Memory. Sanl, Vols. 1 and 2. Fatal Casualties of Soviet Military Servicemen from the Kalmyk ASSR: A Statistical Analysis by Time, Places of Birth and Conscription. *Oriental Studies*. 2021a. Vol. 14. No. 5. Pp. 956–971. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-956-971
- Vorobyova V. N. Memory. Sanl, Vols. 1 and 2. Memory. Sanl, Vols. 1 and 2. Fatal Casualties of Soviet Military Servicemen from the Kalmyk ASSR during the Great Patriotic War: A Statistical Analysis by Places of Service and Death. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021b. Vol. 13. No. 4. Pp. 713–729. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-713-729
- Vorobyova V. N. Casualties among Red Army Personnel Conscribed in the Kalmyk ASSR, 1941–1945: Volume 4 of The Memory. Sanl Analyzed. *Oriental Studies*. 2022a. Vol. 15. No. 3. Pp. 478–490. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-478-490
- Vorobyova V. N. The Collective Portrait of the Fatal Casualties of Red Army servicemen from the Kalmyk ASSR in 1941–1945 (based on materials of The Memory. Sanl volumes). *Scientific thought of Caucasus*. 2023. No. 113(1). Pp. 36–43. (In Russ.). DOI: 10.18522/2072-0181-2023-113-36-43
- Vorobyova V. N. The Memory. Sanl: A Quantitative Analysis of the Consolidated Database by Time and Place of Birth and Conscription. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022b. Vol. 14. No. 4. Pp. 684–697. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-684-697

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Iss. 3, pp. 512–525, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-512-525

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 94(5) (515)
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-512-525

К истории создания «Атласа тибетской медицины» (XVII в.): источниковедческие аспекты

Юмжана Жалсановна Жабон¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 ID 0000-0003-1241-1854. E-mail: yumzhan[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023

© Жабон Ю. Ж., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается история создания регентом Деси Сангье Гьяцо (1653–1705) свода иллюстраций к «Вайдурья-онбо», являющемуся комментарием «Чжуд-ши» в жанре *друдзел* ('bru 'grel, букв. 'пословный комментарий'). Вопрос о характере комплектования этих иллюстраций XVII в., получивших в российской историографии название «Атласа тибетской медицины», недостаточно изучен в отечественном востоковедении. *Цель* статьи — выявить основные этапы комплектования изобразительного материала «Атласа» и дать общую характеристику иллюстраций. *Материалы и методы.* Работа основана на анализе сведений текста «Атласа» и тибетских медицинских трактатов, исторических сочинений, а также специальной литературы с привлечением методов источниковедения и сопоставления. *Результаты.* Выявлено, что процесс создания «Атласа» занял много лет. Деси Сангье Гьяцо занимался комплектованием иллюстраций к «Вайдурья-онбо» в 1687–1702 гг. Для обозначения «иллюстрации» Деси Сангье Гьяцо использует слово *трича* (bris cha) или *нгонме-трича* (sngon med kyi bris cha 'ранее не существовавшая иллюстрация'). Основным источником комплектования «Атласа» послужил изобразительный материал, состоящий из двух групп: традиционные медицинские иллюстрации и новые, специально созданные иллюстрации. В первую группу входят иллюстрации, заимствованные из ранее существовавших текстов жанра *дондем* (sdong 'grems 'дерево медицины'), *родра* (ro bkra, yul thig 'анатомия') и *дунне* ('khrungs dpe 'лекарственное сырье'). Вторую группу составляют новые композиции буддийского и религиозно-мифологического содержания, а также своего рода тибетский реализм — многочисленные изображения людей в повседневной жизни, созданные специально для иллюстрируемого «Вайдурья-онбо». Создание «Атласа» привело к унификации разрозненных иллюстраций, накопленных в различных медицинских школах Тибета к XVII в. Изобразительный материал и тематический диапазон «Атласа» не ограничиваются медицинской сферой, его художественные и эстетические достоинства требуют дальнейшего исследования.

Ключевые слова: Атлас тибетской медицины, Вайдурья-онбо, Деси Сангье Гьяцо, Чжуд-ши, Тибет, история тибетской медицины

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ по проекту «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (номер госрегистрации: 121031000263-3).

Для цитирования: Жабон Ю. Ж. К истории создания «Атласа тибетской медицины» (XVII в.): источниковедческие аспекты // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 512–525. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-512-525

On the History of Creation of the *Atlas of Tibetan Medicine* (17th century): source aspects

Yumzhana Zh. Zhabon¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0003-1241-1854. E-mail: yumzhan[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Zhabon Yu. Zh., 2023

Abstract. Introduction. The article examines the history of the creation of the set of illustrations the *Atlas of Tibetan Medicine* (also known as *Tibetan Medical Paintings*) by Desi Sangye Gyatso (1653–1705) to his *Vaidūrya sngon po*, which is a *drudrel* ('bru 'grel) commentary on the *rGyud bzhi*. The question of the set's creation has not been sufficiently studied in Russian oriental studies. In Tibetan medical historiography, the *Vaidūrya sngon po* in combination with the *Atlas of Tibetan Medicine* is considered to be the most authoritative commentary on the *rGyud bzhi*. The *purpose* of the article is to identify the main stages of the creating of the visual material of the *Atlas of Tibetan Medicine* and to give a general description of the illustrations. *Materials and methods.* The work is based on the study of the text and set of illustrations of the *Atlas of Tibetan Medicine* and information contained in Tibetan medical treatises, historical works, as well as specialized literature. *Results.* It was revealed that the process of creating the *Atlas of Tibetan Medicine* stretched over several years. Desi Sangye Gyatso began illustrating the *Vaidūrya sngon po* in 1687 and completed it in 1702. Desi Sangye Gyatso uses the word *tricha* (*bris cha*) or *ngönme-tricha* (*sngon med kyi bris cha* 'an illustration that did not exist in the past') to denote an "illustration." The main source for the compilation of the *Atlas of Tibetan Medicine* was pictorial material, consisting of two groups: traditional medical illustrations and new, specially created paintings. The first group includes illustrations borrowed from previously existing texts of the genres of *dondem* (*sdong* 'grems 'unfolded tree'), *rodra* (*ro bkra*, *yul thig* 'anatomy'), and *dungpe* ('*khungs dpe* 'Materia medica'). The second group consists of new composition of Buddhist and religious-mythological content, as well as numerous images of people in everyday life, created specifically for the illustrating the *Vaidūrya sngon po*. The creation of the *Atlas of Tibetan Medicine* led to the unification of the disparate paintings accumulated by the 17th century in various medical schools of Tibet. The pictorial material and thematic range of the *Atlas of Tibetan Medicine* are not limited to medical sphere; its artistic and aesthetic aspects require further study.

Keywords: Atlas of Tibetan Medicine, Vaidūrya sngon po, sDe srid sangs rgyas rgya mtsho, rGyud bzhi, Tibet, history of Tibetan medicine

Acknowledgements. The research was carried out within the state assignment (project "The Writing Traditions of the Peoples of the Baikal Region in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia", No. 121031000263-3).

For citation: Zhabon Yu. Zh. On the History of Creation of the Atlas of Tibetan Medicine (XVII century): Source Aspects. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(3): 512–525. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-512-525

1. Введение

В истории средневековой культуры Тибета свод иллюстраций «Атлас тибетской медицины» (далее — «Атлас»), изобразительно отражающий фундаментальный и обширный комментарий Деси Сангье Гьяцо (1653–1705 гг.) «Вайдурья-онбо» [Desi Sangye Gyatso 2005], занимает особое место. Данный комментарий к строго канонизированному «Чжуд-ши», который в традиции называют «коренным текстом» (rtsa ba, букв. ‘основа; корень’), написан автором в 1687–1688 г. в жанре *друдзел* (‘bru ‘grel, букв. ‘пословный комментарий’). Так, «Вайдурья-онбо» композиционно полностью дублирует «Чжуд-ши» и дает подробное и последовательное разъяснение специально отобранных слов и выражений, трудных для понимания терминов «коренного текста». В тибетской медицинской историографии «Вайдурья-онбо» в сочетании с «Атласом» рассматривается как наиболее авторитетный комментарий к «Чжуд-ши».

Тибетские медицинские памятники изучались в целом ряде трудов отечественных исследователей [Базарон 1987; Герасимова 1989; Дашиев 1989; Базарон 1992; Болсохоева 1994; Герасимова 1994; Дашиев 1994; Герасимова 1999; Жабон 2011; Жабон, Ванчикова 2018; Аякова 2023; и др.].

Для современных востоковедных исследований большое значение имели три публикации переводов «Атласа», две из которых улан-удэнского комплекта¹ [Parfionovitch et al. 1992a; Parfionovitch et al. 1992b; Атлас 1994] и одна — лхасского [Jampa Tinline, Wang Lei 1994]. Основываясь именно на этих публикациях, заметный вклад в изучение «Атласа» внесла американский тибетолог Гьяцо [Gyatso 2015].

Данные тибетских источников свидетельствуют, что иллюстрирование текстов в тибетской медицинской традиции практиковалось задолго до появления «Атласа» — еще во времена правления тибетских царей ярлунгской династии (VII–IX вв.). В этот период отмечается ознакомление тибетцев с медицинскими знаниями других стран; ко двору тибетских правителей приглашались из сопредельных государств различные врачи, каждый из которых переводил на тибетский язык медицинские трактаты своих традиций. Появились первые сочинения *рода* (ro bkra ‘анатомия’) с анатомическими рисунками и *дунне* (‘khrungs dpe, букв. ‘форма произрастания’) — своего рода *Materia medica* тибетской медицины, стандартизирующая лекарственное сырье. Так, например, уже в VIII в. византийский врач Чампашилаха перевел текст жанра *рода* под названием «„Магическое зеркало“ — об анатомии» («Ro bkra ‘phrul gyi me long»), который, согласно традиции, имел описание внутренних органов и их иллюстрации [Jampa Tinline 1996: 370]. В это же время индийским врачом Шантигарбхой был переведен текст под названием «„Драгоценная лампадка“ — дунне растительного сырья» («sNgo’i ‘khrungs dpe rin chen sgron ma»). Позднее все медицинские сочинения, переведенные в период царей ярлунгской династии, были собраны в одну коллекцию под общим назва-

¹ Один экземпляр этого уникального «Атласа», который в прошлом служил в качестве наглядного пособия в медицинской школе Ацагатского дацана, до сих пор хранится в Национальном музее Бурятии в Улан-Удэ [Атлас 1994].

нием «„Сутра жизни“ — наивысшие тексты по лечебному делу» («bLa dpyad kyig zhung 'tsho ba'i mdo») [Деси Сангье Гьяцо 2015: 34].

Длительный период развития тибетской медицины (VII–XIV вв.) завершился основанием знаменитых медицинских школ Ютокпа и Дранти, оформлением «Чжуд-ши» (XII в.), состоящего из четырех тантр — «Тантры основ», «Тантры объяснений», «Тантры наставлений» и «Дополнительной тантры». С появлением «Чжуд-ши», признанного всеми школами «коренным текстом», в Тибете наступил новый этап развития медицинских знаний и традиции иллюстрирования.

Основатель тибетской медицинской системы Ютокпа Йонтен Гонпо Старший (708–833 гг.) создал особый жанр литературы под названием *дондем* (sdong 'grem, букв. 'развернутое дерево', но более известное нам как «дерево медицины»), в котором он использовал дерево как метафору для разъяснения и иллюстрирования содержания «Чжуд-ши». Специфика тибетских обучающих текстов *дондем* заключалась в том, что на наглядном примере большого дерева ученики осваивали все теоретические и практические положения тибетской медицины [Wangdu 1983: 280–281]. Современный тибетский исследователь Келсанг Тинле, излагая историю возникновения и развития *дондем*, отмечает инновационный характер методики как уникальный подход, разработанный древними тибетскими врачами в преподавании медицины [Kelsang Tinle 1997: 445–452].

Примерно в это же время появились и первые собственные тибетские иллюстрированные сочинения, например «Иллюстрации повязок, жгутов, шин» («Deb chings rgyogs sogs kyü dpe ris») и «Ясное описание сосудов туловища» («Byang khog gi rtsa pra») Ютокпы Йонтен Гонпо Младшего (1126–1202), «Иллюстрации лекарственных составов „Дополнительной тантры“» («Phyi rgyud sman sbyor dpe ris»), «„Ясный светильник“ — расположение топографических линий на туловище» («Byang khog gi thig 'grem sgal sgron») Дранти Пелдена Цодже (1310–1380) [Деси Сангье Гьяцо 2015: 179]. В названиях сочинений по анатомии термин *родра*¹ более не встречается, а используются уже новые тибетские выражения, связанные с правилами иконометрических пропорций — «топографические линии» тела (yul thig), туловища (byang khog thig), головы (mgo thig), а также сосудов (rtsa thig).

Таким образом, на основе этих и других иллюстрированных текстов по анатомии, сочинений *дунпе* и *дондем* в Тибете начала складываться собственная традиция иллюстрирования, которая долгое время развивалась изолированно — в разных монастырских медицинских школах и регионах Тибета. Однако к XV в. из них особо выделились и стали ведущими две школы — *джанг* («северная школа») и *сур* («южная школа»). Данные школы сформировались в результате разветвления комментаторской традиции «Чжуд-ши», и каждая из них создавала собственные медицинские иллюстрации.

В этом ряду «Атлас», появившийся к концу XVII в., представляет собой яркий образец синкретического объединения традиционных иллюстраций с новым, специально созданным изобразительным материалом [Meyer 1992: 5–7; Дашиев 1994: 32–34]. Несмотря на большое внимание исследователей к «Атласу», вопрос о характере его начального комплектования до сих пор слабо изучен в отечественной тибетологии. Цель данной статьи — выявить основные этапы комплектования иллюстративного материала «Атласа» и дать общую характеристику рисунков.

¹ Существует предположение, что слово «*родра*» могло быть применено к анатомическим рисункам трупов (*ro*) [Meyer 1992: 11].

2. Материалы и методы

Работа основана на исследовании текста и иллюстраций «Атласа тибетской медицины» Деси Сангье Гьяцо и сведений, содержащихся в тибетских медицинских трактатах, исторических сочинениях, а также специальной литературе. Анализ сведений всех этих работ с привлечением методов источниковедения и сопоставления позволяет получить наиболее полное представление об истории создания «Атласа», традиции иллюстрирования медицинских текстов в Тибете, сложившейся к концу XVII в.

3. История создания «Атласа»

Для Деси Сангье Гьяцо — регента Далай-ламы V (1617–1682), на тот момент единовластно управлявшего Тибетом [Цаньян Джамцо 1983: 13–14], создание «Атласа» было делом государственной важности, «частью более масштабного возрождения изучения и практики медицины» [Gyatso 2015: 40], которая, по свидетельству самого регента, находилась тогда в упадке, даже медицинская школа, основанная Далай-ламой V в монастыре Дрепунг, «развалилась и не работала» [Деси Сангье Гьяцо 2015: 280]. Потому вся творческая и практическая деятельность Деси Сангье Гьяцо на медицинском поприще была направлена на осуществление замысла Далай-ламы V о строительстве новой медицинской школы Чакпори [Деси Сангье Гьяцо 2015: 287], основание которой в 1696 г. положило начало стандартизации и унификации всех медицинских традиций, системы образования тибетских врачей.

Деси Сангье Гьяцо приступил к иллюстрациям «Вайдурья-онбо» в 1687 г., по сути дела, одновременно с написанием самого комментария [Gyatso 2015: 40, 44]. Он собрал «несколько художников и ученых» [Gyatso 2015: 40], начавших под его руководством работу над иллюстрациями, процесс создания которых растянулся на очень длительное время — на 1680-е и 1690-е гг. [Jackson 1996: 213] или же с 1687 по 1703 гг. [Meyer 1992: 12].

Для обозначения «иллюстрации» Деси Сангье Гьяцо использует слово *трича* (bris cha), ныне вышедшее из употребления (оно отсутствует во всех доступных в настоящее время тибетских словарях). Иногда свои иллюстрации он называет *нгонме-трича* (sngon med kyi bris cha, букв. ‘ранее не существовавшая иллюстрация’). В современной тибетской медицинской литературе вместо *трича* чаще всего применяется термин *ментанг* (sman thang ‘медицинская танка’, ‘медицинская иллюстрация’), или же в варианте *ментанг-трича* (sman thang bris cha) [Jampa Tingle 1996: 370–380]. В российской же историографии данный свод иллюстраций Деси Сангье Гьяцо получили название «Атласа тибетской медицины».

При создании «Атласа» прежде всего особый интерес у Деси Сангье Гьяцо вызвали разнообразные медицинские иллюстрации представителей школы *джанг* [Jampa Tingle 1996: 371]. Он привлек весь иллюстративный материал, созданный потомственными врачами этой школы, как, например, Лхундинг Дудци Гьюрме (XVII в.), исполнявшим обязанности личного врача Таранатхи (1575–1634), и его сына Лхундинг Намгьяла Дордже (XVII в.). Более того, последний был учителем по медицине Деси Сангье Гьяцо, о котором он писал, что «на настоящий момент среди последователей данной науки он не имеет себе равных» в объяснении текстов (gzhung bshad), идентификации лекарственного

сырья (sman ngo), локализации сосудов (rtsa yul) и знании *дондем* [Деси Сангье Гьяцо 2015: 211]. В основном именно эти аспекты тибетской медицины изучал у него Деси Сангье Гьяцо. Также он упоминает и ряд других медицинских традиций и школ, оригинальные рисунки которых послужили для него образцом иллюстраций (dpe ris) «Атласа» [Gyatso 2015: 46].

Описывая процесс создания иллюстраций, современный тибетский историк Джампа Тинле цитирует несколько трудов Деси Сангье Гьяцо, в которых он упоминает «Атлас». По мнению Джампы Тинле, о первых 50 листах «Атласа», содержащих иллюстрации «Вайдурья-онбо», Деси Сангье Гьяцо сообщил в «Подробном перечне предметов погребального реликвария Далай-ламы V» («mChod sdong 'dzam gling rgyan gcig gi dkar chag»), опубликованном в 1697 г. [Jampa Tindle 1996: 372].

Между тем в колофоне «Дополнительной тантры» «Вайдурья-онбо», завершенного Деси Сангье Гьяцо в 1688 г., сообщается о 60 листах «Атласа», «черно-белые рисунки на которых сделал Лходрак Норбу Гьяцо, а раскрасил Лхасапа Генин» [Desi Sangye Gyatso 2005: 1897; Meyer 1992: 6; Jampa Tindle 1996: 372; Gyatso 2015: 44]. Возможно, сведение о 50 листах «Подробного перечня», составленного гораздо позднее «Вайдурья-онбо», объясняется тем, что перечень предметов огромного погребального реликвария Деси Сангье Гьяцо начал составлять сразу после кончины Далай-ламы V. Иными словами, священные реликвии и предметы, которыми традиционно закладываются подобные *ступы*, были вложены туда (в том числе и эти 50 листов «Атласа») задолго до публикации «Подробного перечня». Как известно, само мумифицированное тело Далай-ламы V было установлено в эту золотую *ступу*-реликвиарий через тринадцать лет — в 1695 г. [Schaeffer 2006: 190]. К тому же в «Биографии Далай-ламы VI Цаньян Гьяцо», написанной Деси Сангье Гьяцо в 1701 г., встречаются сведения о том, что при интронизации Далай-ламы VI в 1697 г. он преподнес ему порядка 20 своих сочинений, в том числе 62 листа «Атласа» [Jampa Tindle 1996: 372].

Впоследствии в «Атлас» продолжали вносить изменения, добавлять новые материалы. Так, согласно Джампа Тинле, сюда были включены иллюстрации, выполненные по материалам «Аштанга-хридая-самхиты» Вагбхаты (ок. VII в.), «Падартха-чандрика-прабхасы» («Zla zer») Чандраниданы (X в.) и «Сомараджи» («sMan dpyad zla ba'i rgyal po») [Атлас 1994: 134–145, 432–445; Jampa Tindle 1996: 373].

Собственно говоря, сразу после завершения «Вайдурья-онбо» и «Атласа» сам Деси Сангье Гьяцо, пытаясь избежать возражений, которые в свое время выдвигались со стороны некоторых тибетских ученых против его астрологического сочинения «Вайдурья-карпо»¹, обратился «к лекарям с просьбой высказаться по всем обнаруженным ими недостаткам, сомнениям, ошибкам, и обнаружилось около 10 [моментов], вызвавших сомнения. Другие ошибки, приблизительно 30, касались букв, [пропущенных, ошибочных], допущенных переписчиками при снятии копии, и погрешностей, сделанных при рисовании „Атласа“. [Все это] было исправлено. При незначительных сомнениях, которые возникали при идентификации лекарственного сырья, отправлялся специальный человек [к

¹ Тракта «Вайдурья-карпо», написанный Деси Сангье Гьяцо в 1685 г., вызвал очень много вопросов у современников, так что в ответ регенту Деси Сангье Гьяцо пришлось написать отдельную работу — «Вайдурья-ясел» (1688 г.).

полемизирующему лекарю], и после обсуждения разрешали [эти сомнения]» [Jampa Tintle 1996: 410].

Явно позднее добавлены (возможно после этих коллегиальных обсуждений с практикующими врачами) иллюстрации лекарственных компонентов различного происхождения из так называемого разряда *кьянсел* (*smam gyi kyang sel*, букв. ‘лекарство, в одиночку устраняющее [болезнь]’), которые не упоминаются в «Чжуд-ши» [Атлас 1994: 214–231]. Некоторые изменения в лист 49¹ также были внесены, согласно наблюдениям за трупами, искусным живописцем Лходрак Тензин Норбученом [Атлас 1994: 342–345], который был одним из ведущих художников XVII–XVIII вв., участвовавших в создании «Атласа» [Jackson 1996: 213].

И наконец, Деси Сангье Гьяцо в своем последнем труде «Кокбук», написанном им в 1702–1703 гг., пишет о создании «ранее не существовавших медицинских иллюстрациях», сделанных для того, чтобы весь смысл «Чжуд-ши» «стал ясен от ученого до ребенка, словно эмблика на ладони», и приводит подробный перечень уже 79 листов «Атласа», из которых 4 листа иллюстрируют «Тантру основ», 35 листов — «Тантру объяснений», 16 листов — «Тантру наставлений» и 24 листа — «Дополнительную тантру» [Деси Сангье Гьяцо 2015: 277–285; Gyurme Dorje 1992 14–15]. Если предположить, что Деси Сангье Гьяцо приступил к комплектации «Атласа» в 1687 г. и завершил его к началу написания «Кокбук» в 1702 г., то на создание данных 79 листов в общей сложности ему потребовалось пятнадцать лет.

В 1923 г. по распоряжению Далай-ламы XIII Тубден Гьяцо (1876–1934 гг.; правление в 1895–1933 гг.) директор Центра медицины и астрологии Кьенраб Норбу (1883–1962 гг.) обновил пришедшие в негодность листы «Атласа», произвел замену пропущенных листов, рисунков и написал завершающее стихотворение-благопожелание. К 79 листам, созданным Деси Сангье Гьяцо, была добавлена «одна дополнительная *танка* с изображением линии преемственности лам, входящих в число великих знатоков, известных в истории медицины, и в итоге в „Атласе“ стало 80 листов» [Jampa Tintle 1996: 429].

Здесь следует заметить, что в отличие от лхасского комплекта, содержащего 35 листов «Тантры объяснений», в улан-удэнском — 33 листа. В данный комплект не были включены листы 6 и 7 лхасского оригинала, на которых в качестве «дополнения» были даны топографические линии сосудов «Тантры объяснений», выполненные с видом спереди (лист 6 лхасского оригинала) и сзади (лист 7 лхасского оригинала) согласно медицинской традиции школы Лхундинг [Деси Сангье Гьяцо 2015: 279]. По всей видимости, заказчики улан-удэнского комплекта не стали копировать эти два «дополнительных» листа, считая их не имеющими прямого отношения к комментированию и иллюстрированию «Вайдурья-онбо». В конечном счете, за исключением двух вышеуказанных листов, а также утерянного 62-го листа (или 64-го листа по лхасскому оригиналу), улан-удэнский комплект «Атласа» состоит из 76 листов одного формата (86 x 68 см), хотя порядковых номеров 77. Некоторые исследователи полагают, что этот комплект был сделан во времена правления Далай-ламы XIII с более поздней версии «Атласа», хранившейся в медицинской школе Менциканг в Лхасе [Gyatso 2015: 40]. Учитывая отсутствие листа «с изображением линии преем-

¹ Лист 49 улан-удэнского комплекта «Атласа» соответствует листу 51 лхасского оригинала.

ственности лам» в комплекте, также можно предположить, что улан-удэнская копия была сделана еще до 1923 г.

4. Характеристика иллюстраций «Атласа»

Все 76 листов улан-удэнского комплекта выполнены на холсте в строгом соответствии с тибетской традицией живописи *танка* (thang kha) и оформлены по единому иконографическому стандарту с точки зрения размера и формата, композиционного принципа, взаимодействия изображения и текста, а также техники и манеры исполнения [Сергеева 1994: 45]. За исключением первых пятнадцати листов, на которых в картушах по верхнему краю представлена линия преемственности в передаче медицинских знаний, структурная организация листов включает стандартный заголовок, иллюстративный материал с подписями и краткую аннотацию. Так, в заголовке листа, размещенного в его верхней части, приводится краткое название одной из четырех тантр и порядковый номер иллюстрируемых на листе глав с указанием первого и последнего изображенного объекта.

Построение всего изобразительного ряда «Атласа» строго следует структуре и содержанию «Вайдурья-онбо» и «Чжуд-ши», то есть изображения расположены (слева направо и сверху вниз) в том порядке, в котором они упоминаются в тексте. Что касается подписей под отдельными рисунками, то вместо ожидаемых цитат из иллюстрируемого «Вайдурья-онбо», за исключением уже упомянутых выше лекарственных средств разряда *кьянсел*, все они воспроизводят лишь соответствующий отрывок из текста «Чжуд-ши». Иллюстрации же к «Аштанга-хридая-самхите», «Сомарадже» и «Падартха-чандрика-прабхасе» снабжены подписями, процитированными из данных источников. В аннотации, расположенной в отдельной рамке в нижней части листа, дано краткое описание объектов, изображенных на листе, с указанием названия одной из четырех тантр, порядкового номера иллюстрируемых на листе глав «Вайдурья-онбо» и, следовательно, «Чжуд-ши».

По сюжетам изображений весь изобразительный материал «Атласа», как выше отмечалось, условно делится на две большие группы: традиционные медицинские иллюстрации, существующие издавна, и новые, специально созданные иллюстрации.

4.1. Традиционные медицинские иллюстрации

(1) *Дондем* («древо медицины»). Данные иллюстрации «Атласа», занимающие 3 листа, выполнены на основе традиционных текстов жанра *дондем*, охватывающих содержание трех последних глав «Тантры основ» и первой главы «Тантры объяснений». Визуальный ряд представлен в виде «древа», на котором растут 3 корня, 9 стволов, 45 ветвей, 224 листьев, 5 цветов, 3 плода и плод лекаря. Так, например, строение тела изображено на первом корне, с расходящимися от него двумя стволами — здорового и больного тела [Атлас 1994: 62–69], на втором корне — диагностика [Атлас 1994: 70–75], а на третьем корне — средства лечения [Атлас 1994: 76–81]. Для этого типа иллюстраций Деси Сангье Гьяцо лишь творчески воспроизвел иконографическую традицию, заложенную еще Ютокпой Йонтен Гонпо Старшим [Meyer 1992: 11].

(2) *Анатомические рисунки*. Девятнадцать листов посвящены анатомическим рисункам, иллюстрирующим строение скелета человека, «топографические

линии» расположения органов, кровеносных сосудов с их подробной топографией и точками кровопускания, прижигания и иглоукалывания. В отличие от натуралистических изображений человеческого тела, характерных для европейской медицины XVII в., все анатомические рисунки «Атласа» минималистичны и схематичны. Даже зарисовки органов тела, выполненные Лходрак Тензин Норбученом непосредственно с трупа [Атлас 1994: 342–345], лишены реалистичного изображения.

Большинство человеческих фигур изображены стоя, иногда они исполнены в модульной сетке, служащей как масштабом, так и системой отсчета [Атлас 1994: 100–109]. Некоторые листы парные: на одном из них изображена человеческая фигура с видом спереди, а на другом — сзади [Атлас 1994: 92–99], причем подпись к этим двум листам составляет один единый текст — подпись на первом листе написана строка за строкой в одну линию со вторым, и потому на каждом из них присутствует пометка о том, что необходимо читать и смотреть вместе со вторым (или второй лист читать вместе с первым). Встречается один анатомический рисунок «смешанного» типа [Атлас 1994: 484–491], где наряду с иллюстрациями сосудов кровопускания и противопоказаний к прижиганию изображено время и место сбора эдельвейса.

В целом иллюстрации «Атласа» по анатомии не выходят за рамки традиционных тибетских представлений о системе иконометрических пропорций (*yul thig*). Использование для анатомических рисунков «сетки» (*khra ma thig*), «топографических линий туловища» (*byang khog yul thig*) во многом позаимствовано из индо-тибетской иконометрии. Так, например, в краткой аннотации к вышеупомянутому листу 49 прямо указано, что пропорции человеческих фигур, сидящих скрестив ноги на фоне сетки, соответствуют иконометрическим пропорциям тибетской школы живописи *ментанг* (*sman thang*). Эту школу основал художник и врач Менла Дондуб Гьялпо (*sMan bla don grub gyal po*) или Ментанпа (*sMan thang pa*) [Jackson 1996: 25], который считается одним из самых выдающихся новаторов в тибетском изобразительном искусстве, создателем стиля *менри* (*sman ris*) — оригинального, собственно тибетского стиля живописи (*bod bris*). До Ментанпы — до середины 1400-х гг. — все тибетские художники работали в стилях *шарпи* (*shar bris*, «восточно-индийская живопись») и *бери* (*bal bris*, «непальская (или неварская) живопись»), пришедших соответственно из Индии и Непала. Важно отметить, что стиль *менри* доминировал в тибетской живописи в течение последующих веков [Jackson 2012: 12] и послужил фундаментом появления нескольких региональных разновидностей, таких как *кьенри* (*mkhyen ris*, XV в.), *гадри* (*sgar bris*) или *карма-гадри* (*karma sgar bris*, XVI в.), *менри-сарпа* (*sman bris gsar pa*, «новый *менри*», XVII в.).

Деси Сангье Гьяцо, как уже говорилось, привлекал к работе над иллюстрациями разных художников, но, за исключением Лходрак Тензин Норбучена и Ментанпы, вскользь упомянутых в тексте «Атласа», других имен не называет.

(3) *Дунпе* (*Materia medica*). Иллюстрации лекарственных веществ в «Атласе», занимающие 11 листов, основаны на традиционных текстах жанра *дунпе* [Атлас 1994: 180–239]. Однако они были значительно расширены и дополнены Деси Сангье Гьяцо после консультаций с «местными ботаниками» [Gyatso 2015: 43], в том числе вышеупомянутыми лекарственными средствами из разряда *кьянсел*. Так, в длинный перечень лекарственных средств из более чем 800 названий,

непосредственно приведенных в «Чжуд-ши», он дополнительно ввел свыше 380 не упомянутых в нем видов сырья (растительного, животного и минерального происхождения), изображения которых помещены на листах 29–31 [Атлас 1994: 214–231].

О сборе лекарственных образцов для «Атласа» Деси Сангье Гьяцо писал, что он «приложил большое усилие, чтобы приобрести все лекарственные средства, которые большинство врачей этой прохладной страны (Тибет) не готовят в силу их труднодоступности» [Деси Сангье Гьяцо 2015: 285]. Таким образом, общее число изображений лекарственного сырья в «Атласе» составляет около 1 200. Растения здесь изображены натуралистично, с подробной передачей всех деталей (листьев, ветвей, стеблей, цветов, плодов и т. д.), характерных особенностей строения того или иного вида или сорта. «Наряду с точной ботанической характеристикой художник наделяет их почти ощутимой витальной силой и жизнью — стволы деревьев, изгибаясь и ветвясь, тянутся ввысь, травы и кустарники цветут и плодоносят» [Сергеева 1994: 47]. Все композиции с животными словно срисованы с натуры — они динамичны, наполнены живым движением. Если говорить в целом, то данная группа живописных иллюстраций как по широте охвата лекарственных объектов (растений, минералов и животных), так и изобразительному материалу «не имеет аналогов в медицинских традициях соседних с Тибетом стран» [Meyer 1992: 11]. Тибетскому художнику пришлось проявить чудеса творческого вдохновения, чтобы передать образное воплощение разнообразных лекарственных средств, «например, изобразить семь разновидностей золота, десять серебра» [Сергеева 1994: 50]. Художник ни разу не повторяется, «создавая своеобразные натюрморты», или те же чаши, в которых лежит лекарственное сырье. «Среди более двухсот шестидесяти изображений таких чаш нет ни одной одинаковой» [Сергеева 1994: 50–51].

4.2. Новые иллюстрации

К специально созданным, новаторским иллюстрациям медицинского содержания, на наш взгляд, можно отнести визуальное изображение буддийских представлений о лекарственном лесе и городе Сударшана, где Будда Шакьямуни в форме Будды медицины (sMan bla) дал учение многочисленному кругу слушателей о восьми разделах медицинской науки [Атлас 1994: 54–61], эмбриологии [Атлас 1994: 82–87], а также 72 медицинских инструментах [Атлас 1994: 240–245]. Некоторые старинные медицинские инструменты, изображенные на этом листе, очевидно, были утрачены ко времени создания «Атласа». Во всяком случае Деси Сангье Гьяцо писал, что, «несмотря на трудности и нехватку материала, я заново сделал и медицинские инструменты — в точности так, как описано в тексте» [Desi Sangye Gyatso 2010: 344]. Вероятнее всего, эти образцы инструментов, изготовленные Деси Сангье Гьяцо по тексту «Чжуд-ши», служили моделями для художников «Атласа».

Косвенное отношение к медицине имеют композиции религиозно-мифологического содержания, изображающие «возникновение сновидений» [Атлас 1994: 140–145], «происхождение страшного яда *калакута*» в древнеиндийском мифе о пахтании мирового океана [Атлас 1994: 352–357], «ритуал приготовления омолаживающих эликсиров *чулен*» [Атлас 1994: 364–369], «обследование мочи на выявление демонов» [Атлас 1994: 438–461]. Несмотря на то, что основные

элементы этих иллюстраций выполнены в классической индо-тибетской иконографической стилистике, они по своей сюжетно-тематической композиции не имеют аналогов в тибетской традиции живописи. Иными словами, все эти оригинальные иллюстрации были созданы тибетскими художниками специально для «Атласа».

Наиболее многочисленной из новых иллюстраций является группа рисунков с изображениями людей (больные, монахи, женщины, мужчины, земледельцы, скотоводы и т. д.), сцен повседневной жизни тибетцев, охватывающих широкий круг проявлений их жизнедеятельности (занятия, быт, нравы, обычаи, верования, обряды), бытовую обстановку (мебель, кухонная утварь), реалии той эпохи (жилище, одежда, орудия труда), — в общем все то, что «можно назвать энциклопедией жизни Тибета» [Герасимова 1994: 41]. Данные иллюстрации «Атласа» можно рассматривать как своего рода реализм в тибетском изобразительном искусстве: художник максимально реалистично и достоверно отображает образы, сцены и события обычной повседневной жизни тибетцев и их окружающий мир во всем многообразии его форм (например, иллюстрации различных вредоносных духов и демонов, входящих в комплекс традиционных представлений тибетцев о мире).

Отражение реальной действительности потребовало от художников иных образных решений, совершенно отличных от прежних технических приемов и канонических пропорций, которые сложились к XVII в. в тибетской живописи. Перед художниками открылся неограниченный простор свободы и импровизаций. Некоторые иллюстрации отличаются подлинно эмоциональной и художественной выразительностью, а другие выполнены достаточно примитивно и натуралистично. В некоторой степени такое обстоятельство «объясняется тем, что они были выполнены разными художниками, в работе которых, возможно, сказались особенности региональных школ и неодинаковый уровень одаренности и профессионального мастерства исполнителей» [Герасимова 1994: 43]. Несмотря на эти нюансы исполнения и стилистики визуальных образов, вся серия данной группы иллюстраций «Атласа» — абсолютно беспрецедентная в истории тибетской живописи — с достаточной точностью и наглядностью передает как конкретный объект, так и смысл сложных абстрактных понятий (психологическое состояние, патологический симптом и т. д.) иллюстрируемого текста.

5. Заключение

Для иллюстрирования «Вайдурья-онбо» Деси Сангье Гьяцо собрал воедино «весь известный к тому времени изобразительный материал медицинского содержания» [Дашиев 1994: 32]. При комплектовании «Атласа» все эти разрозненные иллюстрации по анатомии, *дондем*, *дунпе*, накопленные в медицинских школах Тибета к XVII в., приняли законченную, унифицированную форму. Наряду с привлечением ранее существовавших рисунков Деси Сангье Гьяцо создал новые иллюстрации в реалистическом стиле, которые в композиционном плане принципиально отличаются от установленных в традиционной тибетской живописи строгих канонов и правил. Создание «Атласа», служившего впоследствии в качестве наглядного пособия для учеников Чакпори, знаменовало завершение длительного периода изолированного развития традиции медицинского иллю-

стрирования и до настоящего времени не претерпевшего никаких существенных изменений. В заключение следует отметить, что изобразительный материал и тематический диапазон «Атласа» далеко не исчерпывается медицинским содержанием, все его другие аспекты, в том числе художественные, эстетические достоинства требуют дальнейшего исследования.

Литература

- Атлас 1994 — Атлас тибетской медицины. М.: Галарт, 1994. 592 с., ил.
- Аякова 2023 — *Аякова Ж. А.* «Сотворение тела» в тибетском трактате «Чжуд-ши» // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 6. С. 1587–1599. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1587-1599
- Базарон 1987 — *Базарон Э. Г.* Очерки тибетской медицины. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987. 224 с.
- Базарон 1992 — *Базарон Э. Г.* Очерки тибетской медицины. Улан-Удэ: ЭкоАрт, 1992. 218 с.
- Болсохоева 1994 — *Болсохоева Н. Д.* Деси Сангье Гьяцо (1653–1705) и его медицинские сочинения // Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл». М.: Галарт, 1994. С. 26–31.
- Герасимова 1989 — *Герасимова К. М.* Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск: Наука, 1989. 320 с.
- Герасимова 1994 — *Герасимова К. М.* Памятник средневековой культуры Тибета // Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл». М.: Галарт, 1994. С. 37–43.
- Герасимова 1994 — *Герасимова К. М.* Памятник средневековой культуры Тибета // Атлас тибетской медицины. М.: Галарт, 1994. С. 32–36.
- Герасимова 1999 — *Герасимова К. М.* Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. 138 с.
- Дашиев 1989 — *Дашиев Д. Б.* Предисловие автора перевода // «Чжуд-ши» — памятник средневековой тибетской культуры. Новосибирск: Наука, 1989. С. 7–21.
- Дашиев 1994 — *Дашиев Д. Б.* Традиция иллюстрирования медицинских текстов в Тибете и публикуемый свод иллюстраций // Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл». М.: Галарт, 1994. С. 32–36.
- Дашиев 1994 — *Дашиев Д. Б.* Традиция иллюстрирования медицинских текстов в Тибете и публикуемый свод иллюстраций // Атлас тибетской медицины. М.: Галарт, 1994. С. 37–43.
- Деси Сангье Гьяцо 2015 — *Деси Сангье Гьяцо*. Кокбук: история медицинской науки Тибета / пер. с тиб., предисл., примеч., указатели, глоссарии Ю. Ж. Жабон. Ч. II. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2015. 398 с.
- Жабон 2011 — *Жабон Ю. Ж.* Тибетские источники о распространении «Чжуд-ши» // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 157–161.
- Жабон, Ванчикова 2018 — *Жабон Ю. Ж., Ванчикова Ц. П.* К истории тибетской медицины: основные этапы развития и становления // Власть. 2018. Т. 26. № 1. С. 164–169.
- Сергеева 1994 — *Сергеева Т. В.* Иллюстрации к трактату «Голубой берилл» // Атлас тибетской медицины. М.: Галарт, 1994. С. 44–52.
- Цаньян Джамцо 1983 — *Цаньян Джамцо*. Песни, приятные для слуха / издание текста, перевод с тибетского, исследование и комментарий Л. С. Савицкого. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. 200 с.
- Desi Sangye Gyatso 2005 — *sDe srid sangs rgyas rgya mtsho*. rGyud bzhi'i gsal byed baiDUrya sngon po (= «Вайдурья-онбо» — комментарий к «Чжуд-ши»). sMad cha. Pe cin: Mi rigs dpe skrung khang, 2005. 1902 p.
- Desi Sangye Gyatso 2010 — *Desi Sangye Gyatso*. Mirror of Beryl. A Historical Introduction to Tibetan Medicine. Transl. by Gevin Kilty. Boston: Wisdom Publications, 2010. 696 p.
- Gyatso 2015 — *Gyatso J.* Being Human in a Buddhist World: an Intellectual History of Medicine in Early Modern Tibet. New York: Columbia University Press, 2015. 519 p.

- Gyurme Dorje 1992 — *Gyurme Dorje*. The Structure and Contents of the Four Tantras and Sangye Gyamtso's Commentary, the Blue Beryl // Tibetan Medical Paintings: Illustrations to the Blue Beryl Treatise of Sangye Gyamtso (1653–1705). New York: Harry N. Abrams, 1992. Vol. 1. Pp. 14–15.
- Jackson 1996 — *Jackson D. P.* A History of Tibetan Painting: The Great Tibetan Painters and Their Traditions. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1996. 456 p.
- Jackson 2012 — *Jackson D. P.* The Place of Provenance. Regional Styles in Tibetan Painting. With a contribution by Rob Linrothe. New York: Rubin Museum of Art, 2012. 235 p. (Masterworks of Tibetan Painting Series, 4).
- Jampa Tinle 1996 — *Byams pa 'prin las*. Byams pa 'prin las kyi gsung rtsom phyogs bsgrigs (= Избранные труды Джампы Тинлея). Pe cin: krung go'i bod kyi shes rig dpe skrun khang, 1996. 599 p.
- Jampa Tinle, Wang Lei 1994 — *Byams pa 'phrin las and Wang Lei*. Bod lugs gso rig rgyud bzhi'i nang don bris cha ngo mtshar mthong ba don ldan (= Tibetan Medical Thangka of the Four Medical Tantras. Transl. into English by Cai Jingfeng). Lha sa: Bod ljongs mi dmangs Dpe skrun khang, 1994. 499 p.
- Kelsang Tinle 1997 — *sKal bzang 'phrin las*. Bod kyi gso rig byung 'phel gyi lo rgyus (= Происхождение и развитие тибетской медицины). Pe cing: She rig dpe skrun khang, 1997. 481 p.
- Meyer 1992 — *Meyer F.* The medical paintings of Tibet // Tibetan Medical Paintings: Illustrations to the Blue Beryl Treatise of Sangye Gyamtso (1653–1705). Vol. 1. New York: Harry N. Abrams, 1992. Pp. 2–12.
- Parfionovitch et al. 1992a — *Parfionovitch Yu., Gyurme Dorje, Meyer F.* (Eds). Tibetan Medical Paintings: Illustrations to the 'Blue Beryl' Treatise of Sangs rgyas Rgya mtsho (1653–1705). Vol. 1. Plates, foreword by the Fourteenth Dalai Lama and introduction by F. Meyer. London: Serindia Publ., 1992. IX, 170 p.
- Parfionovitch et al. 1992b — *Parfionovitch Yu., Gyurme Dorje, Meyer F.* (Eds). Tibetan Medical Paintings: Illustrations to the 'Blue Beryl' Treatise of Sangs rgyas Rgya mtsho (1653–1705). Vol. 2. Text, colour-printed and monochrome illustrations. London: Serindia Publ., 1992. VII, 173–336.
- Schaeffer 2006 — *Schaeffer K. R.* "Ritual, Festival, and Authority under the Fifth Dalai Lama" // Power, Politics, and the Reinvention of Tradition: Tibet in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Edited by Bryan J. Cuevas and Kurtis R. Schaeffer. Leiden: Brill Publishers, 2006. Pp. 187–202.
- Wangdu 1983 — *dBang 'dus*. Bod gangs can pa'i gso ba rig pa'i dpal ldan rgyud bzhi sogs kyi brda dang dka' gnad 'ga' zhig bkrol ba sngon byon mkhas pa'i gsung rgyun gYu thog dgongs rgyan zhes bya ba bzhugs so (= Словарь медицинских терминов). Pe cin: Mi rigs dpe skrun khang, 1983. 725 p.

References

- Aiakova Zh. A. The Making of the Body in rGyud-bZhi. Oriental Studies. 2023. Vol. 16. No. 6. Pp. 1587–1599. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1587-1599
- Bazon E. G. Essays on Tibetan Medicine. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1987. 224 p. (In Russ.)
- Bazon E. G. Essays on Tibetan Medicine. Ulan-Ude: EcoArt, 1992. 218 p. (In Russ.)
- Bolsokhoeva N. D. Desi Sangye Gyatso (1653–1705) and his medical essays. In: *Atlas of Tibetan Medicine. A Set of Illustrations to the Seventeenth-Century Tibetan Medical Treatise 'Blue Beryl'*. Moscow: Galart, 1994. Pp. 26–31. (In Russ.)
- Dashiev D. B. The Tibetan Tradition of Illustrating Medical Texts and the Current Collection of Illustrations. In: *Atlas of Tibetan Medicine. A Set of Illustrations to the Seventeenth-Century Tibetan Medical Treatise 'Blue Beryl'*. Moscow: Galart, 1994. Pp. 32–36. (In Russ.)
- Dashiev D. B. Translator's Foreword. In: *Monument of Tibetan Medieval Culture rGyud-bZhi*. Novosibirsk: Nauka, 1989. Pp. 7–21. (In Russ.)
- Dashiev D. B. The Tradition of Illustrating Medical Texts in Tibet and the Published Set of Illustrations. In: *Atlas of Tibetan Medicine. A Set of Illustrations to the Seventeenth-Century Tibetan Medical Treatise 'Blue Beryl'*. Moscow: Galart, 1994. Pp. 37–43. (In Russ.)

- Desi Sangye Gyatso. Kokbuk: the History of Medical Science in Tibet. Yu. Zhabon (trans., preface, notes, indexes, glossaries). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2015. Part 2. 398 p. (In Russ.)
- Desi Sangye Gyatso. Mirror of Beryl. A Historical Introduction to Tibetan Medicine. G. Kilty (trans.). Boston: Wisdom Publications, 2010. 696 p. (In Eng.)
- Desi Sangye Gyatso. The *Vaidūrya sngon po* — a Commentary on the *rGyud bzhi*. sMad cha. Beijing: Mi rigs dpe skrun khang, 2005. 1902 p. (In Tib.)
- Gerasimova K. M. Monument of Tibetan Medieval Culture. In: *Atlas of Tibetan Medicine. A Set of Illustrations to the Seventeenth-Century Tibetan Medical Treatise 'Blue Beryl'*. Moscow: Galart, 1994. Pp. 37–43. (In Russ.)
- Gerasimova K. M. Protection Rituals in Central Asian Buddhism. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1999. 138 p. (In Russ.)
- Gerasimova K. M. Traditional Tibetan Beliefs in the Lamaist Cult System. Novosibirsk: Nauka, 1989. 320 p. (In Russ.)
- Gerasimova K. M. Monument of Medieval Culture of Tibet. In: *Atlas of Tibetan Medicine. A Set of Illustrations to the Seventeenth-Century Tibetan Medical Treatise 'Blue Beryl'*. Moscow: Galart, 1994. Pp. 32–36. (In Russ.)
- Gyatso J. Being Human in a Buddhist World: an Intellectual History of Medicine in Early Modern Tibet. New York: Columbia University Press, 2015. 519 p. (In Eng.)
- Gyurme Dorje. The Structure and Contents of the Four Tantras and Sangye Gyamtso's Commentary, the Blue Beryl. In: *Tibetan Medical Paintings: Illustrations to the Blue Beryl Treatise of Sangye Gyamtso (1653–1705)*. Vol. 1. New York: Harry N. Abrams, 1992. Pp. 14–15. (In Eng.)
- Jackson D. P. A History of Tibetan Painting: The Great Tibetan Painters and their Traditions. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1996. 456 p. (In Eng.)
- Jackson D. P. The Place of Provenance. Regional Styles in Tibetan Painting. Rob Linrothe (contribution). New York: Rubin Museum of Art, 2012. 235 p. (In Eng.)
- Jampa Tingle, Wang Lei. Tibetan Medical Thangka of the Four Medical Tantras. C. Jingfeng (trans.). Lhasa: Bod ljongs mi dmangs Dpe skrun khang, 1994. 499 p. (In Eng.)
- Jampa Tingle. Selected Works of Jampa Tingle. Beijing: krung go'i bod kyi shes rig dpe skrun khang, 1996. 599 p. (In Tib.)
- Kelsang Tingle. The Origin and Development of Tibetan Medicine. Beijing: She rig dpe skrun khang, 1997. 481 p. (In Tib.)
- Meyer F. The Medical Paintings of Tibet. In: *Tibetan Medical Paintings: Illustrations to the "Blue Beryl" Treatise of Sangye Gyamtso (1653–1705)*. New York: Harry N. Abrams, 1992. Vol. 1. Pp. 2–12. (In Eng.)
- Parfionovitch Yu., Gyurme Dorje, Meyer F. (eds). Tibetan Medical Paintings: Illustrations to the 'Blue Beryl' Treatise of Sangs Rgyas Rgya Mtsho (1653–1705). Vol. 1. Plates, foreword by the Fourteenth Dalai Lama and introduction by F. Meyer. London: Serindia Publ., 1992. IX, 170 p.
- Parfionovitch Yu., Gyurme Dorje, Meyer F. (eds). Tibetan Medical Paintings: Illustrations to the 'Blue Beryl' Treatise of Sangs Rgyas Rgya Mtsho (1653–1705). Vol. 2. Text, colour-printed and monochrome illustrations. London: Serindia Publ., 1992. VII, 173–336. (In Eng.)
- Schaeffer K. R. Ritual, Festival and Authority under the Fifth Dalai Lama. In: *Power, Politics and the Reinvention of Tradition: Tibet in the 17th and 18th Centuries*. B. J. Cuevas and K. R. Schaeffer (eds.). Leiden: Brill Publishers, 2006. Pp. 187–202. (In Eng.)
- Sergeeva T. V. Illustrations to the Treatise "Blue Beryl". In: *Atlas of Tibetan Medicine. A Set of Illustrations to the Seventeenth-Century Tibetan Medical Treatise 'Blue Beryl'*. Moscow: Galart, 1994. Pp. 44–52. (In Russ.)
- The Atlas of Tibetan Medicine. Moscow: Galart, 1994. 592 p. (In Russ.)
- Tsanyang Jamtso. Songs Pleasant to the Ear. L. Savitsky (ed., trans., research, comm.) Moscow: Vostochnaya Literatura, 1983. 200 p. (In Russ.)
- Wangdu. Dictionary of Medical Terms. Beijing: Mi rigs dpe skrun khang, 1983. 725 p. (In Tib.)
- Zhabon Yu. Zh. Tibetan sources on the dissemination of the rGyud-bZhi. *Buryat State University Bulletin*. 2011. No. 8. Pp. 157–161. (In Russ.)
- Zhabon Yu. Zh., Vanchikova Ts. P. To the History of Tibetan Medicine: Main Stages of its Formation and Development. *Vlast'*. 2018. Vol. 26. No. 1. Pp. 164–169. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 3, pp. 526–546, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-526-546

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК / UDC 811.512.27+94(47) 94(47)+930
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-526-546

Подделки печатей калмыцких правителей

*Бембя Леонидович Митруев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev[at]yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Митруев Б. Л., 2024

Аннотация. *Введение.* В последние годы вышли в свет издания, в которых опубликованы письма калмыцких ханов и высшей знати, включающие оттиски их печатей, что несомненно привлекает внимание исследователей. Данные печати, как и другие печати, оттиски которых сохранились на архивных документах, интересны как памятники политической истории калмыцкого народа. До последнего времени неизвестным оставался факт существования подделок печатей калмыцкого хана Аюки, его наследника Чагдорджаба и нойона Лубжи. *Цель* статьи — ввести в научный оборот сфрагистические данные о подделках печатей Аюки, Чагдорджаба и Лубжи. *Материалом* для исследования послужила деловая переписка Аюки-хана, Чагдорджаба и нойона Лубжи, датированная XVIII в. *Результаты.* В ходе исследования представлены данные о трех подделках печатей представителей калмыцкой знати. Все три подделки, видимо, использованы были по какой-то причине в условиях отсутствия доступа к оригинальной печати. И если первая подделка явно выдает себя иной техникой, то вторая и третья являются как зеркальные отражения оригиналов. Все три подделки печатей были использованы представителями высшей знати: женами хана Аюки и его наследника Чагдорджаба, а также внуком Дорджи Назарова (претендента на престол в Калмыцком ханстве после смерти хана Аюки в 1724 г.). Неясна причина использования подделок, наиболее вероятен вариант того, что отсутствовала возможность использования оригинальной печати. **Ключевые слова:** Калмыцкое ханство, Аюка-хан, Чагдорджаб, Лубжа, печать, подделка, сфрагистика, династия Мин

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Митруев Б. Л. Подделки печатей калмыцких правителей // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 526–546. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-526-546

Forgeries of the Seals of the Kalmyk Rulers

Bembya L. Mitruiev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev[at]yahoo.com

© KalmSC RAS, 2024

© Mitruiev B. L., 2024

Abstract. *Introduction.* In recent years, there have been publications in which letters of the Kalmyk khans and the highest nobility, including prints of their seals, have been published, which undoubtedly attracts the attention of researchers. These seals, as well as other seals, the impressions of which have been preserved on archival documents, are interesting as monuments of the political history of the Kalmyk people. Until recently, the fact of the existence of forged seals of the Kalmyk Khan Ayuka, his heir Chagdordzhab and the owner of Lubzha remained unknown. *The purpose* of the article is to introduce into scientific circulation sphragistic data on forgeries of seals of Ayuka, Chagdordzhab and Lubji. *The material* for the study was the business correspondence of Ayuka Khan, Chagdordzhab and the owner of the Puddle, dated the 18th century. *Results.* The study presents data on three forgeries of the seals of the representatives of the Kalmyk nobility. All three forgeries were apparently used for some reason due to the absence of the access to the original seal. And if the first fake clearly gives itself away with a different technique, then the second and third are like mirror images of the originals. All three forgeries of the seals were used by representatives of the highest nobility: the wives of Khan Ayuka and his heir Chagdordzhab, as well as the grandson of Dorzhi Nazarov (a pretender to the throne in the Kalmyk Khanate after the death of Khan Ayuka in 1724). The reason for the use of fakes is unclear, the most likely option is that there was no possibility of using the original seal.

Keywords: Kalmyk Khanate, Ayuka Khan, Chagdordzhab, Lubzha, seal, forgery, sphragistics, Ming Dynasty

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 “Universals and Specifics of Traditions of Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”.

For citation: Mitruiev B. L. Forgeries of the Seals of the Kalmyk Rulers. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(3): 526–546. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-526-546

1. Введение

Калмыцкая традиция печатей восходит к тибетской, монгольской и китайской, на ее сложение оказала определенное влияние индийская традиция, а также и российская традиция печатей. Печать правителя в Калмыцком ханстве являлась знаком власти. Важность печатей правителей признавалась в Калмыцком ханстве, как и в Китае, Тибете, Монголии, где имела распространение схожая традиция печатей.

В Китае подделка печати императора являлось тяжким преступлением. Печати были защищены строгими законами. Кодекс Тан «Танские уголовные установления с разъяснениями» (кит. 唐律疏議; Táng lǜ shū yì), образец законодательства для всех последующих династий, предусматривал смертную казнь за подделку императорских печатей и ссылку или которгу за подделку официальных печатей. Во времена монгольской династии Юань использова-

ние печатей тщательно регулировалось законом, императорскими указами и судебными актами. Юридическое давление могло быть не более жестким, чем при предыдущих династиях; возможно, оно стало лучше задокументировано. В период правления Мин выбрасывание или уничтожение императорской или административных печатей было наказуемо обезглавливанием. Тот же приговор выносился при Цин за подделку или кражу любых печатей [Jones 1994: 342].

Среди печатей калмыцких ханов, а также печатей представителей высшей знати встречаются имитации и подделки печатей. Цель статьи — рассмотреть подделки печатей калмыцкого хана Аюки, его наследника Чагдорджаба и нойона Лубжи. Материалами для исследования стали оттиски печатей, сохранившиеся на письмах указанных лиц, которые хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия (НА РК) и опубликованы в работах, посвященных письмам Аюки-хана [Сусеева 2003; Сусеева 2009].

2. Четвертая печать хана Аюки и ее подделка

Хан Аюка использовал в своей делопроизводственной документации, как показано в наших предыдущих работах [Митруев 2021; Аваков, Митруев 2023], четыре печати, все квадратной формы.

Первая печать была использована Аюкой в ходе принесения шерты в 1684 г., на ней письмом ланджа написана легенда на санскрите. Текст содержит ошибку, правильное написание текста: *Āyuṣa gāja*, что означает «Аюка-хан» [Аваков, Митруев 2023: 148]. Вторая печать Аюки-хана содержит легенду в виде монограммы Калачакры, использовалась им с 1685 г. по 1699 г. Вероятно, эта печать вместе с титулом были даны посольству Аюки от имени Далай-ламы регентом Сангье Гьяцо [Митруев 2024: 12]. Но поскольку хан Аюка узнал, что во время посещения Тибета посольством 1683–1684 гг. Далай-лама V уже покинул этот мир, было направлено другое посольство за титулом и печатью. Третья печать Аюки-хана появляется на его документах с 1699 г., она была дарована от имени Далай-ламы VI в 1697 г. вместе с титулом «Дайчин Аюка-хан» [Митруев 2024: 12].

В данной статье речь пойдет о последней, четвертой печати.

Четвертая печать Аюки-хана (фото 1), вероятно, имеет тибетское происхождение, однако доподлинно не известно, откуда она была получена. Как и третья печать хана Аюки, она несет на себе легенду в виде «имитации квадратного письма» или, скорее, имитации китайского письма *чжуаньшу* (кит. 篆书; пиньинь *zhuànshū*).

Аюка-хан начал использовать данную печать с 1715 г. Так как нам недоступны сведения о происхождении этой печати, а также нет полной переписки Аюки-хана, позволяющей свидетельствовать о датах принятия в обиход его печатей, мы можем лишь предполагать их происхождение и хронологию появления, опираясь на косвенные данные.

Оттиск оригинальной четвертой печати хана Аюки сделан красной краской на его написанном на ойратском (старокалмыцком) «ясном письме» («тодо бичиг») письме, хранящемся в коллекции Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета, датированном мартом 1708 г. [Успенский, Яхонтова 2021: ил. 19]. Размер печати 3,1 x 3,1 см. Авторы статьи В. Л. Успенский и Н. С. Яхонтова предполагают, что русская дата в оригинале письма указана

Фото 1. Оттиск четвертой печати хана Аюки [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 196. Л. 28]

[Photo. 1. Impress of Khan Ayuka's fourth seal]

ошибочно и что его содержание относится к 1717 г. [Успенский, Яхонтова 2021: 272–273]. Даже если датировка этого письма 1708 годом неверна, маловероятно, что данная печать была привезена посольством Тулишэня, которое прибыло к Аюке-хану 2 июля 1714 г. [Мороз 2009: 34]. Причина заключается в том, что посольство Тулишэня не могло привезти от императора Сюань Е печать с легендой в виде имитации квадратного или китайского письма, так как китайские печати, данные китайским императором, должны были нести на себе легенду на китайском языке. После кончины Аюки в русском переводе писем встречается фраза, гласящая, что это печать бывшего хана Аюки, позднее его перестают упоминать. Унаследовавший ханский трон сын Аюки — Церен-Дондук не был единственным, кто использовал данную печать, ее использовала и его мать, четвертая супруга Аюки — Дарма-Бала. Эта печать, по всей видимости, не была передана Дондук-Омбо — следующему калмыцкому хану (годы правления 1735–1741), сыну Гунджаба и внуку хана Аюки. Дондук-Омбо использовал две свои собственные печати, рассмотренные нами в другом исследовании [Митруев 2023a]. После смерти Дондук-Омбо 21 марта 1741 г. следующим калмыцким ханом стал его двоюродный брат и соперник, младший сын Чагдорджаба и внук Аюки-хана — Дондук-Даши (ок. 1690 – 21 января 1761 г.; годы правления 1741–1761). Однако печать, как мы видим из официальной переписки, не досталась и ему. Вместо нее, начиная с 1741 г., Дондук-Даши использовал печать, ранее принадлежавшую Чагдорджабу, с китайской легендой¹, причем встречаются оттиски печати в перевернутом виде. Позднее Дондук-Даши изготавливает для себя круглую печать, рассмотренную в другом нашем исследовании [Митруев 2022]. Дарма-Бала использовала четвертую печать Аюки-хана вплоть до 4 июня 1747 г., эта дата стоит на письме ханши астраханскому губернатору Ивану Онуфриевичу Брылкину [Сусеева 2009: 712]. С годами Дарма-Бала стала путать верх и низ

¹ Речь идет о другой печати, принадлежавшей Чагдорджабу, а не о второй печати Аюки-хана с монограммой Калачакры, впоследствии перешедшей к Чагдорджабу.

печати, на последних письмах печать стоит в перевернутом виде. После смерти Дарма-Балы 6 декабря 1759 г. судьба данной печати неизвестна.

2.1. Печать Санджаба

Необходимо отметить, что среди писем, хранящихся в, есть и письма Санджаба, на которых стоит его печать (фото 2). Размер печати 3,8 x 3,8 см. Оттиски печати сделаны красными чернилами или красной краской.

Сохранились три письма Санджаба с этой печатью, полученные 21 августа 1714 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 125], 6 января 1715 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 3. Л. 124] и 11 февраля 1719 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 6. Л. 124].

При сравнении четвертой печати Аюки (размер 3,1 x 3,1 см) и печати Санджаба (размер 3,8 x 3,8 см) заметно определенное сходство (фото 3).

Как сказано выше, Аюка-хан начал использовать свою четвертую печать с 1715 г., а наиболее раннее использование печати Санджаба датируется 1714 г. Можно предположить, что эти печати были получены в одно и то же время и имеют тибетское происхождение.

Фото 2. Оттиск печати Санджаба [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 123]
[Photo 2. Impress of Sandzhab's seal]

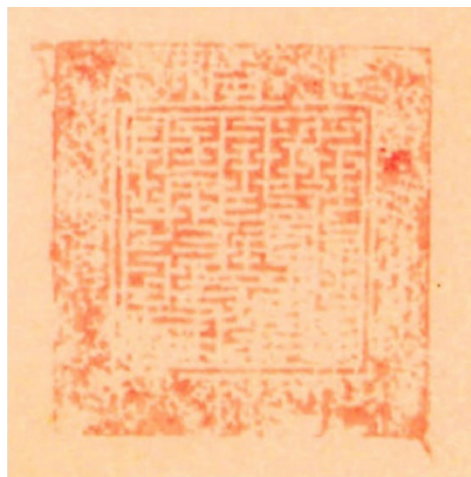
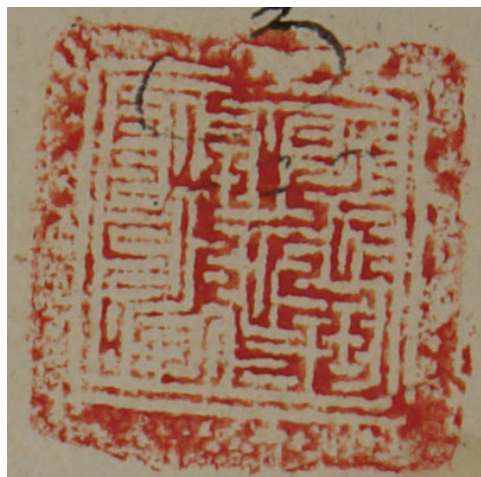
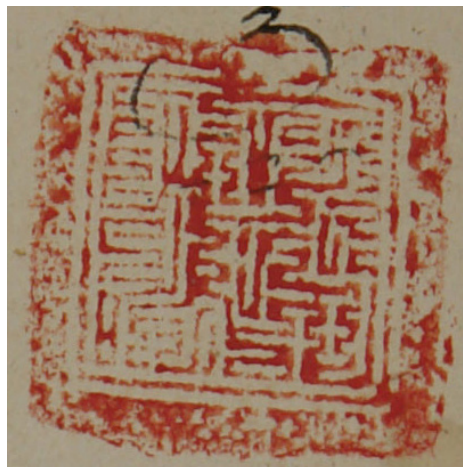

Фото 3. Оттиски печати Аюки [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 196. Л. 28]
и печати Санджаба [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 123]
[Photo 3. Impress of Ayuka's and Sandzhab's seals]

2.2. Подделка печати хана Аюки

На письме ханши Дарма-Балы Василию Пахомовичу Беклемишеву¹, полученном 10 июля 1724 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 17. Л. 329], стоит не оттиск, а рисунок четвертой печати Аюки-хана. Для сравнения здесь помещен оттиск печати Аюки и подделка в виде рисунка (фото 4). Размер подделки 3,4 x 3,4 см.

а) Печать хана Аюки

б) Подделка печати хана Аюки

Фото 4. Оттиск четвертой печати Аюки [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 196. Л. 28] и ее подделка [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 17. Л. 329]

[Photo 4. Impress of Ayuka's fourth seal and its forgery]

При сравнении оттиска оригинальной печати и подделки сразу заметно, что подделка представляет собой лишь рисунок, имитирующий оттиск печати. На фото заметно неравномерное распределение краски на линиях, сами линии неровные и грубые. Данная поддельная печать была нарисована на тексте письма, а не поставлена при помощи матрицы. Нам неизвестна причина, по которой Дарма-Бала использовала подделку, а не оригинал, которым она пользовалась в других письмах. Возможно, в момент написания письма оригинальная печать находилась где-то в другом месте. Содержание письма не повествует о чем-то исключительном, что могло бы принести выгоду тому, кто нарисовал поддельную печать, в случае если письмо не было отправлено самой ханшей Дарма-Балой.

3. Вторая печать Чагдорджаба (с китайской легендой) и ее подделка

3.1. Печать Чагдорджаба с китайской легендой

Старший сын хана Аюки Чагдорджаб использовал две печати. Первая из них — печать его отца, хана Аюки, с монограммой Калачакры; она была затем передана сыну Чагдорджаба Дасангу. Вторая печать Чагдорджаба имеет легенду на китайском языке «Цзинцзинь сюсин» (кит. 精進修行; пиньинь jīngjìn xiūxíng). Наиболее ранний документ с «китайской» печатью Чагдорджаба — письмо астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову, находящееся в папке с документами за 1713 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 12]. Перевод и транслитерация письма представлены в книге Д. А. Сусеевой² [Сусеева 2003: 190], перевод части этого письма

¹ Подполковник Василий Пахомович Беклемишев (1687–1744) занимал пост воеводы Саратова с 1727 г. (фактически с 1728 г.) по 1744 г. [Мезин 2012: 125–126].

² Д. А. Сусеева датирует это письмо февралем 1714 г. [Сусеева 2003: 190], тогда как

представлен в работе Н. Н. Пальмова [Пальмов 1926: 19]. Н. Н. Пальмов пишет, что после 1713 г., когда, как он предполагает, Чагдорджаб был назначен Аюкой наследником престола, Чагдорджаб перестает пользоваться прежней печатью и начинает использовать другую печать. По всей видимости, под прежней печатью здесь подразумевается печать, изготовленная из слоновой кости, с легендой на китайском языке. Однако из рассмотренных писем явствует, что Аюка и Чагдорджаб вместе продолжали использовать печать с китайской легендой и позднее.

Печать с легендой на китайском языке была передана Чагдорджабом другому своему сыну (от третьей супруги Габили) — Дондук-Даши, который стал ханом в 1741 г. Эта печать используется на многих его письмах, так, например, среди калмыцких писем за 1724 г. она стоит на недатированном письме Дондук-Даши некоему Артемию¹ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 18. Л. 174].

Б. Батубаяр пишет, что, исходя из ныне доступных архивов на ойратском «ясном письме» (*тодо бичиг*), можно сделать вывод, что данная печать с китайскими иероглифами использовалась с 1710 г. по 1775 г., т. е. с 49-го года правления Канси до 40-го года правления Цяньлуна [Batubayaer 20176: 153].

В период 1710–1711 гг. рассматриваемая печать фигурировала в письмах Чагдорджаба и его сына Дасанга к русским воеводам. Эти четыре письма в настоящее время хранятся в Калмыцком фонде Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета [Batubayaer 20176: 154].

Оттиск этой печати находится также на письме владельца Дондук-Даши астраханскому бригадиру Андрею Юнгеру от 24 августа 1737 г. [Сусеева 2009: 527]. В последние годы жизни Дондук-Даши стал ставить печать верхом вниз. Дондук-Даши использовал эту печать до 1759 г., так, она стояла на письме хана Дондук-Даши астраханскому губернатору Алексею Сергеевичу Жилину от 12 сентября 1759 г. (верхом вниз) [Сусеева 2009: 746].

Затем печать с китайской легендой передается сыну Дондук-Даши — наместнику Калмыцкого ханства Убаши (1742–1775 гг.; даты правления в Калмыцком ханстве: 1761–1771 гг.; после откочевки в 1771 г. в цинском Китае был удостоен титула хана, являлся им до смерти в 1775 г.). Впервые Убаши использует эту печать на письме генерал-майору Никите Григорьевичу Спицыну, полученном 27 января 1761 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 107. Л. 119]. Последнее письмо с этой печатью, опубликованное Д. А. Сусеевой, — письмо наместника Калмыцкого ханства Убаши полковнику И. А. Кишенскому от 21 декабря 1770 г., которое было получено 2 января 1771 г. [Сусеева 2009: 895].

Покинув в 1771 г. пределы Российского государства, наместник ханства Убаши взял печать с китайской легендой с собой. Оттиск ее встречается на письмах на *тодо бичиг*, адресованных императору Цяньлуну, Синьцзянскому военному губернатору и советнику генерал-губернатора Тарбагатаю в период с 1771 г. по 1775 г. Известно о существовании девяти таких писем [Batubayaer 20176: 154]. Они находятся в Первом историческом архиве Китая; еще одно письмо на *тодо бичиг* с этой печатью хранится в Большом молебном зале монастыря Лабранг в провинции Ганьсу. В нем содержится письмо, приглашающее ламу и эмчи из монастыря Лабранг после поселения Убаши в Карашаре [Batubayaer 20176:

Н. Н. Пальмов — 25 января 1713 г. [Пальмов 1926: 19]. Как уже отмечалось, данный документ хранится в папке с документами 1713 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 12].

¹ Возможно, это астраханский губернатор Артемий Петрович Волинский.

154]. Это письмо рассмотрено в статье «Письмо Убаши-хана из монастыря Лабранг в свете данных тибетских источников о связях калмыков с духовными иерархами» [Митруев 2023б].

После смерти Дондук-Даши в 1761 г. Убаши унаследовал ханскую власть, сохранив титул наместника [Санчилов 2016: 46]. В 17-й день 9-го лунного месяца 36-го года правления Цяньлуна (т. е. 25 октября 1771 г.) откочевавшему в Центральную Азию и оказавшемуся вместе с подданными на территории цинского Китая Убаши был дан цинским императором титул «Зоригту-хан старых торгутов Унэн Сузугту» [Dorji et al. 2009: 43]. Таким образом Цяньлун подтвердил Убаши в ханском достоинстве с титулом Зоригту («Храбрый») [Ци ши и, XII 1820: 221–222 (264–265)]. Получив титул «Зоригту-хан», Убаши-хан продолжал владеть печатью своего отца Дондук-Даши, переданной ему наследником ханства Чагдорджабом, до самой смерти [Batubayev 2017a: 148]. После кончины Убаши-хана в 8-й день 12-го лунного месяца 39-го года правления Цяньлуна (т. е. 9 января 1775 г.) цинский двор ввел систему сеймов и знамен среди торгутов и хошутов в 40-й год правления Цяньлуна (1775 г.) и выдал дзасакам сеймов и знамен печати [Dorji et al. 2009: 33]. В сочинении китайского князя Цишия сказано, что на момент смерти Убаши-хана его старшему сыну Церен-Намджалу было восемь лет [Ци ши и, XII 1820: 266]. В 9-й лунный месяц 40-го года правления Цяньлуна (в период с 25 сентября по 23 октября 1775 г.) Церен-Намджал вступил в должность главы Южного сейма «Унэн Сузугту¹ старых торгутов²» и получил новую печать. В 48-м году правления Цяньлуна (1783 г.) был издан императорский указ о наследственном престолонаследии [Dorji et al. 2009: 43].

Ш. Камманн утверждает, что в августе 1780 г. Убаши был в Жэхэ на встрече Панчен-ламы Лобсан Палден Ешей с императором Цяньлуном [Cammann 1949: 6]. Однако это определенно ошибка: когда в 1780 г. Панчен-лама отправился с визитом в империю Цин и находился в Жэхэ, с ним встретился не умерший к тому времени Убаши-хан, а его старший сын, хан Церен-Намджал, вместе с другими представителями торгутской знати. Об этом сказано в биографии Панчен-ламы VI Палден Еше (1738–1780 гг.):

Десятого числа <...> восьмого тибетского месяца <...> года Железа-Мыши [1780 г. — Б. М.], именуемого «сарвари» (тиб. kun ldan; санскр. sārvari), тумет бэйсэ Цеден Дондуб, торгутский хан Церен Намджал³, тайджи Рабдан Дорджи⁴, ханша Деден Ролма, дочь Норджун Ванмо, с многими подразделениями [народа] совершили пышные подношения.

Торгутский джиргаланг-бэйлэ⁵ вместе с хатун Цебек, Эрдени-тайджи⁶, Куко-тайд-

¹ Унэн Сузугту — «Истинно верующие».

² «Старыми» торгутами были названы те, которые откочевали из Калмыцкого ханства в 1771 г. в пределы цинского Китая калмыков, чьи предки вошли в состав Российского государства еще в XVII в., а «новыми» торгутами — те, которые бежали из Джунгарии в Калмыцкое ханство в 1750-е гг., во время войны между ойратами Джунгарского ханства и цинскими властями.

³ Церен Намджал — старший сын Убаши-хана, ставший ханом после него [Родословная 2016: 103].

⁴ Рабдан Дорджи — второй сын Убаши, тайджи первой степени [Родословная 2016: 103].

⁵ Джиргаланг-бэйлэ Момото — внук Балбу и сын Дондуга [Родословная 2016: 113].

⁶ Эрдени-тайджи — старший из пяти сыновей Момото, бэйлэ Эрдени [Родословная 2016: 113].

жи¹, Далай-тайджи², Когшин-тайджи³ и Сомоном⁴, а также хошоут-бэйлэ Делек-Убаши вместе с ваном Церен-Делеком⁵, Бадма-Убаши⁶, Баян-Далай⁷ вместе с владельцами и подданными, а также Луузан-Цойрак-гелюн и прочие индивидуально совершили подношения и произнесли слова истины молебна о долгой жизни [Панчен-ламы]. Они обратились с настойчивой просьбой принять их под свое покровительство и не оставлять во всех жизнях. [Панчен-лама] дал им благословение дланью, угощение чаем, наставление, ответные подарки и желаемые наставления в учении Будды, таким образом удовлетворив их дхармой и материальными вещами. [Панчен-лама] даровал обеты послушника 135 людям.

<...> Одиннадцатого числа торгут Кириб чин-ван⁸ вместе с пышными подношениями произнес слова истины молебна о долгой жизни [Панчен-ламы], а также обратился к [Панчен-ламе] с просьбой принять под свое покровительство во всех жизнях. Тайджи Церен-Убаши⁹, Бадма, Дорджи Делек и прочие, в общем итоге семь тайджи, хатун Пуне и прочие, джунгарский Далай-хан, лама Габан Замьян, камбо-бандида, да-лама¹⁰ Габан Пунцак, Джанг-ден да-лама Габан Ригзин, дэмчи¹¹ Габан Джамцо, дэмчи Луузан Бамбар, нирба¹² Раши Тугмед, нирба Габан Джанцан по отдельности совершили облака подношений. [Панчен-лама] дал вышеупомянутым благословение дланью, угощение чаем, задал вопросы и сделал подарки. По просьбе благодетелей [Панчен-лама] дал им устную передачу на «Сто божеств Тушиты», Защитников трех семейств и практику долгой жизни¹³ [dkon mchog 'jigs med dbang po 2014: 310].

¹ Куко-тайджи, или Коогэку, — второй сын Момото бэйлэ Коогэку [Родословная 2016: 113].

² Вероятно, это мирское имя третьего сына Момото, впоследствии ставшего монахом и получившего имя тойн камбо Лубзан Кириб [Родословная 2016: 114].

³ Когшин-тайджи — четвертый сын Момото, тайджи второй степени Когшин [Родословная 2016: 114].

⁴ Вероятно, это пятый сын Момото, тайджи второй степени Норбо Церен. Имя, под которым он известен, Сабагар [Родословная 2016: 114].

⁵ Ван Церен-Делек — старший из трех сыновей Бамбара, цзюнь-ван Церен-Делек [Родословная 2016: 98].

⁶ Бадма-Убаши — второй сын Церен-Делека, цзюнь-ван Бадма-Убаши [Родословная 2016: 98].

⁷ Баян-Далай — третий сын Бамбара, тайджи второй степени Баян-Далай [Родословная 2016: 98].

⁸ Кириб-засаг — второй сын Галдан-Норбо, внук Дондук-Омбо, правнук Гунджаба [История Хо-Өрлөкэ 2016: 31]. Так как у Цебек-Дорджи не было сыновей, Кириб был произведен в ваны [Родословная 2016: 107].

⁹ Церен-Убаши — старший из трех сыновей Ак Сахала, чин-ван Церен-Убаши, внук Галдана Норбо. Поскольку у Кириба не было сыновей, то он усыновил Церен-Убаши, старшего сына своего младшего брата Ак Сахала [Родословная 2016: 107].

¹⁰ Да-лама — главный лама монастыря, лама-настоятель монастыря.

¹¹ Дэмчи — чиновник в системе налогообложения, относился к числу высших сановников ханства.

¹² Нирба (тиб. gnyer ba) — управляющий, казначей.

¹³ kun ldan zhes pa lcags byi lo <...> zla ba brgyad pa'i <...> tshes bcu'i nyin thu med pa'i se tshe brtan don grub dang / thor god han tshe ring rnam rgyal ring rnam rgyal/ tha'i ji rab brtan rdo rje/ ha thon bde ldan sgrol ma/ sras mo nor rgyun dbang mo/ sde mang bcas nas dngos 'bul gyi bdog pa spam mtho ba bteq / thor god cir gal ba'i li/ ha thon tshe dpag /er te ni tha'i ji/ tha'i ji khu khos/ tha'i ji de le/ tha'i ji khug shun/ so mon bcas thun mong / ho shod pa'i li bde legs u pa shi/ wang tshe ring bde legs/ pad ma u pa shi/ pa yan tA la'i dpon

Датский писатель-путешественник и антрополог Хеннинг Хаслунд пишет, что в конце 1920-х гг., посещая торгутов Синьцзяна, он видел печать Убаши-хана, полученную им в 1776 г. от Цяньлуна «в обмен на прежнюю печать, полученную от минской династии» [Haslund 1935: 308–309]. Однако, так как Убаши умер в 1775 г., он не мог получить печать от Цяньлуна в 1776 г., более того, как было сказано выше, он до конца жизни использовал печать из слоновой кости с легендой на китайском языке. По всей видимости, здесь имеется в виду серебряная печать, полученная сыном Убаши Церен-Намджалом от цинской администрации, которая ныне хранится в музее в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Таким образом, Убаши-хан владел данной печатью с китайской легендой вплоть до своей смерти, а новую печать от правительства Цин получил уже его сын.

Вторая печать Чагдорджаба (фото 5) квадратной формы, размером 4,4 x 4,4 см¹. В квадратной рамке размещена легенда на китайском, записанная письмом *чжуанишу*, читаемая сверху вниз, справа налево: «Цзинцзинь сюсин» (кит. 精進修行; пиньинь jīngjìn xiūxíng) [Batubayar 2017b: 153], что переводится как «Усердно практиковать».

Фото 5. Оттиск печати Чагдорджаба с легендой на китайском языке [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 12]

[Photo 5. Impress of Chakdordzhab's seal with the legend in Chinese language]

‘bangs thun mong / dge slong blo bzang chos grags sogs so so nas dngos ‘bul bteg ste zhabs brtan bden tshig brjod/ tshe rabs kun tu ‘bral med rjes ‘dzin gyi skyabs ‘jug kyang nan tan du zhus/ de dag la phyag dbang ja gral bka’ mchid/ slog cha/ ‘dod chos bcas stsal te chos dang zang zing gnyis kas tshim par mdzad/ dge tshul brgya dang so lnga bsgrubs <...> tshes bcu gcig gi nyin thor god mkhas grub ching wang gis dngos ‘bul spam mtho ba dang bcas zhabs brtan bden tshig brjod de rjes ‘dzin gyi skyabs ‘jug kyang zhus/ tha’i ji tshe ring u pashi dang pad+ma/ rdo rje bde legs sogs tha’i ji bdun/ ha thon phu ne sogs dang jun gar dwa las han dang / bla ma ngag dbang ‘jam dbyangs/ mkhan po paN+Di ta/ tA bla ma ngag dbang phun tshogs/ byang ‘dren tA bla ma ngag dbang rig ‘dzin/ dem chi ngag dbang rgya mtsho/ dem chiblo bzang dpal ‘bar/ gnyer pa bkra shis thogs med/ gnyer pa ngag dbang rgyal mtshan bcas so so nas dngos ‘byor mchod sprin spros/ gong gsal de dag la phyag dbang ja gral bka’ ‘dri gnam skyes bcas stsal / sbyin bdag rnam nas zhus ngor dga’ ldan lha brgya ma dang rigs gsum mgon po/ tshe sgrub bcas kyi ljags lung gnang [dkon mchog ‘jigs med dbang po 2014: 309–310].

¹ Б. Батубаяр утверждает, что размер данной печати 4,5 x 4,5 см [Batubayar 2017b: 153].

Б. Батубаяр пишет, что данная легенда может быть переведена на монгольский язык как «хичээнгүйлэн бясалгах» или «хичээнгүйгээр бүтээгч» [Батубаяр 2014: 81]. По утверждению исследователя, такой текст характерен для личной печати буддийского монаха: рассматриваемая печать первоначально принадлежала буддийскому ламе, но позже по неизвестным причинам использовалась правителем Калмыцкого ханства как печать для внутренних и внешних дел ханства [Batubayar 20176: 153]. Печать не соответствует официальной системе печатей династии Цин, на которых должна быть выгравирована легенда на маньчжурском языке (маньчж. *manju gisun*), поэтому, по мнению Б. Батубаяра, наиболее вероятно, что данная печать была дана правительством династии Мин [Batubayar 20176: 154].

Согласно архивам династии Цин, в свое время Убаши сдал китайским властям печать с легендой «Усердно практиковать», которая была сделана из слоновой кости, обрамленную серебром, на боковой стороне которой были выгравированы две строки китайских иероглифов: «В 3-й день третьего месяца 22-го года правления Юнлэ [печать] была дана ламе Мичжа Шили». Юнлэ (кит. 永樂; пиньинь *Yǒng lè*, буквально: «Вечное счастье») — девиз правления третьего императора империи Мин в Китае Чжу Ди (кит. 朱棣; пиньинь *Zhū Dì*; 2 мая 1360 г. — 12 августа 1424 г.), правившего с 17 июля 1402 г. до его смерти в 1424 г. Таким образом, можно предположить, что данная печать была выдана ламе Мичжа Шили в 1424 г. Это произошло через 15 лет после того, как минская династия сделала предводителя торгутов Тайпина ваном Сяньи.

Таким образом, если согласиться с мнением Б. Батубаяра, то печать Чагдорджаба с легендой «Усердно практиковать» имеет длительную историю и могла быть выдана еще династией Мин одному из лидеров тибетского буддизма [Batubayar 20176: 155].

Согласно имеющейся архивной информации, до того, как династия Цин выпустила печать хана, печать главы лиги и печать дзасака, Убаши и Церен Намджал использовали печать Чагдорджаба с китайской легендой «Цзинцзинь сюсин» («Усердно практиковать») для ведения своих собственных государственных дел. После десятого месяца 1775 г. печать «Цзинцзинь сюсин» уже не использовалась, но с исключительного разрешения императора хранилась как родовая реликвия в руках хана Зоригту и его наследников. Дальнейшая судьба этой печати неизвестна [Batubayar 20176: 156].

Таким образом, нам известно, что печать с китайской легендой, которая последовательно принадлежала Чагдорджабу, Дасангу, Дондук-Даши и Убаши, имела рукоять в виде колеса дхармы и была обрамлена серебром. Мы также знаем, что минское правительство выдало несколько таких печатей тибетским ламам.

3.2. Подделка печати Чагдорджаба

Среди оттисков печати Чагдорджаба с китайской легендой встретился один, выполненный поддельной печатью. На письме первой из девяти жен Чагдорджаба — Джал¹ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2] Михаилу Ильичу Чирикову²,

¹ Джал — дочь хошутского владельца [Бакунин 1995: 33].

² Михаил Ильич Чириков был астраханским обер-комендантом с 1709 г. по 1719 г. [Русско-китайские отношения 1978: 525].

полученном 13 января 1713 г.¹, стоит подделка печати Чагдорджаба, к тому же перевернутая верхом вниз. При сравнении оттисков видно, что печать сделана неверно и ее оттиск представляет собой зеркально отраженный по горизонтали образ оттиска печати Чагдорджаба. Это означает, что печать была вырезана с ошибкой, без учета того, что на матрице легенда печати должна быть в зеркальном отражении. Кроме того, кромка имитации толще, черты иероглифов на имитации вырезаны менее точно и ровно.

Для того чтобы легче было сравнить оттиски настоящей печати Чагдорджаба и подделки (фото 6), изображение подделки на рисунке повернуто на 180°.

Фото 6. Печать Чагдорджаба и ее подделка [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2]
[Photo 6. Chakdordzhab's seal and its forgery]

Транслитерация и перевод письма Джал, заверенного подделкой печати ее супруга, представлены в книге Д. А. Сусеевой «Письма хана Аюки и его современников (1714—1724 гг.)»: «Жал здесь здорова. Там здоров ли Михаил Ильич? Не я ли готовлюсь, чтобы пойти на моление в Тибет (к Будде)? Моих двух посланников, Дермеда и Суми, которым я приказала привезти для этого (поездки) необходимые вещи, ограбили. Отобрали вещи, дальше, в Царицын, не пустили, вернули назад. Вернулись, задержавшись, без лошадей и вещей. Разве вам не сообщают, когда нам плохо? Разве нам не сообщают, когда вам плохо? Кто кому — нет нашего различия. Не так ли? Я возьму баримту (экономическая месь) с купцов, приезжающих из Шемахи. Вы не придирайтесь к этому случаю. Посланник Дархан Хашха» [Сусеева 2003: 60].

Как отмечают исследователи, в правовой жизни калмыков *баранта* занимала значительное место [Митиров 1998: 210, 211; Батыров 2016: 38–45]. Сущность баранты заключалась в угоне скота как способе вознаграждения за причиненный ущерб или мести за обиду. Имели место случаи, когда представители калмыцкой знати, в том числе и ханы, предупреждали российских чиновников о том, что ими будет взята баранта с обидчиков [Митиров 1998: 211]. А. Г. Митиров, приводя такие примеры, приходит к выводу: «Эти и другие примеры говорят о том, что баранта официально существовала как норма, регулировавшая спорные вопросы и конфликты» [Митиров 1998: 211]. Таким образом, содержание письма не является причиной использования подделки печати.

¹ Дата на письмах начала XVIII в. записывалась кириллицей. На переводах калмыцких писем даты стоят в начале письма.

Возможно, супруга Чагдорджаба Джал по какой-то причине, не имея доступа к оригинальной печати, использовала эту подделку, чтобы заверить письмо. Называть эту печать подделкой позволяет тот факт, что она более не встречается на письмах Джал или Чагдорджаба. Это дает основание полагать, что она не является санкционированной Чагдорджабом копией, которой Джал пользовалась постоянно.

Маловероятно, что Джал или кто-то другой стал бы подделывать печать для переписки с астраханским обер-комендантом М. И. Чириковым, так как такой подлог быстро был бы выявлен. Поэтому мы предполагаем, что имитация была сделана для того, чтобы заверить письмо, когда невозможно было поставить настоящую печать.

4. Печати нойона Лубжи

Лубжа¹ (ум. в 1737 г.) — старший сын нойона Доржи Назарова, владельца большого улуса, называемого Табун оток [Митиров 2002: 192]. У Доржи Назарова было трое сыновей: Лубжа, Бай, Данзан [Родословная 2016: 98]. У Лубзы, или Лубжи, было три сына, старший Бамбар принял цинское подданство в начале 36-го года правления императора Цяньлуна (1771 г.). Ему были пожалованы цинской властью достоинство засак Биширэлтү («Преисполненный веры») и титул цзюнь-вана. Второго сына Лубзы звали Йүмчэн, или Йомчен, третьего — Багдан² (тиб. dbang ldan) [Родословная 2016: 98].

В «Сказании о дербен-ойратах» Батур Убаши Тюменя в разделе, повествующем о роде торгутских ханов и нойонов, сказано:

1. У Зулзаган Орлека был сын Хо Орлек, у него было шесть сыновей и шесть дочерей; сыновья: Худа Шукур Дайчин, Гомбо Йельден, Лоузан, Санчжин, Сенге и Кираса (Кирсан). У Дайчина были четыре сына: Чжалбо (Рачжалбо), Нима Серен, Пуниук и Чжалцан (Ра Чжалцан). У Нима Серена был сын Назар, его сыновья: Дорчжи, Гомбе (Гумбе), Рабчжур и Убаши. У Дорчжи [Назарова] были три сына: Любчжи (Лубжа), Бай и Данчжин (у Любчжи были три сына: Бамбар, Йемпел (Йомчин) и Вандан; у Бая был сын Мингмар; у Данчжина сын Ельзете; у Убаши было два сына: Солтан и Очир [Батур Убаши Тюмень 2003: 137].

В письме Йомчина и Вангдана, полученном 13 января 1746 г., представлено полное имя Вангдана — Вангдан Норбу [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 196. Л. 14]. А. Г. Митиров пишет, что у Доржи Назарова было три внука: Бамбар, Йомчин и Ользету [Митиров 1998: 198]. Ельзете, или Ользету, — сын Данчжина, или Данзана. Вероятно, другое имя Бая было Гунга [Пальмов 1926: 148]. У Лубжи была еще и дочь, бывшая замужем за сыном Лабан-Дондука Шампиль-Норбо или Сампиль-Норбо (тиб. bsam 'phel nor bu). Шампиль-Норбо отнял ее у брата Лабан-Дондука Чидана (в крещении Никиты Дербетева), а затем бросил [Митиров 1998: 251]. Лабан-Дондук умер в феврале 1749 г., а его сын Шампиль-Норбо умер в марте того же года в Черкасске. После их смерти владельцем части дербетовского улуса, принадлежавшего Лабан-Дондуку, стал его другой сын Галдан-Церен, рожденный от супруги Абу [Митиров 1998: 254].

Исходя из легенды на печати Лубжи можно установить, что его имя является тибетским, *blo brgya*, вероятно, имеющим значение «сметливый, многоумый».

¹ В различных исторических работах это имя пишется Лубжа, Лубджа, Лабжа, Лабджа, Лобжа, Лобджа, Лобжан, Лобча, Любчжи и т. д.

² В русских документах его имя записано Багдан, Бангдан, Вагдан, Вангдан и Ондон.

К владению Доржи Назарова примыкал улус хошоутского нойона Лекбея (до 2 тыс. кибиток). Связь этих двух нойонов носила не вассальный характер, а была предопределена династическими отношениями [Цюрюмов 2005: 33]. Возможно, это является причиной, почему печати Лекбея и сына Доржи Назарова — Лубжи имеют сходство, о котором будет сказано ниже.

По всей видимости, временами Лубжа использовал печать своего отца Доржи Назарова. Так, на письме Лубжи, полученном 28 марта 1732 г., стоит печать Доржи Назарова и подпись: *Noyon Lobja yar talbiba*, «Нойон Лубжа подписал» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 55. Л. 101].

Как видно из писем Лубжи, хранящихся в НА РК, он владел тремя печатями. Наиболее ранняя из них стоит на письме Лубжи Артемию Петровичу Волынскому, полученном 29 августа 1724 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 20. Л. 43]. Размер печати 2,9 x 2,9 см. Оттиск, сделанный красными чернилами или краской, довольно неясный, однако можно предположить, что он представляет собой печать с легендой *blo brgyai gtams 'a* (фото 7).

Фото 7. Оттиск первой печати Лубжи [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 125]
[Photo 7. Impress of Lubdzha's first seal]

Легенда помещена в квадратную рамку, в ее верхней части находится кружок, указывающий на верх печати. Имя владельца *blo brgya* вырезано неверно, тибетская огласовка *o* должна находиться внизу первого слога, вместо этого она стоит вверх, как обычно в тибетском письме. Легенда на печати несет в себе несколько ошибок. Вместо имени владельца с показателем притяжания *blo brgya 'i* в легенде написано ошибочное *blo brgyai*. Данная легенда схожа с печатью Лекбея в том, что вместо тибетского слова *tham ka/ga* 'печать' использовано неверно тибетское слово *gtams 'a*. Мастер, изготовивший печать, вероятно, был плохо знаком с квадратным письмом, поэтому вместо уже неверной легенды *gtams ka* он изобразил слово *gtams 'a*, где элемент *ka* имеет графическую схожесть с *'a*.

Данная печать стоит на письме Лубжи Ивану Бахметьеву, полученном 5 сентября 1729 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 35. Л. 69], на письме, полученном

5 сентября 1729 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 35. Л. 88], письме Василию Пахомовичу Беклемишеву, полученном 1 марта 1729 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 35. Л. 125], на письме, полученном 16 ноября 1735 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 77. Л. 408], и на нескольких недатированных письмах [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 55. Л. 43; НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 62. Л. 50; НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 62. Л. 128; НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 81. Л. 101].

Кроме того, эта печать стоит на письме сына Доржи Назарова Ользету, полученном 9 октября 1738 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 103. Л. 69]. Как уже было сказано выше, Ользету (Ельзете) — сын Данчжина / Данзана и один из внуков Доржи Назарова, в данном письме же он назван сыном Доржи Назарова. Этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

После смерти Лубжи данной печатью пользовалась его супруга Церен Норма, чье имя в другом письме названо Церен Норбо. Так, эта печать стоит на письме владелицы Церен Нормы бригадиру Петру Федоровичу Кольцову¹ 26 октября 1743 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 161. Л. 1321] и письме владелицы Церен Норбо полковнику Никите Григорьевичу Спицину, полученном 18 июля 1751 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 253. Л. 225].

После нее печать использует третий сын Лубжи Вангдан. Как уже говорилось выше, его тибетское имя по-разному записывалось в русских переводах его писем. Так, печать стоит на письме Вагдана полковнику Никите Григорьевичу Спицину, полученном 23 ноября 1751 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 255. Л. 119], на письме Ондона астраханскому губернатору, полученном 19 января 1758 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 299. Л. 138], на письме Вангдана астраханскому губернатору, полученном 5 января 1763 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 21], на письме Ондона астраханскому губернатору, полученном 20 января 1765 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 365. Л. 31], на письме Бангдана астраханскому губернатору Никите Афанасьевичу Бекетову, полученном 1 июля 1765 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 368. Л. 109], на письме Багдана астраханскому губернатору Никите Афанасьевичу Бекетову, полученном 3 января 1766 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 382. Л. 15], на письме Ондона астраханскому губернатору Никите Афанасьевичу Бекетову, полученном 1 января 1767 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 383. Л. 26], на письме Ондона астраханскому губернатору Никите Афанасьевичу Бекетову, полученном 29 марта 1767 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 391. Л. 17], на письме Вангдана полковнику Михаилу Степановичу Лебедеву², полученном 10 января 1768 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 399. Л. 28], на письме Вангдана астраханскому губернатору Никите Афанасьевичу Бекетову, полученном 25 января 1769 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 417. Л. 74].

У Лубжи была другая печать, которая являлась имитацией (фото 8) предыдущей.

¹ Петр Федорович Кольцов, с 15 декабря 1726 г. комендант Царицына, с 1742 г. бригадир. 19 декабря 1743 г. бригадир П. Ф. Кольцов был назначен посланником в Большую Кабарду. 27 марта 1744 г. выехал из Царицына «в Астрахань, а оттуда в Кабарду» [Клушин 2015: 30–31].

² Полковник Михаил Степанович Лебедев — вице-губернатор Астраханской губернии в 1779–1784 гг.

Фото 8. Оттиск второй печати Лубжи [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 89. Л. 22]
[Photo 8. Impress of Lubdzha's second seal]

Размер печати 3,0 x 3,0 см. Оттиск сделан красными чернилами или красной краской. Легенда помещена в квадратную рамку и является повторением легенды на предыдущей печати Лубжи с небольшими отличиями: *blo brgya gtams*. После имени владельца Лубжи нет показателя притяжения: *blo brgya*. Кроме того, в слове *gtams* во второй колонке отсутствует 'a'. В самом слове *gtams* лигатуры *ms* написаны неясно, как будто мастер, изготавливающий печать, был незнаком с квадратным письмом. Эта печать стоит на письме Доржи [Назарова] и Лубжи, полученном 8 января 1737 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 89. Л. 22].

Третья печать Лубжи (фото 9) несет на себе легенду *bla mi gnam*.

Фото 9. Оттиск третьей печати Лубжи [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 82. Л. 111]
[Photo 9. Impress of Lubzha's third seal]

Размер печати 2,8 x 2,8 см. Оттиск сделан красными чернилами или красной краской. Легенда помещена в квадратную рамку, в верхней части печати находится кружок, указывающий на верхнюю часть печати. Легенда на печати на тибетском языке, записанная квадратным письмом, содержит ошибки. В *bla mi* отсутствует показатель притяжания, правильно написанное, данное слово должно выглядеть так: *bla ma'i*. Слово *gtam*, по всей видимости, является неверно записанным тибетским словом *tham /iham ka*, 'печать'. Само тибетское слово *gtam* значит «разговор, беседа». Несколько в ином написании это тибетское слово *gtams* в значении «печать» было использовано в легендах на печатях Лекбея и Лубжи, таким образом обнаруживая сходство между ними.

Рассматриваемая печать стоит на письме Лубжи, полученном 28 марта 1732 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 55. Л. 59], письме, полученном 28 марта 1732 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 55. Л. 61], недатированном письме [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 55. Л. 216] (печать верхом вниз), на письме, полученном 29 августа 1732 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 55. Л. 198], на недатированном письме [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 55. Л. 335], на недатированном письме [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 59. Л. 63], на недатированном письме [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 62. Л. 63], на письме, полученном 8 августа 1736 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 82. Л. 111], на недатированном письме [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 226. Л. 167].

Эта печать стоит и на общем письме владельцев Бамбара, Йомчина и Вангдана тайному советнику, астраханскому губернатору Василию Никитичу Татищеву¹, полученном 22 августа 1743 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 173. Л. 675–676].

Позднее эту печать унаследовал Йомчин. Так, ее оттиск стоит на его письме, полученном 15 мая 1744 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 179. Л. 123; НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 196. Л. 123], на письме Йомчина и Вангдан Норбу, полученном 13 января 1746 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 196. Л. 14], на письме Йомчина действительному камергеру, кавалеру, астраханскому губернатору, полученном 8 января 1747 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 196. Л. 120], на письме Йомчина, полученном 8 января 1755 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 257. Л. 3], на письме Йомчина генерал-майору, полученном 23 апреля 1758 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 307. Л. 413].

У Йомчина была и другая печать, являющаяся подделкой унаследованной им третьей печати Лубжи с легендой *bla mi gtam*, оттиск которой отражен зеркально (фото 10).

Размер печати 2,2 x 2,2 см. Оттиск сделан красными чернилами или красной краской. Так, оттиск этой печати стоит на письме Йомчина, полученном 18 декабря 1756 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 257. Л. 106], на письме Йомчина, полученном 18 сентября 1758 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 299. Л. 135], на недатированном письме, вероятно, Йомчина [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 582].

4. Заключение

Изучение большого ряда писем представителей калмыцкой знати с имеющимися на них оттисками печатей из Национального архива Республики Калмыкия позволило выявить три подделки печатей.

¹ Василий Никитич Татищев был губернатором астраханской губернии в 1741–1745 гг.

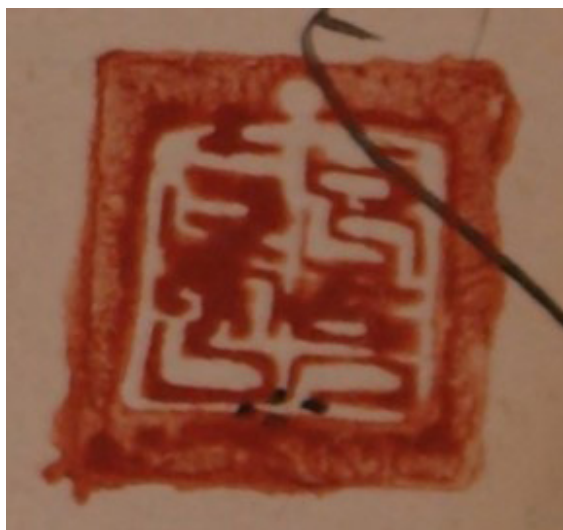

Фото 10. Оттиск подделки третьей печати Лубжи
[НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 257. Л. 106]
[Photo 10. Impress of the forgery of Lubdzhа's third seal]

Первая подделка имеет вид рисунка, изображающего четвертую печать Аюки-хана. Рисунок изображен вместо оттиска печати на письме ханши Дарма-Балы В. П. Беклемишеву, при этом содержание письма не связано с подделкой печати. Вторая подделка печати изображает вторую печать Чагдорджаба. Ее оттиск стоит на письме жены Чагдорджаба Джал, в содержании которого женщина предупреждает М. И. Чирикова, что собирается взять баранту. Оттиск изображает зеркально отраженный по горизонтали образ оттиска печати Чагдорджаба. Текст легенды вырезан с ошибкой, кромка на подделке толще, иероглифы вырезаны менее точно. Третья подделка третьей печати нойона Лубжи повторена в зеркальном отражении. Эта подделка принадлежала Йомчину, сыну Лубжи.

Все три подделки, видимо, использованы были по какой-то причине в условиях отсутствия доступа к оригинальной печати. И если первая подделка явно выдает себя иной техникой, то вторая и третья являются как зеркальные отражения оригиналов. Все три подделки печатей были использованы представителями высшей знати: женами хана Аюки и его наследника Чагдорджаба, а также внуком Дорджи Назарова (претендента на престол в Калмыцком ханстве после смерти хана Аюки в 1724 г.). Неясна причина использования подделок, наиболее вероятен вариант того, что отсутствовала возможность использования оригинальной печати. Остается неизвестным, какому наказанию подвергались фальсификаторы печатей в Калмыцком ханстве.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Source

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Аваков, Митруев 2023 — Аваков П. А., Митруев Б. Л. Первая печать тайши Аюки (1684 г.) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 1. С. 144–152. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-144-152

- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, особливо из них торгутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Батубаяр 2014 — *Батубаяр Б.* Печати торгутских ханов и нойонов // Мир «ясного письма». Сб. науч. статей. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 81–83.
- Батур Убаши Тюмень 2003 — Батур Убаши Тюмень. Сказание о дербен ойратах // Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 125–155.
- Батыров 2016 — *Батыров В. В.* Очерки истории традиционной культуры калмыков второй половины XIX вв. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 226 с.
- История Хо-Өрлөкэ 2016 — История Хо-Өрлөкэ // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., пер. со старописъм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 29–35.
- Клушин 2015 — *Клушин А. А.* Царицынские воеводы, коменданты и городничие (1589–1862) // Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества. Вып. 8. Волгоград: ЦГО, 2015. С. 14–46.
- Мезин 2012 — *Мезин С. А.* Саратовские воеводы и коменданты первой половины — середины XVIII века // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / ред. О. Глаголева, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 116–147.
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Митруев 2021 — *Митруев Б. Л.* Три печати Аюки-хана // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 44–61. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-44-61
- Митруев 2022 — *Митруев Б. Л.* Печать Дондук-Даши // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 39–69. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-39-69
- Митруев 2023а — *Митруев Б. Л.* О печатях калмыцкого хана Дондук-Омбо // Монголоведение. Т. 15. № 3. С. 419–429. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-419-429
- Митруев 2023б — *Митруев Б. Л.* Письмо Убаши-хана из монастыря Лабранг в свете данных тибетских источников о связях калмыков с духовными иерархами // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 1. С. 8–43. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-8-43
- Митруев 2024 — *Митруев Б. Л.* Печати калмыцких ханов и высшей знати как источники по истории Калмыцкого ханства: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2024. 26 с.
- Мороз 2009 — *Мороз И. Т.* Китайское посольство Тулишэня к калмыцкому хану Аюке на Волгу 1712–1715 гг. // Восточный архив. 2009. № 2 (20). С. 34–39.
- Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. XVII–XVIII вв. Ч. I. Астрахань: Калм. Обл. Исполком, 1926. 264 с.
- Родословная 2016 — Родословная торгутских ханов и князей // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., перев. со старописъм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 95–125.
- Русско-китайские отношения 1978 — Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. М.: Наука, 1978. 703 с.
- Санчиров 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., пер. со старописъм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2009. 992 с.
- Успенский, Яхонтова 2021 — *Успенский В. Л., Яхонтова Н. С.* Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в библиотеке СПбГУ // Тибетология в Санкт-Петербурге. Сб. ст. Вып. 2. СПб.: Петербургское востоковедение, 2021. С. 267–292.
- Ци ши и 1820 — *Ци ши и.* О переходе тургутов в Россию и обратном удалении из России в Зюнгарию (Сочинение китайского князя Цишия, переведенное с китайского

- подлинника г. надворным советником С. В. Липовцовым) // Собрание исторических, топографических и других ведений о Сибири и странах, с ней сопредельных, изд. Г. Спасским / Сибирский вестник. 1820. Ч. XII. Кн. 10. С. 165–189. Ч. XII. Кн. 11. С. 214–235. Кн. 12. С. 254–269.
- Цорюмов 2005 — *Цорюмов А. В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династических усобиц. Элиста: Джангар, 2005. 159 с.
- Batubayaer 2017a — *Batubayaer B.* Торгууд хаад ноёдын хэрэглэж байсан нэгэн тамганы тухай (= Об одной печати, которую использовали торгутские ханы) // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı — Belleten*, 65 (1). 2017. Pp. 145–149. (На монг.)
- Batubayaer 2017b — *Batubayaer B.* Fójiào yǔ zhèngzhì zhī jiān: Ēr hù tè hàn “jīngjìn xiūxíng” hànzi guānyin kǎo (= Между буддизмом и политикой: текстуальное исследование китайской надписи «jīngjìn jìnxiū» на официальной печати торгутского хана) // *The Qing History Journal*. May. 2017. No. 2. Pp. 153–156 (На кит. и монг.)
- Cammann 1949 — *Cammann Sch.* The Panchen Lama's Visit to China in 1780: An Episode in Anglo-Tibetan Relations // *The Far Eastern Quarterly*. Vol. 9. No. 1 (Nov., 1949). Pp. 3–19.
- dkon mchog 'jigs med dbang po 2014 — *dkon mchog 'jigs med dbang po. rje bla ma srid zhi'i gtsug rgyan paN chen thams cad mkhyen pa blo bzang dpal ldan ye shes dpal bzang po'i zhal snga nas rnam par thar pa nyi ma'i 'od zer. smad cha* (= Биография Владыки-учителя, венца бытия и покоя, великого пандиты, всеведущего Лобсанг Палден Еше Пелсангпо, поведанная из его уст, «Лучи солнца». Том 2) // *sku phreng drug pa dpal ldan ye shes kyi rnam thar. paN chen sku preng rim byon mdzad rnam*. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2014. 458 p.
- Dorji et al. 2009 — *Dorji, Batubayar B., Lije G.* Qīng dài tǔěrhùtè bù yǔ héshuòtè bù yīnzhāng yánjiū (= Čing ulusiyin üyeyin toryuud хошууд-yin тамга-yin sudulul; Исследование печатей торгутов и хошутов периода династии Цин). Urumqi: Xīnjiāng rénmin chūbānshè, 2009. 54 ill. + 153 p.
- Haslund 1935 — *Haslund H.* Men and Gods in Mongolia (Zayagan). New York, 1935. 358 p.
- Jones 1994 — *Jones W. C.* The Great Qing Code. A new translation, with introduction, with the assistance of Tianquan Cheng and Yongling Jiang. Oxford: Clarendon Press, 1994. xxx, 441 p.

References

- Avakov P. A., Mitruiev B. L. The First Seal of Taishi Ayuka (1684 г.) *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 1. Pp. 144–152. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-144-152
- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, Especially the Torgout Peoples and the Actions of their Khans and Owners. The composition of 1761. Elista: Kalmyk Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Batubayar B. Seals of the Torgut Khans and Noyons. The World of “Clear Writing”. In: *Collection of Scientific Articles*. Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2014. Pp. 81–83. (In Russ.)
- Batubayaer B. About one Seal Used by the Torgut Khans. *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı — Belleten*. 2017. Vol. 65. No. 1. Pp. 145–149. (In Mong.)
- Batubayaer B. Between Buddhism and Politics: a textual study of the Chinese inscription “jīngjìn jìnxiū” on the official seal of the Torgut Khan. *The Qing History Journal*. May. 2017. No. 2. Pp. 153–156 (In Chn. and In Mong.)
- Batur Ubashi Tyumen. The Legend of the Derben Oirats. Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments in Russian Translation. A. Badmaev (ed., comp.). Elista: Kalmyk Book Publ., 2003. Pp. 125–155. (In Russ.)
- Batyrov V. V. Essays on the History of the Traditional Culture of the Kalmyks of the second Half of the 19th Century. Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2016. 226 p. (In Russ.)
- Cammann Sch. The Panchen Lama's Visit to China in 1780: an Episode in Anglo-Tibetan Relations. *The Far Eastern Quarterly*. Vol. 9. No. 1. Pp. 3–19. (In Eng.)
- The Biography of the Master Teacher, the Crown of Being and Peace, the Great Pandita, the Omniscient Lobsang Palden Yeshe Pelsangpo, Narrated from his Mouth, “Rays of the Sun”. Vol. 2. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2014. 458 p. (In Tib.)
- Dorji, Batubayar B., Lije G. Study of the Seals of the Torguts and Khoshuts of the Qing Dynasty. Urumchi: Xīnjiāng rénmin chūbānshè. 2009. 153 p. (In Chin.)

- Genealogy of Torgut Khans and Princes. Written Monuments on the History of the Oirats of the 17th–18th Centuries. V. Sanchirov (comp., transl., transltd., comm.). Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2016. Pp. 95–125. (In Russ.)
- Haslund H. Men and Gods in Mongolia (Zayagan). New York, 1935. 358 p. (In Eng.)
- Jones W. C. (trans., intro) The Great Qing Code. T. Cheng and Y. Jiang (assisted). Oxford: Clarendon Press, 1994. xxx, 441 p. (In Eng.)
- Klushin A. A. Tsaritsyn Voivodes, Commandants and City Officials (1589–1862). Nizhne-Volzhsky Historical Collection of the Tsaritsyn Genealogical Society. No. 8. Volgograd: Tsaritsyn Genealogical Society, 2015. Pp. 14–46. (In Russ.)
- Mezin S. A. Saratov Voivodes and Commandants of the First Half – Middle of the 18th Century. Nobility, Power and Society in Provincial Russia of the 18th Century. O. Glagolev and I. Shirle (eds.). Moscow: New Literary Review, 2012. Pp. 116–147. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Oirats — Kalmyks: centuries and generations. Elista: Kalmyk Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
- Mitruiev B. L. Three Seals of Khan Ayuka. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 4. Pp. 44–61. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-44-61
- Mitruiev B. L. One Seal of Donduk-Dashi Reviewed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022. No. 2. Pp. 39–69. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-39-69
- Mitruiev B. L. Seals of Kalmyk Khan Donduk-Ombo Reviewed. *Mongolian Studies*. 2023. Vol. 15. No. 3. Pp. 419–429. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-419-429
- Mitruiev B. L. One Letter by Khan Ubashi from Labrang Monastery: a Perspective from Tibetan Sources on Relations between Kalmyk Elites and Clerical Executives. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023. No. 1. Pp. 8–43. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-8-43
- Mitruiev B. L. Seals of the Kalmyk Khans and the Highest Nobility as Sources on the History of Kalmyk Khanate. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Ulan-Ude, 2024. 26 p. (In Russ.)
- Moroz I. T. Tulishen's Chinese Embassy to the Kalmyk Khan Ayuka on the Volga 1712–1715. *Oriental Archive*. 2009. No. 2 (20). Pp. 34–39. (In Russ.)
- Palmov N. N. Etudes on the History of the Volga Kalmyks. 17th–18th Centuries. Pt. 1. Astrakhan: Kalmyk Regional Executive Committee, 1926. 264 p. (In Russ.)
- Qi Shi Yi. On the Transition of the Torguts to Russia and their Return from Russia to Dzungaria (the Work of the Chinese Prince Qishiyei). S. Lipovtsov (trans.) Collection of Historical, Topographic and other Information about Siberia and the Countries Adjacent to it. G. Spassky (ed.) *Siberian Bulletin*. 1820. Pt 2. Vol. 10. Pp. 165–189. Pt. 12. Vol. 11. Pp. 214–235. Vol. 12. Pp. 254–269. (In Russ.)
- Russian-Chinese Relations in the 18th century. Vol. 1. M., 1978. 703 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Kalmyk Khans of the 18th Century and their Contemporaries (1713–1771). Elista: Dzhangar Publ., 2009. 992 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Khan Ayuka and his Contemporaries (1714–1724): the Experience of Linguistic and Sociological Research. Elista: Dzhangar Publ., 2003. 456 p. (In Russ.)
- The History of the Ho-Rlök. Written Monuments on the History of the Oirats of the 17th–18th Centuries by V. Sanchirov. (comp., transl., translit. and a comm.). Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2016. Pp. 29–35. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. The Kalmyk Khanate in 1724–1741: Chronicles of Dynastic Strife. Elista: Dzhangar Publ., 2005. 159 p. (In Russ.)
- Uspensky V. L., Yakhontova N. S. Letters of Kalmyk Owners of the Beginning of the 18th Century in the Library of St. Petersburg State University. *Tibetology in St. Petersburg*. Collected Papers. Issue. 2. St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2021. Pp. 267–292. (In Russ.)
- Written Monuments on the History of the Oirats of the 17th–18th Centuries. V. Sanchirov (comp., transl., transltd. comm.). Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2016. 270 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Iss. 3, pp. 547–562, 2024
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-547-562

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 903.222

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-547-562

Портрет хэшо Го-цинъвана Юньли как источник по вооружению и конскому снаряжению ойратов и их соседей первой половины XVIII в.

Леонид Александрович Бобров¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бобров Л. А., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается портрет маньчжурского аристократа хэшо Го-цинъвана Юньли (1697–1738) — младшего брата цинского императора Юнчжэна и дяди императора Цяньлуна. *Цель* исследования — выявить и изучить предметы вооружения и снаряжения центральноазиатского образца на указанном портрете. *Результаты.* Установлено, что портрет Юньли был написан знаменитым европейским художником-миссионером Дж. Кастильоне в 1735 г., вскоре после возвращения Юньли из поездки к Далай-ламе, которая состоялось зимой-весной того же года. Комплексный анализ источников показал, что хэшо го-цинъван сочетает цинскую одежду с деталями снаряжения центральноазиатского образца. К числу таких предметов можно отнести колчан так называемого «ойратского типа», седло «ойратского образца» (*элэтэ ши маань*), и, возможно, некоторые другие элементы конского убранства. Не исключено, что данные предметы были переданы в дар Юньли представителями ойратской (хошутской) или тибетской знати во время его визита к Далай-ламе в 1735 г. В связи с тем, что рассматриваемый портрет надежно датирован, он может привлекаться для атрибуции и датировки аналогичных или близких по оформлению колчанов и седел ойратов и тибетцев, хранящихся в отечественных и зарубежных музейных и частных собраниях. *Выводы.* Материалы цинской иконографии в настоящее время недостаточно активно привлекаются для изучения ойратского культурного наследия. Всесторонний анализ цинских изобразительных источников может сыграть важную роль в изучении вооружения, снаряжения, костюма, военной символики и военного дела ойратов и их соседей конца XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: цинская живопись, сино-европейский стиль, хэшо Го-цинъван Юньли, ойраты, джунгары, хошуты, ойраты в цинском изобразительном искусстве, ойратский колчан, ойратское седло

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной

истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6). Автор выражает благодарность А. М. Пастухову за переводы текстов на китайском языке, а также ценные консультации.

Для цитирования: Бобров Л. А. Портрет хэшо Го-цинвана Юньли как источник по вооружению и конскому снаряжению ойратов и их соседей первой половины XVIII в. // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 547–562. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-547-562

The Portrait of heshuo Guo-qinwang Yunli as the Source for Weapons and Horse Equipment of Oirats and their Neighbors in the first half of the 18th Century

Leonid A. Bobrov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, I. K. Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

 Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

©Bobrov L. A., 2024

Abstract. Introduction. The article deals with the portrait of Manchu aristocrat *heshuo Guo-qinwang* Yunli (1697–1738) — the younger brother of Qing Yongzheng emperor and the uncle of Qianlong emperor. **Purpose of the research** is to find and study the pieces of weapons and equipment of the Central Asian style in the aforementioned portrait. **Results.** It is determined that the portrait of Yunli was painted by the famous European artist and missionary G. Castiglione in the summer of 1735, not long after the return of Yunli from the travel to Dalai Lama which took place in the winter-spring of the same year. The comprehensive analysis of the sources showed that the *heshuo Guo-qinwang* combines Qing clothing with parts of equipment of the Central Asian type. These items include a quiver of the so-called “Oirat type”, a saddle of the “Oirat type” (*elele shi ma'an*), and possibly some other elements of horse equipment. It is possible that these items were donated to Yunli by representatives of the Oirat (Khoshut) or Tibetan nobility during his visit to the Dalai Lama in 1735. As the portrait has the exact date, it can be used for the attribution and dating of quivers and saddles of the Oirats and Tibetans, similar in design, which are kept in Russian and foreign museum and private collections. **Conclusions.** Materials of Qing iconography are currently not being actively used to study the Oirat cultural heritage. A comprehensive study of Qing pictorial sources can play an important role in the study of weapons, equipment, costume, military symbols and military affairs of the Oirats and their neighbors of the late 17th–18th centuries.

Keywords: Qing paintings, Sino-European style, *heshuo Guo-qinwang* Yunli, Oirats, Dzhungars, Khoshuts, Oirats in the Qing paintings, Oirat quiver, Oirat saddle.

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”. The author expresses gratitude to A. M. Pastukhov for translations of texts in Chinese, as well as valuable consultations.

For citation: Bobrov L. A., Pastukhov A. M. The Portrait of Heshuo Guo-Qinwang Yunli as the Source for Weapons and Horse Equipment of Oirats and their Neighbors in the first Half of the 18th Century. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (3): 547–562. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-547-562

1. Введение

Всестороннее изучение материально-культурного наследия ойратов позднего Средневековья и Нового времени возможно на основе комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников. Наибольший интерес исследователей традиционно вызывают сообщения российских и европейских авторов. Кроме того, в последние десятилетия в научный оборот были введены сотни подлинных образцов защитного и наступательного вооружения волжских и «чакарских» (западносибирских) калмыков, джунгар, хошуттов Кукунорской равнины [Бобров, Худяков 2008; Бобров 2013; Бобров, Ожередов 2013; Бобров, Ожередов 2021; Бобров, Балюнов 2022; Бобров и др. 2022; Бобров, Балюнов 2023; Бобров и др. 2023]. Вместе с тем ценные сведения по костюму, вооружению, военной символике и конскому снаряжению ойратов содержатся в цинских изобразительных и письменных источниках последней трети XVII–XVIII вв. Введение данных материалов в научный оборот является весьма актуальной научной задачей.

В настоящей работе объектом научного исследования является портрет хэшо Го-циньюана Юньли (рис. 1). Несмотря на то, что он был неоднократно опубликован в различных китайских изданиях, данный портрет ранее не рассматривался в качестве изобразительного источника по вооружению и снаряжению центральноазиатского образца.

Цель данной статьи — выявить и изучить предметы вооружения и снаряжения центральноазиатского образца на портрете маньчжурского аристократа хэшо Го-циньюана Юньли, написанном Дж. Кастильоне в 1735 г.

Рис. 1. Портрет хэшо Го-циньюана Юньли, Дж. Кастильоне. 1735 г. Собрание музеев Гугун, г. Пекин

[Fig. 1. The portrait of heshuo Guo-qinwang Yunli. G. Castiglione, 1735. Gugong Museum, Beijing]

2. Материалы и методы

Для определения достоверности изображения предметов материальной культуры на средневековых картинах, рисунках, книжных гравюрах, свитках и т. д. традиционно применяется комплексный подход, в рамках которого изображения сопоставляются с подлинными предметами, а также с их описаниями в синхронных письменных источниках.

Как показали специальные исследования, наибольшей достоверностью в передаче деталей костюма и вооружения в цинском изобразительном искусстве XVIII в. отличаются портреты, выполненные с натуры придворными художниками из числа европейцев-миссионеров. Сравнительный анализ подлинной одежды и доспехов императора Цяньлуна¹ с их изображениями на картинах Дж. Кастильоне показал, что последние выполнены с поразительной, практически «фотографической» точностью. Высокой степенью достоверности отличаются также ростовые, конные и погрудные портреты цинских сановников и офицеров, написанные европейскими мастерами и их китайскими помощниками по результатам военных кампаний 1755–1759 гг. Наряду с маньчжурами, монголами и китайцами на данных портретах запечатлены ойраты и мусульмане, перешедшие на сторону Цинов и сыгравшие важную роль в присоединении Джунгарии и Восточного Туркестана к империи.

Для изучения костюма ойратов и их соседей большое значение имеют также материалы «Хуан Цин чжигун ту» (皇清職貢圖, «Картины подношения дани Августейшей Цин»), на которых запечатлены представители различных социальных слоев джунгар, калмыков и мусульман Восточного Туркестана.

Несколько менее информативны (для изучения центральноазиатского костюма) многофигурные батальные картины, рисунки и гравюры цикла «Дэшэн ту» (得勝圖, «Картины одержанных побед»), а также иные произведения, изображающие боевые столкновения цинских войск с народами Центральной Азии: «Сичжэн ту» (征西圖, «Карательный поход на Запад»), «Пиндин Уши чжаньту» (平定烏什戰圖, «Усмирение Уч-Турфана») и др. Однако, уступая портретам и ростовым изображениям в детализации, они в то же время содержат уникальные сведения по оружию, доспехам, знаменам и тактике ойратов рассматриваемого периода.

3. Ойраты и их соседи в изобразительном искусстве Цинского Китая конца XVII–XVIII вв.

Повышенный интерес цинских властей к джунгарам и тюркским народам Центральной Азии был обусловлен особенностями региональной политической ситуации. В 1690 г. начинается серия джунгаро-цинских войн, которые продолжались (с перерывами) вплоть до гибели последней кочевой империи во второй половине 50-х гг. XVIII в. Завоевание Джунгарии и Восточного Туркестана в 1755–1760 гг. стало для маньчжурской династии событием огромной государ-

¹ Личным именем монарха было Хунли (25.09.1711–07.02.1799). Однако личное имя «Сына Неба» в Китае табуировалось. В отечественной синологической литературе сложилась традиция именовать императоров маньчжурской династии по девизам их правления. По данной причине в современных российских научных исследованиях применительно к интересующему нас правителю Поднебесной обычно указывается не его настоящее имя, а девиз правления — Цяньлун (乾隆, букв. 'непоколебимое и славное', 1735–1796).

ственной важности: в состав Срединного государства впервые за полстолетия включались столь обширные и малоизвестные земли, еще недавно населенные враждебными племенами ойратов. Вступление в «джунгарское наследство» требовало тщательного и всестороннего изучения вновь приобретенных территорий [Бобров, Пастухов 2021а: 507].

Наряду со сведениями по географии, истории, экономике региона власти империи проявили определенное внимание к материальной культуре своих недавних противников. По данной причине в текст фундаментального труда «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» (欽定皇輿西域圖志, «Высочайше утвержденное описание Западного края с картами») были включены разделы по вооружению, военной символике и костюму ойратов Джунгарии и мусульман Восточного Туркестана [Бобров, Пастухов 2021а; Бобров, Пастухов 2021б; Бобров, Пастухов 2021в].

Параллельно с созданием сводных письменных источников по инициативе императора Цяньлуна была начата масштабная работа по визуальному увековечиванию событий покорения Джунгарии и Восточного Туркестана. В рамках данного процесса были созданы несколько десятков поли- и монохромных произведений (картин, рисунков, свитков, портретов, гравюр), на которых, помимо собственно цинских сановников и военных, были запечатлены и их центральноазиатские союзники и противники.

В ходе специального исследования, проведенного автором настоящей статьи совместно с известным российским синологом А. М. Пастуховым, было установлено, что в цинском изобразительном искусстве XVIII в. зафиксированы образы нескольких сотен джунгар и мусульман. Наибольший интерес представляют такие произведения, как «Хуан Цин чжигун ту» (皇清職貢圖, «Картины подношения дани Августейшей Цин»), «Ваньшуюань цыань ту» (萬樹園賜宴圖, «Жалованный пир в саду Ваньшуюань»), «Цяньлун юэ Ба Ци машу ту» (乾隆閱八旗馬術圖, «Цяньлун наблюдает джигитовку [воинов] Восьми Знамен»), картины, рисунки, свитки и гравюры цикла «Дэшэн ту» (得勝圖, «Картины одержанных побед»), малые свитки и большие (ростовые, погрудные и конные) портреты ойратов и мусульман для Цзыгуангэ (紫光閣, «Павильон пурпурного блеска»), серия картин «Ваньго лайчао ту» (萬國來朝圖, «Десять тысяч владений прибыли ко двору»), полотно «Пиндин Уши чжаньту» (平定烏什戰圖, «Усмирение Уч-Турфана») и др.

Высокая художественная и научная ценность данных материалов обусловлена, помимо прочего, тем фактом, что в середине XVIII в. цинское изобразительное искусство переживало пик своего развития. При императорском дворе трудились выдающиеся художники из числа европейских живописцев-миссионеров: Джузеппе Кастильоне (Giuseppe Castiglione, 19.07.1688–17.07.1766), Жан-Дени Аттире (Jean-Denis Attiret, 31.07.1702–08.12.1768), Игнац Зихельбарт (Ignatius Sichelbarth, 26.09.1708–06.10.1780), Джованни Дамасцено Саллюстий (Giovanni Damasceno Sallusti, 26.12.1727–24.09.1781)¹. В Цинском Китае их называли «четверкой европейских художников» (сы ян хуацзя) и считали создателями нового стиля в живописи. В научной литературе этот стиль получил условное наименование сино-европейского.

¹ Прибыв в Китай, Дж. Кастильоне, Ж.-Д. Аттире, И. Зихельбарт и Д. Д. Саллюстий приняли китайские имена: Лан Шинин (郎世寧), Ван Чжичэн (王致誠), Ай Цимэн (艾啟蒙) и Ань Дэи (安德義) соответственно.

Пик творческой активности европейских художников-миссионеров пришелся на 40–60-е гг. XVIII вв. После смерти Дж. Кастильоне (1766) и Ж.-Д. Аттире (1768) их коллеги — И. Зихельбарт и Д. Д. Саллюстий — стали все больше времени уделять миссионерской деятельности, а их роль как придворных живописцев постепенно сошла на нет. Тем не менее синтез западных и китайских художественных традиций оказался настолько успешным, что еще несколько десятилетий продолжал оставаться образцом для подражания для новых поколений цинских придворных художников¹. Яркий и самобытный сино-европейский стиль по праву вошел в сокровищницу мирового изобразительного искусства.

Как уже отмечалось выше, одной из важных особенностей работ придворных живописцев середины XVIII в., работавших в рамках сино-европейского стиля, являлась высокая степень достоверности в передаче деталей костюма, вооружения и снаряжения изображаемых персонажей. В первую очередь это относится к портретам, многие из которых были выполнены с натуры. При этом, как мы убедимся ниже, известный интерес для темы нашего исследования представляют не только изображения самих ойратов, но и портреты представителей маньчжурской аристократии Цинской империи.

4. Хэшо Го-цинъван Юньли. Штрихи к биографии

Хэшо Го-цинъван Юньли (允禮, 1697–1738) являлся 17-м сыном императора Сюань (период правления Канси, 1661–1722), младшим братом цинского императора Иньчжэна (период правления Юнчжэна, 1722–1735) и дядей императора Хунли (период правления Цяньлун, 1735–1796). Первоначально он был наречен Инъли (胤禮), но после воцарения императора Иньчжэна сменил имя на Юньли².

Матерью принца была Цинь-фэй (?–1754), наложница императора Сюань китайского происхождения, для повышения статуса причисленная к маньчжурскому «Желтому знамени с каймой». В детстве Инъли преуспевал в учебе, а позднее был известен как знаток буддийского учения, китайского искусства, поэт, живописец и каллиграф. Кроме маньчжурского и китайского, принц владел монгольским и тибетским языками. В обширной библиотеке принца хранились также книги на ойратском «ясном письме» — *тодо бичиг*, привезенные в Пекин в виде дара или военного трофея [Успенский 2011: 200, 202, 208, 210, 221, 222].

¹ Последними живописцами из Общества Иисуса, работавшими в Китае, были итальянец Джузеппе Панци (Giuseppe Panzi, 1734 – до 1812), получивший китайское имя Пань Тинчжан (潘廷章), Луи-Антуан де Пуаро (Louis-Antoine de Poirot, 1735–1813), носивший китайское имя Хэ Цинтай (賀清泰). После смерти этих последних европейских представителей сино-европейской школы живописи ее традиции в Китае сохраняли лишь собственно цинские (китайские и маньчжурские) живописцы. Наиболее выдающимся представителем данной школы в этот период был Цинкуань. По заказу императора Гуансюя (1874–1908) им была создана обширная серия батальных полотен, посвященных подавлению многочисленных восстаний, охвативших Китай во второй половине XIX в.

² В имени Инъли (胤禮) присутствует иероглиф *инь* (胤), как и в личном имени императора Юнчжэна — Иньчжэнь (胤禛), что указывает на то, что носители имени являются братьями. Согласно традиции табуирования личного имени императора после его восшествия на престол, все иероглифы, входящие в его имя, табуировались, заменяясь в письменной речи синонимичными знаками. Братья императора по этой же причине меняли имена на звучащие схожим образом, но имеющим другой иероглифический состав.

С самого раннего возраста принц принимал участие в дальних путешествиях. Согласно «Цин ши гао», восьмилетний Инъли «в 44-м году Канси (1705) последовал за государем в Монголию¹. С этого времени постоянно сопровождал [государя]» [Чжао Эрсюнь 1927: цз. 220]². За свою недолгую жизнь Юньли объездил многие провинции Поднебесной.

В ходе борьбы сыновей Канси за престол Юньли вовремя примкнул к фракции принца Инъчжэня, который в 1723 г. стал императором Юнчжэном [Успенский 2011: 199]. Не удивительно, что Юньли сделал при новом монархе неплохую придворную карьеру³.

Важным событием в жизни Юньли стала встреча с Далай-ламой⁴. Путешествие в монастырь Галдангон (пров. Сычуань), где проживал Далай-лама, заняло более двух месяцев. Только 16 января 1735 г. Юньли встретился с Далай-ламой и объявил ему императорский указ, а через два месяца отправился в обратный путь. По всей видимости, между принцем и буддийским иерархом установились хорошие личные отношения. Далай-лама неоднократно отправлял Юньли письма и подарки [Успенский 2011: 202–207].

По прибытию в столицу принц занялся вопросами так называемого «мяоского рубежа» (Маоцзянь)⁵, а затем возглавил Ведомство наказаний (Синбу). Юньли пользовался высоким доверием как императора Юнчжэна, так и его сына и приемника императора Цяньлуна. Он не только получал двойной оклад циньвана (принца крови «первой степени»), но и, в знак особой милости, был освобожден от земных поклонов перед правителем Поднебесной. Придворные откровенно побаивались молодого, но весьма сурового принца. По двору ходили слухи о его жесткости и даже жестокости, что даже побудило императора объявить сановникам о благодеяниях Юньли, в числе которых была отмена дополнительных налогов в южных провинциях Китая. Согласно завещанию Юнчжэна, принц должен был «помогать» молодому наследнику в управлении государством. Однако Го-циньвана подвело слабое здоровье. Во 2 день 2-го месяца 3-го года Цяньлун (21 марта 1738 г.) Юньли скончался [Чжао Эрсюнь 1927: цз. 62, л. 2а]. Потрясенный император Цяньлун лично

¹ Букв. «за линию укреплений».

² Все переводы с китайского языка в настоящей статье выполнены А. М. Пастуховым.

³ «В начальный год Юнчжэн (1723. — А. П.) был пожалован титулом *Го-цзюньван*, [назначен] заведовать делами *Лифаньюань* („Палата Внешних Сношений“ — А. П.). В 3-м году (1725 г. — А. П.) указ гласил: „Го-цзюньван“ [Юньли. — Л. Б.] искренне служит державе, придерживается строгих правил, справедливый и неподкупный. Следует пожаловать его окладом циньвана и покровительствовать ему, поместив выше Шуньчэн-цзюньвана по ранжиру». В 6-м году (1728 г. — А. П.) [Юньли. — Л. Б.] повышен до циньвана. В 7-м году (1729 г. — А. П.) указом был назначен возглавить Ведомство работ (Гунбу). В 8-м году (1729 г. — А. П.) указом был назначен возглавить Три кладовые Подворного ведомства (Хубу сань ку — три придворных хранилища, в которых хранили серебро, парчу и краски, выполняло роль Министерства финансов, отвечая за сбор налогов и финансирование госбюджета). В 11-м году (1733 г. — А. П.) назначен на должность министра по делам правящего дома (цзунлин) и руководителем Подворного Ведомства» [Чжао Эрсюнь 1927: цз. 220].

⁴ «В 12-м году (1734) [он] получил приказ отправиться в Тайнин сопровождать Далай-ламу на обратном пути в Тибет, а по пути проинспектировать все гарнизоны [Восьми Знамен] и Зеленого Знамени» [Чжао Эрсюнь 1927: цз. 220].

⁵ Рубеж с племенами мяо и яо, проходивший по территориям провинций Сычуань, Хунань, Гуйчжоу, Гуанси и Юньнань.

прибыл на его похороны. Несмотря на то, что принц умер в достаточно молодом возрасте, он оставил заметный след в истории Цинской империи первой половины XVIII в.¹

5. Портрет Юньли

Комплексный анализ источников позволяет уточнить примерное время написания конного портрета хэшо Го-цинъвана Юньли. Как уже отмечалось выше, встреча принца с Далай-ламой состоялась 16 января 1735 г. В обратный путь Юньли отправился через два месяца, т. е., вероятно, в середине марта того же года. Стихотворение, собственноручно начертанное принцем на полотне (рис. 1), датируется 6-м месяцем года *имао* правления Юнчжэн, что соответствует 20 июля – 17 августа 1735 г. К этому времени портрет был уже готов. Таким образом, есть основания полагать, что он был написан вскоре после возвращения принца из поездки в Тибет, в ходе которой он сопровождал Далай-ламу и проводил инспекцию цинских войск, т. е. весной-летом 1735 г. Наиболее вероятно, что Дж. Кастильоне завершил работу над портретом не позднее июля – первой половины августа 1735 г. В настоящее время рассматриваемое полотно экспонируется в собрании музеев Гугун в г. Пекин (Китайская Народная Республика).

На портрете Юньли изображен в теплой одежде, предназначенной для ношения в холодное время года (рис. 2)². На голове принца — меховая шапка *дун*

¹ «В 13-м году (1735 г. — *А. П.*), вернувшись в столицу, [Юньли. — *Л. Б.*] получил приказ ведать делами на мяском рубеже (Мяоцзян). Когда болезнь Шицзуна (храмовое имя императора Юнчжэна) обострилась, получил посмертный указ (гуйчжао) помогать [наследнику. — *Л. Б.*] в управлении государством. Когда на престол вззошел Гаопзун (храмовое имя императора Цяньлуна. — *А. П.*), [Юньли. — *Л. Б.*] получил приказ ведать административными делами, освобожден от [должности. — *Л. Б.*] цзунлин, назначен управлять Ведомством Наказаний (Синбу). В скором времени получил двойной оклад цинъвана, был освобожден от земных поклонов при аудиенции у императора. В тайном докладе [на имя императора. — *Л. Б.*] просил отменить со всех провинций к югу от Янцзы недоимки по надбавкам к налогу натурой, сбор камыша, сбор в пользу учебных заведений и дополнительные налоги. Последовало высочайшее согласие. Указ гласил: „Го-цинъван [Юньли. — *Л. Б.*] по своим природным качествам честный и прямой, пользовался доверием Нашего покойного отца. Люди извне (т. е. сановники, не связанные с правящим домом Айсинь Гиоро. — *Л. Б.*) сильно подозревают его в жестокости, [поэтому. — *Л. Б.*] повелеваем обнародовать тайные доклады, из которых следует, что он по натуре своей великодушен и щедр, особенно объявить это девяти *цинам*“ (Девять *цинов* — три наставника наследника престола и шесть начальников ведомств. — *Л. Б.*). Юньли был физически слаб, и государь повелел ему вести дела, пребывая в своей столичной резиденции, а на дежурство во дворце выходить раз в несколько дней. В начальный год Цяньлун (1736 г. — *А. П.*), [Юньли. — *Л. Б.*] был лишен двойного оклада, поскольку вел дела из дома. В начальном месяце 3-го года [Цяньлун. — *Л. Б.*] (1738 г. — *А. П.*) его болезнь обострилась, послали *Хэ-цинъвана* Хунчжоу навестить его. Во 2-м месяце (20 марта – 18 апреля 1738 г. — *А. П.*) [Юньли. — *Л. Б.*] скончался. Государь был потрясен и в тот же день лично прибыл на его похороны. Был пожалован посмертным титулом. Не имел детей. Чжуан-цинъван Юньлу (1695–1767) и прочие просили, чтобы шестой сын Шицзуна Хунъянь (1733–1765) унаследовал ему» [Чжао Эрсюнь 1927: цз. 220].

² Это, помимо прочего, может свидетельствовать в пользу того, что портрет (или эскиз к нему) был выполнен еще весной 1735 г. Однако необходимо учитывать, что подобная меховая одежда могла носиться также при похолоданиях, сильной ветреной погоде, поездках в высокогорные и степные районы и т. д. Как уже отмечалось выше, Юньли не обладал богатырским здоровьем, поэтому ношение им мехового костюма

Рис. 2. Фрагмент портрета хэшо Го-цинъвана Юньли, Дж. Кастильоне. 1735 г. Собрание музеев Гугун, г. Пекин
 [Fig. 2. Detail of the portrait of *heshuo Guo-qinwang Yunli*. G. Castiglione, 1735. Gugong Museum, Beijing]

цзифугуань с красной кистью-хунъин. Халат с длинными, снабженными копытообразными обшлагами рукавами и пристежной правой полрой, подбит мехом. Лицевая сторона халата украшена флоральным орнаментом. Поверх халата Юньли носит темно-синюю куртку на меху. Последняя снабжена сплошным осевым разрезом, рукавами до локтя и меховым воротником. Грудь и рукава куртки украшены изображениями драконов в круглых «медальонах», указывающих на высокий ранг принца. На ногах цинского аристократа — традицион-

даже в теплое время года не представляется чем-то невероятным.

ные маньчжурские войлочные сапоги *цзаосюэ* на высокой стеганой матерчатой подошве белого цвета.

Особый интерес для настоящего исследования представляет колчан Юньли (рис. 3, 1). По своему покрою и оформлению он разительно отличается от традиционных разновидностей цинских колчанов XVIII в. [Бобров, Худяков 2008: 124, 125, 155; Armaments... 2008: 29, 30, 92–98].

Колчан Юньли имеет асимметрично-трапецевидную форму и высокую заостренную спинку. Верхнее «ушко» колчана вынесено далеко вперед. Крепежные пластины изображены в виде округлых желтых (позолоченных?) блях. Лицевая сторона колчана дополнена карманом. Полукруглый вырез снабжен по центру остроугольным фестом, благодаря чему верхний край кармана имеет Э-образную форму. Чтобы помещенные в карман стрелы и иные предметы не выпадали из него, колчан дополнен парой перекрещивающихся кожаных ремней. В месте их наложения приклепана специальная бляха, надежно соединяющая ремни между собой. На тыльной стороне колчана (со стороны спинки) хорошо заметен дополнительный вертикальный карман, в который вставлены две стрелы с черно-серым оперением. Лицевая сторона колчана окрашена в светло-зеленый цвет и покрыта растительным орнаментом. Основу композиции в нижней части колчана формирует образ закрученного в спираль цветочного побега в картуше подпрямоугольной формы. По периметру поля колчана, а также по краю Э-образного кармана пропущена желтая орнаментированная полоса (рис. 3, 1).

Исследование собранных материалов позволило сделать вывод, что изучаемый элемент саадачного набора относится к особой разновидности центрально-азиатских колчанов, известных как «колчаны ойратского типа» [Бобров, Балюнов, 2023; Бобров и др. 2023]. По сравнению со своими монгольскими аналогами «колчаны ойратского типа» отличаются высокой заостренной спинкой, вынесенным далеко вперед верхним «ушком» и ярко выраженным Э-образным карманом. Весьма своеобразно и их декоративное оформление. Лицевая сторона колчанов «ойратского типа» (в отличие от халхаских и чахарских и южносибирских образцов) не имела металлических накладок (за исключением ременных блях и заклепок по периметру), но достаточно часто украшалась растительным или растительно-геометрическим орнаментом (рис. 3, 2–7)¹.

Одним из ближайших аналогов колчана Юньли является колчан из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (далее — ТИАМЗ) (рис. 3: 2). Ранее он предположительно входил в состав арсенала знатных тобольских служилых татар Кульмаметьевых и был передан в музейное собрание вместе с другими ойратскими предметами вооружения (шлемами, налучем, стрелами и др.). К татарам Западной Сибири данный колчан мог попасть в ходе торгового обмена, в качестве дипломатического подарка или военного трофея [Бобров, Балюнов 2022: 231–243; Бобров, Балюнов 2023: 806].

¹ Колчаны рассматриваемого образца датируются XVII – серединой XVIII вв. и происходят с территории Юго-Восточного Казахстана, южных районов Западной и Центральной Сибири, а также Тибета. Все перечисленные регионы на протяжении указанного периода либо входили в состав ойратских государственных образований, либо являлись объектом военно-политической экспансии ойратов (джунгар, хошутов Кукунора, «чакарских» калмыков). Это и позволило с некоторой долей условности обозначить их как «колчаны ойратского типа» [Бобров, Балюнов 2023: 799, 800; Бобров и др. 2023: 128–134].

Рис. 3. Колчан на портрете хэшо Го-цинъвана Юньли и его центральноазиатские аналоги: 1 — колчан на портрете; 2–7 — колчаны «ойратского типа» из Южной Сибири (2), Тибета (4–7); Цзиньчуани (8), из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (2а и 2б), Метрополитен-музея (4), Национального музея Шотландии, (5) и частных коллекций

[Fig. 3. The quiver from the portrait of heshuo Guo-qinwang Yunli and its analogues from Central Asia: 1 — the quiver from the portrait; 2–7 — quivers of “Oirat type” from South Siberia (2), Tibet (4–7); Jinchuan (8); from TIAMZ (2); from The Metropolitan Museum of Art (4); NKM (5) and private collections]

Колчан из ТИАМЗ снабжен высокой заостренной спинкой, парой перекрещивающихся ремней, позолоченными крепежными пластинами (рис. 3, 2a). Золотистая полоса по периметру и по краю кармана, как и на колчане Юньли, украшена орнаментом. Основу композиции формирует закрученный в спираль цветочный побег. На тыльной стороне колчана, как и у его аналога на картине Дж. Кастильоне, расположен узкий вертикальный карман (рис. 3: 2б).

Схожие по конструкции и оформлению колчаны происходят с территории Тибета (рис. 3, 3–7). На некоторых из них флоральный орнамент на поверхности кармана, как и на колчане Юньли, вписан в характерный «картуш» подпрямоугольной формы (рис. 3: 3–5).

Каким образом маньчжурский принц оказался обладателем колчана «ойратского типа»? Однозначного ответа на данный вопрос в настоящее время нет. Возможно, это каприз благородного вельможи¹. Но не исключено, что интересующий нас колчан был изготовлен тибетскими или ойратскими (хошутскими) мастерами и приобретен или подарен Юньли во время его поездки в «Страну снегов» в 1734–1735 гг.² В пользу данной версии косвенно свидетельствует тот факт, что портрет был написан вскоре после возвращения принца из Тибета — в 1735 г. Так или иначе, но на портрете Юньли фиксируется одно из самых подробных и реалистичных изображений колчанов «ойратского типа».

Известный интерес представляет также снаряжение верхового коня Юньли (рис. 2; 4: 1). Не исключено, что оно также выполнено по центральноазиатским (ойратским или тибетским) образцам. Широкая и массивная передняя лука седла характерной овально-подтрапецевидной формы целиком укрыта позолоченными металлическими пластинами, украшенными густым прорезным (?) орнаментом. Оформление седла заметно отличается от традиционных цинских аналогов, но практически в точности соответствует седлу «ойратского образца» (элэтэ ши маань), которое было поднесено императору Цяньлуну в 1743 г. (рис. 4: 2). Второе седло схожей конструкции было поднесено тому же монарху от имени тибетского Панчен-ламы 25 июля 1780 г. (рис. 4: 4)³.

Наиболее близкие аналоги данных седел происходят с территории Тибета и датируются XVI–XIX вв. (рис. 4, 3, 5, 6)⁴. Декоративное оформление таких седел восходит к имперско-чингизидской традиции Монгольского времени. По всей видимости, подобные седла были весьма популярны среди ойратской (хошутской и, возможно, джунгарской) знати, что и позволило цинским чиновникам обозначить их как седла «ойратского образца».

¹ Известно, что племянник Юньли — Хунли, правивший под девизом Цяньлун, после восшествия на престол инициировал создание серии предметов вооружения и снаряжения, выполненных в ойратском, монгольском, солонском и «мусульманском» стиле. В том числе стрел, ружей, седел и др.

² С середины 30-х гг. XVII в. до первой половины 20-х гг. XVIII в. ойраты (хошуты, а в отдельные периоды — и джунгары) являлись одной из основных доминирующих сил в Тибете. Не удивительно, что ойратские военно-культурные традиции оказали заметное влияние на вооружение и снаряжение тибетцев рассматриваемого периода. Помимо прочего, ойратское влияние проявилось и в оформлении тибетского саадачного набора [Бобров, Худяков, 2006; Бобров, Балюнов 2023: 796–807].

³ В 1805 г. оно было «с почтением поднесено» императору Цзяцину [Armaments... 2008: 82].

⁴ Однако в отличие от седел рассматриваемой серии, их передняя лука снабжена не тремя, а лишь двумя выпуклыми узорчатыми арками (рис. 4, 3, 5, 6).

Рис. 4. Седло на портрете Юньли и его центральноазиатские аналоги: 1 — изображение седла; 2 — седло «ойратского образца», поднесенное Цяньлуну в 1743 г., собрание музеев Гугун, Пекин; 3, 6 — седло из Тибета, XVI–XVII вв., Метрополитен-музей; 4 — седло, поднесенное Цяньлуну от тибетского Панчен-ламы в 1780 г. собрание музеев Гугун, Пекин; 5 — седло из Тибета, XVIII–XIX вв., Метрополитен-музей .
 [Fig. 4. The saddle from the portrait of Yunli and its analogues from Central Asia: 1 — the quiver saddle; 2 — the saddle of “Oirat type”, presented to the Qianlong in 1743, Gugong Museum, Beijing; 3, 6 — the saddle from Tibet, 16th – 17th centuries, The Metropolitan Museum of Art ; 4 — the saddle presented to the Qianlong on behalf of Tibetan Panchen-lama in 1780, Gugong Museum, Beijing; 5 — the saddle from Tibet, 18th–19th centuries, The Metropolitan Museum of Art]

Двойной чепрак оформлен по периметру широкой полосой, украшенной популярным среди ойратов и тибетцев меандрообразным орнаментом, известным у китайцев под названием *лэйвэнь*. В отличие от большинства цинских аналогов нижние задние углы чепрака у Юньли не вырезаны, зато его нижний край оформлен волосистой бахромой, также как на некоторых синхронных центральноазиатских чепраках.

6. Заключение

Комплексный анализ источников показал, что *хэшо Го-цинъван* Юньли на портрете сочетает цинскую одежду с деталями снаряжения центральноазиатского (ойратского и тибетского) образца. К числу таких предметов можно отнести колчан, седло и, возможно, некоторые другие элементы конского убранства. Изображения указанных предметов весьма точно передают конструктивные особенности колчанов и седел «ойратского типа», дошедших до нашего времени и хранящихся в отечественных и зарубежных собраниях. Таким образом, данная работа Джузеппе Кастильоне является важным источником не только по маньчжурской (и, шире, цинской), но и по центральноазиатской материальной культуре первой половины XVIII в.

В связи с тем, что рассматриваемый портрет надежно датирован (1735 г.), он может привлекаться для атрибуции и датировки соответствующих элементов саадачного набора и конского снаряжения ойратов и тибетцев, происходящих из числа случайных находок, а также из музейных и частных собраний.

Есть основания полагать, что дальнейшее изучение цинской иконографии существенно расширит имеющуюся базу изобразительных источников по вооружению, снаряжению, костюму, военной символике и военному делу монголо- и тюркоязычных народов Центральной Азии, а также сыграет важную роль в деле изучения материально-культурного наследия ойратов и их соседей второй половины XVII – XVIII вв.

Сокращения

МИМ (ММА) — Метрополитен-музей, The Metropolitan Museum of Art (г. Нью-Йорк, США).

НКМ — Новокузнецкий краеведческий музей.

ТИАМЗ — Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник.

ЦШГ — Цин ши гао.

Литература

- Бобров 2013 — Бобров Л. А. Копейный «отрез» — оригинальный конструктивный элемент длиннодревкового оружия народов Великой степи и сопредельных территорий позднего Средневековья и раннего Нового времени // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. № 3: Археология и этнография. С. 183–195.
- Бобров, Балюнов 2022 — Бобров Л. А., Балюнов И. В. «Большой» ойратский сфероцилиндрический шлем из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника // Теория и практика археологических исследований. 2022. № 1. С. 226–249.
- Бобров, Балюнов, 2023 — Бобров Л. А., Балюнов И. В. Колчан XVII – середины XVIII вв. из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 786–810. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-786-810
- Бобров и др. 2022 — Бобров Л. А., Кабульдинов З. Е., Агатай У. М. Ойратские сферо-

- цилиндрический шлем и подшлемник из собрания Центрального Государственного музея Республики Казахстан // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. № 4. С. 91–98. DOI: 10.17746/1563-0102.2022.50.4.091-098
- Бобров, Ожередов 2013 — Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Панцирь-«калantarь» из Центральной Азии (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения. Вып. 3. Томск: Томск. гос. ун-т, 2013. С. 42–63.
- Бобров, Ожередов 2021 — Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Доспех воина Джамсарана. Центральнoазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.
- Бобров, Пастухов 2021a — Бобров Л. А., Пастухов А. М. «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» как источник по вооружению и военной символике населения Центральной Азии середины XVIII в. // Былые годы. 2021. Т. 16. № 2. С. 506–526. DOI: 10.13187/bg.2021.2.506
- Бобров, Пастухов 2021б — Бобров Л. А., Пастухов А. М. Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 4. С. 770–796. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-770-796
- Бобров, Пастухов 2021в — Бобров Л. А., Пастухов А. М. Вооружение и знамена мусульманского населения Восточного Туркестана и сопредельных территорий середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 186–221. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-186-221
- Бобров и др. 2023 — Бобров Л. А., Пилипенко С. А., Мартюшов Р. А. Позднесредневековый центральнoазиатский колчан из собрания Новокузнецкого краеведческого музея // Universum Humanitarium. 2023. № 1. С. 12–32.
- Бобров, Худяков 2006 — Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Монгольское влияние на военное дело тибетцев в позднем Средневековье и начале Нового времени // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2006. № 3. С. 188–234.
- Бобров, Худяков 2008 — Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак-т филолог. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
- Успенский 2011 — Успенский В.Л. Тибетский буддизм в Пекине. СПб.: [б. и.], 2011. 368 с.
- Чжао Эрсюнь 1927 — Чжао Эрсюнь. Цин ши гао (Черновая история империи Цин). Пекин, 1927. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B8%85%E5%8F%B2%E7%A8%BF> (дата обращения: 15.05.2024). (на кит. яз.).
- Armaments 2008 — Gugong Bowuyuan Cang Wenwu Zhenpin, Quanji 56: Qing gong wu bei = Armaments and Military Provisions // The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum, Beijing 56: Beijing: Commercial Press, 2008. 264 p.

References

- Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Beijing, 2008. 264 p. (In Eng.)
- Bobrov L. A. Spear cut — Structural Element of Long Pole Weapons of the Nations of the Great Steppe and Neighboring Territories dated to the Late Middle Ages and Early Modern age. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2013. Vol. 12. No. 3: *Archaeology and Ethnography*. Pp. 183–195. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Balyunov I. V. “Big” Oirat Spherocylindrical Helmet in Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve Depositary. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij*. 2022. No. 1. Pp. 226–249. (In Russ.). DOI: 10.14258/tpai(2022)34(1).-13
- Bobrov L. A., Balyunov I. V. Quiver of 17th – mid 18th Centuries from the Collection of To-

- bolsk Historical-Architectural Museum-Preserve. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 4. Pp. 786–810 (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-786-810
- Bobrov L. A., Kabuldinov Z. E., Agatay O. M. An Oirat Sphero-Cylindrical Helmet and Arming Cap from the Central State Museum Collection of the Republic of Kazakhstan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2022. No. 4. Pp. 91–98. (In Russ.) DOI: 10.17746/1563-0110.2022.50.4.091-098
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Mongolian Influence on the Military Affairs of the Tibetans in the late Middle Ages and the beginning of the New Age (13th-18th Centuries). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2006. No. 3. Pp. 188–234. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Medieval and Early Modern Ages (15th – first half of the 18th Century A. D.). St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology, 2008. 770 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Armor of the Warrior Jamsaran: Central Asian ‘Kuyak’ Armor from the Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, Tomsk State University. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2021. 228 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, Tomsk State University: Kalantar armor from Central Asia. In: *Cultures and Peoples of North and Central Asia in Interdisciplinary Research Contexts*. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University, 2013. Pp. 42–63. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M. “Qinding Huangyu Xiyu tuzhi” as a Source of the Information of Weapons and Military Symbols for the Population of Central Asia in the middle of the 18th Century. *Bylye Gody*. 2021. No. 16 (2). Pp. 506–526 (In Russ.) DOI: 10.13187/bg.2021.2.506
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Armament and Banners of the Oirats of Dzungaria in the middle of the 18th Century based on the Materials of “Qingding Huangyu Siyu tuzhi”. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 4. Pp. 770–796. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-770-796
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Armament and Banners of the Muslim Population of East Turkestan and Adjacent Territories of the middle of the 18th Century based on the Materials of “Qingding Huangyu Siyu tuzhi”. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13. No. 2. Pp. 186–221. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-186-221
- Bobrov L. A., Pilipenko S. A., Martyushov R. A. Late Medieval Central Asian Quiver from the Collection of the Novokuznetsk Museum of Local Lore. *Universum Humanitarium*. 2023. No. 1. Pp. 12–32. (In Russ.)
- Uspensky V. L. Tibetan Buddhism in Beijing. St. Petersburg, 2011. 368 p. (In Russ.)
- Zhao Erxun. Qing shi Gao (Rough History of the Qing Empire). Beijing, 1927. (In Chin.)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 394.7+398.332

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-563-576

Образы Плеяд в представлениях тюрко-монгольских народов

Марина Михайловна Содномпилова¹, Баир Зориктоевич Нанзатов²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova[at]yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З., 2024

Аннотация. *Введение.* Из всех астральных объектов, видимых на ночном небе, звездное скопление Плеяд (в дальнейшем мы будем обозначать их как созвездие) имело чрезвычайно важное значение в жизни кочевников Внутренней и Центральной Азии. *Целью* данной статьи является решение двух задач, одна из которых заключается в изучении распространения основных названий Плеяд в тюркских и монгольских языках, выявлении наиболее полной совокупности их версий в разных диалектах, уточнении и дополнении этимологии названий. Другая задача состоит в выявлении и анализе мифологических образов Плеяд, известных на территории расселения тюрко-монгольских народов. *Материалы и методы.* Источниками исследования стали историко-этнографические данные, опубликованные в работах исследователей — этнографов, историков, лингвистов — фольклорные материалы, а также материалы полевых исследований автора. В работе используются как общенаучные методы исследования (анализ, аналогия и др.), так и специальные научные (в частности историко-сравнительный) методы исследования. *Результаты.* В языках тюрко-монгольских народов зафиксированы два названия Плеяд, тюркское *ürker / ülker* и монгольское *mičid*, представлены наиболее актуальные этимологические гипотезы, отражающие происхождение тюркского и монгольского названий Плеяд, предложен ряд мифологических образов Плеяд, выявленных в процессе исследования. *Выводы.* Уникальные образы Плеяд в представлениях тюрко-монгольских народов возникли в процессе взаимодействия разных языков и культур, осмысления и интерпретации разных версий названий Плеяд, интеграции разрозненных сюжетобразующих элементов в мифах, сказках, преданиях.

Ключевые слова: тюрко-монгольские народы, Плеяды, названия, этимология, мифологические образы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4)

Для цитирования: Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Образы Плеяд в представлениях тюрко-монгольских народов // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 563–576. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-563-576

Images of the Pleiades of the Turkic and Mongolic Peoples

Marina M. Sodnompilova¹, Bair Z. Nanzatov²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova[at]yandex.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z., 2024

Abstract. Introduction. The Pleiades star cluster (hereinafter referred to as a constellation) was of extreme importance in the lives of the nomads of Inner and Central Asia of all the astral objects visible in the night sky. *The purpose* of this article is to solve two problems, one of which is to study the distribution of the main names of the Pleiades in the Turkic and Mongolic languages, to identify the most complete set of their versions in different dialects, to clarify and supplement the etymology of the names. The other task is to identify and analyze the mythological images of the Pleiades known in the territory of settlement of the Turkic and Mongolic peoples. *Materials and methods.* The sources of the study were historical and ethnographic data published in the works of researchers — ethnographers, historians, linguists, folklore materials, as well as materials of the author's field research. The work uses both general scientific research methods (analysis, analogy, etc.) and specific scientific (historical-comparative method) research. *Results.* Two names of the Pleiades are recorded, the Turkic *ürker / ülker* and the Mongolic *mičid*, the most relevant etymological hypotheses reflecting the origin of the Turkic and Mongolic names of the Pleiades are presented, a number of mythological images of the Pleiades revealed in the course of the study are proposed. *Conclusions.* Unique images of the Pleiades in the ideas of the Turkic-Mongolian peoples arose in the process of interaction of different languages and cultures, understanding and interpretation of different versions of the names of the Pleiades, integration of disparate plot-forming elements in myths, fairy tales, legends.

Keywords: Turkic and Mongolic peoples, Pleiades, names, etymology, mythological images

Acknowledgement. The reported study was funded by government subsidy, project 123021300198-4 “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”.

For citation: Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. Images of the Pleiades of the Turkic and Mongolic Peoples. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (3): 563–576 (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-563-576

1. Введение

Из всех астральных объектов, видимых на ночном небе, звездное скопление Плеяд (в дальнейшем мы будем обозначать их как созвездие) имело чрезвычайно важное значение в жизни кочевников Центральной Азии. Несмотря на высокую значимость звездного скопления в жизни кочевников, многие вопросы, связанные с этимологией названий Плеяд, мифологическими образами, связанными с этим созвездием, все еще не решены и требуют специальных исследований. Отдельной проблемой, например, представляется вопрос, каким образом попали в 12-летний календарь животных Плеяды в образе человека / обезьяны.

В целом вопросы, связанные с освещением темы небесных светил, неба и других созвездий рассматривались в ряде работ (к примеру: [Дыбо и др. 2022; Бакаева 2020а; Бакаева 2020б; Содномпилова 2009: 23–37; и др.]). В отличие от других созвездий тема Плеяд в тюрко-монгольской культуре недостаточно исследована.

2. Материалы и методы

Данная публикация посвящена изучению образов Плеяд, известных тюрко-монгольским народам исследуемого региона. Актуальность и новизна исследования заключаются в решении двух задач, одна из которых заключается в изучении распространения основных названий Плеяд в тюркских и монгольских языках, выявлении наиболее полной совокупности их версий в разных диалектах, уточнении и дополнении этимологии названий. Другая задача состоит в выявлении и анализе мифологических образов Плеяд, известных на территории расселения тюрко-монгольских народов.

Основными источниками исследования стали материалы по мифологии и фольклору тюрко-монгольских народов, отражающие представления кочевников о звездном скоплении Плеяды, опубликованные в работах исследователей — этнографов, историков, лингвистов — фольклорные материалы, а также материалы полевых исследований автора. Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Применяются как общенаучные (анализ, аналогия и др.), так и специальные научные (в частности историко-сравнительный) методы исследования.

3. Результаты

3.1. Названия Плеяд

Исходной формой для названия созвездия Плеяд, распространенных в большинстве тюркских языков как древних, так и современных, является **ürker*. В ранних текстах, а именно в словаре Махмуда Кашгарского и в Кутадгубилиг (каирский список), термин был зафиксирован в форме *ülkär* ‘созвездие Плеяд’, в древнеуйгурском языке как *ülkärjultuz* ‘созвездие Плеяд’, в чагатайском языке *ülgür* ‘созвездие Плеяд’. В современных тюркских языках встречается в формах:

- *ürker*, *ülger*, *ülker*, *ürgä*, *hürkör* в турецких диалектах;
- *ürker*, *ülger* в туркменском;
- *ülkär* в азербайджанском;
- *ürker* в казахском и каракалпакском;
- *hürkör* в казахском;
- *ürkör* в кыргызском;

- *ülker* в башкирском;
- *ölkär* в татарском;
- *ürkāj*, *ükāj* (в результате редукции <*ürkāj*>) в лобнорском;
- *ülger* в алтайском, хакасском, шорском, сагайском, койбальском, лебединском;
- *ülgör* в барабинском;
- *üger* (в результате редукции <*ülgel*>) в тувинском;
- *ürgel* (в результате метатезы <*ürgel*>) в якутском языке [ЭСТЯ 1974: 630–631; СИГТЯ 2006: 349].

В некоторых языках — турецком, туркменском, уйгурском — и их диалектах термин развился в обозначение общего названия звезд. В турфанских текстах было отмечено сочетание *altyjuldüz* по отношению к плеядам, в хакасском языке также отмечается форма *хоj čyltys* [СИГТЯ 2006: 349].

Тюркские названия созвездия привлекали внимание многих исследователей-лингвистов, чего нельзя сказать о монгольском варианте названия. Этимологические исследования термина были представлены попытками Карла Брокельмана, предложившего исходную глагольную форму от *ülük* в значении «делить» [Brockelman 1949: 145–146], и Луи Базена, предложившего исходную глагольную форму *ül-k-* в значении «разделяющий, делящий» [Basin 1960: 295–297]. Эти этимологии не учитывали исходную форму термина *ürker* [СИГТЯ 2006: 349], которая развилась в некоторых языках в *ülker* [СИГТЯ 2006: 349], т. е. этимологические поиски были основаны на вторичной форме, что привело к неверным выводам.

Дж. Клосон предложил значение «засада, находящийся в засаде», образованное путем метафоризации [Clauson 1964: 363]. Дьюла Немет возводит его к глаголу *üir-* в значении «дуть» плюс аффикс *-kar* со значением склонности или способности лица к кому-либо действию [Nemeth 1968: 1–6].

На данный момент наиболее актуальной этимологической гипотезой является происхождение термина *ürker* от *ürk* / *ülk* в значении «скупиваться от испуга, в страхе бежать», последствием аффикса *-er*, образующего причастие [СИГТЯ 2006: 348–349].

С монгольским вариантом обозначения Плеяд сложилась сложная ситуация в связи с редким присутствием данного термина в словарях монгольских языков, не претендующих на полноту исследований. Исходной формой для названия созвездия Плеяд, распространенных в монгольских языках является *mičid*, являющаяся формой множественного числа от *mičin*, чаще употребляемой по отношению к общему понятию звезды [ЭСМЯ 2016: 169]. В современных монгольских языках встречается в форме *mičid*, *mečid* в халха-монгольском [БАМРС 2001: 333], *mečid* в ойратском [Тодаева 2001: 232], *мөчн одн* [КРС 1977: 361], *mešed*, *mušed* в бурятском [Дондокова 2003: 30] *sug mešed* в бурятском [Черемисов 1973: 395], *Zug-metschin* в бурятском [Миллер 2009: 75], *mè`ts`it* в ордосском [Mostaert 1968: 463].

Запись *Zug-metschin* в труде Г. Ф. Миллера и форма *sug mešed* в Бурятско-русском словаре отражают разные этапы развития исторической фонетики бурятского языка. Так, форма *суу* (в записи на немецком языке *Zug*) отражает промежуточный этап развития среднемонгольского *č-* в бурятский *s-*, т. е. *č-* > *c-* (**ts-*) > *s-*, что вполне характерно для бурятского языка XVII – первой

трети XVIII вв. (подробнее см.: [Тишин, Нанзатов 2023: 297]). Развитие *meš'in* (в записи на немецком языке *metschin*) в *mešed* отражает нормальное развитие монгольского или раннебурятского *č* > *š*. Наличие формы *цуг* > *суг* позволяет однозначно трактовать сочетание *суг мэшэд* / *суг мушэд* как 'звезды [находящиеся] вместе' или '[собравшиеся] вместе звезды'.

Монгольской по происхождению, по-видимому, является и форма *meš'in* в алтайском языке, где этот термин совместил два значения: плеяды и обезьяна (в календарном значении от *beš'in* > *meš'in*) [Дондокова 2003: 30].

Омонимизм форм *meš'in* сыграл важную роль в народном восприятии, что будет показано далее.

3.2. Образы Плеяд

Созвездие Плеяд в представлениях тюрко-монгольских народов нашло отражение в небольшой группе мифических образов, связанных с названиями созвездия, их интерпретацией в традиционном мировоззрении разных групп населения. Следы некоторых воззрений уходят далеко за пределы Центральной Азии. Следует отметить, что в целом визуальный образ созвездия в представлениях тюрко-монгольских народов довольно абстрактный. В какой-то степени абстрактными являются и основные тюркское и монгольское названия созвездия Улгер и Мечин, этимология которых до сих пор точно не определена. Эти два основных названия распространены на всем пространстве расселения тюрко-монгольских народов. В общих чертах вербальный портрет Плеяд тяготеет к демоническому существу, иногда обладающему чертами человека, иногда насекомого. В многочисленных преданиях о борьбе животных с созвездием Плеяды предстают в виде многосоставного существа, способного делиться.

Рассмотрим эти образы.

3.2.1. Среди образов Плеяд привлекает внимание антропоморфный образ созвездия, который распространен среди тюрков Южной Сибири. Среди алтайцев распространено в большей степени название Мечин в вариантах *метчи*, *мәчин*. Но в северных диалектах Плеяды называют Улкер [Енчинов 2013: 192]. У алтайцев этот образ встречается в изображениях двенадцатилетнего «животного» календаря на разных предметах. Одним из таких предметов, привлечших внимание исследователей, в частности В. Родевича, была табакерка, на которой был изображен такой календарь. Среди 12 образов «хозяев» года особый интерес вызывает знак «метчи» — «человек» [Традиционная культура тувинцев 2002: 138]. Специальную работу, посвященную изучению календаря алтайцев и телеутов, выполнила Л. Э. Каруновская. В ее описании один год из 12 представлен знаком Плеяды — *мәчин*, а изображает его человек. «Мәчин нарисован в виде человека с уродливым обезьяноподобным лицом. Человек этот жил на земле, был богатырем, но за какие-то провинности Ыхән'ем в наказание помещен, но и связано оно, вероятно с термином *бичин* „обезьяна“» [Каруновская 1929: 8]. Допускают связь калмыцкого названия Плеяд «*Мөчд одн*» с обезьяной и калмыцкие исследователи: «Возможно, наименование созвездия Плеяды образовано от слова *мөчн* „обезьяна“ (во мн. числе *мөчд* „обезьяны“»)» [Мушаев и др. 2022: 111]. Очевидно, что образы человека, великана, обезьяны, связываемые со звездным скоплением Плеяд, вторичны и возникли как попытки осмысления и интерпретации его названия *meš'in* в тесной контаминации с 12-летним календарем и его персонажами.

В мифологии тюрко-монгольских народов присутствуют другие образы людей, связанные с Плеядами, например, образы семи братьев, девушек. Казахи представляли созвездие Уркер в образе девушек. Когда созвездие исчезало с ночного неба, казахи говорили по этому поводу: *‘Уркер ауыл боп жерге қонды’* *‘Уркеры сели на землю аулом’* [Кондыбай 2005: 74–75]. Якуты представляли Плеяды богатырями [Попов 1949: 261], молодым человеком «Чертовым сыном» [Серошевский 1993: 644].

3.2.2. Во многих преданиях тюрко-монгольских народов, объединенных сюжетом борьбы животных с Плеядами, существо, его изображающее, проводит время, прячась в золе. В южных регионах ареала расселения кочевников образ Плеяд тесно связан с верблюдом. В хозяйствах кочевников, имеющих верблюдов, замечали, что верблюды любят лежать на кучах золы. Ойраты объясняли тягу этих животных к золе желанием верблюда раздавить Мечина. В сюжетах преданий о борьбе животных с Плеядами верблюд так же, как и корова, пытался раздавить Мечина. «Так как Мечин прятался в золу огнища, верблюд пришел и наступил на золу лапой; корова ему сказала: „Твоя нога мягкая; дай я лучше раздавлю копытом!“ Верблюд посторонился... Мечин разделился на шесть звезд и поднялся на небо. Верблюд и теперь любит ложиться на золу, все думает раздавить мечина» [Потанин 1883: 203].

В стремлении Мечина прятаться в золе просматривается неявный образ насекомого — жука. Этот образ присутствует в животном календаре крымских татар — под названием года обезьяны мечин подразумевается «клоп красно-черный» *Pyrhocons aprenes* [Фиельструп 2002: 203]. Примечательно, что многие особи этого насекомого не летают и проводят зиму в спячке, прячась в теплых местах. Образ насекомого упоминается в анализе названий Плеяд в статье Дж. Немета: «„большое и сердитое насекомое“, раздавленное коровой на части, спасается, улета на небо» [Nemeth 1968: 5].

Менее явно образ насекомого-жука просматривается в сезонном календаре казахов и киргизов. Для киргизов актуально было деление года на четыре сезона. Летний сезон, помимо названия *жай*, у жителей южного региона Киргизии назывался *саратон* [Кыргызы 2016: 443]. У узбеков так назывался первый летний месяц, когда Плеяды (Хулкар) опускаются на землю и в течение 40 дней находятся «под землей» [Узбеки 2011: 440]. Слово *саратон* персидского происхождения было осмыслено и адаптировано для восприятия в местной традиции, получив новое содержание «желтый кастрированный верблюд». У казахов период *саратон*, когда созвездия Плеяды уходят «под землю», с которого начинается самый жаркий период лета, обозначен в календаре как «желтый жук от желтого верблюда» [Фиельструп 2002: 211].

3.2.3. В состав образов насекомоподобных можно отнести образ Курта-Чулмуса — большого «червя-черта», чудовища, поедавшего людей и скот. Это еще одно воплощение Мечина, которое было зафиксировано Г. Н. Потаниным у алтайцев [Потанин 1883: 194]. По этому поводу известно предание: «Джитыган [созвездие Большая медведица] прежде жил на небе; Мечин [Плеяды] был курт-чулмус (червь-черт), жил на земле и много поедая людей и скота. Джитыган не вытерпел и спустился на землю, чтобы уничтожить его... <...Джитыгану удалось из семи шулмусов Мечина унести на небо только одного...» [Потанин 1883: 194].

В существование мифического червя, но уже вне его связи с Плеядами, безоговорочно верят монголы, хотя никто из исследователей его не видел. С целью отыскать это существо было организовано несколько экспедиций, не увенчавшихся успехом. По сведениям монголов, он встречался в урочище Халдзан-Дзахе в Южной Гоби. Образ червя нашел отражение в ряде художественных произведений. Одним из них является рассказ русского писателя И. Ефремова «Олгой-хорхой». «Среди жителей Гоби издавна распространено предание о большом и толстом черве (олгой — толстая кишка, хорхой — червяк), свыше полуметра длиной, живущем в недоступных песчаных местах Гобийской пустыни... Олгой-хорхой известен как очень страшное существо, обладающее непонятной убийственной силой, способной поразить насмерть прикоснувшегося к нему человека» [Ефремов 1944: 100].

Возникновению такого образа, скорее всего, способствовала трансформация названия Плеяд в зоне взаимодействия монгольских и тюркских языков и соответственно появление новой интерпретации слова. Как уже отмечалось выше, тюркское название Плеяд *Ütke* имело вариации звучания в разных языках и диалектах. Одним из них было *урхор* в казахском языке. Г. Н. Потанин считает, что киргизское (казахское) *урхор* напоминает монгольское слово *хоро* (хорхой), что значит «червь». «Киргизы так и баснословят, что это червь» [Потанин 1989: 85].

Можно сказать, что подобные образы в целом располагаются в одной канве с другими хорошо известными образами насекомых. Плеяды ассоциировались с пчелиным роем (пчелиный улей, пасека, осиное гнездо) в славянской мифологии (русские, украинцы), на Балканах (болгары), у венгров, мордвы [Березкин 2009: 103]. Отголоски этих образов, возможно, и проникли в среду кочевников Центральной Азии. При этом мифическое существо, в котором проглядываются то черты насекомого, то беспозвоночного, обладает еще одной способностью — оно многосоставное и способно разделяться на части. Эту способность мифического существа видят калмыки в названии *Мөчд одн*. Представители старшего поколения калмыков понимают его следующим образом: «... созвездие Плеяды называют *Мөчд одн* и переводят как „множество частей, органов“, хотя данный перевод грамматически неверен¹» [Мушаев и др. 2022: 111]. Для нас в данном случае интерес представляет наличие подобных представлений у калмыков.

Образ Плеяд, содержащий черты насекомого, жука в мифологии монгольских народов, на наш взгляд, косвенно подтверждается локализацией Мечина в золе. С одной стороны, это отголосок мотива «ухода Плеяд под землю» в летний период, пришедший из мифологии земледельческих народов Центральной Азии. С другой стороны, в формировании таких представлений могли принять участие как уже известные образы Плеяд в виде скопления насекомых, так и воззрения из опыта наблюдений над разными насекомыми в различных природных зонах. Определенный вклад в формирование этих образов внесло и само тюркское название Плеяд. Очевидно, что образ Плеяд как насекомого в монгольской астрономии утрачивает конкретные черты, но сохраняет действие

¹ Аффикс множественного числа -д присоединяется лишь к словам первого склонения, т. е. с конечным согласным -н, например: *хөн* — *хөд*, *дун* — *дуд*, *мөрн* — *мөрд*, а лексема *мөч* в единственном числе с конечным согласным -ч во множественном числе принимает аффикс -мүд, поэтому *мөч* во множественном числе имеет форму *мөчмүд* [Мушаев и др. 2022: 111].

(Мечин погружается в землю / золу), которому придавали важное значение¹ земледельцы южных широт;

3.2.4. Согласно одному из значений парного сочетания *меҗин одун* — «созвездие, утиное гнездо», в астральных представлениях монголов имел место образ Плеяд в виде птичьего гнезда. Образ скопления птиц (курица с цыплятами, утки) известен в Европе и за ее пределами, в России (ненцы, коми-зыряне, обские удмурты, хакасы, якуты) [Березкин 2009: 101].

В северной части Хакасии был известен миф, в котором охотник преследовал семь уток. «Чуткие птицы вовремя замечали охотника и улетали дальше. В течение семи лет Тулун-хара безуспешно преследовал уток. В конце концов птицы улетели на небеса и превратились в созвездие Плеяды „*Орте́к* (*хус*) *уязы* — букв. ‘Утиное (птичье) гнездо’“» [Бутанаев, Монгуш 2005: 48]. Данный космоним был зафиксирован Л. В. Серошевским у якутов. В одном из преданий говорится: «Если будет дуть сверху Утиное гнездо (Юргель)...» [Серошевский 1993: 432]. Пояснение, данное автором в скобках, позволяет предположить заимствование названия «Утиное гнездо» и то, что в таком значении оно якутам было незнакомо.

«Сплошной и компактный ареал „утиного гнезда“, в основном вписывающийся в зону бывшего распространения уральских языков, но пересекающий границы расселения как самодийцев, так и финно-угров, позволяет предполагать связь этого космонима с каким-то древним населением» [Березкин 2009: 102]. Появление этого космонима у якутов, по мнению Ю. В. Березкина, произошло с его миграцией в процессе освоения Сибири. Следы этого же образа у монголов обнаруживаются в значении названия Плеяд *меҗин одун* в старописьменно-монгольском языке — «созвездие», «утиное гнездо» [Дондокова 2003: 30]. Здесь речь, безусловно, идет лишь о заимствовании значения названия.

Образ гнезда распространился и среди других народов Сибири. У восточных эвенков космоним, обозначающий Плеяды, также связан с понятием гнезда, но не птичьего, а беличьего — Чапактэ. Точный перевод космонима — «Территория беличьих гнезд». «В семантической основе эвенкийского космонима наблюдается сходство с мифологическими представлениями других этносов — „гнездо“, однако в мифологии других этносов звезды созвездия представляются в виде яиц, представляющих созвездие. В эвенкийской мифологии яйца-звезды заменяются беличьими гнездами, расположенными на ограниченной территории» [Дьяконова 2020: 285]. Так в осмыслении Плеяд появляются не только птицы, но и другие существа, в зависимости от особенностей местной фауны и хозяйственных интересов людей.

3.2.5. С образом гнезда, визуальными признаками которого выступают яйца, перекликается образ сита и образ дыр. Название Плеяд «Семь дыр» получило распространение в Дальневосточном регионе. Так называли его якуты, орочи и ороки². По этому поводу в якутском фольклоре есть загадка, в которой созвездие предстает в виде дырок от моли в ткани: *Көйүүр таһаһы тэһэ сизэбитэ баар үһү*. ‘Говорят, есть ткань, насквозь изъеденная молью’ (отгадка — Плеяды) [Филиппова 2010: 248]. С таким восприятием звезд перекликается старое

¹ Уркер спускается на землю, чтобы способствовать бурному росту трав [Ботоканова 2017: 115].

² Представления о звездах вообще как небесных дырах господствуют во всей северной Евразии и Американской Арктике [Березкин 2009: 103–104].

тюркское название Плеяд (Ylkär) — «дыра», представленное в XI в. у Махмуда Кашгарского [Подмаскин 2004: 97]. Якуты считали дырами не только Плеяды, но и луну [Попов 1949: 260]. С образом дыр логично связаны взгляды якутов на природу возникновения холодов, зимнего периода. У якутов существовало понятие о том, что Плеяды делают зиму [Припузов 1884: 63], они верили, что из звезд-отверстий на землю дует холод. Этим представлениям соответствуют слова, фонетически близкие названию Плеяд, в частности слово *ургуор* — «сквозняк», «поддувание холодом» [Тоголев 1983: 54]. В якутском олонхо мифический герой обещает защитить людей от разных напастей, среди которых — сквозняк, дующий из небесных дыр — Плеяд. Он говорит, что если понесет сквозняком с неба (из Плеяд), он заткнет отверстия рукавицами из волчьей шкуры [Романова, Данилова 2010: 306]. В определенной степени близким к образу «дыр» является образ «глаз», который также отмечается в представлениях якутов, отраженных в фольклоре. Плеяды выступают отгадкой в загадке *Таңара табата эттэ харахтаах үһү*. «Говорят, у небесного оленя семь глаз-очей» [Филлипова 2010: 248].

К выводу о том, что этимология тюркского названия Плеяд в большей степени сводится к понятию «воздушное отверстие», «дуть», приходит и Дж. Немет, считая, что предположение Л. Базена неверно [Nemeth 1968: 5]. Ю. В. Березкин идет дальше: «Но если рассматривать названия звездных объектов в общеэвразийском масштабе, то данный космоним может быть осмыслен как частный случай более общего и шире распространенного образа — представления о звездах как об отверстиях» [Березкин 2009: 103]. При этом Ю. В. Березкин допускает сибирское происхождение этого образа.

3.2.6. Ограничен рамками бурятского и якутского мировоззрения другой образ Плеяд — божество, небожитель. Суг мушэн — один из множества небожителей (тэнгри), почитаемый бурятами-шаманистами [Манжигеев 1975: 68]. Закаменские буряты полагали, что Плеяды — это грозное божество, которое следит за тем, чтобы люди вели праведный образ жизни. Особенно требовательным оно было по отношению к людям, родившимся в год Мечин (Плеяд) [ПМА 2006: Инф. 1]. Но были известны и другие представления о «моральном» облике божества. У предбайкальских бурят Плеяды считались покровителем воровства. Бурятский ритуал посвящения шамана изобилует множеством значимых сакральных действий. В одном из них молодежь должна была украсть овцу — «по примеру небесного божества — покровителя воровства Мушида — нужно стараться украсть овцу» [Михайлов 1996: 65]. Привлекает внимание и образ якутского божества Юргэл-Господина (Плеяды), который является покровителем волков [Романова, Данилова 2010: 307–312]. По сведениям Э. Л. Каруновской, только люди, родившие в год *мэйчін* (Плеяды) могут здесь, на земле, убивать всех животных¹, «Греха не будет, так как звезды их на небе» [Каруновская 1929: 8].

3.2.7. Только у калмыков обнаруживаются следующие толкования названия Плеяд: «*Туулан тавг*, букв. „заячья лапа“ или *Мөчр одн*, букв. „звезда — пучок короткой шерсти“» [Мушаев и др. 2022: 111]. Образ пучка шерсти, на наш взгляд, отражает представления, сформированные в более южных регионах Евразии.

¹ Согласно представлениям тюрко-монголов, для которых огромное значение имел и имеет 12-летний «животный» календарь, каждый человек ради своего благополучия должен был чтить животное, в год которого он родился. Например, человек, родившийся в год собаки, не должен был морить ее голодом и наказывать. Люди, родившиеся в год лошади, коровы, овцы или свиньи, не должны были забивать этих животных.

На Ближнем Востоке, Средиземноморье образ звездного скопления Плеяды был неразрывно связан с образом созвездия Тельца, который становится видимым ночью в осеннее время. В Плеядах видели торчащую в стороны шерсть на загривке быка зебувидной породы [Verderame 2012]. Допускаем связь с этим образом русского названия созвездия «Волосожары».

3.2.8. Один из образов связан с существом Мечин, без конкретного описания его облика. В многочисленных монгольских преданиях о вознесении Мечина на небо он выступает в образе зловещего демонического существа, напускающего мор на землю. Однако описания его внешнего облика отсутствуют. Говорится лишь о его многосоставности — существо разделилось на несколько звезд, либо состояло из нескольких демонов, например шулмусов.

4. Заключение

Совокупность выявленных в исследовании образов Плеяд, известных тюрко-монголам, показывает, что в целом образ мифического персонажа Уркуера / Мечина не определен. Нередко образ Плеяд уходит на задний план и первичным в традиционном мировоззрении видится Мечин как элемент 12-летней календарной системы. Отсюда и возникновение образов «великана» или «человека».

Ключевым и, вероятно, наиболее архаичным видится образ Плеяд как отверстий в небесной сфере, который согласуется с распространенными в северных регионах Евразии представлениям о всех звездах как «дырах». К этому образу примыкают образы Плеяд как гнезда, глаз.

Осмысление названий созвездия и последующая их интерпретация, сопровождающаяся формированием образов объекта в зонах контактов разных языков, при заимствовании календарных систем, привело к появлению таких образов, как жук и чудовищный червь. Созвучие названия Плеяд *meṣin* названию года обезьяны *beṣin* в 12-летнем календаре животных, стало причиной появления образов «человека», «великана», в которых виделись Плеяды, и включению их в календарную систему тюркских народов Южной Сибири. Не считали хозяйкой года обезьяну и многие буряты, полагая, что место в 12-летнем календаре принадлежит не обезьяне, а суровому небесному божеству Мушиду.

Иные малопонятные «существа» или объекты, какими представлялись Плеяды, также являются результатом обобщения разрозненных представлений, возникших в разное время на разных территориях.

Полевые материалы автора

ПМА 2006 — Инф. 1: Г. Ц. Ц. (1908 г. р.), с. Баянгол Закаменского района Республики Бурятия (2006).

The Author's Field Data

Informant 1: G. Ts. Ts. (born in 1908), Bayangol village of the Zakamensky district of the Republic of Buryatia (2006).

Литература

- Бакаева 2020a — Бакаева Э. П. Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования. Часть 1 // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 368–384. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-368-384
- Бакаева 2020б — Бакаева Э. П. Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования. Часть 2 // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 648–674. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-648-674

- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. В 4-х тт. Т. 2. Д-О. М.: Academia. 2001. 536 с.
- Березкин 2009 — *Березкин Ю. Е.* Плеяды-отверстия, Млечный Путь как дорога птиц, девочка на Луне: северо-евразийские этнокультурные связи в зеркале космонимии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4(40). С. 100–113
- Ботоканова 2017 — *Ботоканова Г. Т.* Традиционные астрономические знания кыргызов // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2017. № 8. С. 116–120.
- Бутанаев, Монгуш 2005 — *Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.* Арханческие обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Хакассский гос. ун-т, 2005. 196 с.
- Гоголев 1983 — *Гоголев А. И.* Историческая этнография якутов: учебное пособие. Якутск: Якутский гос. ун-т, 1983. 103 с.
- Дондокова 2003 — *Дондокова Д. Д.* Лексика духовной культуры бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. 135 с.
- Дыбо и др. 2022 — *Дыбо А. В., Куканова В. В., Мирзаева С. В., Бембеев Е. В., Мушаев В. Н., Хонинов В. Н.* Названия неба в монгольских языках: этимология и семантика // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1333–1351. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1333-1351
- Дьяконова 2020 — *Дьяконова М. П.* Об эвенкийском космониме «Чапактэ — Территория беличьих гнезд» в обозначении созвездия «Плеяды» // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевич: Сб. науч. ст. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2020. С. 283–287.
- Енчинов 2013 — *Енчинов Э. В.* Традиции и инновации в народном календаре алтайцев в конце XX – начале XXI вв. // Studia Culturae. 2013. № 18. С. 185–194.
- Ефремов 1944 — *Ефремов И.* Аллергорхой-хорхой // Пять румбов: Рассказы о необыкновенном. М.: Молодая гвардия, 1944. С. 86–103.
- Каруновская 1929 — *Каруновская Л. Э.* «Календарь» двенадцатилетнего животного цикла у алтайцев и телеут // Доклады АН СССР. 1929. Сер. В. № 1. С. 1–6
- Кондыбай 2005 — *Кондыбай С.* Казахская мифология. Краткий словарь. Алматы: Нурлы Алем, 2005. 272 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Кыргызы 2016 — Кыргызы / отв. ред. А. А. Асанканов, О. И. Брусина, А. З. Жапаров. М.: Наука, 2016. 623 с.
- Манжигеев 1978 — *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 125 с.
- Миллер 2009 — *Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов / изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцше. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
- Михайлов 1996 — *Михайлов В. А.* Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соёл, 1996. 111 с.
- Мушаев и др. 2022 — *Мушаев В. Н., Хонинов В. Н., Баринаева Б. В.* Номинативы звезд и созвездий в лексико-культурологической традиции калмыков // Вестник Калмыцкого университета. 2022. № 4 (56). С. 108–114.
- Подмаскин 2004 — *Подмаскин В. В.* Космография тунгусо-маньчжуров и нивхов // Вестник Дальневосточного отделения РАН. Этнография. 2004. № 1. С. 94–105.
- Попов 1949 — *Попов А. А.* Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа. Л., 1949 // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. IX. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 255–323.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1883. 1026, XXVI с.
- Припузов 1884 — *Припузов Н.* Сведения для изучения шаманства у якутов Якутского округа // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1884. Т. 15. № 3–4. С. 59–66
- Романова, Данилова 2010 — *Романова Е. Н., Данилова Н. К.* Мифология периферийных этносов и субэтносов тюрко-монгольского мира: реконструкция охотничьих и воинских культов // Этногенез и культуригенез в Байкальском регионе (средневековье). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. С. 292–330.
- Серошевский 1993 — *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Московская тип. № 2, 1993. 736 с.
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский

- язык — основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
- Содномпилова 2009 — *Содномпилова М. М.* Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
- Тишин, Нанзатов 2023 — *Тишин В. В., Нанзатов Б. З.* Историческая фонетика бурятского языка в русскоязычной документации XVII в. (к постановке проблемы). Часть 2 // Монголоведение (Монгол судлал). 2023. Т. 15. № 2. С. 287–304. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-287-304
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 495 с.
- Традиционная культура тувинцев 2002 — Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX века) / подг. текстов, предисл. и коммент. А. К. Кужугет. Кызыл: Тувинск. кн. изд-во, 2002. 224 с.
- Узбеки 2011 — *Узбеки* / отв. ред. З. Х. Арифханова, С. Н. Абашин, Д. А. Алимова. М.: Наука, 2011. 688 с.
- Фиельструп 2002 — *Фиельструп Ф. А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 298 с.
- Филиппова 2010 — *Филиппова В. В.* Образные представления якутов о звездах (на материале загадок) // Наука и современность. 2010. № 1–2. С. 246–249.
- Черемисов 1973 — *Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1973. 803 с.
- ЭСМЯ 2016 — Этимологический словарь монгольских языков. В 3 тт. / гл. ред. Г. Д. Санжеев. Т. II. Г–Р. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
- ЭСТЯ 1974 — Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / под ред. Э. В. Севортяна. М.: Наука, 1974. 768 с.
- Basin 1960 — *Basin L.* Les noms Turcs et Mongols de la constellation des Pleiades // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1960. Vol. 10. № 3. Pp. 295–297.
- Brockelmann 1949 — *Brockelmann C.* Kutadgu Bilig. I. Metin by Reşid Rahmeti Arat // *Oriens*. 1949. Vol. 2. № 1. Pp. 144–146.
- Clauson 1964 — *Clauson G.* Early Turkish astronomical terms // *Ural Altaische Jahrbücher Fortsetzung der Ungarischen Jahrbücher*. 1964. Vol. 35. Fasc. D–MCMLXIII. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. Pp. 350–368.
- Mostaert 1968 — *Mostaert A.* Dictionnaire Ordos. Second edition. New York, London: Johnson reprint corp., 1968. 951 p.
- Nemeth 1968 — *Nemeth J.* Über Alttürkische sternnamen // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1968. Vol. 18. № 1/2. Pp. 1–6.
- Verderame 2016 — *Verderame L.* Pleiades in ancient Mesopotamia // *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*, 2016. Vol. 16. № 4. Pp. 109–117.

References

- Arifkhanova Z. H., Abashin S. N., Alimova D. A. (eds.). *Uzbeks*. Moscow: Nauka, 2011. 688 p. (In Russ.)
- Asankanov A. A., Brusina O. I., Zhaparov A. Z. (eds.). *Kyrgyz*. Moscow: Nauka, 2016. 623 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Veneration of Ursa Major among the Oirats and Kalmyks: Ancient Beliefs and Later Buddhist Additions. Part 1. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 376–392. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-376–392
- Bakaeva E. P. Veneration of Ursa Major among the Oirats and Kalmyks: Ancient Beliefs and Later Buddhist Additions. Part 2. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 661–687. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-661–687
- Basin L. Les Noms Turcs et Mongols de la Constellation des Pleiades. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1960. Vol. 10. No. 3. Pp. 295–297. (In French)
- Berezkin Yu. E. Pleiades-openings, the Milky Way as a Road of Birds, a Girl on the Moon: North Eurasian Ethno cultural Connections in the Mirror of Cosmonymy. *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*. 2009. No. 4 (40). Pp. 100–113. (In Russ.)
- Botokanova G. T. Traditional Astronomical Knowledge of the Kyrgyz. *Bulletin of Universities of Kyrgyzstan*. 2017. No. 8. Pp. 116–120. (In Russ.)

- Brockelmann C. Kutadgu Bilig. I. Metin by Reşid Rahmeti Arat. *Oriens*. 1949. Vol. 2. No. 1. Pp. 144–146. (In Ger.)
- Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V. Archaic Customs and Rituals of the Sayan Turkic Peoples. Abakan: Khakass St. University, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. M.: Sovetskaya Entsiklopedia, 1973. 803 p. (In Russ.)
- Clauson G. Early Turkish Astronomical Terms. *Ural Altaische Jahrbücher Fortsetzung der Ungarischen Jahrbücher*. Vol. 35. Fasc. D–MCMLXIII. Wiesbaden: Otto Harrassowitz? 1964. Pp. 350–368. (In Eng.)
- Diakonova M. P. About the Evenki Cosmonym “Chapakte — Territory of Squirrel Nests” in the Designation of the Constellation “Pleiades”. Peoples and cultures of Northern Asia in the context of the scientific heritage of G. M. Vasilevich. Yakutsk: Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (SB RAS), 2020. Pp. 283–287. (In Russ.)
- Dondokova D. D. Vocabulary of Buryat Spiritual Culture. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2003. 135 p. (In Russ.)
- Dybo A. V., Kukanova V. V., Mirzaeva S. V., Bembeev E. V., Mushaev V. N., Khoninov V. N. Words Denoting the Sky in Mongolic Languages: Etymology and Semantics. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 6. Pp. 1333–1351. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1333-1351
- Efremov I. Allergorkhoi-Khorkhoi. Five Points of the Rhumb: stories about the extraordinary. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1944. Pp. 86–103. (In Russ.)
- Enchinov E. V. Traditions and Innovations in the Folk Calendar of the Altai People in the Late 20th – Early 21st Centuries. *Studia Culturae*. 2013. No. 18. Pp. 185–194. (In Russ.)
- Etymological Dictionary of the Turkic Languages: common Turkic and inter-Turkic bases for vowels. E. Sevortyan (ed.). Moscow: Nauka, 1974. 768 p. (In Russ.)
- Fielstrup F. A. From the Ritual Life of the Kirghiz in the Early 20th Century. Moscow: Nauka, 2002. 298 p. (In Russ.)
- Filippova V. V. Figurative Representations of the Yakuts about the Stars (based on riddles). *Science and Modernity*. 2010. No. 1-2. Pp. 246–249. (In Russ.)
- Gogolev A. I. Historical Ethnography of the Yakuts: textbook. Yakutsk: Yakutsk St. University Publ., 1983. 103 p. (In Russ.)
- Karunovskaya L. E. “Calendar” of the Twelve-Year Animal Cycle among the Altai and Teleut Peoples. *Reports of Academy of Sciences of the USSR*. 1929. Series B. No. 1. Pp. 1–6. (In Russ.)
- Kondybai S. Kazakh Mythology. A Short Dictionary. Almaty: Nurly Alem Publishing House, 2005. 272 p. (In Kaz. In Russ.)
- Manzhigeev I. A. Buryat Shamanistic and Pre-shamanistic Terms. An Attempt at Atheistic Interpretation. Moscow: Nauka, 1978. 125 p. (In Russ.)
- Mikhailov V. A. Religious Mythology. Ulan-Ude: Soyol, 1996. 111 p. (In Russ.)
- Miller G. F. Description of the Siberian Peoples. A. Elert, V. Hintzsche (eds.). Moscow: Monuments of Historical Thought, 2009. 456 p. (In Russ.)
- Mostaert A. Dictionaire Ordos. Second Edition. New York, London: Johnson Reprint Corp., 1968. 951 p. (In Mong. and In French)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Mushaev V. N., Khoninov V. N., Barinova B. V. Nominatives of Stars and Constellations in the Lexical and Cultural Tradition of Kalmyks. *Bulletin of Kalmyk University*. 2022. No. 4 (56). Pp. 108–114. (In Russ.)
- Nemeth J. Über Alttürkische sternnamen. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1968. Vol. 18. No. 1/2. Pp. 1–6. (In Germ.)
- Piurbeev G. Ts. (ed.). Big Academic Mongolian-Russian Dictionary. Moscow: Academia. Vol. 2. D–O. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Podmaskin V. V. Cosmography of the Tungus-Manchus and Nivkhs. *Bulletin of the Far East Branch of the RAS. Ethnography*. 2004. No. 1. Pp. 94–105. (In Russ.)
- Popov A. A. Materials on the History of the Religion of Yakuts of the Former Vilyui District. In: *Collection of Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol. 9. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1949. Pp. 255–323. (In Russ.)

- Potantin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Issue 4. Ethnographic Materials, with 26 Tables. Saint Petersburg: Tipographiya Bezobrazova and Co., 1883. 1026, XXVI p. (In Russ.)
- Pripuzov N. Information for the Study of Shamanism among the Yakuts of the Yakut district. *Bulletin of East Siberian Department of the Russian Geographical Society*. 1884. Vol. 15. No. 3–4. Pp. 59–66. (In Russ.)
- Romanova E. N., Danilova N. K. Mythology of Peripheral Ethnic Groups and Subethnic Groups of the Turkic-Mongolian World: reconstruction of hunting and military cults. Ethno Genesis and Cultural Genesis in the Baikal Region (Middle Ages). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2010. Pp. 292–330. (In Russ.)
- Sanjeev G. D. (Ed.). Etymological Dictionary of Mongolian Languages in 3 Volumes. Vol. 2. G-P. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. 232 p. (In Russ.)
- Seroshevsky V. L. Yakuts. Experience of Ethnographic Research. 2nd edition Moscow: Moscow Printing House No. 2, 1993. 736 p. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M. The World in the Traditional Worldview and Practical Activities of the Mongolian Peoples. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2009. 366 p.
- Tenishev E. R., Dybo A. V. (ed.). Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages. The Pre-turkic Language Basis. World View of the Proto-Turkic Ethnos According to Language Data. Moscow: Nauka, 2006. 908 p. (In Russ.)
- Tishin V. V., Nanzatov B. Z. Historical Phonetics of the Buryat Language in Russian-Language Documentation of the 17th Century (to the statement of the problem). Part 2. *Mongolian Studies*. 2023. Vol. 15. No. 2. Pp. 287–304. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-287-304
- Todaeva B. Kh. Dictionary of the Oirat Language of Xinjiang. Elista: Kalmyk Book Publ. 2001. 495 p. (In Russ.)
- Traditional Culture of Tuvans through the Eyes of Foreigners (late 19th – early 20th Centuries). A. Kuzhuget (prep., pref., comm.). Kyzyl: Tuva Book Publ., 2002. 224 p. (In Russ.)
- Verderame Lorenzo. Pleiades in Ancient Mesopotamia. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. 2016. Vol. 16. No. 4. Pp. 109–117. (In Eng)

УДК / UDC 811.512.37'42

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-577-590

Концепт «родина» в калмыцком языке (на лексикографическом и фольклорном материале)

Галина Борисовна Есенова¹, Тамара Саранговна Есенова²

¹Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

 кандидат филологических наук, ведущий специалист
 0009-0004-3001-0100. E-mail: esenovagalina93[at]gmail.com

²Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

 доктор филологических наук, профессор
 0000-0001-7655-7751. E-mail: esenova_ts[at]mail.ru

© КалмНИЦ РАН, 2024

© Есенова Т. С., Есенова Г. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена универсальному концепту «родина», занимающему важное место в картине мира калмыков. *Цель* статьи — описание концепта «родина» в калмыцком языке. *Задачи:* а) установление его понятийного содержания; б) характеристика его образной и аксиологической составляющих; в) определение постулатов поведения, обусловленных данным концептом. *Материал* послужили словарные дефиниции языковых единиц, материалы паремийологических словарей, репрезентирующих концепт «родина». В работе применялись методы сравнительного, лексико-семантического, контекстуального и лингвокультурологического анализа. *Результаты.* Анализ показал, что в калмыцком языке существуют разнообразные средства объективации концепта «родина», которые относятся к базисной лексике, этимологизируются на монгольской языковой почве. *Выводы.* Ментальный объект «родина» ассоциируется с пространством (*һазр, орн*), где родился человек (*төрскн / төрсн һазр*), где он обитает (*нутг*), с водными источниками (*усн*). Перцептивный образ родины визуализируется как территория с мягкой землей (*жсөөлн һазр*), зеленой сочной травой (*ноһан сөг*), теплым воздухом (*дулан*), целебной водой (*ариан*). *Эңкр һазр-усн* ‘милая родина’, *ээж-аавин нутг* ‘нутг матушки-отца’ составляет высшую ценность калмыка (*төрл эк мет*), представляется как «свое пространство» (*эврә һазр-усн*), противопоставленное «чужой земле» (*хәрин һазр*). Постулаты поведения калмыка: беречь, любить, прославлять родину, отдавать жизнь за родину, служить родине, возвращаться на родину, знать ее обычаи.

Ключевые слова: калмыцкий язык, лингвокультура, концепт, родина, понятийный компонент, образный компонент, ценностный компонент

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Аксиологический аспект картины мира калмыков» (№ 23-28-00790; https://rscf.ru/prjcard_int?23-28-00790).

Для цитирования: Есенова Г. Б., Есенова Т. С. Концепт «*hazr-usn* / родина» в калмыцком языке (на лексикографическом и фольклорном материале) // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 577–590. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-577-590

The Concept of “Homeland” in the Kalmyk Language (based on lexicographic and folklore material)

Galina B. Esenova¹, Tamara S. Esenova²

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

 Cand. Sc. (Philology), Leading Specialist
0009-0004-3001-0100. E-mail: [esenovagalina93\[at\]gmail.com](mailto:esenovagalina93[at]gmail.com)

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

 Dr. Sc. (Philology), Professor
0000-0001-7655-7751. E-mail: [esenova_ts\[at\]mail.ru](mailto:esenova_ts[at]mail.ru)

© KalmSC RAS, 2024

© Esenova G. B., Esenova T. S., 2024

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the universal concept “homeland”, which occupies an important place in the world picture of the Kalmyks and determines a person’s worldview. *Goals.* The paper attempts an insight into the concept of homeland in the Kalmyk language. *Tasks:* a) to establish its conceptual content; b) to characterize its figurative and axiological components; c) to determine the postulates of behavior conditioned by this concept. *Material:* dictionary definitions of linguistic units representing the concept “motherland”. *Research methods:* methods of comparative, lexical-semantic and linguocultural analysis. *Results.* The analysis has shown that in the Kalmyk language there are various means of objectification of the concept “motherland”, which belong to the basic lexicon, etymologized on the Mongolian linguistic soil. *Conclusions.* The mental object «motherland» is associated with the space (*hazr, orn*), where a person was born (*törskn/ törsn hazr*), where he lives (*nutg*), with water sources (*usn*). The perceptual image of the homeland is visualized as a territory with soft earth (*dzhöln hazr*), green lush grass (*nohan sör*), warm air (*dulan*), healing water (*arshan*). *Enkr chazr-usn* ‘dear motherland’, *eedzh-aavin nutg* ‘mother-father’s nutg’ is the highest value of the Kalmyk (*törl ek met*), and is presented as ‘his space’ (*evrä hazr-usn*), opposed to ‘foreign land’ (*khärin hazr*). The postulates of behavior regarding the homeland: to cherish and love the homeland, to give one’s life for the homeland, to return to the homeland, to know its customs.

Keywords: Kalmyk language, linguoculture, concept, wealth, conceptual, figurative, value concept components

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-28-00790 ‘Axiological Aspects of the Kalmyk Worldview’ (https://rscf.ru/prjcard_int?23-28-00790).

For citation: Esenova G. B., Esenova T. S. The Concept of “Homeland” in the Kalmyk Language (on lexicographic and folklore material). *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (3): 577–590. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-577-590

1. Введение

В картине мира разных народов высшей ценностью признается родина, определяющая внутренний мир человека, его миропонимание. Связь человека с родиной, основанная на древнем архетипе родины-матери, формируется с раннего детства. Не случайно поэтому родина ассоциируется с местами и людьми, которые близки человеку с рождения и с которыми у него существует духовная связь.

«Родина» в монголистике имеет определенную историю изучения: рассматривается как концепт в мировоззрении монгольских народов [Содномпилова 2007], в калмыцкой лингвокультуре [Аюшова 2008; Есенова 2012], как культурная константа [Наванзоч 2015]. Анализируя понятие «родина», исследователи обращаются к общемонгольскому термину *нутг*. *Нутг* рассматривается не только как «кочевье», «пространство этноса», но и как «место рождения и обитания человека» [Содномпилова 2007; Бакаева 2011], «малая родина» [Терентьев 2018а; Терентьев 2018б], с точки зрения репрезентации образа *нутук* в лирике Осорин Утнасн [Топалова 2016], анализируются практики воскурения нутуку дербетов Монголии [Орлова 2015; Орлова 2016] и других этнических групп ойратов и калмыков [Бакаева 2018]. Э. П. Бакаева рассматривает «*һазр-усн* как территорию, имеющую собственного духа-покровителя, или хозяина местности» [Бакаева 2011: 106], относит к топосам калмыков. Все это свидетельствует о значимости концепта «родина» в картине мира монгольских народов, в том числе калмыков. Этим обосновывается актуальность проведенного нами исследования.

2. Материалы и методы исследования

Материал для исследования составили данные, извлеченные методом сплошной выборки из словарей калмыцкого языка, Словаря языка ойратов Синьцзяна и Этимологического словаря монгольских языков. В работе применялись методы сравнительного, лексико-семантического, контекстуального и лингвокультурологического анализа.

3. Анализ понятийного содержания концепта

Согласно Словарю синонимов калмыцкого языка, синонимический ряд понятия «родина» включает *һазр-усн*, *төрскн һазр* [ССКЯ 2002: 55]; *төрскн*; *ээж-аавин нутг* [ССКЯ 2002: 159]. Лексико-семантический анализ языковых единиц, содержащих сему 'родина', проведенный на базе словарей калмыцкого языка, позволил установить семантическое поле «родина». К средствам обозначения данного концепта мы относим следующие единицы: *һазр-усн* 'родина, букв. земля-вода', *төрскн* 'родина, отечество, отчизна'; *ээж-аавин нутг* 'родина, букв. нутг матери-отца', *төрскн һазр* 'родина, отечество, букв. место рождения', *нутг* 'родное место, родина', *төрскн нутг* 'родина, родное место', *эк орн* 'родина, букв. мать-страна', *мана төрскн орн* 'наша родная страна', *төрл эк орн-нутг* 'родная страна, родина-мать', *нутг-нурһн* 'страна, родина', *төрскн орн-нутг* 'родина', *орн-нутг* 'родина'. Как видно из приведенных примеров, *һазр-усн*, *төрскн*, *нутг*, *орн-нутг* являются ключевыми единицами, формирующими семантическое пространство «родина». Среди маркеров концепта присутствуют, помимо лексических единиц, словосочетания, парные слова, образовавшиеся в ходе постепенного осмысления понятия «родина», и словосочетание *эк орн*, редко используемое в современной речевой практике.

Рассмотрим последовательно средства вербализации концепта «родина» в калмыцком языке.

3.1. *Һазр-усн*

Данное обозначение состоит из двух слов, каждое из которых относится к ядерной лексике: *һазр* ‘земля, почва’, *усн* ‘вода’. *Һазр* восходит к старописьменному *γaġar* (**γadal-r?*), в современных монгольских языках представлены: халх., бур. *газар*, калм. *һазр*, мнгр., бао. *баджир*, даг. *гаджир*, дунс. *баджа* ‘земля, почва; местность, место, пункт; расстояние’; халх., бур. ‘учреждение, присутственное место, орган’ [ЭСМЯ 2016: 16]. В монгольских языках у слова *һазр* образовались значения ‘местность, место, пункт; расстояние; учреждение, присутственное место, орган’ — наблюдается расширение семантики данного слова. Перенос значения происходил в результате обобщения от частного к общему, более абстрактному, что свидетельствует о расширении и усложнении пространственных представлений народа в ходе освоения территорий. Анализ дистрибуции слова показывает, что имя существительное *һазр* не имеет ограничений в употреблении, сочетается с разными частями речи, образует свободные и устойчивые (*хонга һазр* ‘расстояние в сутках езды’, *харани һазр* ‘расстояние, видимое глазом’ и др.) обороты речи.

Имя существительное *усн* восходит к старописьменному *usun* [**u-sun*, ср. *ulut*], представлено в современных монгольских языках: в халх. *ус(ан)*, бур. *уһан*, калм. *усн*, мнгр. *сдзу* (*фудзу*), бао. *сэ*, даг. *ос* (*осо*), дунс. *эсэ* ‘вода’; (разг.) ‘река’; (перен.) ‘воды’; ◇ — др.-тюрк. *sub, suv, suy* ‘вода’; маньчж. *fusu* ‘брызгать’ [ЭСМЯ 2018: 204]. В разговорной речи слово имеет значение «река». Анализ дистрибуции слова *усн* показывает, что оно употребляется с разными частями речи, в разных синтаксических позициях в предложении, входит в состав свободных и устойчивых оборотов речи (*амтаһн усн* ‘пресная вода’, *гүүдг усн* ‘проточная вода’, *ус теех* ‘рожать, родить’ и др.) и терминов (*усна үкр* ‘буйвол’, *усна жаһамул* ‘водяной лук’).

Слово *һазр* имеет дериваты (это формы *һазрго* ‘не имеющий земли’, ‘безземельный’, *һазрлх* ‘возвращаться на родину; оседать на жительство; идти по знакомому месту, чувствовать под ногами землю’ [КРС 1977: 152-153; ТСКЯ 2020: 86–87; ТСКЯ 2021: 191]. Среди дериватов *усн* следует назвать: *уснго* ‘безводный’, *усрхг* ‘обильный водой’, *усрхх* ‘стремиться к воде; хотеть пить о скоте в знойную пору’ [КРС 1977: 538; ТСКЯ 2020: 327; ТСКЯ 2022: 250].

Слово *һазар* в языке ойратов Синьцзяна, как и в калмыцком языке, используется в прямом и переносном значениях [СЯОС 2001: 98]. Слово *усан* употребляется в значениях ‘вода, водный, водяной’ [СЯОС 2001: 358]. *Һазар* и *усан* активно участвуют в словообразовании. От *һазар* образованы такие производные слова, как *һазардаха* ‘опускаться на землю, приземляться’, *һазаршиха* ‘привыкать к местности, приживаться, акклиматизироваться’ [СЯОС 2001: 98]. Словообразовательная парадигма *усан* включает *усархаг* ‘богатый, обильный водой’, *усархаха* ‘стремиться к воде, хотеть пить’, *усачиха* ‘плавать, плыть’, *услуур* ‘водопой’ [СЯОС 2001: 358]. Сочетанием имен существительных образованы биномы *һазар-усан*, *һазар-нутаг* с значением ‘земля, территория’; абстрактное значение ‘родина’ в этих единицах не отмечается [СЯОС 2001: 98]. Как видим, в языке ойратов Синьцзяна в слове *һазар* и его производных реализуется зна-

чение «земля, территория», не фиксируется значение «родина» и в бинамах, образованных на базе имен существительных *һазр* и *усн*.

Итак, анализ семантической структуры слов *һазр* и *усн*, сочетанием которых в калмыцком языке называется концепт «родина», свидетельствует об актуальности смысла, стоящего за данными лексическими единицами, для ментального мира калмыков — кочевников-скотоводов, жизнь которых зависит от земельных и водных ресурсов. Абстрактное значение «родина» появилось по мере роста сознания человека, в ходе соотнесения себя с определенной территорией (*һазр*), водными источниками как важными для жизни ресурсами (*усн*). Такие ассоциации возникли не случайны, обусловлены кочевым образом жизни и скотоводческим видом хозяйственной деятельности калмыков, когда люди перемещаются вслед за скотом на земли с богатым травостоем и водными источниками. Связь понятия «родина» с водными ресурсами подчеркивает важность природных особенностей в формировании представления о «родине», поскольку водоемы часто служат определяющими элементами территориальной идентичности этноса (например: *Ижил Һолын моңһлчуд* «волжские монголы» — о калмыках). Калмыцкая этнокультурная специфика рассматриваемого ментального образования состоит в осмыслении его через *һазр* «землю» и *усн* и «воду».

3.2. Төрскн / төрсн һазр

Маркер концепта «родина» *төрскн / төрсн һазр* «родина, отечество» образован от *төрх* «рождаться»; *көвүн төрж* «родился мальчик» [КРС 1977: 515]; *төрх* «рождаться, появляться» [ТСКЯ 2002: 114]; *Уһнн көвүн төрэд, эднэ бүл өсэд, эврэ патър кергтэ болв* «Родился старший сын, семья увеличилась, понадобилась своя квартира» [ТСКЯ 2020: 311; ТСКЯ 2022: 206]. В языке ойратов Синьцзяна глагол *төрехе* также имеет значение «рождаться, появляться на свет (о человеке)»; *һазарлаа һацалцан төрегсен, теңгерлээ тегелцен төрегсен* «родился таким, что мог соперничать с землей, мог состязаться с небом»; *күүкен төревел, күменде однаа, көвүүн төревел, гер авнаа* «если рождается дочь, то выходит замуж, если рождается сын, то женится»; *муу күменээсе баса өре жөөлен, ухаатаа, сээн күмен төредег бээнэ* «и от плохого человека может родиться сердечный, умный и добрый человек» [СЯОС 2001: 339].

По данным ЭСМЯ, *төрх* восходит к старописьменному монгольскому *törü*²-. Данному слову соответствуют: в халх., калм. *төр-*, бур. *түрэ-*, даг. *турэ-*, мнгр. *туро-* «родить(ся); появляться, возникать»; $\diamond \rightarrow$ кирг. *төрө-* «родить», но др.-тюрк. *torü-* «происходить, возникать, рождаться; рожать» [ЭСМЯ 2018: 178].

Словосочетания *төрскн һазр* «родная земля, букв. земля, где родился», *төрсн һазр-усн* «букв. земля-вода, где родился» [КРС 1977: 515]; *төрсн-һарсн һазр* «земля, где родился, появился» [ТСКЯ 2020: 311; ТСКЯ 2022: 206] передают значение «родина, место рождения». В языке ойратов Синьцзяна слово *төрскн* не фиксируется, отмечается словосочетание *төрекиин (төрмел) нутаг* со значением «родное кочевье, родная сторона» [СЯОС 2001: 338].

По мнению исследователей, «современное осмысление понятия „родная земля“ (*турэһэн газар*) у монгольских народов включает совокупность следующих представлений: место, где захоронен послед человека» [Содномпилова 2007: 132], место «закапывания пуповины в родную землю» [Bulag 1998: 175].

3.3. Нутг

Слово *нутг* относится к ядерной лексике монгольских языков. Согласно ЭСМЯ, *нутг* восходит к старописьменному *nutuγ* (←* *nuntuγ* ~ *nintuγ*). В современных монгольских языках данное слово имеет следующие соответствия: в халх. *нутаг*, калм. *нутг*, мнгр. *pontog*, мог. *нунтук*, бур. *нютаг*, даг. *нотог* ‘кочевье; родное место, родина по месту рождения’ [ЭСМЯ 2016: 208].

В калмыцком языке слово *нутг* является полисемантом, имеет следующие значения: «1) родное место, родина, родной улус; 2) владения; 3) кочевье, место откочевки» [КРС 1977: 387]. Толковые словари калмыцкого языка по-разному квалифицируют значения данного слова с точки зрения современной речевой практики. Первые два значения в Словаре под редакцией Б. Д. Муниева имеют помету ограниченности в дистрибуции (ист. — историческое, фольк. — фольклорное), третье квалифицируется как нейтральное [КРС 1977: 387]. По данным новых словарей калмыцкого языка, первым значением слова *нутг* является ‘родное место, родной улус’: *Баһ Чонса нутгин улс жил болһн Овата селәнд хурж, байран давулдһн сән авъяст тохрсинь темдгх кергтә* ‘Следует отметить хороший обычай, когда люди из бага-чоносовского нутуга ежегодно встречаются в селе Овата’ [ТСКЯ 2020: 232; ТСКЯ 2021: 563–564]. Вторым значением является «родина»: *Эндр та далн тавтат, эңкр нутгтан ода чигн цергләт, эрүл-менд, зу наслтн!* ‘Сегодня вам 75 лет, до сих пор служите дорогой родине; будьте здоровы, живите до ста лет!’ [ТСКЯ 2020: 232; ТСКЯ 2021: 563–564]; третьим значением является значение «владения».

Только одно из трех значений новыми словарями калмыцкого языка квалифицируется как «ограниченное в дистрибуции» («владение»). Изменения в лексикографической оценке семантики слова *нутг*, вероятно, можно объяснить современными процессами. В настоящее время в условиях возрождения исторической памяти наблюдается возвращение слов, которые обозначают этнокультурные понятия, связанные с кочевым прошлым калмыцкого народа. В языке ойратов Синьцзяна в слове *нутаг* фиксируются два значения, они не имеют помет об ограниченности в дистрибуции. Исходным значением является ‘родное место, родные кочевья’: *Зәәһиин торһууд нутагааса зәәдесе гегәәд нүүлә би, зайаасан Или, Текестәән зайааһааран ирежи буулаа биден* ‘Из кочевий уральских торгутов мы откочевали, чтобы от них отделиться и осесть на Или и Текесе, [кочевье,] дарованном нам судьбой’ (из песни «*Ижил холиин усан*» ‘Воды реки Волги’) [СЯОС 2001: 254]. Вторым значением слова является ‘местность, место кочевки; владение’: *Танаа нутаг эндәәсе холо бәәнүү?* ‘Далеко ли находится ваше владение?’; *Нутагта үлдесен кесег йума авчи ирехе* ‘Привезти то, что осталось на месте кочевки’ [СЯОС 2001: 254]. Значение «родина» в слове *нутаг* не регистрируется.

Активно употребляется в калмыцкой речи глагол *нутгх* ‘обитать, жить в какой-л. местности’: *бидн энд зундунь нутгдвдн* ‘летом мы живем здесь’ [КРС 1977: 387]; *зунднь бидн энд нутгдвдн* ‘летом мы живем здесь’; *Эднә эк-эцкнр ики эрт 1918 жилд, зулад һарч одцхаж, тегәд доран нутглж бәәхәр* *Польшит үлдцхәсн болж һарв* ‘Оказалось, что их родители давно, в 1918 г., уехали, поэтому, чтобы осесть там, остались в Польше’ [ТСКЯ 2020: 232; ТСКЯ 2021: 564]. В языке ойратов Синьцзяна глагол *нутаглаху* ‘обитать, жить в какой-л. местности, проживать’ также активно употребляется в речи: *манаа авһа зундани талдаан*

һазарта нутаглана ‘наш дядя летом живет в другой местности’ [СЯОС 2001: 254].

Значения производных слов связаны с идеей «поселения, заселения, «проживания»»: *нутгэлһн* ‘id’ от *нутгх* ‘поселение, заселение’; *нутглулһн* ‘id’ от *нутгх* ‘поселение’; *нутглух* побуд. от *нутгх* ‘поселить’; *нутгшах* побуд. от *нутгх* ‘заселять, заставлять обживать место’; *нутгулх* побуд. от *нутгх*; *нутгх* 1) осваиваться; привыкать к новому местожительству; акклиматизироваться 2) продолжительно находиться на одном кочевье (в одной местности)’ [КРС 1977: 387; ТСКЯ 2020: 232; ТСКЯ 2021: 563–564]; *нутагшиха* ‘осваиваться, привыкать к новому местожительству; акклиматизироваться’; *нүүжэ иресен һазартаан нутагшиха* ‘привыкать к месту прикочевки’; *нутагжиха* ‘продолжительно находиться в одном кочевье, жить долгое время в одной местности’ [СЯОС 2001: 254].

В калмыцком языке у слова *нутг* выделяется значение «родина», «родное место»; в языке ойратов Синьцзяна у слова *нутг* отсутствует данное значение.

В калмыцком языке значение «родина» имеет парное слово *нутг-нурһн*: *нутг-нурһн талан одх* ‘побывать в родных местах, побывать у себя на родине’; *нутг-нурһн талан хэрү ирһн* ‘возвращение на родину, репатриация’; *нутг-нурһан сансн көвүн, нууран сансн һалунла эдл* погов. ‘мальчик, соскучившийся по родине, подобен гусю, соскучившемуся по озеру’ [КРС 1977: 387].

В языке ойратов Синьцзяна словосочетание *нутаг нурһан* также имеет значение ‘родные кочевья, родина’: *үзескелеңте сээхен нутаг нурһани үнсен, тоосон болаад дуусжаа* ‘его прекрасные родные кочевья превратились в пепел и пыль’; *нутаг нурһандаан хэрсэ гежи бээнэ би* ‘собираюсь вернуться в свои кочевья’; *бум күцегсен нутаг нурһатаа Бумбиин орон гедег билэ манииги* ‘нас называли бумбайской страной численностью в сто тысяч кочевий’; *нутаг нурһан цуһаар амар сээхен бээнүү? Аха-дүү бүгдээрэн амар сээхен бээнүү?* ‘Благополучна ли вся родина? Благополучны ли все там живущие?’ [СЯОС 2001: 254].

Таким образом, в результате расширения семантики по типу «частное-общее»: от конкретного ‘места откочевки’ [КРС 1977: 387], ‘родного места’, ‘родных кочевий’ [СЯОС 2001: 254], ‘родины по месту рождения’ [ЭСМЯ 2016: 208], → ‘родине’ [ТСКЯ 2020: 232; ТСКЯ 2021: 563–564] — в данном слове образовалось значение «родина, родное место».

Следует отметить, что слово *нутг* рассматривалось исследователями в ходе изучения истории, культуры, менталитета монгольских народов. *Нутг* понимается как «часть пространства, на котором в данный момент проживает общество» [Кычанов 1997: 184], как высшая ценность и единство коллектива [Викторова 1980: 111], место рождения, родина, родная земля, «место, где захоронен послед человека; находятся могилы предков; располагаются семейные и родовые культовые места» [Содномпилова 2007: 132], как ассоциат малой родины, которая «в самосознании монголов связывается с родным ландшафтом и конкретными природными объектами» [Терентьев 2018а; Терентьев 2018б]. Э. П. Бакаева понимает *нутг* как обозначение «места кочевий, владения, а конкретно в период миграции, когда менялись территории, — и сам движущийся улус, т. е. население»; «как представление о родной земле, как место рождения и обитания предков, характерные для календарной и погребальной обрядности» [Бакаева 2011: 99].

Итак, *нутг* является одним из обозначений концепта «родина» с ассоциативными признаками ‘место рождения’, ‘место упокоения предков’, ‘родовые культовые места’, ‘родной ландшафт’.

3.4. *Эк орн / Орн нутг*

Данное обозначение образовано именами существительными *эк* и *орн*.

По данным ЭСМЯ, *орн* восходит к старописьменному *oron* [$\leftarrow$ **oran*: **ora-n*?]. В современных монгольских языках данное слово имеет следующие формы: в халх. *ор(он)*, бур. *орон*, калм. *орн* ‘место; кровать, (иногда) постель; (ист.) трон, престол; (неол.) вакансия, штатная единица; бур., калм. ‘местность’; бур. ‘учреждение, предприятие’; халх. ‘основание, довод’; халх. *орон* ‘страна, местность; жилище, кров’; бао. *орон*, дунс. *орон* ‘место, местность’; даг. *ор* ‘место; скарб; место хранения одежды’; ◇ — др.-тюрк. *orun* ‘место, трон, престол’; кирг. *орун* ‘место; постель’; маньж. *oron* ($\leftarrow$ монг.) ‘место, область; вакансия’ [ЭСМЯ 2016: 215]. Как показывает анализ, в современных монгольских языках у слова *орн* отмечается разброс значений, однако в большинстве языков, как и в древнетюркском, киргизском и маньчжурском, регистрируется значение «место, местность», на базе которого образовалось значение «страна».

В современном калмыцком языке в результате расщепления значений многозначного слова *орн* образовались омонимы: *орн* I ‘страна’, ‘держава’, ‘государство’ и *орн* II ‘кровать, постель, койка’ [КРС 1977: 403; ТСКЯ 2020: 241; ТСКЯ 2022: 26]. В языке ойратов Синьцзяна также образовались два слова: *орон* 1) ‘страна, держава’; 2) ‘край, местность’ и *орондаг*, *орон* ‘кровать, койка’ [СЯОС 2001: 264].

В калмыцком языке в слове *орн* I выделяется значение ‘государство, страна’ [КРС 1977: 403; ТСКЯ 2002: 90; ТСКЯ 2020: 241; ТСКЯ 2022: 26], ‘держава’ [КРС 1977: 403; ТСКЯ 2002: 90]. В языке ойратов Синьцзяна слово *орон* является полисемантом. Его первое значение — ‘страна, держава’: *манаа оронда олон зүсен келен амтес суужаа* ‘в нашей стране проживает много людей разных национальностей’; *эке ораан харсаха* ‘защищать свою страну, свою родину’; *орон нутаг* ‘страна, держава’ [СЯОС 2001: 264]. Второе значение — ‘край, местность’: *эне уулархаг орон* ‘это гористая местность’; *шовууд дулаан орон тала нисдег* ‘птицы летят в теплые края’ [СЯОС 2001: 264]. Как и в калмыцком языке, в языке ойратов Синьцзяна *орон* не имеет значение ‘родина’.

Значение ‘родина’ реализуется в словосочетании *эк орн*, которое регистрируется только Словарем под редакцией Б. Д. Муниева и сопровождается пометой *редко* [КРС 1977: 403]. В значении *орн-нутг* присутствует коннотативный компонент ‘высокий, официальный’ (‘страна, держава, государство’): *олн-амтни демократии орн-нутгуд* ‘страны народной демократии’; *пролетариатын диктатурин орн-нутг* ‘государство диктатуры пролетариата’ [КРС 1977: 403]; *орн-нутг* ‘держава, государство’; *күчтэ орн-нутг* ‘великая держава’, *төвкнүн бээхд дурта орн-нутгуд* ‘миролюбивые государства’, *орн-нутгин межэ* ‘государственная граница’, *орн-нутгин ору* ‘государственный доход’, *орн-нутгудын хоорндк бооцан* ‘межгосударственные соглашения’; *Кесг орн-нутгудыг Көк теңгс асрна* ‘Многие государства кормит Черное море’ [ТСКЯ 2020: 241; ТСКЯ 2022: 26].

В языке ойратов Синьцзяна не регистрируется словосочетание *эк орн*. Думаем, что в калмыцком языке словосочетание *эк орн* стало использоваться для

обозначения понятия «родина» по аналогии с русским «родина-мать». Отметим, что среди маркеров концепта «родина» в калмыцком языке имеются номинации с участием *эк* ‘мать’, *ээж* ‘матушка’, *аав* ‘отец’: *ээж-аавин нутг* ‘родина, букв. нутг матери-отца’, *төрл эк орн-нутг* ‘родная страна’.

Таким образом, анализ показал: а) наличие в калмыцком языке инвентаря единиц для обозначения концепта «родина», которые этимологизируются на монгольской языковой почве; б) «проработанность» концепта калмыцким языковым сознанием: отмечаются диахронические изменения в семантике одного из вербализаторов (*нутг*); образование маркеров концепта путем сочетания лексических единиц (*һазр-усн*, *ээж-аавин нутг*, *төрсн һазр*, *төрсн нутг*, *эк орн*, *мана төрсн орн*, *төрл эк орн-нутг*, *нутг-нурһн*, *төрсн орн-нутг*, *орн-нутг*) и переход одного из средств в редко используемые единицы (*эк орн*). Все это свидетельствует о значимости концепта «родина» для картины мира калмыков. Изучение синтагматических связей обозначений концепта позволило выделить признаки концепта «родина»: территория (*һазр*, *орн*); место, где родился человек (*төрсн / төрсн һазр*); место кочевания (*нутг*); с водными ресурсами (*усн*).

4. Анализ образного и ценностного содержания концепта

Фольклорные тексты, в состав которых входят маркеры концепта «родина», составили интерпретативное поле рассматриваемого ментального образования. Образ родины создается через противопоставление «свой — чужой», «мать — мачеха», основанием для которого являются признаки «цвет» (зеленый — черный), «температура» (зима, холод — весна, тепло), «тактильная характеристика», а также через характеристику почвы, растительного покрова земли, воздуха, воды, животного мира. В целом в паремиях родина наделяется жизнеутверждающими характеристиками, чужбина — губительными для человека свойствами, более того она сравнивается с адом (*Таньдг уга һазр там адл* ‘Незнакомая земля все равно что ад’ [ПП 2007: 191]).

Колористическая характеристика родины — зеленая; чужбины — черная: *Эврә һазрин үл чигн ноһан, күмни һазрин һавр чигн хар* ‘На своей земле и зимой все зелено, а на чужой и весной все черно’ [ПП 2007: 86]. Температурная характеристика родины — теплая, чужбины — холодная: *Эврә һазр усн дулан, һарин һазр киитн* ‘От своей земли веет теплом, от чужой — холодом’ [ПП 2007: 86]. Очевидна ассоциация родной земли с весной, визуализируется образ родины в самую живописную пору следующим образом: *Күмни герт намр, эврә герт һавр* ‘У чужих людей словно осень, у себя дома словно весна’ [ПП 2007: 115], *Әәлд одхд намр, гернтән һәрхд һавр* ‘В гостях чувствуешь себя как по осени, а у себя дома как по весне’ [ПП 2007: 98]. Притягательный образ родины актуализируется благодаря тактильной характеристике земли: *Төрсн һазрин шора жәөлн* ‘Где родился, там и земля мягкая’ [ПП 2007: 83]. Этому способствует и характеристика сочной травы, которой покрыта родная земля: *Туулад төрсн сөг үнтә* ‘Зайцу дорога родная низина, где сочная трава’ [ПП 2007: 83].

Анализ показывает, что образная составляющая концепта осмысливается через человека: *Уудг усн урсхулта, урһсн һазр тааста* ‘Питьевая вода проточна, а земля, где ты вырос, милая родина’ [ПП 2007: 84]; *Күлг ижлән хәәдг, күн һазран сандг* ‘Скакун рвется к своему табуну, человек тоскует по родному краю’ [ПП 2007: 86]; *Нутган сансн көвүн, нууран сансн һалун* ‘Юноша, скучающий по

родным местам, гусь, тоскующий по своим озерам' [ПП 2007: 86]; *Төрсн хазр төрл эк мет, хэр хазр хөөт эк мет* 'Родина как мать родная, а чужбина словно мачеха' [ПП 2007: 83]. Глубокую привязанность калмыка к родине передают образы скакуна, рвущегося к своему тауну, гуся, тоскующего по родному озеру. Родина персонифицируется в образе самого дорогого существа — матери.

Родина характеризуется как место силы (*Унсн кун хазр туишж босдг* 'Упавший встает, опираясь на землю' [ПП 2007: 84]), этнокультурной идентичности (*Уусн усн урсхулта, урһсн хазр зокалта* 'Питьевая вода имеет течение, а возрасшая земля имеет свои обычаи' [ПП 2007: 84]), чувств (*Суусн хазр зовлцта, соңсн хазр жирһлтә* 'Земля, где живешь, полна страданий, а земля, о которой слышишь, полна счастья' [ПП 2007: 84]).

Итак, в картине мира калмыков родина — это «свое пространство» (*эврә хазр*), характеризующееся признаками *жөөлн* 'мягкий', *дулан* 'теплый', *алтн* 'золотой', *ноһан сөг* 'с зеленой сочной травой', *аршан* 'с целебными водами', противопоставленное «чужой земле» (*хэр хазр*). Перцептивный образ родины персонифицирован: *эңкр хазр-усн* 'милая родина', *ээж-аавин нутг* 'родина, букв. нутг матери-отца', *төрл эк мет* 'подобная матери'.

Аксиологическая составляющая концепта выделяется в ходе анализа обозначений концепта (*ээж-аавин нутг* 'родина, букв. нутг матери-отца', *эк орн* 'родина, букв. мать-родина'), а также паремии с использованием маркеров концепта. В паремии родина сравнивается с теми субъектами и объектами, которые составляют ценность:

— матерью (*Төрсн хазр төрл эк мет, хэр хазр хөөт эк мет* 'Родина как мать родная, а чужбина словно мачеха' [ПП 2007: 83]),

— солнцем (*Нарна нилчиг тоолж болии уга, хазрин оруг барж болии уга* 'Блага солнца не счесть, богатства земли не исчерпать' [ПП 2007: 85]),

— аршаном 'целебная вода' (*Урһсн хазрин усн аршан, төрсн хазрин шора эм гидг* 'Говорят, вода той земли, на которой вырос, словно аршан, а пыль той земли, где появился на свет, словно лекарство' [ПП 2007: 83]),

— золотом (*Уусн усн аршан, унсн шора алтн* 'Вода, которую пил, словно аршан, целебна, а земля, на которой родился, словно золотая' [ПП 2007: 86]),

— подпотником *делтр* (*Дееврин чинән алтнас делтрин чинән хазр деер* 'Чем золото величиной с кошмовое покрывало юрты, лучше земля величиной с подпотник' [ПП 2007: 84]).

В паремической разновидности картины мира калмыков родина сравнивается с матерью (*эк*), золотом (*алтн*), солнцем (*нарн*), аршаном (*аршан*), делтыром (*делтр*), с которым неразлучен калмык-наездник. В последних двух объектах сравнения прослеживается этнокультурный компонент осмысления изучаемого ментального образования.

Лингвокультурологический анализ материала позволяет выделить следующие поведенческие константы:

— береги родину (*Төркснән эврәннь нүднлә әдл хар* 'Родину береги, как зеницу ока' [ПП 2007: 83]),

— люби родину (*Төрксндән дурта кун дээсиг дилхд дөт* 'Кто любит родину, тому легче дается победа' [ПП 2007: 83]),

— отдай жизнь за родину (*Эврәннь төлә инәһәд, нутгиннь төлә үкв* 'Живи весело, с улыбкой, но придет час, умирай за свои родные места (родину)' [ПП 2007: 86]),

— служи родине (*Тоомсрта залу нутгин төлэ зүткдг, тоһстн шовун сүүлэн хэлэж нигдг* ‘Почитаемый мужчина заботится о благе родины, павлин же заботится только о своем хвосте’ [ПП 2007: 21]),

— прославляй родину (*Гертэн уңгиннь нер дуудул, хэрин һазрт төрскнәннь нер дуудул* ‘Дома чти и славь своих предков, в чужом краю прославляй честь своей Родины’ [ПП 2007: 96]),

— возвращайся на родину (*Нүүсн нутган хэрү һурв эрг* ‘На кочевье, которое оставил, возвращайся трижды’ [ПП 2007: 86], *Чонын кичгүд цадхларн, уул хэлэдг, күүнэ үрдүд өлсхлэрн, герэн темүдг* ‘Волчата, насытившись, в сторону горы смотрят, дети, проголодавшись, стремятся домой’ [ПП 2007: 94]),

— знай обычаи своей родины (*Уусн усн урсхулта, урһсн һазр зокалта* ‘Питьевая вода имеет течение, а взрастившая земля имеет свои обычаи’ [ПП 2007: 84]),

— будь осторожен в чужой стороне (*Күүнэ һазр күндтэ, көлэн чикэр ишк* ‘Чужая сторона строга, следи за каждым шагом’ [ПП 2007: 114]),

— на чужбине живи по ее законам (*Аль һазр одвл, тер һазрин ду дуулх* ‘Петь песни той стороны, куда приехал’ [ПП 2007: 84]).

Благодаря приемам сравнения и противопоставления, образ родины визуализируется как пространство с характеристиками *жөөлн* ‘мягкий’, *дулан* ‘теплый’, *алтн* ‘золотой’, *ноһан сөг* ‘с зеленой сочной травой’, *аришан* ‘с целебными водами’. Милая родина (*эңкр һазр-усн*), земля предков (*ээж-аавин нутг*) составляет высшую ценность калмыка (*төрл эк мет*). Родина осмысливается как часть «своего пространства» (*эврэ һазр*), противопоставленного «чужому пространству» (*хэр һазр*), «черному» (*хар*), «холодному» (*киитн*), полному опасностей, где рекомендуется быть осторожным, соблюдать законы чужой стороны. Относительно родины выстраиваются рекомендации: беречь, любить, прославлять родину; служить родине; отдать жизнь за родину; возвращаться на родину; знать ее обычаи.

В настоящее время возрождается традиция почитания родовой земли, поклонения ей. Многие калмыки совершают обряд *һазр тэклһн* ‘жертвоприношение духам-хозяевам местности’, для этого выезжают на родину предков. Аналогичные обычаи характерны для всех этнических групп бурят [Содномпилова 2007: 127], у монголов принято посещать родовые места при жизни и «возвращаться умирать на свои родные кочевья» [Bulag 1998: 175]. Все это свидетельствует о сакрализации родины; совершая обряд почитания родных мест, человек восстанавливает связь со своей родиной, родовой землей.

5. Заключение

В калмыцком языке концепт «родина» представлен в виде развернутой системы, включающей инвентарь средств, детализирующих представления этноса о данном ментальном образовании. Все единицы, входящие в семантическое поле концепта, относятся к ядерной лексике, этимологизируются на монгольской языковой почве. Именем концепта является бином *һазр-усн*, указывающий на то, что центральное место в калмыцком понимании «родины» занимают «земля» и «вода». Этнокультурная специфика осмысления «родины» калмыцким народом обусловлена скотоводческим видом хозяйственной деятельности и кочевым образом жизни. В языковом сознании калмыков родина — это территория (*һазр*, *орн*), с водными источниками (*усн*), где родился человек (*төрскн / төрсн һазр*),

где он обитает (*нутг*). Это высшая ценность калмыка (*төрл эк мет*), «свое пространство» (*эврә һазр*), противопоставленное «чужой земле» (*хәр һазр*). Образ родины визуализируется как золотая (*алтн*), мягкая (*жөөлн*) земля, покрытая зеленой сочной травой (*ноһан сөг*), с целебными водами (*аршан*), теплым воздухом (*дулан*). Постулаты поведения калмыка: беречь, прославлять, любить родину, отдать жизнь за родину, служить родине, возвращаться на родину, знать ее обычаи. Ассоциативная связь родины с матерью (*эк*), матерью (*ээжс*), отцом (*эцк*), сакрализация родных мест, бытование обряда жертвоприношения духам-хозяевам местности (*һазр тәклһн*), а также поведенческие константы указывают на значимое место концепта «родина» в картине мира калмыцкого народа.

Сокращения

бао. — баоаньский;
 бур. — бурятский;
 даг. — дагурский;
 др.-тюрк. — древнетюркский;
 дунс. — дунсянский;
 калм. — калмыцкий;
 кирг. — киргизский;
 маньж. — маньчжурский;
 мнгр. — монгорский;
 халх. — халхаский.

Источники

- КРС 1977 — Калмыcko-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- ПП 2007 — *Тодаева Б. Х.* Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.
- ССКЯ 2002 — *Монраев М. У.* Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: НПП «Джангар», 2002. 208 с.
- СЯОС 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
- ТСКЯ 2002 — *Манджикова Б. Б.* Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: НПП «Джангар», 2002. 176 с.
- ТСКЯ 2020 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. 444 с.
- ТСКЯ 2021 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 тт. Т. 1. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. 574 с.
- ТСКЯ 2022 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 тт. Т. 2. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. 590 с.
- ЭСМЯ 2015 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. Т. 1. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- ЭСМЯ 2016 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. Т. 2. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
- ЭСМЯ 2018 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. Т. 3. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.

Sources

- Mandzhikova B. B. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language. Elista: Dzhangar, 2002. 176 p. (In Kalm. and In Russ.)
- Monraev M. U. Dictionary of Kalmyk Synonyms. Elista: Dzhangar, 2002. 208 p. (In Kalm. and in Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and In Russ.)

- Pyurbеev G. Ts. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language. Elista: Kalmyk State University, 2020. 444 p. (In Kalm. and In Russ.)
- Pyurbеev G. Ts. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language. In 2 Vol. Vol. 1. Elista: RIA Kalmykia, 2021. 574 p. (In Kalm. and In Russ.)
- Pyurbеev G. Ts. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language. In 2 Vol. Vol. 2. Elista: RIA Kalmykia, 2022. 590 p. (In Kalm. and In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 Vol. Vol. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong., In Kalm., etc.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 Vol. Vol. 2. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. 232 p. (In Mong., In Kalm., etc.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 Vol. Vol. 3. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 240 p. (In Mong., In Kalm., etc.)
- Todaeva B. Kh. Dictionary of Xinjiang Oirat. Elista: Kalmyk Book Publ., 2001. 493 p. (In Oir. and In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Kalmyks of Russia and Oirats of China: proverbs, sayings, and riddles. Elista: Dzhangar, 2007. 839 p. (In Oir., In Kalm. and In Russ.)

Литература

- Аюшова 2008 — *Аюшова Ц. Н.* Концепт «Родина» в калмыцкой лингвокультуре // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики. Вып. 1. Элиста: Калм. ун-т, 2008. С. 58–61.
- Бакаева 2011 — *Бакаева Э. П.* «Нутук»: к вопросу о понятии «кочевье» и территории расселения ойратов (на материалах фольклора) // Монголоведение. 2011. № 5. С. 96–108.
- Бакаева 2018 — *Бакаева Э. П.* Буддизм калмыков и ойратов: обряды подношений предкам и духам-хозяевам территорий (некоторые аспекты) // Тибетология и буддология на стыке науки и религии-2018. Труды Института востоковедения РАН. Т. XXX / отв. ред. выпуска С. Л. Кузьмин, Т. Л. Шаумян. М.: ИВ РАН, 2019. С. 39–66.
- Викторова 1980 — *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.
- Есенова 2012 — *Есенова Т. С.* Очерки по лингвокультуре калмыков. Элиста: Калм. ун-т, 2012. 160 с.
- Кычанов 1997 — *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит., 1997. 320 с.
- Наваанзоч 2015 — *Наваанзоч Х. Цэдэв.* Культурная константа «Родина» у кочевников — монголов и казахов // Мир Большого Алтая. 2015. № 1. С. 89–93.
- Орлова 2015 — *Орлова К. В.* К исследованию этнических маркеров дербетов Монголии: текст воскурения «духам-хозяевам» кочевий // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 79–95.
- Орлова 2016 — *Орлова К. В.* Воскурение нутуку дербетов Монголии // Восток. 2016. № 6. С. 132–141.
- Содномпилова 2007 — *Содномпилова М. М.* Концепт «Родина» в мировоззрении монгольских народов // Этнографическое обозрение. 2007. № 3. С. 117–124.
- Терентьев 2018а — *Терентьев В. И.* «Нутаг» как понимание образа малой родины у современных монголов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. Вып. 2 (20). С. 91–99. DOI: 10.23951/2307-6119-2018-2-91-99
- Терентьев 2018б — *Терентьев В. И.* Представление о нутаге у городских монголов // Төв Ази болон Монгол дахь угсаатны үйл явц, чиг хандлага. Улаанбаатар: МҮИС, 2018. С. 146–148.
- Топалова 2016 — *Топалова Д. Ю.* Образ «нутг» в лирике Осорин Утнасн (на примере стихотворения «Нутгтан нерэдсн седкл») // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 4. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 112–129.
- Bulag 1998 — *Bulag U. E.* Nationalism and hybridity in Mongolia. New York: Oxford University Press, 1998. 302 p.

References

- Ayushova Ts. N. The Concept of «Homeland» in Kalmyk Linguistic Culture. In: *Ethnocultural Conceptology and Modern Directions of Linguistics*. Elista: Kalmyk State University, 2008. No. 1. Pp. 58–61. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. «Nutuk»: on the Question of the Concept of «Nomadism» and the Territory of Settlement of the Oirats (based on folklore materials). *Mongolian Studies*. 2011. No. 5. Pp. 96–108. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Buddhism of Kalmyks and Oirats: the Rite of Dedication to Ancestors and Spirits-Owners of Territories (some aspects). In: *Tibetology and Buddhology at the Junction of Science and Religion-2018*. Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the RAS. Vol. 30. S. Kuzmin, N. Shaumyan (eds.). M.: Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. Pp. 39–66. (In Russ.)
- Bulag U. E. Nationalism and Hybridity in Mongolia. New York: Oxford University Press, 1998. 302 p. (In Eng.)
- Esenova T. S. Essays in Kalmyk Linguistic Culture. Elista: Kalmyk State University, 2012. 160 p. (In Russ.)
- Kychanov E. I. Nomadic States from the Huns to the Manchus. Moscow: Vostochnaya literatura, 1997. 320 p. (In Russ.)
- Navaanzoch H. Tsedev. Cultural Constant «Homeland» among Nomadic Mongols and Kazakhs. *World of the Greater Altai*. 2015. No. 1. Pp. 89–93. (In Russ.)
- Orlova K. V. On the Study of Ethnic Markers of the Derbets of Mongolia: the Text of the Incense to the «Host Spirits» of Nomads. In: *Problems of Ethnic History and Culture of the Turkic-Mongolian Peoples*. No. 3. Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2015. Pp. 79–95. (In Russ.)
- Orlova K. V. The Incense of Nutuk of Derbets of Mongolia. *Orient*. 2016. No. 6. Pp. 132–141. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M. The Concept of «Homeland» in the Worldview of the Mongolian Peoples. *Ethnographic Review*. 2007. 3. Pp. 117–124. (In Russ.)
- Terentyev V. I. «Nutag» as an Understanding of the Image of a Small Homeland among Modern Mongols. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*. 2018. No. 2 (20). Pp. 91–99. DOI: 10.23951/2307-6119-2018-2-91-99 (In Russ.)
- Terentyev V. I. The Idea of Nutage among Urban Mongols. In: *Ethnic processes and trends in Central Asia and Mongolia*. Ulaanbaatar: MUIS, 2018. Pp. 146–148. (In Russ.)
- Topalova D. Y. The Image of «Nutg» in the Lyrics of Osorin Utnasn (on the example of the poem «Nutgtan Neradsn Sedkl»). In: *Problems of Ethnic History and Culture of the Turkic-Mongolian Peoples*. No. 4. Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2016. Pp. 112–129. (In Russ.)
- Viktorova L. L. The Mongols. The Origin of the People and the Origins of Culture. Moscow: Nauka, 1980. 224 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002 https://mongoloved.kigiran.com/jour	МОНГОЛОВЕДЕНИЕ (Монгол судлал) (Mongolian Studies) ISSN 2500-1523 (Print) ISSN 2712-8059 (Online)
Vol. 16, Iss. 3, pp. 591–609, 2024 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-591-609	

ЛИНГВИСТИКА

УДК / UDC 81'272
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-591-609

Языковой ландшафт Улан-Батора: о чем говорят знаки и люди

Эржен Владимировна Хилханова¹

¹ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0001-9369-343X E-mail: [erzhen133\[at\]mail.ru](mailto:erzhen133[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024
© Хилханова Э. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье анализируется языковой ландшафт столицы Монголии Улан-Батора в междисциплинарном теоретико-методологическом контексте: на стыке социолингвистики и лингволандшафтных исследований как ее субдисциплины, социальной семиотики и этнографии. *Целью* исследования является анализ (1) самих знаков языкового ландшафта и (2) социальных значений, приписываемых языкам жителями Улан-Батора, и языковых идеологий, лежащих в основе социальной индексальности. В работе применялись *методы* фотофиксации единиц языкового ландшафта в центре Улан-Батора и анкетирования представителей малых бизнесов и обычных горожан. Всего в качестве *материала* для анализа выступили 576 единиц языкового ландшафта и 100 анкет, собранных в марте 2024 г. *Результаты.* Синхронный срез языкового ландшафта Улан-Батора показал, что ключевыми «игроками» на языковом «поле» Монголии — как в языковом ландшафте столицы, так и в коллективном сознании жителей являются, помимо государственного монгольского языка, английский язык, за которым следуют китайский, русский и корейский языки; особое символическое значение имеет вертикальное монгольское письмо. За преимущественно монголоязычным ландшафтом с тенденцией к вестернизации были выявлены, с одной стороны, открытость страны и ориентация на международное сотрудничество, с другой — беспокойство людей о будущем монгольского языка, его «чистоте». Анализ показал амбивалентное отношение к английскому и китайскому языкам в языковом ландшафте и вне его, что обусловлено как исторической памятью, так и современными геополитическими факторами. Как определенное «примирение» амбивалентных языковых идеологий интерпретируется гибридная стратегия нейминга, т. е. комбинирование монгольского и английского языка как на официальных, так и неофициальных знаках языкового ландшафта. Такая стратегия нейминга имеет множественное индексальное (на)значение: это и репрезентация монгольской национальной идентичности, и проявление стратегии интернационализации и коммодификации языков. В целом языковой ландшафт Улан-Батора находится в состоянии динамической трансформации, и увеличение символического веса одних языков (английского) и уменьшение других (русского) метонимически отражает вектор развития страны и ее ценностные ориентации.

Ключевые слова: языковой ландшафт, Монголия, Улан-Батор, социальное значение, индексальность, знак, языковые идеологии, этнографический подход

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Языковые ландшафты Улан-Удэ и Улан-Батора как зеркало языковой политики и отношения к языкам» (№ 24-28-00590, <https://rscf.ru/project/24-28-00590/>). Автор благодарит доктора филологических наук, профессора Монгольского государственного университета Цэрэнчимэд Саранцацрал за помощь в проведении полевого исследования.

Для цитирования: Хилханова Э. В. Языковой ландшафт Улан-Батора: о чем говорят знаки и люди // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 591–609. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-591-609

The Linguistic Landscape of Ulaanbaatar: what Signs and People tell about

*Erzhen V. Khilkhanova*¹

¹ Institute of Linguistics of the RAS (1, bld. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Senior Research Associate

0000-0001-9369-343X E-mail: erzhen133[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Khilkhanova E. V., 2024

Abstract. *Introduction.* The paper analyzes the linguistic landscape of the Mongolian capital Ulaanbaatar in an interdisciplinary theoretical and methodological context: at the junction of social semiotics, ethnography, and linguistic landscape studies as a subdiscipline of sociolinguistics. *The aim* of the study is to analyze the linguistic landscape signs and social meanings attributed to them by the inhabitants of Ulaanbaatar, as well as linguistic ideologies underlying social indexicality. *The method* used include photographing linguistic landscape units in the center of Ulaanbaatar and surveying representatives of small businesses and ordinary urban dwellers. In total, 576 units of the linguistic landscape and 100 questionnaires collected in March 2024 served as *material* for analysis. *Results.* A synchronous ‘crosscut’ of the linguistic landscape of Ulaanbaatar showed that the key ‘players’ in the linguistic ‘field’ of Mongolia — both in the capital’s linguistic landscape and in the collective consciousness are the official Mongolian language, English, followed by Chinese, Russian and Korean; vertical Mongolian writing has a special symbolic meaning. Behind the predominantly Mongolian linguistic landscape with a tendency towards Westernization other trends and ideologies have been revealed. On the one hand, it is the openness of the country and its orientation towards international cooperation, on the other hand, people’s concern about the future of the Mongolian language and its ‘purity’. The analysis also showed an ambivalent attitude towards English and Chinese in and outside the linguistic landscape, which is due to both historical memory and potential threats to the ‘small country’ from powerful neighbors and globalization, which jeopardizes national identity. As a certain ‘reconciliation’ of ambivalent language ideologies a hybrid naming strategy is interpreted, i.e. the combination of Mongolian and English on both official and unofficial signs of the linguistic landscape. This naming strategy has a multiple indexical value: this is both a representation of the Mongolian national identity and a manifestation of internationalization strategy and commodification of languages. The linguistic landscape in Ulaanbaatar creates a deceptive impression of a large presence of the Russian language, which is created due to the Cyrillic alphabet as a graphic system of the modern Mongolian language and a large number of Russian borrowings. The attitude towards Chinese is characterized by the greatest ambivalence when anti-Chinese sentiments exist along with awareness of its commodification value. In general, the linguistic landscape of

Ulaanbaatar is in a state of dynamic transformation, and the increase in the symbolic weight of some languages (English, Chinese and Korean) and the decrease of others (Russian) metonymically reflects the vector of the country's development and its value orientations.

Keywords: linguistic landscape, Mongolia, Ulaanbaatar, social meaning, indexicality, sign, language ideologies, ethnographic approach

Acknowledgements. The research was funded by Russian Science Foundation, project no. 24-28-00590 “Language Landscapes of Ulan-Ude and Ulaanbaatar as a Mirror of Language Policy and Attitude to Languages” (<https://rscf.ru/project/24-28-00590/>). The author thanks the Doctor of Philology, Professor of the Mongolian State University Tserenchimed Sarantsatsral for her help in conducting the field research.

For citation: Khilkhanova E.V. The Linguistic Landscape of Ulaanbaatar: what signs and people tell about. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (3): 591–609. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-591-609

1. Введение. О теории и методологии исследования

На современном этапе развития наук, подпадающих под широкое определение исследований «языка и общества», уже очевидно, что эпистемологический прирост может происходить только за счет взаимной кросс-фертилизации. Именно таково исследовательское поле данной работы, отраженное в ее названии. С одной стороны, это языковые ландшафты как часть социолингвистической проблематики, в частности, исследований языковой политики [Schohamy 2006], с другой — (социальная) семиотика [Чернявская 2023а; Чернявская 2023б], с третьей — этнографический подход с его вниманием к людям, их языковым идеологиям, как неосознаваемым, так и выведенным на уровень метаязыковой рефлексии.

Хотя понятие языкового ландшафта изначально естественным образом было связано с семиотикой, семиотическая сторона знаков языкового ландшафта в начале не очень акцентировалась. Это видно в известном определении, данном в 1997 г. Р. Лэндри и Р. Бури: «сочетание языков, используемых на публичных дорожных знаках, рекламных щитах, знаках с названиями улиц и заведений, вывесках магазинов и государственных учреждений, образует *языковой ландшафт* (курсив мой. — Э. Х.) данной территории, региона или городской агломерации» [Landry, Bourhis 1997: 25]. Мы придерживаемся этого определения, позитивной стороной которого является четкость, однако учитывали и семиотические измерения языкового ландшафта.

Социальное значение, или, в иной терминологии, *социальные индексы* (курсив мой — Э.Х.) возникают в результате интерпретации знака в связи с контекстом его употребления [Чернявская 2023б]. Социальная индексальность увязана с лингвистической вариативностью, которая возможна на всех уровнях языка — фонетическом, лексическом, грамматическом. Индексальное социальное значение при этом указывает на конкретную социальную атрибуцию, такую как социальный класс, национальность, социальный пол, профессиональный статус и т. п., и на то, как социальные отношения между коммуникантами проявляют себя во взаимодействии [Чернявская 2023а: 75]. В России примером исследований, выявляющих социальную индексальность именно ландшафтных знаков, может служить работа В. Е. Чернявской о социальной индексальности типографики и текстового шрифта, характерных для советского периода и распознаваемых как таковые социальными акторами. В этой работе делается ряд интересных выводов и наблюдений относительно современных практик реконструкции советского ландшафта, имеющих самые разные социальные значения

/ социальные индексы, например, коммерческую эксплуатацию мифа о жизни в идеализированном СССР, где все было «дешево», «стабильно» и «для народа» (подробнее см.: [Чернявская 2023б: 53]).

Ландшафты, как языковые, так и в совокупности вербальных и невербальных знаков, «нагружены» социальными значениями и тесно увязаны с (языковыми) идеологиями (см. также об этом: [Чернявская 2023б: 55–58]). Идеология в нашем исследовании понимается максимально широко¹ — не столько как атрибут и инструмент власти и «символического насилия» [Бурдье 2005], сколько как своеобразный набор инструкций, неписаных нормативных правил, в том числе и в отношении образа социального мира, а также как «средоточие аксиоматических предубеждений» [Рубцов и др. 2016: 24]. Важно подчеркнуть, что идеологии вообще и языковые идеологии в частности как их подвид присущи всем людям независимо от их доступа к власти; они имеют групповые и индивидуальные измерения, только частично рационализируются и поэтому слабо поддаются аналитической рефлексии со стороны самих носителей (подробнее о языковых идеологиях см.: [Хилханова 2022]).

Этнографический подход, обращение к мнениям и оценкам людей, языковым идеологиям нередко остается за скобками как семиотических, так и лингволандшафтных исследований, фокусирующихся на описании и анализе самих знаков языкового ландшафта (см., например: [Габдрахманова и др. 2015]). Без участия «голосов» жителей города читателю предъявляется только материал в интерпретации исследователя, которая, очевидно, не может не быть субъективной². Безусловно, было бы наивным утверждать, что «голоса» придают исследованию объективность; как справедливо отмечал А. А. Горных, «с позиций современных культурных исследований претензии на фактологичность, строгую описательность различных дисциплин — будь то этнография, история или психиатрия — скорее свидетельствуют о работе культурных тропов или механизмов власти-знания (воспроизводство иерархий, распределение ресурсов), нежели ведут к объективной фиксации реалий. Этнографический объект с самого начала является „текстом“, предстает как поле текстуальности, порожаемое „конфликтом интерпретаций“ или взаимопереводом различных „языков“» [Горных 2007: 35].

В нашем исследовании принципиально сочетание вышеописанных теоретико-методологических подходов, когда анализируются сам языковой ландшафт и социальные значения, которые, с одной стороны, закладываются в языковой ландшафт его создателями, а с другой стороны, «считываются» и приписываются ему его наблюдателями, при этом заложенные и интерпретируемые смыслы не всегда совпадают.

Географическим объектом настоящего исследования является страна, практически неизученная с точки зрения ее языкового ландшафта — Монголия. Если тема валоризации языков в Монголии так или иначе присутствует как в научном, так и бытовом дискурсе (например: [Русский язык в Монголии 2023]), тема языкового ландшафта и социальной индексальности его знаков остается пока за пределами интереса (социо)лингвистов. В соответствии с принятой

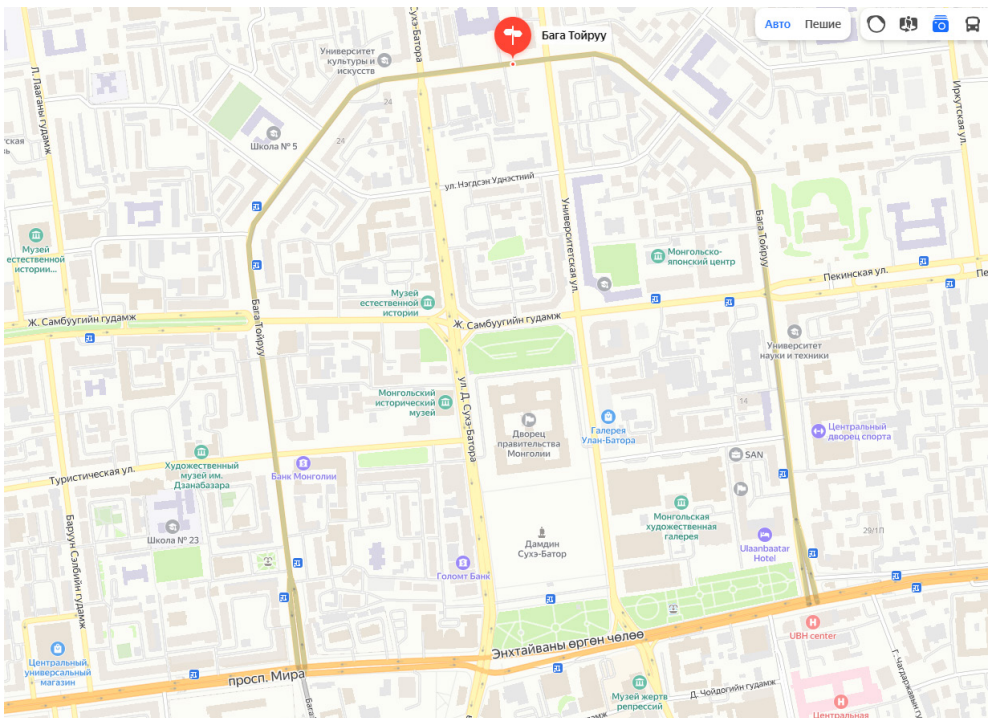
¹ О широкой и узкой интерпретации идеологии см.: [Khilkhanova 2023].

² О «позициональности» ученого см., например: [Форум. Лингвистическая антропология 2023].

теоретической концепцией, отраженной в названии, в операциональном плане исследование базируется на анализе (1) самих знаков языкового ландшафта (далее — ЯЛ) и (2) социальных значений, приписываемых языкам в ЯЛ жителями столицы Монголии Улан-Батора и лежащих в их основе языковых идеологий. Улан-Батор, безусловно, является самым репрезентативным городом Монголии для изучения языкового ландшафта, и ввиду его столичного статуса и размера, и потому, что в нем проживает 1/3 всего населения страны¹.

2. Об источниках и методах исследования

Анализ устройства языкового пространства столицы Монголии проводится с использованием следующих методов. Для сбора материала был использован метод фотофиксации единиц ЯЛ в центре Улан-Батора, внутри сегмента, очерченного двумя центральными улицами города — *Бага тойруу* и проспектом Мира (*Энхтайваны өргөн чөлөө*) (карта 1). Методика сбора эмпирического материала в центре города является весьма распространенной (см.: [Cenoz, Gorter 2006; Blackwood, Tufi 2015]); тогда эти центральные улицы становятся своего рода *pars pro toto* ЯЛ всего города или даже всего региона [Gorter 2018]. Всего в качестве материала для анализа выступили 576 единиц ЯЛ, собранные в 2024 г. Единицей анализа и знаком ЯЛ считался «фрагмент текста в пределах пространственно определяемой рамки» [Backhaus 2007: 66], относящийся к определенному заведению (магазину, парикмахерской и т. д.). Повторы названия заведения на его фасаде дважды не учитывались (о дискуссии по поводу единицы анализа см.: [Gorter 2018]).

Карта 1. Исследованный сегмент в центре Улан-Батора.
[Map. 1. The studied segment in the center of Ulaanbaatar]

¹ По данным Национального статистического управления (*Үндэсний статистикийн хороо*) 2019 г., из всего населения Монголии (3 296 866 человек) в Улан-Баторе проживало 1 539 810 человек [Үндэсний статистикийн хороо].

Помимо выявления общих тенденций ЯЛ внутри очерченного на карте 1 сегмента, был использован один из вариантов количественного метода, а именно метод сплошной фиксации визуальной текстовой информации. Ввиду трудоемкости метода сплошная фотофиксация была использована не на всех улицах внутри вышеозначенного сегмента, а на ограниченном отрезке, начиная с пересечения ул. Бага Тойруу с проспектом Мира и до ее пересечения с Университетской улицей, что составляет примерно 1,5 км (больше половины протяженности улицы Бага Тойруу) (см. карту 1). Применение количественного метода необходимо для выявления реальной, статистически подтвержденной картины соотношения языков в ЯЛ как основы для последующих интерпретаций.

Второй тип источников в соответствии с этнографическим подходом представлен 100 анкетами, выявляющими отношение к языкам жителей Улан-Батора — как представителей малого бизнеса (кафе, магазинов и т. д.), так и обычных горожан. Анкетирование с открытыми вопросами стало вынужденной мерой сбора информации, заменившей изначально планировавшиеся аудиозаписи интервью ввиду нежелания людей отвечать на вопросы под запись¹. Для обработки полученных данных был использован количественный метод и метод лингвистической интерпретации.

Данная публикация впервые представляет результаты проведенного в 2024 г. полевого исследования. Ввиду ограниченности объема статьи и публикации ее в профильном журнале было решено не включать в нее вводный раздел об истории и языковой ситуации в Монголии — эта информация хорошо известна специалистам.

3. Языковой ландшафт Улан-Батора: о чем говорят знаки

Еще до начала полевого исследования в телеграм-канале Буддийской традиционной Сангхи России был размещен пост, где со ссылкой на «доктора филологических наук монгольского языка М. Саруул-Эрдэнэ» говорилось о том, что «вывески в городе Улан-Батор на 80 % состоят из английских слов, тогда как 25 лет назад вывески названий на 40 % были еще на монгольском языке. Таким образом монгольский язык в столице страны отторгается от народа и теряет свою надобность и ценность»². На рис. 1 представлен количественный анализ процентного соотношения языков в ЯЛ Улан-Батора, произведенный по методу сплошной фиксации на ул. Бага Тойруу (см. об этом в разделе 2).

Как видно по рис. 1, халха-монгольский язык (далее мы его будем обозначать просто как монгольский язык) безусловно доминирует в ЯЛ столицы. Таким образом, как общее впечатление от ЯЛ Улан-Батора в целом, так и количественный подсчет в выбранном городском сегменте показывают, что государственный монгольский язык на кириллической графике занимает то место, которое в мировой практике обычно и занимают языки, обладающие таким статусом и государственной поддержкой. Следовательно, вышеприведенное высказывание из телеграм-канала можно считать скорее негативным прогнозом, так как статистический подсчет подтвердил также и значительную долю английского языка и сочетания монгольского и английского в пределах одного и того же

¹ То, что интервьюер — иностранка, также сыграло определенную роль.

² Аюшеев Д. Доктор филологических наук [электронный ресурс] // URL: <https://t.me/datsansangha/4888> (дата обращения: 05.03.2024).

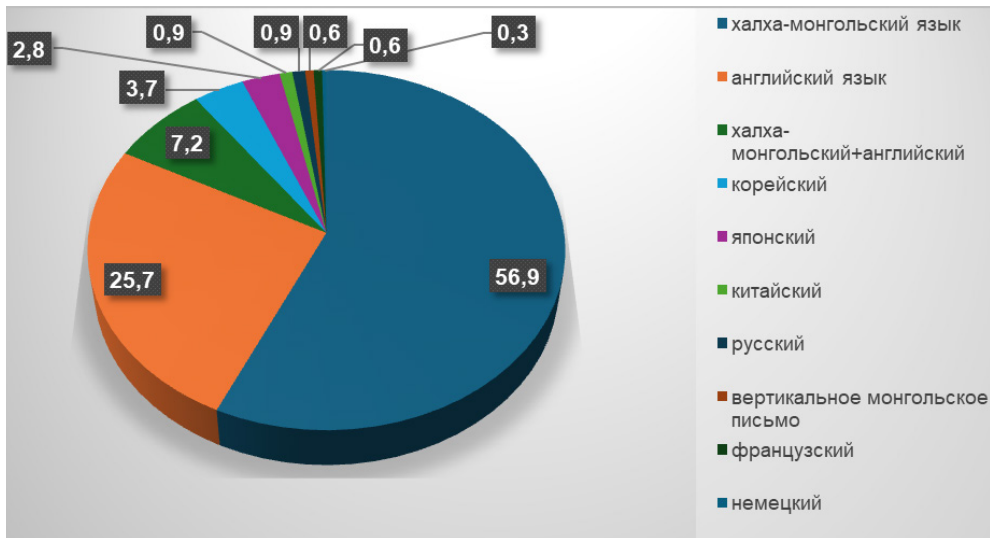

Рис. 1. Доля языков в языковом ландшафте в исследованном сегменте центра Улан-Батора, %
 [Fig. 1. The share of languages in the linguistic landscape in the studied segment of the center Ulaanbaatar, %]

знака ЯЛ. Таким образом, определенная тенденция к «вестернизации» (или американизации) как официальных знаков ЯЛ (названий государственных учреждений), так и вывесок частных заведений (кафе, ресторанов, гостиниц и т. д.) действительно имеет место. В этом смысле в Монголии идет процесс, наблюдаемый во многих регионах мира, включая Азию. Ученые говорят о том, что тенденция к моновязычию, характерная для многих стран, по-видимому, не относится к английскому языку. Например, в Таиланде английский язык быстро становится де-факто вторым языком тайских городов, несмотря на отсутствие исторической принадлежности страны к англоязычному колониальному миру [Huebner 2006: 31]. Монголия также никогда не принадлежала к англоязычному колониальному миру, однако вопрос о том, достигнут ли в Монголии компромисс относительно включения английского языка в «национальный нарратив» [Savski 2021: 16], как это имеет место в Таиланде, еще нуждается в прояснении. Этот вопрос будет рассмотрен более подробно ниже.

Комбинирование монгольского и английского языков в стратегиях нейминга, как, например, на фото 1, имеет множественное индексальное (на)значение: это и репрезентация монгольской национальной идентичности, и проявление стратегии интернационализации и коммодификации языка. Другими словами, такие вывески сигнализируют о презентации заведения как части глобальной экономики, апеллируя к иностранным туристам как потенциальным потребителям и используя английский язык как международный *lingua franca*.

В лингволандшафтных исследованиях известно, что размер надписей и их расположение также имеет значение [Ferguson, Sidorova 2018: 35; Хилханова и др. 2024: 22, 24, 32]. Большинство видов письменностей сегодня, включая латиницу и кириллицу, имеет направление слева направо. Из этого следует то, что знаки, расположенные левее, в первую очередь привлекают внимание и, следовательно, имеют более высокую значимость. Символическая оппозиция

верха и низа также имеет культурную значимость практически во всех культурах. Поскольку современная монгольская графика на кириллической основе, эти две оппозиции — по горизонтали и вертикали — релевантны и для ЯЛ Улан-Батора. На подавляющем большинстве знаков ЯЛ надписи на халха-монгольском выполнены или крупнее, или выше, чем надписи на других языках (см., например, фото 1)¹, обозначая тем самым социальную значимость государственного языка страны.

Фото 1. Вывеска «Продуктовый магазин». Фото автора, 2024 г.
[Photo 1. The sign “Grocery store”. Photo by the author, 2024]

Из всех знаков ЯЛ, пожалуй, самым «нагруженным» социальным значением, даже не индексом, а символом является вертикальное монгольское письмо. Символическая значимость введения собственной графической системы письма, отличной как от российской, так и от китайской, сводится к объединению территориально разделенных монголов, утверждению уникальной национальной идентичности и независимости страны. Тем не менее в исследованном сегменте мы не обнаружили использования монгольского письма в знаках ЯЛ, создаваемых неофициальными акторами. Все обнаруженные знаки были на официальных учреждениях (см., например, фото 2 и 3). Это свидетельствует о том, что, во-первых, смена графики — долгий и непростой процесс, во-вторых, повседневность отличается от top-down конструирования идентичности, которое не поддерживается активно низовыми создателями ЯЛ.

¹ Тем не менее это правило не универсально, и расположение, и размер знаков, а также присутствие на нем невербальных знаков имеют социальное значение. Так, например, доминирование русского языка в сочетании с английским и монгольским на вывеске кафетерия «Милая» (см. фото 4) отражает советское происхождение основателя бренда «Милая» и соответствующий выбор языка.

Фото 2. Государственный музей Чингис-хана
[Photo 2. the State Museum of GenghisKhan]

Фото 3. Министерство юстиции и внутренних дел
[Photo 3. Ministry of Justice and Internal Affairs]

ЯЛ Улан-Батора создает обманчивое впечатление большого присутствия русского языка, чем это есть на самом деле. Этот эффект создается (1) за счет кириллицы как графической системы современного монгольского языка, (2) за счет большого количества заимствований из русского языка, видимых и в ЯЛ тоже. «В течение XX в. иностранные слова, пришедшие из западных языков, почти все проникли через русский. Поэтому русизмами мы считаем все иноязычные слова, которые были освоены русским языком и поступили в монгольский язык через его посредство» [Бат-Эрдэнэ 2012]. Многие русизмы давно стали частью ЯЛ Улан-Батора как в фонетически и графически ассимилированном (галерей, програм, реклам, касс, амбулатори, лаборатори), так и неизменном виде (нотариат, музей, центр, кафе, ресторан, банк, маникюр, педикюр, салон, парк, клуб). Русскоязычности языковому ландшафту добавляют и некоторые механизмы и принципы создания терминов в монгольском языке, к примеру, параллельное употребление иноязычных и монгольских терминов (аптек — эмийн сан) [Довдонбалжирын 2003].

На фото 4 показан один из немногочисленных случаев присутствия русского языка в ЯЛ столицы Монголии не в виде русизмов — это популярный кондитерский бренд «Милая», известный всем жителям Улан-Батора. Этот бренд и серия кафетериев и кондитерских точек в крупнейших супермаркетах столицы был создан бывшим советским дипломатом и торговым представителем России в Монголии С. Опанасенко вместе с супругой Баярцэцэг Ядмаа¹.

Фото 4 интересно еще и тем, что оно параллельно иллюстрирует две других тенденции: во-первых, то, что русский язык практически не встречается автономно, без сочетания с другим языком, монгольским и / или английским, во-вторых демонстрирует более общую закономерность транслингвальности ЯЛ вообще.

¹ Ханский борщ: Как советский дипломат стал монгольским ресторатором [электронный ресурс] // URL: <https://m.ok.ru/group/53002371203235/topic/65637130759075> (дата обращения: 05.03.2024).

Фото 4. Вывеска кафетерия «Милая». Фото автора, 2024 г.
[Photo 4. The sign of the cafeteria "Sweetheart". Photo by the author, 2024]

На фото 4 на русском языке написано только непосредственно название бренда «Милая», вся остальная информация дана на монгольском и английском языках. Это свидетельствует о том, что информационная и коммодификационная «сила» русского языка недостаточна: чтобы знак был моментально понятен максимальному количеству адресатов и привлекал их, необходимо его усилить другими языками, которые этот потенциал имеют, а именно монгольским и английским.

Ослабление позиций русского языка в Монголии следует отнести к экономическим причинам: снижение в 1990-х – начале 2000-х гг. роли России как в мире в целом, так и в отношении Монголии, отсутствие внимания к поддержке русского языка в Монголии в этот период. Теперь, в первой четверти XX в., осознание того, что Россия упускает Монголию как стратегического партнера, присутствует, при этом распространению русского языка мешает недостаток образовательных ресурсов для его изучения, особенно на фоне острой конкуренции с другими языкам, не испытывающими таких проблем (английским, корейским, китайским, японским) [Терентьев 2017: 58].

4. Языковой ландшафт Улан-Батора: о чем говорят люди

Отношение к языкам в ЯЛ Улан-Батора наиболее ярко проявилось при ответе на открытый вопрос *Та хотод ямар хэлээр ярьдаг хүмүүс олиширч, ямар хэлээр ярьдаг хүмүүс цөөрөөсэй гэж хүсэж байна вэ? Яагаад?* ‘Какие языки Вы хотели бы видеть в городе больше, а какие меньше? Почему?’. Полученный широкий спектр ответов мы попытались категоризировать, стараясь максимально сохранить исходные интенции отвечавших. Так, к примеру, русский язык можно разместить в нескольких категориях: «за европейские языки», «за русский язык» и «за языки соседних стран», но учитывался он только в одной из категорий в зависимости от того, какой акцент делался респондентом. Например, в ответе *Орос, Хятад хэлтэй хүмүүс нэмэгдээсэй гэж хүсэж байна. Хоёр хөрштэйгөө байнгын харилцаатай байх учраас харилцах шаардлагатай*¹ ‘Мне бы хотелось,

¹ В цитатах сохранена орфография и пунктуация информантов.

чтобы больше людей говорили по-русски и по-китайски. Общаться необходимо с обоими соседями, потому что они будут в постоянном контакте' респондент видит важность и желательность не отдельно взятого русского языка, а именно наряду с китайским, и фактор «соседства» является ключевым в аргументации. Соответственно, в категорию «за русский язык» попали только те ответы, где люди говорят только о русском языке в ЯЛ города. Нам показалось важным сохранить эту разбивку, существующую в сознании респондентов (см. рис. 2).

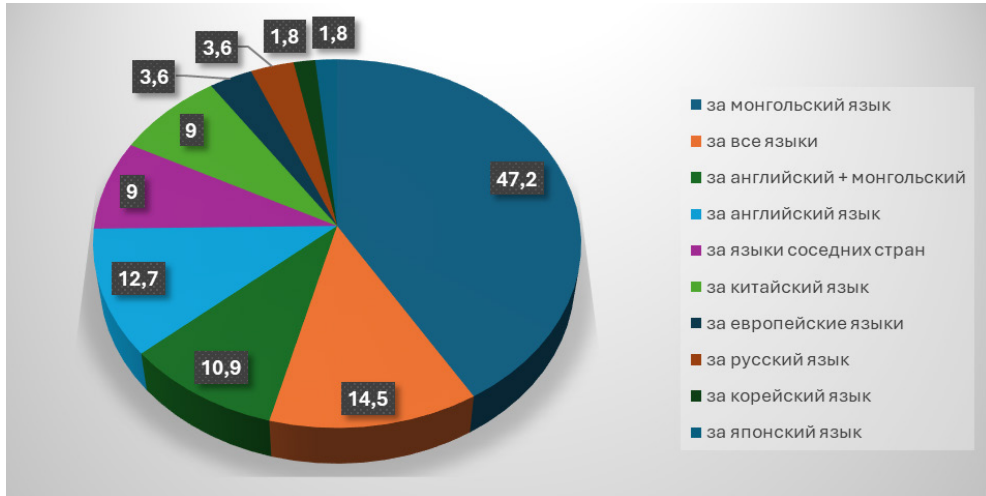

Рис. 2. Ответы информантов о том, какие языки они хотели бы видеть в городе, %
[Fig. 2. Informants' answers about which languages they would like to see in the city, %]

Ответы респондентов о нежелательности тех или иных языков на улицах города для удобства обзора представлены в отдельной диаграмме. Сюда же внесены и случаи, когда отвечающие не знали, что ответить, или не имели мнения по этому поводу (рис. 3).

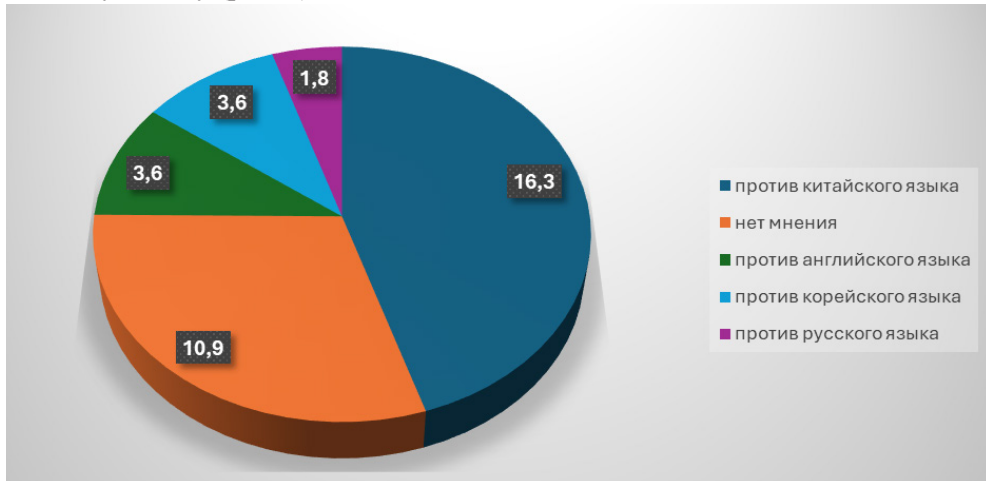

Рис. 3. Ответы информантов о том, какие языки они не хотели бы видеть в городе, %
[Fig. 3. Informants' answers about which languages they would not like to see in the city, %]

Конечно же, следует отдавать себе отчет в условности любой категоризации, примененной к «черному ящику» человеческого сознания. Формулировки «за

язык Х», «против языка Х» были использованы для краткости, и их ни в коем случае не следует понимать буквально. Наоборот, необходимо отметить, что в 14,5 % ответов был продемонстрирован взвешенный и толерантный (можно даже сказать, мудрый) подход, что можно проиллюстрировать следующими высказываниями:

Хоёр хөрийнхөө буюу орос, хятад хэлийг монгол хүмүү өөрчлөх сураасай гэж хүсч байна. Мөн итали, испани хэлээр ярих хүмүүс илүү нэмэгдээсэй гэж хүсч байна. Бүх хэл тодорхой хэмжээгээр хэрэг болдог. НҮБ-ын байнгын хэлнээс, аль нэгийг нь сурвал мөн давуу тал болно. Техник технологийн өндөр хөгжилтэй орнуудын хэлийг сурвал мөн давуу тал болно.

‘Я хочу, чтобы монголы больше узнали о языках двух своих соседей, русском и китайском. Я также хотела бы, чтобы больше людей говорили на итальянском и испанском языках. Все языки в той или иной степени нужны. Изучение одного из официальных языков ООН также является преимуществом. Изучение языков технологически развитых стран также является преимуществом’;

Цөөрөөсэй гэж бодсон хэл байхгүй. Бусад гадаад хэл олироосой.

‘Нет языка, которого бы мне хотелось, чтобы его было меньше. Пусть всех языков станет больше’.

То, что такие ответы, названные нами условно «за все языки», стоят на втором месте вслед за лидирующими по количеству приверженцами монгольского языка, говорит, на наш взгляд, о непопулярности стратегий конфронтации и исключения и популярности стратегий открытости и кооперации среди опрошенных и, по-видимому, населения Монголии в целом. Об этом же говорит и то, что количество ответов «за» значительно превышает количество ответов «против» (см. рис. 2 и 3).

Самым неожиданным результатом оказалась озабоченность информантов состоянием и будущим монгольского языка как отдельно взятого, так и в сопоставлении с китайским и английским. Согласно нашей гипотезе, предполагалось, что в ответах информантов проявятся антикитайские настроения монголов, но не предполагалось, что будут высказаны массовые опасения за судьбу государственного монгольского языка:

Эх хэлээрээ ярих нь манайх шиг жижиг улсад чухал учраас, аль болох монголоороо ярих нь зүйтэй.

‘В такой маленькой стране, как наша, важно говорить на родном языке, поэтому лучше говорить на монгольском как можно больше’;

Монгол хэлээр ярьдаг хүмүүс олирч, Хятад, Солонгос, Орос хэлээр ярьдаг хүмүүс цөөрөөсэй гэж хүсэж байна. Учир нь монгол улсад аж төрж байхад баруун болон зүүн ази улсуудын соёл хэт давамгайлсан нь манай улсын хувьд аюулгүй байдал болон соёл, үндэс угсаанд заналхийлж байна.

‘Мне бы хотелось видеть больше говорящих на монгольском языке и меньше говорящих на китайском, корейском и русском языках. Поскольку культура стран Западной и Восточной Азии была слишком доминирующей во время зарождения Монголии, это представляет угрозу безопасности, культуре и этнической принадлежности нашей страны’.

О чем говорят такие настроения и оценки? Очевидно, что в представлении современных монголов потенциальные угрозы монгольскому языку идут в первую очередь со стороны китайского языка (см. также рис. 3), но также и со стороны английского и даже корейского. Угроза языку воспринимается как

угроза национальной безопасности и суверенитету, т. е. язык отождествляется с нацией. Другими словами, социальное значение халха-монгольского языка, в том числе и в ЯЛ, выходит за чисто языковые рамки и включает в себя широкий исторический, геополитический, патриотический и прочие контексты и интерпретации. Социальная индексальность монгольского языка в ЯЛ и вне его представляет собой набор типичных языковых идеологий и социальных значений, обычно приписываемых концептам родного и государственного языков (в нашем случае они совпадают), а именно: маркер национальной идентичности; связь с монгольской культурой и «корнями»; примордиальная интерпретация связи языка и этничности; языковая идеология «один язык — одна нация», дифференциальный маркер «свой — чужой» [Хилханов 2023: 48].

При этом, как показало количественное исследование ЯЛ Улан-Батора, доля монгольского языка в ЯЛ столицы составляет примерно 57 % (рис. 2) (по крайней мере в исследованном сегменте, т. е. в центре города), а в плане естественного многоязычия Монголия является почти моноязычной страной. То, что, несмотря на это, люди беспокоятся о его будущем, обусловлено историей Монголии как страны, расположенной в зоне влияния двух крупных держав — Китая и России, каждая из которых, по мнению исследователей, в разные исторические периоды ограничивала суверенитет Монголии и возможности третьих стран сотрудничать с ней (цит. по: [Игнатов 2023: 25]). Именно историческая память, ощущение «маленькой страны», живущей в окружении крупных держав и отсюда — потенциальной угрозы и от соседей, и от глобализации, воплощающейся прежде всего в английском языке, придает дополнительные коннотации традиционному набору социальных значений, приписываемых государственному языку страны.

Заметим, что актуализация таких коннотаций не уникальна для Монголии, а характерна для многих стран, недавно приобретших независимость, небольших по размеру, находящихся в стадии становления или укрепления национального государства. К таким в новейшей истории относится ряд стран, к примеру страны Юго-Восточной Европы¹ или Центральной Азии. Например, исследователи языковых ландшафтов пишут о сходном явлении в Словении², где отмечается напряженность, связанная с растущим значением английского языка. Так же, как и в Монголии, общая озабоченность и заявления об угрозе, которую английский язык представляет для национальной идентичности словенцев, иногда выливаются в более конкретное и специфическое русло, затрагивая и тему ЯЛ. Так, в 2019 г. 20 членов Словенской академии искусств и наук подписали открытое письмо, в котором осудили угрозу, которую английский язык представляет для словенского языка, в частности, упомянув «загрязнение словенского языкового ландшафта мириадами английских вывесок / знаков» [Savski 2021: 4].

Конечно, было бы неверно утверждать на этом основании о неприятии монголами английского языка и всего спектра ассоциирующихся с ним социальных значений. Отношение к английскому языку далеко от однозначности и демонстрирует амбивалентные языковые идеологии. С одной стороны, как уже говорилось, он воспринимается как проводник и воплощение глобализации, не-

¹ Из личного опыта (разговора с коллегами-лингвистами из Юго-Восточной Европы в университете Ка Фоскари, Италия, в 2019 г.): во всех образовавшихся после падения Советского Союза странах Юго-Восточной Европы язык приобрел повышенную значимость для национальной идентичности.

² Словения получила независимость от Югославии в 1991 г.

сущей угрозу национальной идентичности, культуре и традициям. Такая позиция, как правило, идет рука об руку с языковым пуризмом, когда люди выступают за чистоту монгольского языка. Примерами таких языковых идеологий могут служить следующие высказывания:

Цэвэр монгол хэлээрээ ярьдаг байгаасаа гэж хүсэж байна. Англи үг хэллэг, сул үгээ болгон хэт их ашигладаг болоод байгаа.

‘Хочу, чтоб говорили на своем монгольском языке. Английские слова и фразы используются слишком часто’;

Эх хэлээрээ ярьж буй хүмүүс олишрч, англи хэлийг монгол хэлтэй хольж ярьж буй хүмүүс цөөрөөсэй гэж хүсч байна.

‘Я хочу, чтобы количество людей, говорящих на своем родном языке, увеличивалось, а количество людей, смешивающих английский с монгольским, уменьшалось’.

С другой стороны, английский язык оценивается позитивно как международный язык, ассоциирующийся с технологическим прогрессом и доступом к разного рода возможностям, образовательным, профессиональным и т. д., например:

Англи хэлээр ярьдаг хүмүүс олироосой гэж хүсдэг. Учир нь англи хэл дэлхийн хамгийн олон хун ярьдаг хэл бөгөөд хаана ч явсан англи хэлээр ярьдаг хүмүүс олддог.

‘Я хочу, чтобы было больше англоговорящих. Потому что английский — самый распространенный язык в мире, и везде, куда бы вы ни пошли, вы можете найти англоговорящих людей’.

И здесь мы хотели бы остановиться на гибридной стратегии нейминга (комбинировании монгольского и английского языка на вывесках), о чем говорилось в данном разделе. Мы интерпретируем данную стратегию как решение, позволяющее, условно говоря, примирить позиции сторонников монгольского языка и противников английского языка в ЯЛ. Присутствие обоих языков как на официальных знаках (см. фото 2 и 3), так и вывесках частных заведений (фото 1) говорит о совпадении официального и стихийного, низового уровней языковой политики в публичном пространстве. Напомним, что гибридные знаки занимают третье место по количеству (7,2 %) после знаков ЯЛ только на монгольском (56,9 %) и только на английском языке (25,7 %). Такая стратегия нейминга имеет множественное индексальное (на)значение: это и репрезентация монгольской национальной идентичности, и проявление стратегии интернационализации и коммодификации языка. Другими словами, такая вывеска сигнализирует и о «монгольскости» заведения, и о презентации его как части глобальной экономики, где английский язык как международный *lingua franca* позволяет апеллировать к иностранным туристам как потенциальным потребителям.

Примечательно и само по себе обладает социальной индексальностью то, что частотность гибридной стратегии, видимой как на официальных, так и неофициальных знаках ЯЛ, коррелирует с частотностью ответов «за монгольский + английский языки» в ответ на вопрос «Какие языки Вы хотели бы видеть в городе больше, а какие меньше? Почему?». Такие ответы находятся на третьем месте (10,9 %) после желающих видеть в городе только монгольский (47,2 %) и «все языки» (14,5 %) (см. рис. 2). Приведем в качестве примера один из типичных ответов:

Монгол болон англиар ярьдаг хүмүүс олироосой гэж боддог. Эх хэл болон, дэлхийн хэл болох англи хэлийг мэдэх нь чухал.

‘Я думаю, что будет больше людей, которые будут говорить по-монгольски и по-английски. Важно знать родной язык и также английский как мировой язык’.

С точки зрения социальной индексальности здесь важен как количественный параметр (количество «гибридных» вывесок и количество ответов в категории «за монгольский + английский языки»), так и содержание дискурса о языках: связка «монгольский + английский язык» в сознании владельцев бизнесов (интерпретаторов-создателей ЯЛ) и обычных горожан (интерпретаторов-наблюдателей) индексирует то, что люди «голосуют» за сочетание национальной идентичности (=монгольский язык) и включенности в глобальную экономику, открытость и прогресс (=английский язык).

Отношение к китайскому языку также далеко от однозначности. Согласно нашим данным, в монгольском обществе доминирующими являются две точки зрения: (1) антикитайские настроения; (2) осознание необходимости китайского языка наряду с английским и русским. Ниже приводятся фрагменты антикитайского дискурса:

Нийслэл хотод маань англиар чөлөөтэй ярьдаг хүмүүс олишрсон нь сайн гэж үзэж байгаа ч, монгол хэлээрээ өөрийнхөө санааг бүрэн гүйцэд илэрхийлэх чадвартай хүүхдүүд олироосой гэж хүсэж байна. Хятадаар ярьдаг хүмүүс цөөрсөн нь дээр, учир нь монголд ирсэн Хятадуудтай хятадаар ойлголцох нь, цаашид хятад хэлтнүүд бүр олирох нь зохисгүй.

‘Я думаю, это хорошо, что в нашей столице больше людей, свободно говорящих по-английски, но я хочу, чтобы больше детей могли в полной мере выражать свои мысли на монгольском языке. Лучше, если будет меньше людей, говорящих по-китайски, потому что с китайцами, приехавшими в Монголию, общаться на китайском языке нецелесообразно, и в будущем число говорящих по-китайски увеличится еще больше’;

Хятад, солонгос хэлийг цөөрөөсэй гэж боддог. Яагаад гэвэл тэдний соёл дургүй. Европын буюу Англи, Орос, гермаг гэх мэт хэлнүүд олиширвол, монгол улсад боловсролын талаас сайн гэж боддог. Нэмж хэлэхэд, хүн төрөлхтөний суут зохиол, бүтээлүүд Европ хэл, соёлоос гаралтай.

‘Хотелось бы, чтобы было меньше китайского и корейского языков. Потому что не нравится их культура. Я думаю, что если количество европейских языков, таких как английский, русский, немецкий и т. д., увеличится, это будет хорошо для образования в Монголии. Кроме того, человеческие великие открытия и произведения взяли начало из европейских языков и культур’.

Вторую точку зрения иллюстрируют следующие высказывания:

Англи, Орос, Хятад хэл дээр аль болох олон хүн яриасай. Орос, Хятад хоёр том гүрний дунд амьдардаг манай монголчуудын хувьд хөрш орныхоо хэлийг мэддэг байх ёстой. Англи хэлний мэдлэггүй бол залуусын хувьд ижил хөдөлмөрлөхөд хэцүү болно.

‘Я бы хотел, чтобы как можно больше людей могли говорить на английском, русском и китайском языках. Наши монголы, живущие между двумя великими державами, Россией и Китаем, должны знать язык соседней страны. Без знания английского языка молодым людям будет сложно работать наравне’.

5. Заключение

Ключевыми «игроками» на языковом «поле» Монголии — как в языковом ландшафте столицы, так и в сознании жителей, является, помимо государственного монгольского языка, английский язык, за которым следуют китайский язык, русский язык, корейский; особое место здесь занимает вертикальное монгольское

письмо. Остальные языки представлены в ЯЛ единичными случаями. Конечно, эти тенденции характерны только для столицы страны; остальные города Монголии не входили в рамки нашего исследования. Тем не менее можно утверждать, что по ЯЛ Улан-Батора можно судить не только о современном состоянии, но и о векторе развития страны, метонимически отраженной в ЯЛ ее столицы. Сегодня, в эпоху урбанизации, именно города, особенно столичные, задают социолингвистические тренды.

Языкам приписываются разные социальные значения, и набор этих значений динамичен и очень чувствителен к экстралингвистическим факторам и переменам. Например, в отношении русского языка в новейшей истории мы видели, как эти знаки менялись с плюса на минус в некоторых странах российского ближнего зарубежья. В Монголии, в отличие от этих стран, такого процесса не происходило. Как пишет В. И. Терентьев, «снижение у монголов интереса к изучению русского языка — это не всегда следствие снижения их интереса к самой России» [Терентьев 2017: 58].

Доля вышеназванных языков в символическом языковом пространстве Улан-Батора находится в состоянии динамической трансформации — одни языки увеличивают свой символический вес, у других этот вес уменьшается, при этом процесс развивается не (прямо)линейно. Так, визуальное присутствие русского языка в ЯЛ довольно велико, но это в основном наследие советского прошлого. Низкий уровень представленности китайского языка, несмотря на то, что Китай — крупнейший торговый партнер Монголии, связан с антикитайскими настроениями монголов, о чем говорилось в предыдущем разделе. Таким образом, в отношении ЯЛ Улан-Батора невозможно сделать вывод об отделении языка от ассоциирующихся с ним носителей, а также о том, что «деньги решают все», как следует из наблюдений ученых за ЯЛ в некоторых других регионах мира (см., например: [Мут 2017]). Коммодификация языков в ЯЛ Улан-Батора имеет свои границы, и репрезентация тех или иных языков как символических знаков движима отнюдь не только инструментально-прагматичными, но и неутилитарными, нерациональными мотивами — исторической памятью, соображениями национальной идентичности и патриотизма.

Социальной индексальностью обладает все — и количественное соотношение языков в ЯЛ Улан-Батора, и размер шрифтов, и выбор системы письменности. Актеры, которые вносят вклад в создание ЯЛ, действуют, исходя из сложного конгломерата как целенаправленных, так и неосознаваемых языковых идеологий, сформированных в определенном историческом, политическом и культурном контекстах и отражающих как их индивидуальные ситуации, так и глобальные и локальные тренды.

Конечно, многие темы остались за рамками статьи. Например, отдельного разговора заслуживает тема транслингвальности и — шире — мультимодальности в ЯЛ. Креативное обращение с языками, отмечаемое исследователями ЯЛ разных стран, также присутствует в ЯЛ Улан-Батора, равно как и ошибки при использовании разных языков. Поскольку это первая публикация по результатам полевого исследования, она носит обобщающий характер; более детальный анализ и вышеописанные темы должны стать предметом рассмотрения в следующих публикациях.

В целом тема ЯЛ на стыке с (социальной) семиотикой и этнографией неисчерпаема. Процесс семиозиса вообще и в ЯЛ, в частности, идет постоянно, знаки

появляются и исчезают, интерпретируются и реинтерпретируются в зависимости от изменений в социуме. Как сказал М. Вебер, «человек — это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов (цит. по: [Гирц 2004: 11]), и анализ именно паутины смыслов и значений представляет особый интерес.

Литература

- Бат-Эрдэнэ 2012 — *Бат-Эрдэнэ Сономжамцын*. К вопросу орфографии русизмов в монгольском языке // Наука и школа. 2012. № 4. С. 110–113.
- Бурдьё 2005 — *Бурдьё П.* О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. № 2. URL: [https://magazines.gorky.media/ oz/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka.html](https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka.html) (дата обращения: 12.09.2019).
- Габдрахманова и др. 2015 — *Габдрахманова Г. Ф., Махматов З. А., Сагдиева Э. А.* Государственные языки Республики Татарстан в языковом ландшафте региона. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Артефакт, 2015. 56 с.
- Гирц 2004 — *Гирц К.* Интерпретация культур: [пер. с англ.]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.
- Горных 2007 — *Горных А. А.* Визуальная антропология: видеть себя другим // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 32–52.
- Довдонбалжирын 2003 — *Довдонбалжирын Болд*. Заимствование иноязычных терминов в современном монгольском языке : дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Батор, 2003. 164 с.
- Игнатов 2023 — *Игнатов И. А.* Концепция «третьего соседа» во внешней политике Монголии (1991–2021 гг.): исторические и международно-политические аспекты: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2023. 167 с.
- Мут 2017 — *Мут С.* Русский язык за рубежом: Взгляд на язык сквозь призму коммодификации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 21. 2017. № 3. С. 463–492. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-463-492
- Рубцов и др. 2016 — *Рубцов А. В., Любимова Т. Б., Сыродеева А. А.* Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности. М.: Ин-т философии РАН, 2016. 245 с.
- Русский язык в Монголии 2023 — Русский язык в Монголии: сфера образования / Ч. С. Цыбенова, Г. А. Дырхеева, В. Г. Жалсанова, Ц. Саранцацрал, Ц. Цогзолмаа; отв. ред. Г. А. Дырхеева, Ц. Саранцацрал. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2023. 199 с.
- Терентьев 2017 — *Терентьев В. И.* Русский язык в Монголии сегодня // Азия и Африка сегодня. 2017. № 9. С. 56–60.
- Үндэсний статистикийн хороо — Үндэсний статистикийн хороо. Монгол улсын хүн амын тоо. URL: Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан (nso.mn) (дата обращения: 01.06.2023).
- Форум: Лингвистическая антропология 2023 — Форум: Лингвистическая антропология // Антропологический форум. 2023. № 58. С. 12–189. DOI: 10.31250/1815-8870-2023-19-58-12-189
- Хилханов 2023 — *Хилханов Д. Л.* Феномен Другого в современных условиях // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Философские науки. 2023. № 2(46). С. 47–58. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.4
- Хилханова 2022 — *Хилханова Э. В.* Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о разграничении понятий // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 148–162.
- Хилханова и др. 2024 — *Хилханова Э. В., Ондар Ч. Г., Иванов В. В., Акопян К. С.* Языковые ландшафты Кызыла и Улан-Удэ как зеркало региональной языковой политики // Новые исследования Тувы. 2024. № 1. С. 18–38. DOI: 10.25178/nit.2024.1.2
- Чернявская 2023а — *Чернявская В. Е.* «Парадную они называют подъезд»: социальное значение в семантике и метапрагматике // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 1. С. 72–85. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-5
- Чернявская 2023б — *Чернявская В. Е.* Типографика как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе // ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics. 2023. № 2 (36). С. 50–73. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73

- Backhaus 2007 — *Backhaus P.* Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon–Buffalo–Toronto: Multilingual Matters, 2007. 158 p.
- Blackwood, Tufi 2015 — *Blackwood R., Tufi S.* The Linguistic Landscape of the Mediterranean: French and Italian Coastal Cities. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 246 p.
- Cenoz, Gorter 2006 — Cenoz J. and Gorter D. Linguistic Landscape and Minority Languages // *International Journal of Multilingualism*. 2006. No. 3 (1). Pp. 67–80. DOI: 10.1080/14790710608668386
- Ferguson, Sidorova 2018 — *Ferguson J., Sidorova L.* What language advertises: ethnographic branding in the linguistic landscape of Yakutsk // *Language Policy*. 2018. Vol. 17. No. 1. Pp. 23–54.
- Gorter 2018 — *Gorter D.* Methods and techniques for linguistic landscape research: About definitions, core issues and technological innovations // *Expanding the Linguistic Landscape: Multilingualism, Language Policy and the Use of Space as a Semiotic Resource* / M. Pütz & N. Mundt (eds). Bristol: Multilingual Matter. 2018. Pp. 38–57. DOI: 10.21832/9781788922166-005.
- Huebner 2006 — *Huebner T.* Bangkok's linguistic landscapes: Environmental print, codemixing and language change // *International Journal of Multilingualism*. 2006. No. 3 (1). Pp. 31–51. DOI: 10.1080/14790710608668384
- Khilkhanova 2023 — *Khilkhanova E.* Language Ideologies and Topoi in web Discussions on Russia's Minority Languages // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2023. Vol. 19. No. 1. Pp. 102–137. DOI: 10.30842/alp23065737191102137
- Landry, Bourhis 1997 — *Landry R. and Bourhis R. Y.* Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. No. 16(1). Pp. 23–49.
- Savski 2021 — *Savski K.* Language policy and linguistic landscape Identity and struggle in two southern Thai spaces // *Linguistic Landscape*. 2021. No. 7 (2). Pp. 128–150. DOI: 10.1075/ll.20008.sav
- Shohamy 2006 — *Shohamy E.* Language Policy: Hidden Agendas and New Approaches. New York: Routledge, 2006. 208 p. DOI:10.4324/9780203387962

References

- Bat-Erdene Sonomzhamsyn. To a Question of Orthography of Russisms in Mongolian Language. *Science and School*. 2012. No. 4. Pp. 110–113. (In Russ.)
- Bourdieu P. On the Production and Reproduction of a Legitimate Language. *Otechestvennye zapiski*. 2005. No. 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka.html> (accessed: 12 September 2019) (In Russ.)
- Backhaus P. Linguistic Landscapes: a comparative study of urban multilingualism in Tokyo. Clevedon–Buffalo–Toronto: Multilingual Matters, 2007. 158 p. (In Eng.)
- Blackwood R., Tufi S. The Linguistic Landscape of the Mediterranean: French and Italian coastal cities. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 246 p. (In Eng.)
- Cenoz J., Gorter D. Linguistic Landscape and Minority Languages. *International Journal of Multilingualism*. 2006. No. 3 (1). Pp. 67–80. DOI: 10.1080/14790710608668386 (In Eng.)
- Chernyavskaya V. E. They Call the Main Entrance a Porch: Social Meaning in Semantics and Metapragmatics, *Slovo.ru: Baltic accent*. 2023a. Vol. 14. No. 1. Pp. 72–85. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-5 (In Russ.)
- Chernyavskaya V. E. Typography as Social Index: Soviet Landscape in the Modern Russian Discourse. ПРАΞΗΜΑ. *Journal of Visual Semiotics*. 2023. No. 2 (36). Pp. 50–73. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73 (In Russ.)
- Dovdonbalzhiryn Bold. Borrowing of Foreign Language Terms in the Modern Mongolian Language: Cand. Sc. (Philology) Thesis. Ulan-Bator, 2003. 164 p. (In Russ.)
- Ferguson J., Sidorova L. What Language Advertises: Ethnographic Branding in the Linguistic Landscape of Yakutsk. *Language Policy*. 2018. Vol. 17. No. 1. Pp. 23–54. (In Eng.)
- Forum 58: Linguistic Anthropology. *Forum for Anthropology and Culture*. 2023. No. 58. Pp. 12–189. DOI: 10.31250/1815-8870-2023-19-58-12-189 (In Russ.)
- Gabdrakhmanova G. F., Makhmutov Z. A., Sagdieva Je. A. State Languages of the Republic of Tatarstan in the Linguistic Landscape of the Region. Kazan': Sh. Mardzhani Institute of

- History (Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan). *Artifakt*, 2015. 56 p. (In Russ.)
- Geertz C. The Interpretation of Cultures. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. 560 p. (In Russ.)
- Gornyx A. A. Visual Anthropology: to See yourself Differently. *Forum for Anthropology and Culture*. 2007. No. 7. Pp. 32–52. (In Russ.)
- Gorter D. Methods and Techniques for Linguistic Landscape Research: about Definitions, Core Issues and Technological Innovations. M. Pütz & N. Mundt (eds). In: *Expanding the Linguistic Landscape: Multilingualism, Language Policy and the Use of Space as a Semiotic Resource*. Bristol: Multilingual Matter, 2018. Pp. 38–57. DOI: 10.21832/9781788922166-005. (In Eng.)
- Huebner T. Bangkok's Linguistic Landscapes: Environmental Print, Codemixing and Language Change. *International Journal of Multilingualism*. 2006. No. 3 (1). Pp. 31–51. DOI: 10.1080/14790710608668384. (In Eng.)
- Ignatov I. A. The Concept of the “Third Neighbor” in Mongolia's Foreign Policy (1991–2021): Historical and International Political Aspects. Cand. Sc. (History) Thesis. Moscow, 2023. 167 p. (In Russ.)
- Khilkhanov D. L. The Phenomenon of the Other in Modern Conditions. *Bulletin of Moscow State Pedagogical University. MCU Journal of Philosophical Sciences*. 2023. No. 2 (46). Pp. 47–58. DOI: 10.256 88/2078-9238.2023.46.2.4. (In Russ.)
- Khilkhanova E. V. Language Attitudes and Language Ideologies in Western and Russian Scholarship: the Differentiation of Concepts. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. 2022. No. 3. Pp. 148–162. (In Russ.)
- Khilkhanova E. Language Ideologies and Topoi in Web Discussions on Russia's Minority Languages. *Acta Linguistica Petropolitana*. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2023. Vol. 19. No. 1. Pp. 102–137. DOI 10.30842/alp23065737191102137 (In Russ.)
- Khilkhanova E. V., Ondar Ch. G., Ivanov V. V., Hakobyan K. S. The Linguistic Landscapes of Kyzyl and Ulan-Ude as a Mirror of Regional Language Policy. *New Research of Tuva*. 2024. No. 1. Pp. 18–38. (In Russ.). DOI: 10.25178/nit.2024.1.2 (In Russ.)
- Landry R., Bourhis R. Y. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality: an Empirical Study. *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. No. 16(1). Pp. 23–49. (In Eng.)
- Muth S. Russian Language Abroad: Viewing Language through the Lens of Commodification. *Russian Journal of Linguistics*. 2017. No. 21 (3). Pp. 463–492. DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-2- 463-492. (In Russ.)
- National Statistic Office of Mongolia. Mongolian Statistic Information Service. Population. Available at: <https://nso.mn/mn> (accessed: 01 June 2023). (In Mong.)
- Rubtsov A. V., Ljubimova T. B., Syrodeeva A. A. Practical Ideology. To the Analysis of Ideological Processes in Political and Socio-Cultural Reality. Moscow: Institute of Philosophy (RAS), 2016. 245 p. (In Russ.)
- Savski K. Language Policy and Linguistic Landscape Identity and Struggle in Two Southern Thai Spaces. *Linguistic Landscape*. 2021. No. 7 (2). Pp. 128–150. DOI: 10.1075/ll.20008.sav (In Russ.)
- Shohamy E. Language Policy: Hidden Agendas and New Approaches. New York: Routledge, 2006. 208 p. DOI: 10.4324/9780203387962 (In Eng.)
- Terent'ev V. I. Russian Language in Mongolia Today. *Asia and Africa Today*. 2017. No. 9. Pp. 56–60. (In Russ.)
- Tsybe nova Ch. S., Dyrkheeva G. A., Zhalsanova V. G., Sarantsatsral Ts., Tsogzolmaa Ts. The Russian Language in Mongolia: the sphere of education. G. A. Dyrheeva, Ts. Sarantsatsral (eds). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2023. 199 p. (In Russ. and In Mong.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 3, pp. 610–627, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-610-627

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЛИТЕРАТУРОВЕДИЕНИЕ

УДК / UDC 821.512.37

DOI:10.22162/2500-1523-2024-3-610-627

Ятха в калмыцком фольклоре и лирике XX в.: поэтика музыкального инструмента

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-1239-5639. E-mail: [khaninova\[at\]bk.ru](mailto:khaninova[at]bk.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Ханинова Р. М., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрена поэтика музыкального инструмента *ятх* ‘арфа-ятха’ в калмыцком фольклоре и лирике XX в. *Цель статьи* — изучить традицию данного калмыцкого музыкального инструмента в аспекте его отражения в творчестве калмыцких поэтов. *Материалы и методы.* В качестве материалов привлечены калмыцкий эпос «Джангар», калмыцкие народные сказки, калмыцкие народные песни, в также монгольские легенды, стихи Б. Б. Сангаджиевой, С. Л. Байдыева, Э. Н. Лиджиева 1960-х — начала 1970-х гг. Сравнительно-сопоставительный, историко-функциональный методы, а также метод описательной поэтики, культурологический, музыковедческий подходы обусловили комплексный анализ избранных произведений в данном исследовании. *Результаты.* Ятха в калмыцком фольклоре манифестируется как священный инструмент, символизирующий неземное и властное начала. Если в эпосе *биив* ‘кларнет’ и *ятх* ‘арфа’ представлены как отдельные музыкальные инструменты, на которых играют персонажи и ветер, то в одной калмыцкой сказке и как ‘биив-ятх’, «соединивший», видимо, в себе два инструмента: ‘биваа’ (струнный щипковый инструмент) и ‘ятх’. В калмыцкой лирике прошлого столетия по сравнению с домброй ятхе адресовано меньше произведений. В разножанровых произведениях Б. Б. Сангаджиевой, С. Л. Байдыева и Э. Н. Лиджиева тема ятхи, с одной стороны, связана с темой назначения поэта и поэзии (ятха как лира), с другой — с любовной темой сквозь призму мелодии этого музыкального инструмента. У Б. Б. Сангаджиевой и Э. Н. Лиджиева фигурирует именно ятха, а у С. Л. Байдыева в одном и том же тексте даны два наименования: как ‘ятх’ и как ‘биив-ятх’. На русский язык Н. Н. Матвеевой переведено четверостишие Б. Б. Сангаджиевой, в котором вместо ятхи присутствует лира.

Ключевые слова: музыкальные инструменты, ятха, лира, калмыцкий фольклор, сказка, калмыцкая лирика, поэтика, перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации:

AAAA-A19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Ятха в калмыцком фольклоре и лирике XX в.: поэтика музыкального инструмента // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 610–627. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-610-627

Yatha in Kalmyk Folklore and Lyrics of the 20th century: the poetics of a musical instrument

Rimma M. Khaninova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate
 0000-0003-1239-5639. E-mail: khaninova[at]bk.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Khaninova R. M., 2024

Abstract. The article examines the poetics of the musical instrument ‘yath’ (yatha) in Kalmyk folklore and lyrics of the 20th century. *The purpose of the article* is to study the tradition of this Kalmyk musical instrument in the aspect of its reflection in the works of Kalmyk poets. *Materials and methods.* The Kalmyk epic “Dzhangar”, Kalmyk folk tales, Kalmyk folk songs, as well as Mongolian legends, poems by B. B. Sangadzhieva, S. L. Baydyev, E. N. Lidzhiev of the 1960s – early 1970s were used as materials. Comparative and comparative, historical and functional methods, as well as the method of descriptive poetics, cultural, and musicological approaches determined a comprehensive analysis of the selected works in the article. *Results.* Yatha in Kalmyk folklore manifests itself as a sacred instrument, symbolizing the unearthly and powerful principles. If in the epic ‘biiv’ (clarinet) and ‘yath’ (harp) are presented as separate musical instruments played by characters and the wind, then in one Kalmyk fairy tale they are also represented as ‘biiv-yath’, which apparently “united” in itself two instruments: ‘biwaa’ (plucked string instrument) and ‘yath’. In Kalmyk lyrics of the last century, compared to dombra, fewer works are addressed to yatha. In the multi-genre works of B. B. Sangadzhieva, S. L. Baydyev and E. N. Lidzhiev, the theme of yatha, on the one hand, is connected with the theme of the purpose of the poet and poetry (yatha as a lyre), on the other, with a love theme through the prism of the melody of this musical instrument. In B. B. Sangadzhieva and E. N. Lidzhiev it is yatha that appears, and in S. L. Baydyev two names are given in the same text: as ‘yath’ and as ‘biiv-yath’. N. N. Matveeva translated the quatrain of B. B. Sangadzhieva into Russian, in which there is a lyre instead of a yatha.

Keywords: Kalmyk folklore, fairy tale, musical instruments, yatha, Kalmyk lyrics, lyre, poetics, translation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Khaninova R. M. Yatha in Kalmyk folklore and lyrics of the 20th century: the poetics of a musical instrument. *Mongolian Studies* (Elista). 2024. 16 (3): 610–627. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-610-627

1. Введение

В калмыцком устном народном творчестве национальные музыкальные инструменты представлены с разной частотностью. В нашей статье была рассмотрена дombra как один из основных и распространенных до сих пор инструментов в музыкальной культуре народа, нашедшая отражение в пословицах и загадках, эпосе, легендах и сказках, а также в лирике калмыцких поэтов прошедшего и

нынешнего столетия [Ханинова 2024а: 178–208]. Несмотря на заимствованный характер, домбра заняла ведущие позиции в исполнительском искусстве и в лирике калмыцких авторов разных поколений. Два других музыкальных инструмента — биеве и ятха — изучены в другой нашей статье [Ханинова 2024б: 89–94] на материалах эпоса «Джангар» и стихотворения Михаила Хонинова «Музыка конских грив и хвостов» («Дел, сүүлэс һарсн көгжм», 1976) [Хоньна М. 1976: 55–58], в переводе Ирины Волобуевой «Музыка конских грив» [Хонинов 1977: 80–83].

В данной статье продолжено исследование ятхи в калмыцком фольклоре и лирике поэтов, адресовавших свои произведения этому музыкальному инструменту. Как выяснилось, по сравнению с домброй ятха в устном народном творчестве представлена с меньшей интенсивностью и в определенных фольклорных жанрах. Это общие места в эпосе «Джангар», упоминания в народных песнях, сказках, сказывание эпоса под аккомпанемент ятхи. Если у многих калмыцких поэтов стихи адресованы домбре в том или ином аспекте, то стихи о ятхе у них единичны. При этом в заглавии одних стихотворений фигурирует этот музыкальный инструмент («Ятх» Боси Бадмаевны Сангаджиевой, «Ятхичн татнав» Эренцена Нимгировича Лиджиева), в других текстах названия даны по первой строчке («Биив-ятхин чивһц болһн...», «Йирн йисн эрдм хээн угав...» Санжары Лиджиевича Байдыева). Из этих произведений переведено на русский язык четверостишие Б. Б. Сангаджиевой («Лиру...», пер. Н. Н. Матвеевой).

В «Калмыцко-русском словаре» ятха (калм. ‘ятх’) обозначена как арфа [КРС 1977: 712]. Синьцзянские ойраты видят сходство ятхи (‘ятх’) тоже с арфой [Жижян Э.-Б. 1995: 26], Б. Х. Тодаева приводит такое написание: «йатһа (йатуһа) арфа» [Тодаева 2001: 183].

У монголов этот инструмент называется ‘ятга’ или ‘ятаг’. В «Монгольско-русском словаре» [МРС 1957: 697] и в «Русско-монгольском словаре» [Дамдинсүрэн, Лувсандэндэв 1982: 17] он также обозначен как арфа. «Большой академический монгольско-русский словарь» указывает на похожесть этого инструмента не только с арфой, но и с гуслими: «ятга (четырнадцатиструнный музыкальный инструмент, похожий на арфу, гусли)» [БАМРС 2002: 470]. В «Современном монгольско-русском тематическом словаре» ‘ятаг’ — «национальный струнный щипковый инструмент» [Ульгийсайхан, Скородумова 2008: 149].

Ср.: «Арфа — струнный щипковый музыкальный инструмент древнеегипетского происхождения, имеющий форму треугольной рамы с резонатором и 44–47 струнами» [Смирнов 2001: 11]. Ср.: «Гусли — старинный русский струнно-щипковый инструмент, представляющий собой плоский деревянный ящик трапециевидной формы с горизонтально натянутыми струнами, защищаемыми при игре» [Смирнов 2001: 40].

Древний национальный инструмент монголоязычных народов претерпел свою историю у калмыков, когда в первой половине прошлого столетия стал выходить из употребления по разным причинам. Но во второй половине прошлого столетия постепенно началось его возрождение, и теперь исполнительское искусство ятхи востребовано в самых разных формах, в том числе и на уровне национального оркестра.

«В Монголии ятаг используется как инструмент камерный и оркестровый. Ятха так же, как и хучир, была у калмыков инструментом аристократическим,

в отличие от тувинцев, у которых она являлась весьма распространенной в народе» [Бадмаева 2001: 103].

2. Материалы и методы

В качестве материалов привлечены калмыцкий эпос «Джангар», калмыцкие народные сказки «Биив-ятх» («Бииве-ятха»), «Ятхин айс» («Мелодия ятхи»), «Өнчн көвүн шулм күүк авсна тускар» («О том, как сирота женился на шулме»), калмыцкая небылица «Акад юмн» («Что-то странное»), калмыцкие народные песни, а также монгольские легенды о происхождении ятага и моринхура.

Музыкальная тема рассмотрена на примерах стихотворений «Ятх» Б. Б. Сангаджиевой, «Биив-ятхин чивхсн болһн...» С. Л. Байдыева, «Ятхичнь татнав» Э. Н. Лиджиева 1960-х — начала 1970-х гг. Сравнительно-сопоставительный, историко-функциональный методы, а также метод описательной поэтики, культурологический, музыковедческий подходы обусловили комплексный анализ избранных произведений в статье.

3. Ятха и бииве-ятха в фольклоре монголоязычных народов

3.1. Монгольская легенда о происхождении ятага

Слово ‘ятаг’ «происходит от древнетюркского корня *iai* (лежать)», характеризуя положение инструмента во время игры (цит. по: [Бадмаева 2001: 101]). С такой версией, по мнению искусствоведа, перекликается монгольская легенда о происхождении ятага: «В одном аймаке жили муж с женой. Тогда часто случались войны, и мужу приходилось оставлять жену и уходить воевать. Жена очень любила своего мужа и боялась его потерять. Когда он в очередной раз прощался с ней, то она стала умолять его остаться. Женщина так горячо просила, что превратилась в музыкальный инструмент ятху: из ее коленопреклоненного тела образовался корпус ятага, а из длинных распущенных волос — струны. (Зундуин Нарнтуя)» [Бадмаева 2001: 101]. При этом не ясно, речь идет о «монгольской истории о ятаге» или калмыцкой, поскольку в тексте есть два разных наименования одного и того же инструмента: *ятх* (калм.) и *ятаг* (монг.). Скорее всего, это небрежный перевод монгольского первоисточника.

Как поясняет искусствовед, ятха — «это дощечная цитра с резонатором. Длинный, квадратный в сечении корпус инструмента выгибается на одну сторону слегка под тупым углом. Короткая часть изгиба представляет собой ножку (‘коли’). На противоположном от изгиба конце ножка сделана в виде подставки (‘тевк’). На нижней деке проделаны небольшие отверстия разной формы (круглые, звездообразные), а на верхней — помещаются металлические бруски, которые на прямом конце ятхи неподвижно укреплены кольшками (‘шикшерге’), на ребре изгиба (‘дер’) они натягиваются посредством ключа подвижными кольшками. Каждая из струн поддерживается высокими подставками (‘тевк’))» [Бадмаева 2001: 101].

3.2. Ятха, хур и бииве в калмыцком эпосе «Джангар»

В калмыцком эпосе «Джангар» упомянуто множество национальных музыкальных инструментов — цур, бииве, бишкур, дунг, бюря, товшур, хучир, мерин хур, хур, ятха, кенкрнг, хонх и др.

По словам музыковеда, «основная форма исполнения эпических произведений монгольских народов — от начала до конца на один общий напев в сопро-

вождении музыкального инструмента или без него. <...> Несмотря на то, что участие инструмента уже не является обязательным условием исполнения эпоса, все же в сознании певца он всегда присутствует. Если джангарчи исполняли эпос под аккомпанемент домбры, товшура, мёрин хура, то инструменту поручались вступление, отыгрыши между рядом мелостроф, а также роль ритмического фона речитатива» [Шивлянова 1997: 9; 15]. Среди других инструментов при исполнении эпоса называли и ятху [Луганский 1987: 32].

Г. Ю. Бадмаева отмечает, что у калмыков внехрамовыми инструментами, выражающими представления о мире аналогично циню у китайцев, моринхуру у монголов и бурят, т(д)ошпулуру и игилу у тувинцев, домбре и кобызу у казахов, являются ятха, хуур и домбра. «Первые два инструмента характеризуют высокую традицию: на них замечательно играет ханша Ага Шавдал из эпоса „Джангар“, с их формой ассоциируются уши и челка богатырских коней» [Бадмаева 2001: 86].

Так, в эпическом исполнении Давы Шавалиева сказано: *Ах, Шавдл хатн / Найн хойр чивхстэ / Нэрхн цаһан ятхан / Авад делдгсн бээдг, гинэ*. ‘Ага Шавдал, хатун, / С восьмьюдесятью двумя струнами / Изящную светлую ятху / Взяв, стала на ней играть, говорят’ [Шавалин Дава 2020: 64, 65]. В Багацохуровском цикле сравнивается: *Бэрм үл күрх эрднь мөңгн делтэ, / Бадм ятх саңната*. ‘Необхватная, цвета драгоценного серебра грива его была, / Священной ятхе подобной чёлка его была’ [Багацохуровский цикл 2020: 80, 81]; *Бэргсн мөрнь / Хуур хойр чикэрн / Хурмстн теңгрин ор хатхв*. ‘Взнузданный конь / Хуру подобные уши / В сторону обители Хормусты тенгрия наострил’ [Багацохуровский цикл 2020: 234, 235].

В «Калмыцко-русском словаре» хур — скрипка [КРС 1977: 610]. В «Большом академическом монгольско-русском словаре» хуур — смычковый музыкальный инструмент [БАМРС 2001: 177]. Ср. хуур — «разновидность коробчато-шейковой лютни» [Бадмаева 2001: 111].

Созвучие нескольких музыкальных инструментов характерно, например, для общих мест эпоса «Джангар», где описывается звучание бииве, ятхи и хура при беге коней от их развевающихся на ветру грив и хвостов. Например, в Багацохуровском цикле: *Эн салькни серүнднь / Унгсн мөрнәннь / Бэрм үл күрх делнь / Барун бийдэн унжэ, [терүнэснь] / Бадм ятхин дун жиңнв, / Бэр талк сувсн мөңгн сүүлэснь / Хуур, ятхин дун жиңнв*. ‘От дуновения этого ветерка / Коня его / Необхватная грива, / На правую сторону свесившись, / Звуки священной ятхи издавала, / С жемчужно-серебристым отливом хвост его / Хура и ятхи звуки издавал’ [Багацохуровский цикл 2020: 250, 251]. В версии Ээлян Овла: *Дел, сүүлн делслһнд / Биив, ятхин дун һарад <...> Дел, сүүлэснь / Ятх, хуурин дун / Һарн, гүүһад одв*. ‘Развевающиеся гривы и хвосты / Звуки биве и ятхи издавали <...> Гривы и хвосты их / Звуки ятхи и хура / Издавали, так они неслись...’ [Ээлян Овла 2020: 70, 180].

Ср. в монгольской легенде о происхождении моринхура (двухструнного смычкового инструмента с резным изображением коня на грифе): «Жил в степи крылатый конь, при полете которого от развивающихся по ветру гривы и хвоста возникали чарующие звуки. Волшебная сила мелодии помогала простому арату — хозяину этого коня сгонять в степи табуны лошадей» [Демин 2000: 178].

3.3. Мотив запрета в калмыцкой сказке «Ятхин айс» («Мелодия ятхи»)

В двух сказках калмыцкого фольклора важная роль отведена ятхе. Одна сказка из репертуара сказительницы Т. С. Тягиновой [Биив-ятх 2008: 62–64], другая записана от Б. Гедеева [Ятхин айс 1989: 4]. Первая сказка не имеет русского перевода, перевод второй сказки осуществлен Д. Б. Гедеевой (см.: [Бадмаева 2001: 177–178]). И в последнем случае неясности связаны, во-первых, с тем, что в газетной публикации сказка «Ятхин айс» («Мелодия ятхи») записана у Б. Гедеева, а в кандидатской диссертации Г. Ю. Бадмаевой приведен перевод этой сказки под фамилией его дочери, филолога Д. Б. Гедеевой без отсылки к оригинальной публикации ее отца. Во-вторых, в содержании данной диссертации название этого текста дано как «Легенда о ятхе», а в Приложении 5 как «История, которая получилась из мелодии ятхи» (см. [Бадмаева 2001: 177]). Это разные жанровые дефиниции, названия которых не совпадают в указанной работе искусствоведа.

Не вдаваясь в целостный анализ сказки «Ятхин айс», являющей, как нам представляется, контаминацию нескольких сказочных сюжетных мотивов, обратимся к сюжетной коллизии, связанной с музыкальным инструментом.

«Кезэнэ ик олн үйин урд цагт нег көвүтэ гергн теңс hatц хол hazрт көвүһэн сурһульд илгэнэ. Тегэд көвүндэн ятх гидг зевсг өгч тэвнэ. „Зуг адг чивһснднь күргл уга цокжа“, — гиһэд өгч тэвнэ» [Ятхин айс 1989: 4] — «В давние времена, много лет назад, одна женщина отправила единственного сына за море учиться. Дала ему музыкальный инструмент ятху и попросила никогда не притрагиваться к последней струне» (цит. по: [Бадмаева 2001: 177]).

«Как правило, запреты имеют двухчастную структуру и состоят из собственно запрета и его мотивировки» [Виноградова, Толстая 1995: 269].

В экспозиции сразу заявлен мотив запрета, который, согласно фольклорной традиции, будет нарушен персонажем. Но мотивировка запрета в сказке не указана. Почему этот запрет связан с данным музыкальным инструментом, мелодия которого отличается приятным звучанием? Почему нельзя играть именно на последней струне? И сколько струн в этой ятхе?

Как поясняет исследователь, «количество струн на старинном инструменте у калмыков колебалось от 5 до 8, но характерно 8; на тувинском чадагане — 4–8, чаще 7; у монголов были пяти-, семи-, десяти-, четырнадцати- и двадцатипятиструнные ятаги. <...> Раньше струны были волосяными или жильными, позднее стали металлическими. Передвижные подставки делались из бараньих лодыжек» [Бадмаева 2001: 101–102].

Юноша в анализируемой сказке нарушил материнский запрет — не трогать во время игры последнюю струну. Когда на празднике его выступление имело успех, и он, хвастаясь (*көөрэд*), продолжил играть, касаясь последней струны, вспомнив слова матери: хотел выяснить, что в таком случае произойдет: «Адг чивһснднь күргэд цокхла, яахм болжана гиж санад, күргэд цокад оркхла, сээхн дуунднь тесч ядад, герэр дүүрц күн цуһар босж биилэд, гер нурад, ик аюл болна» [Ятхин айс 1989: 4] — «Стоило ему дотронуться до нее, как полилась такая чудесная музыка, что все до единого человека пустились в пляс. Дом, не выдержав такой нагрузки, рухнул, и произошла большая катастрофа» (цит. по: [Бадмаева 2001: 177]).

Молодой музыкант выжил, но урок не пошел ему впрок. Когда после окон-

чания учебы морем возвращался домой на плоту, во время долгого путешествия он вновь стал играть на ятхе, вновь коснулся последней струны, и вновь все закончилось бедой: плот под танцующими людьми развалился, одни утонули, другие, ухватившись за бревно, пробовали спастись. «Хөөннь сурһулян чилэхэд, нөкдэрн олн күн теңгс хатлж хэрх цаг болна. Цуһар хамцад, сал күлж авад, теңгсэр усчна. Кесг хонгтан усчад йовж уудьврдад, ятхан цокад, бииллдэд йовж, саак адг чивһснднь күргэд цокхла, салар дүүрн эмтн цуһар босж биилэд, сал тасрад, цуһар үкдгнь үкэд, зэрмнь нежэхэд мод теврэд, усчад эрлцхэнэ» [Ятхин айс 1989: 4].

И музыкант вновь уцелел, оказавшись на пустынном острове.

А злополучный музыкальный инструмент, вероятно, утонул вместе с пассажирами: его судьба не уточнена в сказке.

Здесь нет детального описания такого инструмента, корпус которого «изготовлялся из различных пород дерева — кедра, сосны, тутового и абрикосового деревьев», а «длина инструмента колеблется в пределах 1 200–1 500 мм. Ширина и высота — 1 400 мм», «передвижные подставки делались из бараньих лодыжек» [Бадмаева 2001: 102].

3.4. Мотив запрета в калмыцкой сказке «Биив-ятх»

В названии другой калмыцкой сказки «Биив-ятх» зафиксированы названия двух инструментов: помимо ятхи, это и бииве. В тексте они обозначены через дефис как один инструмент. Вероятнее всего, все-таки речь идет об одном каком-то инструменте.

По-калмыцки *биив* — кларнет [КРС 1977: 97]. В «Большом академическом монгольско-русском словаре»: *бийв* — тростниковая свирель, флейта; *бийваа* — бива (четырёх или шестиструнный смычковый инструмент), *бийвч* — флейтист [БАМРС 2001: 244]. «Словарь языка ойратов Синьцзяна» передает иное толкование этой лексемы: «бииве (бииба) гусли» [Тодаева 2001: 65]. И кларнет, и флейта относятся к другой группе музыкальных инструментов — к аэрофонам в подгруппе флейтовые. «К виду поперечная флейта относится бииве» [Луганский 1987: 12]. У Г. Ю. Бадмаевой *бииве* — это коробчато-шейковая лютня из группы хордофонов [Бадмаева 2001: 111].

Предположим, что в сказке «Биив-ятх» это все-таки один музыкальный инструмент, в названии которого контаминированы струнные щипковые инструменты. Ее сюжет интересен с точки зрения роли бииве-ятхи в жизни семьи. Уходя на войну, муж наказал беременной жене ухаживать за его матерью, кормить-поить, не обременять будущим ребенком. Но жена не только не послушала мужа, но стала притеснять старую женщину, заставляя ее потом нянчить младенца, брать малыша на руки, забавлять его танцами-плясками. Война закончилась, хозяин с войны не вернулся. Так проходит четыре года. В ожидании сына старая мать, страдая и плача, ослепла. Как-то раз старушка в очередной раз стала развлекать малыша, имитируя звуки домбрового наигрыша, петь и плясать под брань хозяйки. В это время в кибитку вошел немолодой мужчина, которого угостили чаем. Заметив музыкальный инструмент, путник поинтересовался, кому тот принадлежит: «Эн кенэ биив-ятхви?» — гинэ [Биив-ятх 2001: 63]. Хозяйка ответила, что это инструмент ее мужа. Тогда гость поинтересовался, где муж. Женщина сказала, что он ушел на войну, вестей никаких нет, значит, умер. Был бы жив,

вернулся. Все это время старушка плясала, и хозяйка остановила ее с руганью, заявив, что та мешает гостю. На жалобу старушки, что слепа, ждет приказания остановиться, хозяйка смилостивилась, разрешила сесть. Этот мизансцена важна для дальнейшего развития действия. Мужчина попросил разрешения сыграть на биив-ятхе: «Эн биив-ятхитн татж болхий? — гинэ» [Биив-ятх 2001: 63]. Женщина подала ему инструмент, сказав, что можно, если умеет играть, пусть сыграет: «Болх, болх, татдг болхла, таттн», — гинэ [Биив-ятх 2001: 63]. Видимо, к бииве-ятхе никто не прикасался за время отсутствия хозяина семьи, в том числе из-за суеверия, что иначе можно навредить владельцу. Таким образом, хозяйка дает понять гостю, что не ждет уже своего мужа, позволяя чужим людям пользоваться его вещами. Сказочный мотив узнавания с чьей-либо или какой-либо помощью присутствует в этом эпизоде, когда путник стал играть те прекрасные мелодии, которые играл ранее. И поэтому старушка-мать узнала своего сына, высказав вначале свою догадку, попросив приблизиться, чтобы притронуться к нему. Она опознала его по мочке уха, стала плакать и жаловаться на свою жизнь. Элемент волшебной сказки обусловлен мотивом превращения ее сына в старика, под видом которого он вернулся к себе домой: жена его не узнала, а мать не могла увидеть из-за своей слепоты. Другой элемент волшебной сказки связан с известным мотивом наказания, когда муж предложил жене на выбор взять гривы или хвосты лошадей. Не понимая случившегося, та выбрала хвосты, пояснив, что из них можно сделать веревки. В результате кони разорвали привязанную к их хвостам женщину. Итак, в сказке важная роль принадлежит бииве-ятхе, упоминается и домбровый наигрыш, который имитирует голосом старая женщина, развлекая малыша, т. е. домбра в кибитке отсутствует.

Ср. «Сказание об Аргасун-хурчи», в котором говорится о том, как Чингис-хан «узнал, что Аргасун-хурчи брал его золотой хур и кочевал с ним где-то в степи. В то время существовало поверье, что хур приносит счастье, а лишиться его — значит лишиться и счастья. И Чингис, разгневавшись, решил казнить Аргасун-хурчи. Когда же тот спел в ответ хану дивную песню-просьбу, владыка отменил назначенную казнь» [Демин 2000: 178]. Ятха и хур относятся к тихозвучным хордофонам, которые «символизировали неземное и властное начало» [Бадмаева 2006: 150].

Таким образом, в этих калмыцких сказках функция музыкальных инструментов не сводится только к исполнительскому мастерству. Судя по сюжету, ятха и бииве-ятха символизируют неземное начало, становясь катализатором проверки человека на верность слову. И юноша в первом случае нарушает материнский запрет — не прикасаться во время игры к последней струне ятхи, и жена во втором случае нарушает запрет на пользование инструментом ее мужа. Но если в первой сказке гибнут посторонние люди, то во второй сказке погибает сама нарушительница запрета. «Несоблюдение 3. влечет за собой, по народным представлениям, наказание для нарушителя и для всего социума» [Виноградова, Толстая 1995: 273]. Интересно отметить, что музыканты в сказке представлены мужчинами.

В двух сказках нет подробностей исполнения игры на музыкальном инструменте. Ср. манеру такой игры у разных народов: «Тувинцы „инструмент кладут на колени и защищают струны правой рукой“ (58, 187). Калмыки ятху „ставят на землю, музыкант, сидя около, правой рукой перебирает струны близко к кон-

пу их, а левой ладонью руки надавливает их позади подставки, чем и изменяет тоны“ (105, 32). Звукоизвлечение было разнообразным: это игра плектром, бряцание, вибратор» [Бадмаева 2006: 103]. Здесь Г. Бадмаева ссылается на две работы — «Атлас музыкальных инструментов народов СССР» [Вертков и др. 1975] и «Очерки быта астраханских калмыков» И. Житецкого [Житецкий 1893].

3.5. Функция музыкальных инструментов в калмыцкой сказке «Өнчн көвүн шулм куук авсна тускар» («О том, как сирота женился на шулме»)

В сказках, записанных от Санджи Бутаева, Б. Х. Борлыкова выделила группу музыкальных инструментов: «наименования музыкальных инструментов и их составных частей: *домбр* ‘двухструнный щипковый инструмент’, *бүрә* ‘труба’, *бүшкүр* ‘деревянный духовой инструмент’, *кеңкргин докур* ‘барабанная палочка’, *кеңкргин бүрәсн* ‘мембрана барабана’, *биив* ‘бива (четырёх или шестиструнный смычковый инструмент)’, *ятх* ‘многострунный щипковый инструмент’» [Борлыкова 2008: 269].

У всех народов «музыкальные инструменты наделяются свойствами ритуальных предметов и используются в календарных, семейных и общественных обрядах, а также в магической практике. Функции М. и. и приписываемые им свойства определяются сакральным статусом музыки в народной культуре, а также функциональными свойствами самого инструмента (особенностями его звучания, формой), сферой его употребления...» [Левкиевская 2004: 324].

Обратимся к сказке «Өнчн көвүн шулм куук авсна тускар» («О том, как сирота женился на шулме»), в которой юноша умел играть на многих музыкальных инструментах: *Шуд альк нег ду-бишинь хугтнь кедг* [Санжин Буутан туульс 2008: 107]. Среди музыкальных инструментов вначале названы бииве-ятха, домбра: *Биив-ятх чигн татдг, домбр цокдг, хугтнь кедг*. ‘Играл на бииве-ятхе, играл на домбре, все умел’ (здесь и далее наш смысловой перевод. — Р. Х.) [Санжин Буутан туульс 2008: 107].

И захотелось ему жениться на шулме-ведьме. Узнал он, что в такие-то запретные дни шулмы собираются на перекрестке дорог, веселятся, ровно пять дней. Такая локация сбора нечистой силы характерна и для славянской мифологии и фольклора: «У всех славян П. считается местом пребывания нечистой силы, демонов. По поверьям, здесь появляются демоны-души умерших предков, собираются на шабаши ведьмы, колдуны, черти» [Плотникова 2009: 687].

И когда настал один из таких неблагоприятных для людей дней, юноша отправился на перекресток дорог, взяв с собой домбру, скрипку, гармошку, стал играть на них, петь, танцевать: *Тер көвүн хугтнь ода соңсхврар кежәх: хойр халһин аагт ирэд, тер ода тушу өдр ирэд, хугтнь ода: домбран авсн, скрипкан авсн, гармулян авсн, бийнь ода, һанцарн бийнь нээрлжәх күн болжәна. Гармулян татад суудг, домбран цокад, дуулад, талындан бишлэд, нег сө хонад оркна, юмн харһж өгчәхн уга. Хойр сө болад оркна, юмн харһхи* [Санжин Буутан туульс 2008: 108]. Лишь на третью ночь явились три красавицы. Стал юноша на домбре играть, а девушки плясать: *Көвүн домбран цоксн ода, куукд бишлх* [Санжин Буутан туульс 2008: 108]. Выбрав одну из трех девушек, юноша потом украдкой пришил край ее одежды к своей, поэтому она вынуждена была остаться, когда другие девушки на рассвете удалились.

Таким образом, в сказке названы национальные музыкальные инструменты:

биив-ятх, хур (правда, русской лексемой «скрипка») и заимствованные: домбра (у казахов), гармошка (у русских). Игрой на отдельных инструментах сирота хотел заманить нечистую силу для того, чтобы исполнить свое опасное желание — жениться на шулме.

Ср. в калмыцких сказках: в ином мире у Эрлик-хана музыканты, уже покинувшие средний мир (мир людей), играют на различных инструментах, ублажая владыку мертвых.

3.6. Мелодии бииве и ятхи в калмыцкой небылице «Акад юмн» («Что-то странное»)

В одной из калмыцких небылиц «Акад юмн» («Что-то странное») звуки бииве издавали, как оказалось, крылья стрекоз, преследующих комаров. Путник, находясь в степи, взошел на холм и увидел вихрь. Он удивился тому, что вихрь не красно-желтого цвета, как обычно, а черного. И вдобавок оттуда раздается мелодия бииве. Путник побежал навстречу вихрю, просунул голову вовнутрь и увидел: 22 стрекозы преследуют 244 комаров. Движение крыльев стрекоз создавало мелодию бииве. Оттого, что стрекозы были черными, вихрь стал черного цвета: *Акад юмн. Кеер һанцарн йовжс йовад, толһа деер һархла, хү салькн үзгдвэ. Акад юмн. Хү салькн улан шар өңгтэ болдг билэ. Эннь болхла харлад йовна. Дэкэд болхла дотраснь биивин дун һарад йовна. Гүүжс одад, дотрнь толһаһан орулад хэлэхлә, тигн гихнь: хөрн хойр кемэлжлһн, хойр зун дөчн дөрвн бөкүнэг эргүләд көөжс йовсн бээжс. Теднэ живрин сәвлһнд — биивин дун һарад бээсн бээжс. Эдн хар өңгтэ төләднь — хү салькн харлад бээсн бээжс. Лиджанов С. П. (72 года)* [Лиджанов 2023].

В другом варианте этой небылицы в записи того же информанта к звукам бииве присоединены звуки ятхи: *Нег залу малан хээжс йовад, нег биивин, ятхин ду, нәрхн дун соңсгдад бээнэ. Акад юмн, юн болжсахмб гижс санад, өөринь бээсн ова деер һарад хэлэхлә, хү салькн йовна. Тер салькнэс биивин дун һарад бээнэ. Зуг тер хү салькн шар болнаж, а эннь болхла, харлад йовна. Акад юмн гижс санад, гүүжс одад, тер хү салькн дотрнь толһаһан орулад хэлэхлә, тенднь хөрн хойр кемэлжлһн хойр зун дөчн дөрвн бөкүнэг эргүләд көөжс йовсн бээжс. Тегэд теднэ живрин дун живрин сәвлһнэ тер биивин, ятхин дун һарад бээсн бээжс. <...>Эн худлыг нег хошуд өвгн келжэсинь соңслав* [Лиджанов 2024].

В нашем смысловом переводе: «Один мужчина искал свой скот и услышал мелодии бииве и ятхи, тонкие звуки. Удивившись этим звукам, подумав, что это может быть, он взошел на ближний холм и увидел приближающийся вихрь. Оттуда раздавалась мелодия бииве. Только обычно вихрь бывает желтого цвета, а этот, чернея, двигался. Удивившись странности происходящего, мужчина побежал навстречу вихрю, засунул голову вовнутрь и увидел, как там двадцать две стрекозы гонятся за 244 комарами. От движения крыльев стрекоз и раздавались те мелодии бииве и ятхи. Эту небылицу слышал от старика-хошуда».

Информант вместо литературного названия стрекозы *темэлжрһн* [КРС 1977: 491] использует (*кемэлжлһн*). Здесь интересен для нас прием гиперболизма, характерный для жанра небылиц, когда легкие крылья стрекоз издают подобные звуки, как и то, что меньшее количество стрекоз преследует в погоне превосходящее их по численности количество комаров, а самое главное — необычное музыкальное сравнение.

4. Ятха и биве-ятха в калмыцкой лирике XX в.

4.1. Стихотворение «Ятх» Боси Сангаджиевой и его русский перевод

В калмыцких народных песнях упоминаются разные музыкальные инструменты, в том числе ятха. Две песни на тему ятхи из сборника Г. Й. Рамстедта приведены Г. Ю. Бадмаевой в своем переводе: «На ятхе с восемью ладами / Хочу я ударять и играть, / Как только я слышу / Ее гармоничные звуки, / Не могу больше быть спокойным»; «На семиструнной ятхе / Хочу играть на средних ладах, / Когда я слышу ее мелодию, / У меня щемит сердце и грудь» [Бадмаева 2006: 185].

В этих народных песнях названа ятха с разным количеством струн: восемь и семь. При этом указана манера игры — ударять и играть. Подчеркивается также красота мелодии инструмента, ее гармония, откликающаяся в сердце исполнителя и слушателя.

В калмыцкой лирике прошлого столетия несколько стихотворений адресованы ятхе. Среди них стихотворение «Ятх» (1965) Боси Бадмаевны Сангаджиевой (1918–2001), в русском переводе Новеллы Николаевны Матвеевой «Лиру...» (1965).

«В светлой радостной книге Сангаджиевой „Счастье“ мы находим и философские размышления о назначении поэзии, месте поэта в жизни народа. Одно из таких выношенных заветных определений можно поставить эпиграфом ко всей ее поэзии», — считала А. Хадеева, процитировав стихотворение „Лиру“... [Хадеева 2008: 115].

Юрий Розенблюм прокомментировал это стихотворение Боси Сангаджиевой в русском переводе Н. Н. Матвеевой: «Лиру нельзя было вручить насильно, только в себе обретенная она могла издать нужный мелодичный звук. Для этого требовалось время, и оно пришло. Первая калмыцкая поэтесса Бося Сангаджиева радостно прижала к сердцу обретенную в себе и теперь уже свою музу» [Лиру... 2008: 209]. «В стихотворении „Лиру мне кем-то врученную...“ она выражает свое отношение к поэзии», — подчеркнул В. Д. Пюрвеев [Пюрвеев 2010: 16].

Стихотворение, опубликованное газетой «Хальмг үнн» в 1965 г. [Саңһжин Б. 1965а], дало название одноименной книге стихотворений и поэм «Ятх» (1965) [Саңһжин Б. 1965б].

Оригинальный текст «Ятх» Б. Сангаджиевой, созданный в жанре четверостишия, стилистически отличается в газетной и книжной публикации.

Күүнэ бэрүлсн ятх
Керго, — ханлт өргнэв!
Эврэнм седкл ээлсн —
Эрдмэр *ятхан олнав!*

[Саңһжин Б. 1965а: 3]

Күүнэ бэрүлсн ятх
Керго, — ханлт өргнэв!
Эврэнм *седкл ээлх*
Эрдмэр — *ятх олнав!*

[Саңһжин Б. 1965б: 25]

В том же году произведение было переведено Новеллой Матвеевой без названия, уже не как четверостишие, а шестистишие, нарушая жанровую дефиницию автора.

Лиру,
Мне кем-то врученную,

Я отклоню,
Не приму;
Лиру,
В себе обретенную,
Радостно к сердцу прижму.
[Сангаджиева 1965: 2]

Поскольку переводчиком национальный музыкальный инструмент *ятх* заменен иным, более знакомым широкой читательской аудитории — лирой¹, постольку, видимо, отсутствует и заглавие.

Почему Б. Б. Сангаджиева в своем четверостишии избрала именно ятху, а не какой-либо другой музыкальный инструмент? Возможно, из-за некоторой схожести ятхи с известной лирой, по аналогии с «Элегией» Н. А. Некрасова («Я лиру посвятил народу моему...»), с «Памятником» А. С. Пушкина («Что чувства добрые я лирой пробуждал...»).

Калмыцкий автор не просто не принимает кем-то данную ей лиру, но и благодарит за эту возможность. Ср. в переводе Н. Н. Матвеевой: «отклоню», «не приму». А не соглашается поэт принять потому, что утверждает: найду лиру свою через мастерство, которое освоит моя душа. Лексема «эрдм» означает «специальность, квалификация, мастерство», парная лексема «эрдм-билг» — «талант; одаренность» [КРС 1977: 702]. Если у автора актуализируется поиск, процесс, то у переводчика наблюдаем констатацию, итог, результат, кроме того, избыточные компоненты: эмоцию — радостно, жестикуляцию — прижму к сердцу. Первые стихи Б. Б. Сангаджиевой появились в печати в конце 1950-х гг., по возвращении из сибирской ссылки, первая книга стихов — в 1960 г. Поэтому речь действительно идет о начале своего литературного пути, своего места в поэзии. На наш взгляд, замена ятхи на лиру в русском переводе снижает национальное своеобразие произведения, так как не передает историко-культурной и фольклорной традиции, упрощает смысл поиска и обретения своего понимания искусства, отсюда и добавочные элементы переводчика в содержание (эмоция, жестикуляция), подчеркивающие гендерное начало.

4.2. Тема назначения искусства в восьмистишиях Санжары Байдыева

Санжара Лижиевич Байдыев (1925–1993) в двух стихотворениях 1968 г. из цикла «Восьмистишия» («Нээмн мөртэ шүлгүд») обратился к теме бийе-ятхи. Журнальная и книжная публикации первого восьмистишия отличаются небольшой лексической и стилистической правкой. Так, например, лексема, обозначающая «струну» (*чивхсн*) [КРС 1977: 647] дана в двух неточных написаниях: *чивхсн* и *чивһц*, а лексема «оружие» через синонимы — как «меч» (*үлд*) [КРС 1977: 549] и как «меч; сабля; пашка» (*селм*) [КРС 1977: 449].

¹ «Ли́ра — 1) родовое наименование древнейших музыкальных инструментов со струнами, натянутыми параллельно резонансному корпусу и прикрепленными сверху к ярму (перекладине); 2) древнегреческий струнный щипковый инструмент. Корпус округлый с кожаной мембраной, струн — от 3 до 11. Для натяжения струн с V в. до н.э. применялись колки. Использовалась для сопровождения исполнения эпических и лирических (отсюда термин „лирика“) поэтических произведений» [Смирнов 2001: 130].

Биив-ятхин *чивхсн* болһн
Бийиннь ирлцнһү көгтэ болна,
Кемр *чивхсн тасрад* одхла,
Кезэчн ятх дуулдган уурна.

Көгинь йоснднь орулж чадшго,
Көвүнд ятхиг бичэ бэрүлтн.
Дархнч күн болхла, алхан авг,
Давтад, *хортна төлө үлд белдг.*

[Байдын С. 1968а: 27]

Биив-ятхин *чивһц* болһн
Бийиннь ирлцнһү көгтэ болна,
Кемр *чивһцнь тасржэ* одхла,
Кезэчн ятх дуулдган уурна.

Көгинь йоснднь орулж чадшго,
Көвүнд ятхиг бичэ бэрүлтн.
Дархнч күн болхла, алхан авг,
Давтад, *күч-көлснэ селмэн белдг.*

[Байдын С. 1968б: 11]

Если четверостишие Б. Б. Сангаджиевой построено в монологическом плане, то первое восьмистишие С. Л. Байдыева — в диалогическом, подразумевая собеседника. В первом катрене он утверждал, что у бииве-ятхи каждая струна имеет свое неповторимое звучание, и когда струна порвется, инструмент перестанет звучать. При этом в первом катрене поэт название инструмента воссоздал по-разному: вначале как *биив-ятх*, затем как *ятх*. Во втором катрене, продолжая свою мысль, автор заявил, что юноше нельзя давать ятху, если тот не сможет ее настроить и значит — хорошо играть. Если он станет кузнецом, пусть возьмет молот, изготовит меч против врагов. По мнению С. Л. Байдыева, не каждому дано стать музыкантом, овладеть этим искусством. Противопоставление разных видов ремесла (музыкальное и кузнечное) не умаляет значение кузнечного дела, а подчеркивает необходимость каждому определить свое назначение в жизни, не тратить свои силы попусту. Размышляя об искусстве, поэт актуализирует своеобразие национального музыкального инструмента. В книжном варианте последняя строка несколько изменена: здесь нет антитезы «свои — чужие, враги» (*хортна төлө үлд белдг*), а есть доминирование «своего»: *күч-көлснэ селмэн белдг*, т. е. пусть изготовит меч для трудящихся.

Продолжая тему назначения искусства, С. Байдыев во втором восьмистишии использует монологическую речь.

*Йирн йисн эрдм хээсн угав,
Йирин тиигэд дуулхар седлэв,
Теслтар бийэн агсжэ авад,
Теегин дууна ардас дахлав.*

*Цуг үнн олн-эмтнэ дуудт
Цуглрсиг сэн меджэ авбув...
Ятхиг эрүнэр хартан би авбув —
Ямаран айста болдгинь — хэлэй.*

[Байдын С. 1968б: 24]

В отличие от первого восьмистишия здесь используется только одно написание музыкального инструмента — *ятх*. В первом катрене лирический субъект сообщил, что не искал девяносто девять умений, хотел только петь,

чтобы научиться, следовал за степными песнями. Во втором катрене: он хорошо понял, что вся правда собрана в народных песнях. Поэтому он взял в руки ятху, чтобы узнать, какая его собственная мелодия прозвучит. Здесь, с одной стороны, показана фольклорная традиция — игра на ятхе, с другой стороны, явлено приобщение к искусству предков. Метафора ятхи как национального музыкального инструмента — это метафора назначения искусства, истинно народного и индивидуального. Музыкант и поэт становятся выразителями народных дум и истины.

4.3. Тема любви в стихотворении Эренцена Лиджиева «Ятхичнь татнав»

Эренцен Нимгирович Лиджиев (1910–1980) в стихотворении «Ятхичнь татнав» (1971) придал теме ятхи любовный характер. Любовное признание проецируется через мелодию музыкального инструмента и песню девушки, в которую влюблен лирический субъект.

*Ятхичнь татнав,
Янзичнь тааснав,
Өңгичнь хэләһәд,
Өөрчнь суунав.*

*Мини насиг
Медхәр седхич,
Мини келсиг
Соңсхар седхич...*

*Наснаннь тоог
Даржә чади угав.
Нүднәннь хэләциг
Далдлжә чади угав.*

*Өкәр хэләцәрн
Намаг дууднач,
Өнр дууһан
Өргәд дуулнач.*

*Зүүдндм орнач,
Зүрким көндәнэч,
Насим мартулнач,
Намаг баһрулнач.*
[Лижин Э. 1971: 136]

В пяти катренах любовная история рассказана как неразделенное чувство немолодого человека к юной девушке, которая снится ему во снах, трогает его сердце, заставляет забыть свой возраст, ощущать себя помолодевшим. Он восхищен искусством игры девушки на ятхе, желал бы научиться играть на ее инструменте (*ятхичнь татнав*), чтобы стать ближе к возлюбленной, разделить с нею любовь к музыке.

Таким образом, в четырех стихотворениях трех калмыцких поэтов тема ятхи, бииве-ятхи представлена в разных жанрах. Произведения отличаются в гендерном ракурсе. У Б. Б. Сангаджиевой и С. Л. Байдыева тема назначения искусства транслируется через метафору ятхи-лиры, у Э. Н. Лиджиева любовная тема связана с мелодией ятхи.

5. Заключение

По сравнению с домброй ятха как музыкальный инструмент в калмыцком фольклоре представлена в меньшем тематическом диапазоне. В эпосе «Джангар», в сказках «Биив-ятх», «Ятхин айс», «Өнчн көвүн шулм күүк авсна тускар», в песнях, во-первых, ятха и бииве-ятха показаны непосредственно в своем значении как музыкальные инструменты, на которых искусно играют персонажи, во-вторых, они выступают как метафоры мелодии конских грив и хвостов во время бега этих животных, как визуальное сравнение ятхи с челкой коня. Эпические произведения исполнялись и под аккомпанемент ятхи. Традиция сравнения мелодии бииве и ятхи выявлена и в жанре небылицы (*худл*) — с полетом стрекоз.

Ятха позиционируется как священный инструмент, символизируя неземное и властное начало. В калмыцком устном народном творчестве нет опубликованных легенд о происхождении ятхи в отличие от монгольского фольклора.

Немногие стихи о ятхе созданы калмыцкими поэтами в прошлом столетии. Тема назначения поэта и поэзии отражена в четверостишии Б. Сангаджиевой «Ятх» (1965) и восьмистишии С. Л. Байдыева «Йирн йисн эрдм хээн угав...» (1968) по аналогии со стихами Н. А. Некрасова и А. С. Пушкина («Я лиру посвятил народу своему»), с древнегреческой традицией декламации лирики в сопровождении лиры. У Э. Лиджиева тема ятхи «Ятхин татнав» (1971) передана через любовную коллизию.

Источники

- Багацохуровский цикл 2020 — Калмыцкий героический эпос «Джангар»: Багацохуровский цикл // НА КалмНЦ РАН. 2020. 482 с.
- Байдын С. 1968б — *Байдын С.* Назрин сорнц: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1968. 167 х.
- Байдын С. 1968а — *Байдын С.* «Биив-ятхин чивхсн болһн...» // Теегин герл. 1968. № 2. Х. 27.
- Биив-ятх 2008 — Биив-ятх // Т. С. Тягинован амн урн үгин көрнэгс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. Х. 62–64.
- Лиджанов 2023 — *Лиджанов С. П.* Акад юмн. Самозапись информанта 2023 г. (Личный архив автора).
- Лиджанов 2024 — *Лиджанов С. П.* Худл. Запись Б. Б. Горяевой 15.07.2024 г. (Личный архив автора).
- Лижин Э. 1971 — *Лижин Э.* Жирһлин жисэн: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1971. 197 х.
- Сангаджиева 1965 — *Сангаджиева Б.* «Лиру мне кем-то врученную...» // Советская Калмыкия. 1965. 15 мая. С. 2.
- Саңһжин Б. 1965а — *Саңһжин Б.* Ятх // Хальмг үнн. 1965. 22 августа. Х. 3.
- Саңһжин Б. 1965б — *Саңһжин Б.* Ятх: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1965. 104 х.
- Санжин Буутан туульс 2008 — Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х книгах. Кн. 1 / вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подгт. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с.

- Хонинов 1977 — *Хонинов М. В.* Подкова: стихи и поэмы. М.: Современник, 1977. 190 с.
- Хоньна М. 1976 — *Хоньна М.* Шүлг мини, делгр: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр *harhach*, 1976. 85 х.
- Шавалин Дава 2020 — Калмыцкий героический эпос «Джангар»: цикл песен джангарчи Давы Шавалиева; песнь джангарчи Насанки Балдырова // НА КалмНЦ РАН. 2020. 277 с.
- Ээлян Овла 2020 — Калмыцкий героический эпос «Джангар: эпический цикл джангарчи Ээлян Овла // НА КалмНЦ РАН 2020. 483 с.
- Ятхин айс 1989 — Ятхин айс: тууль // Хальмг үнн. 1989. Декабрин 21. X. 4.

Литература

- Бадмаева 2006 — *Бадмаева Г. Ю.* Звуковой мир традиционной культуры калмыков // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 140–153.
- Бадмаева 2001 — *Бадмаева Г. Ю.* Традиционная музыка калмыков в контексте культуры Центральной Азии: дисс. ... канд. иск. М., 2001. 202 с.
- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х тт. Т. 1. А – Г / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 485 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х тт. Т. 4. Х – Я / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 532 с.
- Борлыкова 2008 — *Борлыкова Б. Х.* О лексико-стилистических особенностях языка сказок и преданий Санджи Бутаева // Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х книгах. Кн. 1 / вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подгт. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 263–275.
- Вертков и др. 1975 — *Вертков К., Благодатов Г., Язовицкая Э.* Атлас музыкальных инструментов народов СССР. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Музыка, 1975. 399 с.
- Виноградова, Толстая 1999 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Запрет // Славянские древности: этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого: в 5 тт. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 269–273.
- Дамдинсүрэн, Лувсандэндэв 1982 — *Дамдинсүрэн Ц., Лувсандэндэв А.* Русско-монгольский словарь / под ред. Ш. Лувсанвандана. Улан-Батор: Госиздат, 1982. 840 с.
- Демин 2000 — *Демин А. Г.* Монгольские смычковые инструменты, их роль и место в культуре народов Центральной и Восточной Азии: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 187 с.
- Жилян Э.-Б. 1995 — *Жилян Э.-Б.* «Угин эрк» кемэн оршв. Элст, 1995. 191 х.
- Житецкий 1893 — *Житецкий И.* Очерки быта астраханских калмыков: Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М., 1893. 114 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Левкиевская 2004 — *Левкиевская Е. Е.* Музыкальные инструменты // Славянские древности: этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого: в 5 тт. Т. 2. М.: Международные отношения, 2004. С. 324–327.
- Лира... 2008 — Лира, в себе обретенная... Бося Сангаджиева: жизнь и творчество / авт.-сост. Н. Б. Пюрвеева, отв. ред. Г. М. Борликов. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2008. 288 с.
- Луганский 1987 — *Луганский Н. Л.* Калмыцкие народные музыкальные инструменты. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 63 с.
- МРС 1957 — Монгольско-русский словарь / под общ. ред. А. Лувсандэндэва. М.: Госиздат ин. и нац. словарей, 1957. 715 с.
- Плотникова 2009 — *Плотникова А. А.* Перекресток // Славянские древности: этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого: в 5 тт. Т. 4. М.: Международные отношения, 2004. С. 684–688.
- Пюрвеев 2010 — *Пюрвеев В. Д.* Чистый родник поэзии (Лирика Б. Б. Сангаджиевой). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. 208 с.
- Смирнов 2001 — *Смирнов И. В.* Музыка. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2001. 320 с.
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полевым записям автора). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
- Ульгийсайхан, Скородумова 2008 — *Ульгийсайхан Д., Скородумова Л. Г.* Современный монгольско-русский тематический словарь. М.: Вост. лит. 2008. 360 с.

- Хадеева 2008 — *Хадеева А. Б. Б. Сангаджиева* // Лира, в себе обретенная... Боса Сангаджиева: жизнь и творчество / авт.-сост. Н. Б. Пюрвеева, отв. ред. Г. М. Борликов. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2008. С. 107–116.
- Ханинова 2024a — *Ханинова Р. М.* Домбра в калмыцком фольклоре и лирике XX – начала XXI в.: поэтика музыкального инструмента // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 1. С. 178–208. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-1-29-178-208
- Ханинова 2024б — *Ханинова Р. М.* Поэтика стихотворения Михаила Хонинова «Музыка конских грив» // Проблемы поэтики и стиховедения: Мат. X Международной научн.-теоретич. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения ветерана Великой Отечественной войны, писателя, ученого, педагога Адибаева Хасена Адибаевича (23–25 мая 2024 г.). Алматы: «Ұлағат», КазНПУ им. Абая, 2024. С. 89–94.
- Шивлянова 1997 — *Шивлянова В. К.* Музыкальные традиции «Джангара»: калмыцкий эпос в общеойратском контексте: автореф. дисс. ... канд. иск. СПб., 1997. 16 с.

References

- Badmaeva G. Yu. The Sound World of Traditional Kalmyk Culture. *Etnograficheskoye Obozreniye*. 2006. No. 4. Pp. 140–153. (In Russ.)
- Badmaeva G. Yu. Traditional Music of the Kalmyks in the Context of Central Asian Cultures: Cand. Sc. (Art) Thesis Abstract ...Moscow, 2001. 202 p. (In Russ.)
- Baydyev S. (Baidyn S.) Khazrin Sornts: Shulgud boln Poems. Elista: Kalmykian Book Publ., 1968. 167 p. (In Kalm.)
- Baydyev S. “Biiv-yathin Chivkhsn Bolhn...” Elista: Teegin Gerel. 1968. No. 2. 27 p. (In Kalm.)
- Borlykova B. Kh. On the Lexical and Stylistic Features of the Language of Fairy Tales and Legends of Sanji Butaev. *Buutan Sangin Tuuls (Tales of Sanji Butaev)*. Records 1971–1978. In 2 vols. Vol.1. N. Ochirova (intro). B. Borlykova (comp., texts and appl.). Elista: KIGI RAS, 2008, Pp. 263–275. (In Russ.)
- Buutan Sangin Tuuls (Tales of Sanji Butaev). Records 1971–1978. In 2 Vol. Vol.1. N. Ochirova (intro); B. Kh. Borlykova (comp., texts and appl.). Elista: KIGI RAS, 2008. 308 p. (In Kalm.)
- Vertkov K., Blagodatov G. Yazovitskaya E. Atlas of Musical Instruments of the Peoples of the USSR. 2nd ed. M.: Music, 1975. 399 p. (In Russ.)
- Vinogradova L. N. Tolstaya S. M. Prohibition. Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary. N. Tolstoy (ed.) In 5 Vol. Vol. 2. M.: International Relations, 1999. Pp. 269-273. (In Russ.)
- Demin A. G. Mongolian Bowed Instruments, their Role and Place in the Culture of the Peoples of Central and East Asia: Cand. Sc. (History) Thesis Abstract. Ulan-Ude, 2000. 187 p. (In Russ.)
- Zhizhyan E.-B. “Ugin Erk” Kemən Orshv. Elst, 1995. 191 p. (In Russ., in Kalm.)
- Zhitetsky I. Essays on the Life of the Astrakhan Kalmyks: Ethnographic Observations of 1884-1886, M., 1893. 114 p. (In Russ.)
- Kalmyk Heroic Epic “Dzhangar: the Epic Cycle of Dzhangarchi Eelyan Ovla. Kalmyk Scientific Center of the RAS. 2020. 483 p. (In Kalm., in Russ.)
- Kalmyk Heroic Epic “Dzhangar”: Bagatsokhur’s Cycle. Kalmyk Scientific Center of the RAS 2020. 482 p. (In Kalm. and Russ.)
- Levkievskaya E. E. Musical Instruments. Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary. N. Tolstoy (ed.) In 5 vol. Vol. 2. M.: International Relations, 2004. Pp. 324-327. (In Russ.)
- Lidzhanov S. P. Akad Umn. Self-recording of the Informant 2023. (In Kalm.)
- Lidzhanov S. P. Hudl. Recorded by B. B. Goryaeva. 15.07. 2024. (In Kalm.)
- Lidzhiev E. Жирхлин жисән: shylygd boln poems. Elista: Kalmykian Book Publ., 1971. 197 p. (In Kalm.)
- Lyra, Found in herself... Bosya Sangadzhieva: Life and Work. author.-comp. N. Purveeva (author, comp.), G. Borlikov (ed.) Elista: Kalmyk University Publishing House, 2008. 288 p. (In Russ. and Kalm.)
- Lugansky N. L. Kalmyk Folk Musical Instruments. Elista: Kalmykian Publ. House, 1987. 63 p. (In Russ.)
- Luvsandendeв A. (ed.). Mongolian-Russian Dictionary. Moscow: Gosizdat of Foreign and National Dictionaries, 1957. 715 p. (In Mong. and Russ.)
- Luvsanvandan Sh. (ed.). Damdinsuren Ts., Luvsandendeв A. Russian-Mongolian Dictionary.

- Ulaanbaatar: Gosizdat, 1982. 840 p. (In Russ. and Mong.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Plotnikova A. A. Perekrestok. Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary. N. Tolstoy (ed.). In 5 vol. Vol. 4. M.: International Relations, 2004. Pp. 684-688. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.). Large academic Mongolian-Russian Dictionary in 4 Volumes. Vol. 1. Moscow: Academia, 2001. 485 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.). Large Academic Mongolian-Russian Dictionary in 4 Volumes. Vol. 4. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)
- Purveev V. D. Pure Spring of Poetry (Lyrics by B. B. Sangadzhieva). Elista: JSC NPP Dzhangar, 2010. 208 p. (In Russ.)
- Sangadzhieva B. "A Lyre Handed to me by someone..." *Sovetskaya Kalmykiya*. 1965. 15 May. p. 2. (In Russ.)
- Sangadzhieva B. (Sanʻyjin B.) Yatk. *Khalmg Ynn*. 1965. August 22. P. 3. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Sanʻyjin B.) Yatk. Shulgud boln Poems. Elista: Kalmykian Book Publ., 1965. 104 p. (In Kalm.)
- Smirnov I. V. Music. Moscow: TERRA — Knizhnyy Klub, 2001. 320 p. (In Russ.)
- T. S. Tyaginoва Amn Urn Ygin Hørhgəs. Folklore Materials from the Repertoire of T. S. Tyaginoва. Self-recording 2004–2010. N. Ochirova B. Goryaeva. (pref., comp., comm). Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2011. Pp. 62–64. (In Kalm.)
- Todaeva B. X. Dictionary of the Oirat Language of Xinjiang (According to Versions of the "Dzhangar" Songs and Field Notes of the Author). Elista: Kalmykian Book Publ., 2001. 493 p. (In Oirat. and Russ.)
- Ulgysaikhаn D., Skorodumova L. G. Modern Mongolian-Russian Thematic Dictionary. Moscow: Vostochnaya Literatura, RAS, 2008. 360 p. (In Mong. and Russ.)
- Kalmyk Heroic Epic "Dzhangar": the Song Cycle of Dzhangarchi Dava Shavaliyev. the Song of Dzhangarchi Nasanka Baldyrov. Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS. 2020. 277 p. (In Russ.)
- Khadeeva A. B. B. Sangadzhieva. Lyre, found in herself... Bosya Sangadzhieva: Life and Work. N. Purveeva (author.-comp.), G. M. Borlikov (resp. ed.). Elista: Kalmyk University Publishing House, 2008. Pp. 107–116. (In Russ.)
- Khaninova R. M. Dombra in Kalmyk Folklore and Lyrics of the 20th – early 21st Centuries: Poetics of a Musical Instrument. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2024. No. 1. Pp. 178–208. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-1-29-178-208
- Khaninova R. M. Poetics of Mikhail Khoninov's Poem "Music of Horse Manes". Problems of Poetics and Poetry. Proceedings of the 10th International Scientific-Theoretical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of the Great Patriotic War. Veteran, Writer, Scientist, Teacher Khasen Adibayevich Adibayev (May 23–25, 2024). Almaty: "Ulagat", Abai Kazakh National Pedagogical University, 2024. Pp. 89–94. (In Russ. and Kalm.)
- Khoninov M. V. Horseshoe: Poems and Poems. Moscow: Sovremennik, 1977. 190 p. (In Russ.)
- Khoninov M. Shylg Mini, Delgr: Shylgyd boln Poems. Elista: Kalmykian Book Publ., 1976. 85 p. (In Kalm.)
- Shivlyanova V. K. Musical Traditions of "Dzhangar": Kalmyk Epic in General Oirat Context. Cand. Sc. (History) Thesis Abstract. St. Petersburg, 1997. 16 p. (In Russ.)
- Yatkhin Ais: Tuul. *Khalmg Ynn*. 21 December 1989., 4 p. (In Kalm.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

2024. Т. 16. № 3

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 27.12.2024. Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 18,72. Тираж 100 экз. Заказ 25-24.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8